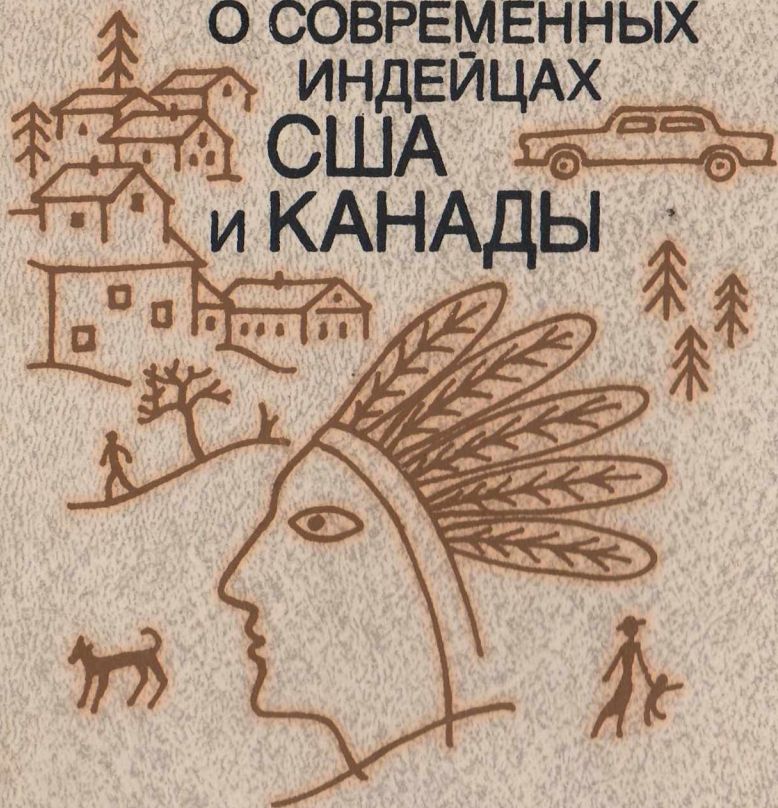

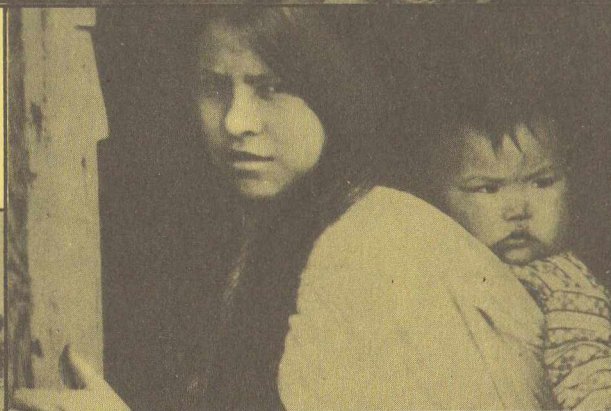
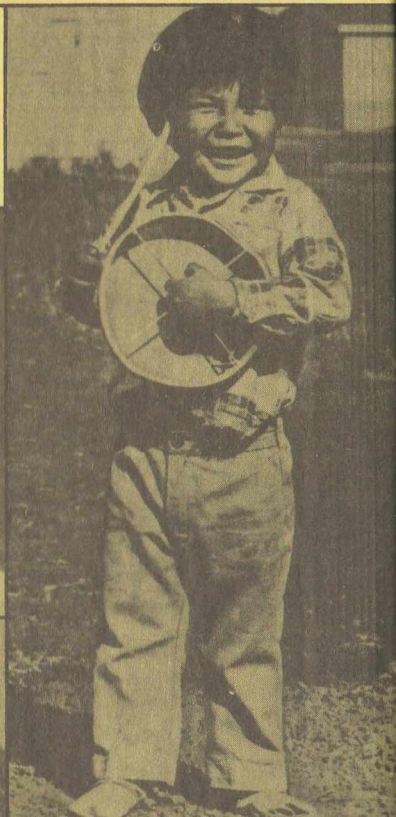
В.Г.СТЕЛЬМАХ, В.А.ТИШКОВ, С.В.ЧЕШКО

ТРОПОЮ СЛЕЗ И НАДЕЖД

КНИГА
О СОВРЕМЕННЫХ
ИНДЕЙЦАХ
США
и КАНАДЫ

«МЫСЛЬ»

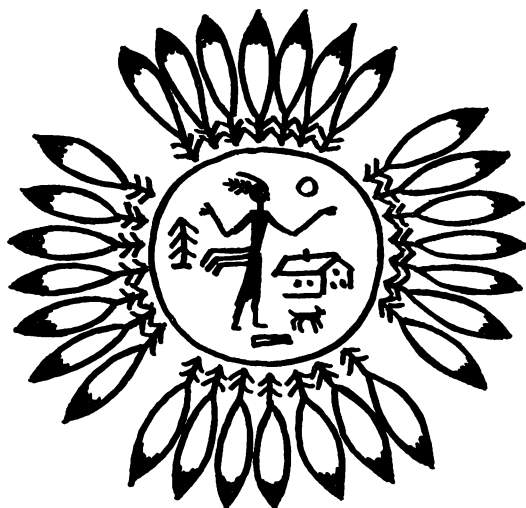
В. Г. СТЕЛЬМАХ, В. А. ТИШКОВ, С. В. ЧЕШКО

ТРОПОЮ СЛЕЗ И НАДЕЖД

Книга
о современных индейцах
США и Канады

Москва «Мысль» 1990

ББК 63.5
С79

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент *Д. А. Лисоволик*

Оформление художника *А. А. Кузнецова*

Стельмах В. Г. и др.

С 79 Тропюю слез и надежд: (Книга о современных индейцах США и Канады) / В. Г. Стельмах, В. А. Тишков, С. В. Чешко.— М.: Мысль, 1990.— 316 [1] с., [16] л. ил.: карт.

ISBN 5-244-00330-5

Поистине притягательную славу создала мировая литература коренным жителям Северной Америки — индейцам, воспевав их мужество, гармонию с природой. Какие индейские народы живут сегодня в США и Канаде? Каков их образ жизни и статус в обществе, что удалось им сохранить из древних обычаев и ритуалов, как развивается их культура? Об этом рассказывает книга советских этнографов.

Для этнографов, географов, широкого круга читателей.

С $\frac{0503010000-011}{004(01)-90}$ 45-90

ББК 63.5

ISBN 5-244-00330-5

© Издательство «Мысль». 1990

Введение

Приближается знаменательная дата — 500-летие открытия Америки. Мир по-разному собирается отметить этот юбилей. Во многих странах Америки и Европы созданы национальные подготовительные комитеты, планируются мероприятия государственного и международного масштаба. Ученые, прежде всего историки, на Всемирном конгрессе в Испании в 1990 г. рассмотрят в свете новейших данных вклад многих стран и народов в открытие и освоение Американского континента. Бесспорно, что одним из острых и злободневных будет вопрос об исторических судьбах американских индейцев — первооткрывателей Нового Света.

Вопрос этот далеко не сугубо научный и в то же время не относится к разряду волнующих ум загадок древних цивилизаций. Он не имеет ничего общего с экзотическими мифами об индейцах, созданными в произведениях мировой культуры: от героико-романтических книг Фенимора Купера до голливудских вестернов нашего времени. Для нескольких десятков миллионов людей индейского происхождения в странах Америки вопрос о судьбах потомков Монтезумы и Гайаваты — это их сегодняшние гордость и боль, вобравшие в себя многовековой опыт контактов с европейскими колонизаторами.

Как известно, в результате длительного самобытного развития индейские народы Америки создали уникальную культуру, внося тем самым большой вклад в мировую цивилизацию. (Не будем забывать хотя бы то, что картофель, кукуруза, томаты, ставшие важнейшими продуктами в пищевом рационе современных людей, были впервые окультурены аборигенами Америки.) Сами же первооткрыватели Нового Света испытали трагедию жестокой колонизации, физическое уничтожение и вымирание целых народов, беспощадную капиталистическую эксплуатацию, результатом которых во многих случаях стала социальная и культурная деградация. В то же время история распорядилась так, что уникальная культура коренного населения Америки, как бы оторвавшись от трагической судьбы своих создателей и прямых носителей, получила поистине глобальное рас-

пространение в качестве экзотического компонента современной массовой культуры, перешагнув национальные, языковые и даже континентальные границы.

Однако если вымысел и легенды преобладают над точным знанием в области массовой культуры, когда речь идет об аборигенах Нового Света, то в области научного знания существует давняя традиция серьезно интереса и упорных научных исследований. Эта традиция родилась во времена плаваний Колумба, и многие лучшие умы прошлого пытались дать ответ на вопросы происхождения и характера развития коренного населения Америки, вступая зачастую в конфликт с догматами колонизаторов. Во второй половине XIX в. складывается самостоятельная научная дисциплина — индеанистика, изучающая историю, образ жизни и культуру индейцев. Один из ее основоположников, Льюис Генри Морган, изучая общественную жизнь индейцев, пришел к выводам фундаментального значения для древней истории человечества, которые были высоко оценены и плодотворно использованы основоположниками марксизма-ленинизма.

Уже более ста лет в мировой индеанистике идет процесс накопления знания и его теоретического осмысления. Свой вклад в изучение истории и культуры аборигенов Америки внесли и советские ученые. Однако в нашей литературе современный этап развития освещен пока еще крайне недостаточно. Давно назрела необходимость в создании книги для широкого круга читателей, посвященной современному этнокультурному облику индейских народов. Тем более что за последние несколько десятилетий произошли огромные качественные изменения, которые требуют нового осмысления и оценки.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в последние годы ведется острая общественно-политическая дискуссия о статусе коренного населения Америки в современном мире. В ряде регионов, в развитых капиталистических странах, особенно в США и Канаде, индейский вопрос выдвинулся на передний план в целом комплексе нерешенных национальных проблем. Мировую общественность, в том числе и советских людей, глубоко волнуют нынешнее положение американских индейцев, их мужественная борьба за свои права и сохранение культурной самобытности. Особенно ярко

это внимание проявилось в связи с судебной расправой над известным индейским лидером Леонардом Пелтиером, приговоренным судебными органами США к пожизненному тюремному заключению.

Предлагаемая читателю книга посвящена коренным народам Северной Америки, прежде всего современному этапу их исторической эволюции. В ней на основе новейших материалов освещаются вопросы численности и расселения аборигенов, их место в хозяйственной жизни и социальной структуре общества, роль традиционных систем жизнеобеспечения и внутренней социальной организации индейских общин, происходящие в аборигенной среде этнокультурные процессы, вопросы языков и образования, развития индейской художественной культуры. Авторы уделили особое внимание как процессам ассимиляции и распада индейских культур в условиях государственно-монополистического капитализма, так и процессам «этнического возрождения», выраженным в росте национального самосознания и резкой активизации общественно-политической деятельности индейцев.

Введение и разделы, посвященные Канаде, написаны д. и. н. В. А. Тишковым, разделы о США в главах 1—5, 7, 10 — к. и. н. В. Г. Стельмахом, в главах 6, 8, 9 — к. и. н. С. В. Чешко. В книге использованы фотографии В. А. Тишкова, Дж. Мура, А. Бартельс и другие иллюстративные материалы. Карты составлены к. и. н. И. И. Крупником.

Индейцы и европейская колонизация

Наша сила
и слабость индейцев
теперь настолько очевидны,
что они

должны понять:
чтобы сокрушить их,
нам достаточно
прихлопнуть их
рукой.

Из речи президента США
Т. Джефферсона
27 февраля 1803 г.

Индейская политика
была не серией
отдельных
преступлений,
а составной частью
экспансионистского
развития США.

Газета «Нью-Йорк таймс»
от 24 июня 1972 г.

США

Колониальная эра

Начало колониальной экспансии Великобритании в Америке датируется 1607 г. Правда, еще в конце XV в. английские мореплаватели У Рейли, Дж. и С. Каботы и другие обследовали атлантическое побережье континента от полуострова Лабрадор до нынешней Южной Каролины. Именно в тот год Лондонской биржевой компанией в устье впадающей в Чесапикский залив р. Джеймс был заложен город Джеймстаун, который

положил начало первой постоянной колонии — Виргинии. По иронии судьбы в день основания города произошло и первое вооруженное столкновение с местным индейским населением. Группа колонистов напала на поселок индейцев и убила двух человек. Так под грохот мушкетных выстрелов начался почти 200-летний колониальный период истории США.

Как это ни странно, хотя в новых владениях насчитывалось значительное количество коренных жителей, для британской короны в то время не существовало индейской проблемы, по крайней мере в теоретическом плане. Индейцы, населявшие побережье Атлантики, автоматически рассматривались как подданные правившего английского монарха. Подобный принцип вытекал из общепризнанной в тогдашней Европе концепции феодального суверенитета над новыми землями и их обитателями-язычниками, по которой над территориями, не входившими в королевский домен и не принадлежавшими иным христианским правителям, власть британского сюзерена устанавливалась по праву первооткрытия.

Установив суверенитет над заокеанскими территориями, британские власти, однако, в определенной мере признавали за коренным населением право на его исконные земли. В силу этого в первые десятилетия колониального господства англичане, как правило, практиковали мирные, экономические формы отчуждения индейских земель: покупку, обмен, договорную уступку и т. п. Большинство сделок такого рода, впрочем, были надувательством коренного населения, которое, не зная истинной стоимости, уступало свои земли в обмен на пригоршню никчемных безделушек.

В отличие от ситуации во французских владениях в соседней Канаде, где индейцы были для колонизаторов прежде всего поставщиками ценнейшей пушнины, в английских колониях, протянувшихся вдоль побережья Атлантики с севера на юг от залива Мэн до полуострова Флорида, экономические отношения с аборигенами, исключая некоторые районы Новой Англии, не имели большого значения. Напротив, для переселенцев из Великобритании особую ценность представляли земли. Пока белое население было малочисленным и колонии экономически слабо развитыми, контакты пришельцев и местных жителей оставались относительно мирными.

Англичане жили с индейцами как соседи, допуская автономное положение племен. Но по мере освоения континента и прибытия новых иммигрантов жители колоний, чтобы увеличить свои территориальные владения, начали захватывать новые пространства индейских земель.

Систематическому вытеснению индейского населения предшествовал пересмотр политического взгляда на права аборигенов. Сомнительная честь этого пересмотра принадлежала пуританскому законоведу, губернатору колонии Массачусетс Д. Уинтропу, провозгласившему в 1629 г. следующее: «Основная часть земель на этом континенте подпадает под юридическое определение «вакуум доминиум» (ничейное владение), ибо индейцы никогда не возделывали их. Следовательно, они имеют в отношении этих земель только природное, а не законное право»¹ Доктрина «ничейного владения» послужила оправданием массового захвата земель коренных американцев. По всему атлантическому побережью началось уничтожение индейских поселений и избиение их жителей, которые неожиданно узнали, что они являются незаконно вторгнувшимися в... собственные угодья! В ответ на репрессии колонизаторов вспыхнуло сопротивление индейцев. По британским владениям в Америке прокатилась волна индейских войн и восстаний. Отметим лишь наиболее крупные из них.

Весной 1644 г. восстали поухата в Виргинии, возглавлявшиеся вождем Опеканканом. В ответ на террор властей индейцы уничтожили поселения белых в долине р. Йорк. 18 апреля 1644 г. Опеканкан разгромил брошенный на его усмирение отряд колониальной милиции. Лишь спустя месяц ополчению Виргинии под командованием губернатора колонии У. Беркли удалось рассеять войско восставших, использовав артиллерию. После этого началось методичное уничтожение поухата, численность которых за короткий срок сократилась с 8 тыс. до 1 тыс. человек.

В 1675—1676 гг. мощное восстание вампаноагов едва не поставило под угрозу существование колонии Массачусетс. С июля по декабрь 1675 г. отряды вампаноагов, во главе которых стоял умный, энергичный вождь Метакон, прозванный англичанами «королем Филиппом», практически очистили от белых поселенцев территорию вокруг столицы колонии г. Бостона. Только

благодаря приходу подкреплений из соседнего Коннектикута массачусетскому ополчению 19 декабря 1675 г. удалось отбросить индейцев от окрестностей города. Несмотря на это поражение, восстание не затухало до июля 1676 г. Лишь смерть Метакома от руки предателя положила конец сопротивлению вампаноагов.

С разгромом «короля Филиппа» погас последний крупный очаг индейского сопротивления в районе побережья Атлантики. Коренное население этих территорий было почти полностью истреблено, а его остатки «усмирены». Поток колонистов между тем двинулся далее к западу и перевалил за Аллеганские горы. К середине XVIII в. он достиг района Великих озер, где в то время жили племена виандотов, чиппева, потаватоми, кикапу, шауни, оттава. Массовый захват земель этих народов начался еще во время Семилетней войны Англии и Франции 1756—1763 гг. Однако более чем столетний опыт контактов с британскими колонизаторами научил индейцев многому. На этот раз белым пришлось столкнуться с организованным сопротивлением. Вождь оттава, талантливый военачальник и стратег Понтиак, заключив союз с соседними племенами, 10 мая 1763 г. с огромным по тем временам — около 1 тыс. человек — отрядом индейцев атаковал г. Детройт. И хотя их штурм был отбит, индейцы в течение следующих шести месяцев держали город в осаде, попутно уничтожив окружавшие его форты и поселки и перебив почти 2 тыс. британских солдат и поселенцев. Лишь подкупив некоторых вождей — союзников Понтиака, англичане сумели ослабить войско индейцев, которые в октябре 1763 г. вынуждены были снять осаду Детройта.

Грозное восстание Понтиака, показавшее мощь сплоченных действий индейцев, заставило метрополию отказаться от конфронтации с коренным населением колоний. 7 октября 1763 г. была издана прокламация короля Георга III, регламентировавшая отношения с индейцами в британских владениях в Америке. В документе, с одной стороны, подтверждался феодальный суверенитет королевской власти над этими территориями, а с другой — индейцам «гарантировались земли к западу от Аллеган и р. Миссисипи», где белым «под угрозой наказания и монаршей немилости» запрещалось без особого на то разрешения приобретать собственность и создавать поселения. Наряду с этим королевская про-

клямация преследовала еще одну цель. В условиях недовольства и брожения в колониях накануне Войны за независимость британская корона пыталась укрепить там свою власть. С этой целью она стремилась противопоставить колонистам коренных жителей, используя этот рычаг для сохранения заокеанских владений. Однако начавшаяся в 1776 г. Американская революция положила конец колониальному периоду истории страны.

Договорный период (1778—1871 гг.)

Появление на континенте независимого американского государства сыграло решающую роль в судьбе индейцев. Основатели государства, верившие в божественное предопределение своей нации, изначально предполагали территориальное расширение страны. За первые сто лет существования США коренные жители лишились почти всех своих земель, потеряли независимость. Однако исторически этот процесс развивался отнюдь не так прямолинейно. Политика правительства США в отношении индейцев принимала на различных этапах различные формы.

В первые десятилетия после Войны за независимость произошла ломка традиционного курса Англии и других колониальных держав в индейском вопросе. До этого коренные жители признавались подданными европейских монархов. В 1787 г. министр обороны США Г. Нокс предложил рассматривать индейские племена «как зарубежные нации, не подвластные какому-либо штату, а их право на владение своими землями — законным и не подлежащим сомнению»². Эта точка зрения была принята конгрессом, издавшим 13 июля 1787 г. так называемый Северо-западный ордонанс, в котором декларировался независимый статус индейских народов.

Провозглашение подобного принципа делало невозможным прямой захват земель коренного населения, требовало заключения с ними договоров. По договорам индейцы, как правило, брали на себя обязательство добровольно уступить федеральному правительству те или иные территории, открываемые для расселения белых, а также сохранять мир и добрые отношения с властями и колонистами. Правительство Соединенных Штатов со своей стороны обещало выплачивать племе-

нам денежную компенсацию за уступленные угодья, содействовать прогрессу индейцев в области образования и здравоохранения и, наконец, гарантировать коренному населению незыблемость границ оставшихся у него земель. Первый договор с племенем делаваров США подписали в 1778 г.; последний — с не-персе — в 1868 г. За это время власти заключили с индейцами 371 договор, в результате которых коренные американцы, владевшие в начале XIX в. большей частью континента, сохранили всего около 120 млн акров (48 млн га) * земель.

Провозглашение «независимости» индейских племен проистекало не из принципов гуманности и демократии, а было продиктовано конкретной политической ситуацией на рубеже XVIII—XIX столетий. Пересмотр раннеколониальной политики, основывавшейся на праве завоевания, произошел из-за опасения, что сохранявшие свое присутствие на континенте европейские колониальные державы — Испания и Англия — могли использовать в борьбе с США мощное сопротивление индейцев захвату земель американцами. В таких условиях Соединенным Штатам было куда удобнее отказаться от открытой конфронтации с коренными жителями в пользу сравнительно мирных средств отчуждения их земель.

Хотя договоры и стали основным средством территориальной экспансии молодого американского государства, это не означало, что правящие круги страны отказались от угрозы применения против индейцев военной силы. В этом плане весьма характерно высказывание одного из наиболее демократически настроенных американских президентов, Т. Джефферсона, который в 1803 г. заявил следующее: «Наша сила и слабость индейцев теперь настолько очевидны, что они должны понять: чтобы сокрушить их, нам достаточно прихлопнуть их рукой»³ В начале XIX в. федеральное правительство вело ряд крупных индейских войн: в 1812 г. — с племенным союзом шауни, возглавлявшимся Текумсе, в штате Огайо; в 1815 г. — с конфедерацией криков в Алабаме; в 1816—1818 гг. — с семинолами во Флориде. Эти племена не желали заключать договоры добровольно.

Но эти конфликты не шли ни в какое сравнение с тем

1 акр = 0,4 га.

давлением, которое индейцы стали ощущать во второй трети XIX в., когда началось быстрое развитие американского капитализма «вширь», повлекшее за собой хозяйственное освоение огромных территорий. То, что при этом страдали исконные владельцы земель, никого не интересовало. Идейное обоснование экспансии началось десятилетием раньше. В частности, еще в 1823 г. председатель Верховного суда Д. Маршалл провозгласил правомерность отчуждения владений коренных жителей на основании того, что они «дикари, которые кормятся дарами лесов, их основное занятие — война». В 1829 г. в связи с иском чироков к властям штата Джорджия, санкционировавшим захват полей племени, Маршалл принял сторону администрации штата и в оправдание своей позиции предложил считать индейские племена «нациями, зависимыми от США».

Пересмотр статуса индейцев подтолкнул новое наступление на их территории, совпавшее с президентством Э. Джексона (1829—1837). Его администрация получила особые полномочия для решения индейской проблемы: в 1830 г. конгресс издал закон о переселении индейцев, наделивший президента исключительным правом заключать с ними договоры об уступке земель. Конкретное осуществление индейской политики перешло в компетенцию специально созданного для этого в 1834 г. в составе министерства внутренних дел Бюро по делам индейцев (БДИ). В целом за годы правления Джексона и его ближайших преемников США отторгли у коренных жителей без малого 200 млн акров земли.

Договоры с «зависимыми нациями» существенно отличались от соглашений более раннего периода. Прежде всего ужесточались условия земельных уступок индейцев. Власти страны стали требовать не передачи части владений белым гражданам, а ухода из этих владений навсегда: переселения в отдаленные западные районы Соединенных Штатов, где в пределах нынешних границ штата Оклахома создавалась специальная Индейская территория. Резко уменьшалась величина выплачиваемой коренным жителям денежной компенсации: хотя оставленные ими земли продавались с аукциона по цене не менее 1,25 долл. за акр, индейцы получали денежные суммы из расчета в среднем по 30 центов за акр! Установлено, что если бы федеральное правительство платило коренным американцам хотя бы по ры-

ночному минимуму, они получили бы астрономическую по тем временам сумму в 553 млн долл., тогда как в действительности им было выплачено не многим более 30 млн долл.

Договоры второй трети XIX в. серьезно ущемляли автономию племен. Хотя в стенах конгресса не раз раздавались декларативные заверения в том, что «индейцы — полные хозяева своих новых территорий и законы США никогда не будут навязаны им силой», договорные условия опровергали эту риторику. Например, право племен отправлять правосудие допускалось лишь тогда, когда и истец, и ответчик были индейцами; если же один из них был белым, слушания проходили в ближайшем окружном суде. Другими словами, белые американцы получали в Индейской территории экстерриториальные права. Межплеменные отношения также попадали теперь под контроль федеральных властей, навязавших принудительный арбитраж в случае конфликтов между какими-либо индейскими народами. Наконец, власти оговорили право иметь в индейских землях военные форты с гарнизонами, находившимися вне контроля племенных органов самоуправления. Все это говорило о том, что одновременно с изгнанием коренного населения из восточных районов страны правящие круги США стремились полностью ликвидировать остатки его самостоятельности.

В тех случаях, когда индейцы не желали «добровольно» переселиться, как и ранее, использовался веский «аргумент» в виде вооруженных сил. Среди наиболее крупных индейских войн прошлого столетия следует упомянуть войну с племенем сак, возглавлявшимся Черным Ястребом, в 1832 г. в Иллинойсе и вторую по счету войну с семинолами 1835—1842 гг. Впрочем, и тогда, когда до военных действий дело не доходило, договоры зачастую подписывались под угрозой применения силы. Достаточно сказать, что меньше половины договоров о переселении было заключено при формальном согласии индейцев. В итоге к началу Гражданской войны 1861—1865 гг. на востоке Соединенных Штатов коренных жителей почти не осталось.

Кровопролитная война между северными и южными штатами не ослабила давления на индейцев. Продвижение белого населения на запад после принятия в мае 1862 г. закона о выделении земельных участков (гом-

стедов) стало еще более интенсивным. Потоки гомстедеров потекли на территории, отведенные коренным американцам по договорам о переселении. Уже к осени 1862 г. первым это почувствовало сиуанское племя мдеукантон в Миннесоте. Индейцы мдеукантон во главе с вождем Вороненком оказали сильное сопротивление, совершая успешные рейды на поселения белых, но вскоре были рассеяны регулярной армией. Часть их ушла в Южную Дакоту, но многие остались в Миннесоте, не видя ничего противозаконного в защите своих угодий, принадлежавших им на договорных основаниях. Однако оставшиеся мдеукантон были подвергнуты военно-полевому суду, который вынес более 300 смертных приговоров. Только благодаря вмешательству президента Линкольна число казненных было сокращено до 38 человек.

Аналогичные события произошли затем в Колорадо. Жившие там племена чейенов и арапахо пытались разрешить земельные споры с белыми поселенцами мирным путем. Их представители пытались встретиться с губернатором штата и выяснить, на каком основании их лишают земель, гарантированных договорами. Однако переговоры не состоялись. Вместо этого 28 ноября 1864 г. на мирный лагерь индейцев у Сэнд-Крик, неподалеку от г. Денвер, обрушился кавалерийский отряд полковника Д. Чивингтона, перебивший более 200 человек. Чейены были вынуждены отказаться от своих земель.

Столкновения в Миннесоте и Колорадо, ставшие началом серии индейских войн на Дальнем Западе во второй половине XIX столетия, одновременно послужили толчком к очередной перестройке индейской политики федерального правительства, которому вновь стало необходимо «узаконить» очередной раунд наступления на владения коренных жителей. Хотя было совершенно очевидно, что миграцию белых на запад не задержат никакие заключенные ранее соглашения, столь явное пренебрежение к договорным обязательствам вызывало нежелательный для правительства резонанс. В частности, конгресс США осудил бойню у Сэнд-Крик и назначил компенсацию вдовам и сиротам жертв. Поэтому наиболее рьяные сторонники захватов индейских территорий вскоре после окончания Гражданской войны повели атаку на независимый статус племен, остававшийся легальным барьером на пути колонизации западных

районов. Вот что заявил по этому поводу конгрессмен от Миннесоты И. Донелли: «Предопределение белого человека — владеть всей землей-кормилицей на этом континенте, которая не терпит, чтобы на ней хозяйничали дикари... Мы же вступили с этими дикарями в псевдодоговорные контакты, хотя они беспечны, словно дети, и посему подлежат опеке в соответствии с нашими законами об опеке несовершеннолетних и недееспособных. Величайшая на Земле нация унизилась до установления договорных отношений с жалкими индейцами, не способными даже подписать заключаемые ими договоры... Правительство США не нуждается более в предлоге для захвата их земель: если сто человек могут прокормиться на территории, где прозябает один дикарь, белый имеет право прийти туда, овладеть этой землей и возделывать ее»⁴ На гребне подобных настроений в марте 1871 г. конгресс издал закон о лишении индейских племен права считаться независимыми нациями, отношения с которыми регулировались на договорной основе. Новый их статус определялся как подопечные Соединенных Штатов, в отношении которых конгресс был вправе издавать любые законы, регулирующие их жизнь и имущество. Договорный период индейской политики завершился.

Под опекой конгресса

Закон 1871 г., ликвидировавший независимое положение индейцев, стал началом наиболее трудного для них периода, который продолжался до 30-х годов нашего века. Статус подопечных был откровенным нарушением не только гражданских, но и человеческих прав коренных американцев. С одной стороны, они находились в полной зависимости от конгресса, а с другой — не имея права голоса, не могли через избирательный механизм влиять на действия правительственных органов. Подобный статус окончательно развязал федеральному правительству руки для проведения в отношении индейцев крайне жесткого курса, получившего название политики патернализма. Основная цель этой политики заключалась в «цивилизации диких индейцев», т. е. в «окончательном и бесповоротном решении индейского вопроса путем быстрого включения коренных жителей в экономическую и политическую жизнь государства», с

тем чтобы они «в перспективе стали неотъемлемой частью общества не как американские индейцы, но как американцы индейского происхождения»⁵ Иными словами, суть патернализма заключалась в насильственном интегрировании индейцев в социально-экономическую структуру США, в «подгонке» их традиционной культуры под доминировавший евроамериканский стандарт.

Первые десятилетия патерналистской опеки характеризовались еще более энергичным, чем до Гражданской войны, наступлением на остатки индейских земель. Причем специфика ситуации заключалась в следующем: индейцев начали переселять в специально создававшиеся для этого резервации. Если в договорный период независимые индейские народы уступали свои территории правительству США, которое постоянно сдвигало индейскую границу к западу, то за подопечными конгресса право на владение свободными землями отрицалось как таковое. Теперь коренные американцы были обязаны селиться на небольших территориях, отводившихся для них властями. Притом не следует думать, будто бы создание резерваций было связано с дефицитом земель в западных районах страны. Главной причиной их создания было желание правящих кругов США подчинить индейцев своему контролю. Расселение их малочисленными группами облегчало достижение подобной цели.

Индейцы оказывали отчаянное сопротивление поселению в резервациях. В 1870-е годы основным театром индейских войн был Северо-Запад Соединенных Штатов. Жившие там оглала, хункапу, тетон, дакота, мандан, кроу, блэкфут, хидатса, не-персе и другие племена, во главе которых стояли талантливые военачальники Бешеный Конь, Сидящий Бык, Красное Облако, Две Луны, Джозеф, в каждом сражении бились с американской армией до последнего воина. 25 июня 1876 г. объединенным силам хункапу, оглала и блэкфут на р. Литл-Биг-хорн удалось нанести войскам правительства самое тяжелое поражение за всю историю покорения Запада. Индейцы разгромили 7-й кавалерийский полк, уничтожив в схватке его командира — генерала Д. Кастера и свыше 300 его подчиненных. Но силы сторон были не равны, и каждое новое столкновение с армией ослабляло сопротивление коренных жителей. Отдельные племена пытались пробиться в Канаду, что-

бы найти убежище под покровительством британских властей. Однако, за исключением небольшого отряда Сидящего Быка, такие попытки были неудачными. В последний раз, в 1877 г., это пытались сделать не-персе, предводительствуемые Джозефом. Окруженные всего в 50 км от канадской границы, они сдались на милость победителя и поселились в отведенной им резервации. К концу 70-х годов их примеру последовали другие племена на Северо-Западе США.

После «умиротворения» этого региона американские власти приступили к покорению Юго-Запада, населенного племенами апаче, команче, пима, юте и др. 1880-е годы прошли в непрерывных войнах с апаче, которых возглавляли Кочиз, Витторио, Херонимо, и юте, объединившимися вокруг вождя Урая-Стрелы. Особенно длительное сопротивление войскам Соединенных Штатов оказал Херонимо. Уйдя со своим племенем в 1877 г. в горы Сьерра-Мадре на территории Мексики, он построил там укрепленный лагерь и почти 10 лет — до сентября 1886 г. — наносил удары по американской армии. Лишь после того, как его боевые силы сократились до 100 человек, Херонимо сдался на условиях поселения в резервации. Так к концу 80-х годов в основном завершились войны с индейцами. Последние представители свободных племен — остатки ранее многочисленного народа хункапу и родственных им миненконноу — были зверски перебиты 29 декабря 1890 г. у поселка Вундед-Ни (Южная Дакота) в тот момент, когда их вожди, осознав невозможность дальнейшего сопротивления, решили дать согласие поселиться в резервации. После этого избиения, жертвами которого стали 300 индейцев, министерство внутренних дел США официально объявило о ликвидации индейской границы. Все племена были расселены по 160 резервациям площадью около 48 млн га.

Создание резерваций стало лишь начальным шагом на пути приобщения коренного населения к «благам» американской цивилизации. Завершив индейские войны, федеральное правительство приступило к ликвидации остатков независимости своих подопечных путем уничтожения традиционной формы их социальной организации — племени. С целью поставить этот институт под контроль административных органов конгресс в 1885 г. принял закон, по которому отменялся один из

важнейших компонентов племенной автономии — отправление правосудия на территории резервации.

Впрочем, одними процедурными мерами сокрушить племенную организацию было невозможно, и правящие круги страны решили нанести удар по экономической основе ее функционирования — общинной собственности на землю, внедрив в резервации частнокапиталистическую систему землепользования. «Дав индейцу право собственности на владение индивидуальным участком земли, мы тем самым заставим его трудиться... Он уразумеет, что достичь уровня американской цивилизации можно, лишь работая в поте лица. Голод и нищета, на одной стороне, и предприимчивый гражданин — на другой — вот его альтернатива. И мы как опекуны индейца должны сделать за него этот выбор»⁶, — утверждали американские законодатели. И выбор был сделан: в 1887 г. конгресс издал закон о разделе резервационных земель на индивидуальные участки, названный по фамилии его автора законом Дауэса. Основной его смысл сводился к разделу общинных земель на личные владения — аллоты по 160 акров (64 га) на каждую индейскую семью. Оставшиеся после этого «излишки» территорий резерваций подлежали аукционной продаже среди белых граждан. Одновременно закон Дауэса стимулировал и формальное разрушение индейского племени. В соответствии с его статьями каждый коренной американец теперь мог получить гражданство США, оформив легально выход из общины. Правда, условием этого провозглашалось ведение на своем участке «цивилизованного» (т. е. фермерского) хозяйства.

После принятия закона Дауэса наступило время наиболее несправедливого отношения к индейцам за всю историю страны. Насильно поселенные в резервации, лишенные даже формального самоуправления, индейские племена оказались полностью во власти тех должностных лиц, которые опекали их. Именно в последние десятилетия XIX в. зловещие черты приобрела фигура индейского агента — сотрудника БДИ, назначавшегося в каждую резервацию. Вследствие лишения индейцев гражданских и политических прав агент превращался по сути дела в неконтролируемого администратора в своей резервации, имевшего практически неограниченную власть над подопечными.

Увы, осуществлявшаяся властями США «инкорпорирование» коренных жителей в евроамериканское общество вылилось в основном в то, что индейцы, в период «дикости» самостоятельно обеспечивавшие свои нужды, перешли на содержание федерального правительства, вынужденного организовать для них систему продовольственных поставок, которые, впрочем, из-за их скудости уместнее назвать пайками. Хозяйство индейцев на рубеже XIX—XX вв. еще было не готово для интеграции в рыночную экономику США, а сами они — к капиталистической конкуренции с белыми фермерами.

Последствия подобного курса не заставили себя ждать. Открытие границ резерваций по закону Дауэса привело к катастрофическому уменьшению их площади: к 1913 г. индейцы утратили почти 20 млн га своих земель; к 1934 г. — к моменту отмены закона — в руки белых перешло дополнительно около 9 млн га. Вследствие этого в среднем в 1,5—2 раза упали и без того невысокие урожаи зерновых культур, собиравшиеся коренным населением, и в 8—10 раз — овощей. Правда, упадок земледелия в резервациях в какой-то мере компенсировался определенными успехами в области животноводства, но они были незначительны и обеспечивали в итоге лишь нищенское, полуголодное существование коренных американцев.

Подрыв экономических основ жизни индейцев обусловил их социальную деградацию. К началу 1930-х годов более 90 % их жили в резервациях; доля неграмотных составляла около 26 %. Состояние здоровья коренных американцев было удручающим: смертность от различных причин, и прежде всего от туберкулеза, а также распространение в резервациях различных инфекций превышали общеамериканские показатели в десятки раз. Политика патерналистской опеки индейского населения, таким образом, привела к тому, что оно превратилось в изолированное национальное меньшинство Соединенных Штатов, за которым прочно закрепилось место внизу социальной лестницы. Этого положения не изменил и принятый в 1924 г. закон, провозгласивший всех индейцев полноправными американскими гражданами и ознаменовавший вместе с тем формальное завершение опеки над ними со стороны конгресса.

Так за неполные полтора столетия индейцы США превратились из независимых народов в один из компонен-

тов населения страны. Однако изменение их правового статуса не означало, что индейский вопрос был решен окончательно, как того хотели в свое время сторонники политики патернализма. Проблема коренного населения и по сей день стоит перед американскими властями. Ее корни уходят в экспансионистскую политику, осуществлявшуюся в отношении индейцев на протяжении всей истории Соединенных Штатов.

*****

КАНАДА

От Королевской прокламации до Индейского акта

На протяжении первых двух веков европейского господства в Канаде в основе отношений с индейцами лежали прежде всего экономические и военные факторы. Индейцы были поставщиками пушнины и потребителями европейских товаров. Они также выступали или в роли союзников и защитников европейских поселений в колониальных междоусобицах, или в роли врагов, часто очень грозных. В XVII—XVIII вв. индейская политика французских, а затем английских колонизаторов в Канаде сводилась главным образом к стремлению регулировать торговлю с индейцами, обеспечивать их дружественное отношение с европейскими поселенцами и властями, а также союзническую помощь в ходе длительных колониальных войн в Северной Америке.

Пока белое население оставалось незначительным, а колонии слабо развитыми, в отношениях между колонизаторами и коренными американцами сохранялись элементы суверенности и партнерства, хотя все колониальные и европейские правительства придерживались принципа, по которому аборигены в действительности были подчиненным народом. По мере увеличения населения колоний этот принцип суверенитета европейцев над индейцами стал претворяться в жизнь, чему способствовало превосходство колонизаторов в уровне общественного развития.

После перехода Канады от Франции к Англии мехоторговля с индейцами уже не имела первостепенного значения, и военные аспекты индейской политики возобладали над коммерческими, правление индейскими делами в колониальной Канаде было сосредоточено в

руках военных ведомств. Особенностью политики британских колониальных властей было хотя бы частичное признание некоторых прав индейцев на их земли. По причинам военно-стратегического характера (желание избежать вооруженных столкновений с индейцами), а также коммерческим (намерение сохранить индейцев как поставщиков пушнины) власти стремились фиксировать различными договорными формами отчуждение территорий, занимаемых коренными жителями, а также закрепить за ними особо оговоренные земли.

Эта политика нашла свое отражение в Королевской прокламации 1763 г., оформившей британский колониальный режим в Канаде. Ее суть сводилась к признанию за верховным сувереном исключительного права на приобретение аборигенных земель и заключение соответствующих соглашений с авторитетными представителями племен или групп с последующим их «утверждением» на собраниях всех членов общин. Но самое важное положение заключалось в следующей фразе:

«Поскольку является справедливым, разумным и важным для наших интересов, а также для безопасности наших колоний, чтобы некоторые нации и племена индейцев, с которыми мы имеем контакт и которые живут под нашей защитой, не обижались и не притеснялись в их правах на владение теми частями нашего доминиона, которые не были уступлены или приобретены нами, эти земли резервируются за индейцами в качестве их охотничьих территорий»⁷

Это было фактическое признание того факта, что кроме приобретенных Англией после Парижского мира колоний в Северной Америке земли к западу от Аллеганских гор и Миссисипи принадлежат индейцам. Одной из основных причин такого решения был страх колониальных властей: грозное индейское восстание под руководством Понтиака в 1760 г. показало возможную силу и потенциальную опасность аборигенов для европейцев. Кроме того, метрополия стремилась сохранить за короной привилегию грабительского обмена, прежде всего меховой торговли с лесными охотниками обширных и еще не тронутых колонизацией территорий.

Американская революция конца XVIII в. вызвала массовый приток колонистов во вновь осваиваемые районы, и этот процесс сопровождался систематическим отчуждением земель у аборигенов с одновременным об-

разованием особых районов поселения индейцев — резерваций. Когда после англо-американской войны 1812—1814 гг. военная угроза Британской Северной Америке фактически исчезла, управление индейскими делами перешло в 1830 г. от военных к гражданским властям. Свою задачу последние видели не просто в обеспечении мирных отношений с индейцами, но и в осуществлении «цивилизаторской» миссии — превращении аборигенов в оседлых жителей на манер европейских колонистов.

После образования доминиона Канада в 1867 г. была сформулирована политика в отношении приобретения земель, населенных аборигенами и перешедших в 1869 г. от Компании Гудзонова залива, под суверенитет канадских властей (так называемая Земля Руперта). Эта политика также предполагала своего рода «выкуп» существовавших у индейцев исконных прав на занимаемые ими земли с целью дальнейшего развития колониального процесса.

Затем последовал период заключения так называемых индейских договоров, оформлявших уступки огромных территорий, на которые претендовали канадские власти. В итоге, начиная с договора № 1, подписанного в 1871 г. относительно восточной части Манитобы, до договора № 11, подписанного в 1921 г. относительно района долины р. Маккензи, коренное население было вынуждено формально уступить обширные территории правительству доминиона. Обычными условиями договоров были двусторонние обязательства: индейцы «передавали» или «уступали» земли, открываемые для колонизации, и сохраняли мир и доброе согласие с властями и поселенцами, а власти в свою очередь брали обязательства по отношению к так называемым статусным, или договорным, индейцам. Обязательства включили прежде всего выделение резервированных земель для проживания индейцев, предоставление преимуществ в охоте и трапперстве, денежную и прочую помощь для поддержания хозяйственной жизни, организацию образования и т. д. Если взять для примера договор № 4, подписанный в 1874 г. правительством и общинами кри и сото (передавалась часть нынешней провинции Саскачеван), то размер резерваций устанавливался в расчете 1 кв. миля (260 га) на семью из пяти человек. Денежные субсидии включали единовременный дар в

25 долл. каждому вождю и 12 долл. каждому члену общины. Занимавшимся охотой индейцам полагались ежегодные поставки небольшого количества пороха, пуль и другого снаряжения. Тем, кто занимался земледелием, выделялся некоторый инвентарь, скот и семена.

Вся политика взаимоотношений властей с индейцами на протяжении более ста последних лет строилась на той основе, что «примитивные» институты и образ жизни аборигенов должны неминуемо трансформироваться, как только коренное население познает блага цивилизации, и эта трансформация должна завершиться ассимиляцией аборигенов окружающим евроканадским обществом.

К 1923 г. было заключено более 10 договоров с аборигенными народами, по которым они уступили земли правительству в обмен на определенные платежи, подарки, услуги и право поселения в резервациях. В подавляющем большинстве собственность и права индейцев ущемлялись при подписании договоров, что с самого начала стало источником споров и недовольства индейцев. К тому же правительство не выполняло взятые на себя обязательства. Чаще всего нарушалось право индейцев на охоту в определенных районах и на рыболовный промысел на уступленных, но еще не занятых белыми поселенцами землях.

Со временем все больше распространялась практика отказа федеральных властей подписывать какие-либо договоры с индейцами и ставка на своего рода «явочное» освоение территорий, где проживали аборигены. В результате в пределах границ Канадского доминиона оказались огромные территории, вообще не охваченные договорными обязательствами. Это прежде всего субарктические регионы от Ньюфаундленда, Лабрадора и северного Квебека на востоке до Северо-Западных территорий, Юкона и Британской Колумбии на западе.

После второй мировой войны вопрос о положении коренного населения стал предметом рассмотрения специальной комиссии сената и палаты представителей. Результатом ее деятельности было принятие в 1951 г. нового закона, так называемого Индейского акта, который устранил некоторые явно дискриминационные и откровенно ассимиляционистские положения прежнего законодательства. В частности, правительство предоставило коренным жителям страны некоторые возможности ме-

стного самоуправления через советы общин. Однако всеми делами в индейских резервациях и поселениях по-прежнему управляли специальные служащие федерального правительства, так называемые индейские агенты. По-прежнему сохранялось деление индейцев на статусных и нестатусных, и только за первыми признавались права на владение землей в резервациях, закрепленных за определенными племенными группами и общинами. Только статусные индейцы освобождались от налогов на землю и имели право выбирать местные органы в индейских резервациях. Сохранились ограничения на участие коренных жителей в федеральных выборах. Закон 1951 г. по мере нарастания индейского протеста все больше превращался в символ дискриминации аборигенов и образец расистского законодательства.

Современные племена, резервации и общины

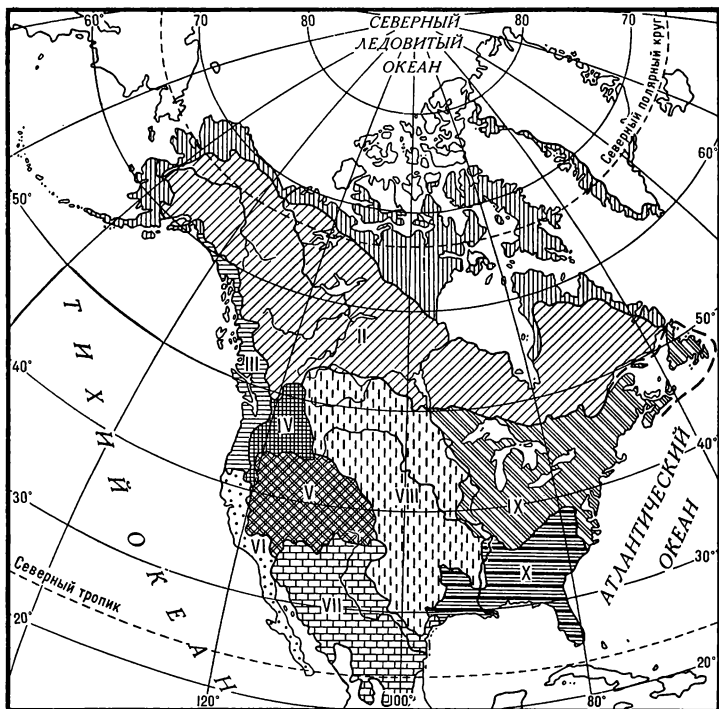

США

Исторические ареалы расселения

К началу европейской колонизации Северной Америки коренные обитатели континента заселяли практически всю нынешнюю территорию Соединенных Штатов. В колониальный период картина размещения индейцев в пределах современных границ США выглядела следующим образом. Большая их часть жила на востоке страны. Особой плотностью населения выделялся район Великих озер и Новой Англии, где жили многочисленные в то время племена ирокезов: тускарора, кайюга, сенека, онондага, онейда и мохавк (могаук), абенак, массачусет, пенобскот, делавар и др. Высокая плотность коренного населения была характерна и для юго-восточного побережья Атлантики, и примыкающих к нему районов, ограниченных с запада р. Миссисипи. Там обитали ючи, кусабо, поухата, нантикок и другие, говорившие на алгонкинских языках, сиуязычные катауба и тутело; племена мускогов: крики, чокто и чикасо и, наконец, чироки, близкие по языку к ирокезам.

К западу от Миссисипи плотность индейского населения в целом была невысока. Но и здесь имелись

Карта 1. Этнокультурные ареалы Северной Америки накануне европейской колонизации

Ареалы: I — Арктика; II — Субарктика; III — Северо-западное побережье; IV — Плато; V — Большой Бассейн; VI — Калифорния; VII — Юго-Запад; VIII — Великие равнины; IX — Северо-Восток; X — Юго-Восток

два густонаселенных района: долины рек Колорадо и Хила, которые были заняты оседлыми племенами пима, папаго и западными пуэбло (тева, това и др.), относящимися к ацтеко-таноанской языковой семье, и прибрежные территории современных штатов Орегон и Вашингтон, где размещались алгонкиноязычные племена сэлишей (пьюэллап, скуомиш, ламми, клалам, тьюлалип), пенутиязычные кламаты и народности сахаптинской семьи — васко, мака, куильюты и др.

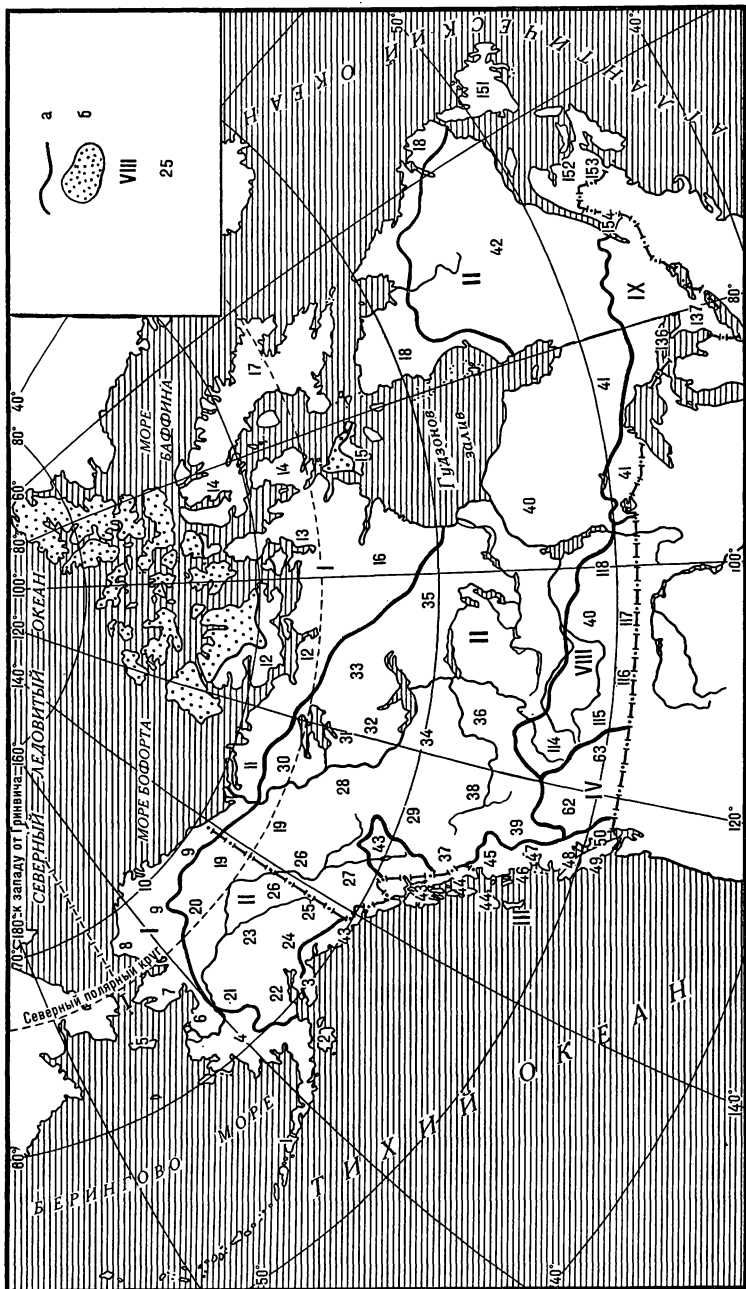
Еще в доколониальный период сложились и особые хозяйственно-культурные комплексы индейского населения. Наиболее высокой степени развития достиг район бассейна рек Литл-Колорадо и Рио-Гранде (нынеш-

ние штаты Аризона и Нью-Мексико). Жившие там племена пуэбло и пима создали высокую самобытную культуру, основанную на поливном земледелии. Вплоть до настоящего времени в этом регионе можно увидеть остатки грандиозных оросительных систем, созданных индейцами, и их поселений, состоявших из двух- и трехэтажных домов из сырцового кирпича.

Второй центр высокоразвитой индейской культуры располагался на обширной территории от левобережья Миссисипи до Атлантического океана. Его жители — крики, чироки, чокто, натчез, чикасо и другие — вели комплексное хозяйство, основным элементом которого было мотыжное земледелие. Оно достигло высокого уровня, о чем свидетельствуют тщательно разработанные приемы удобрения полей, окучивание растений и т. п. Земледелие дополнялось сезонной охотой и собирательством. Жители этого ареала проявили удивительную способность к творческому заимствованию компонентов культуры белых колонистов. Соединив традиционную социальную организацию с рядом черт политического устройства английских колоний, индейцы создали специфическое государственное образование — конфедерацию криков, названную так по имени доминировавшего в ней народа. В начале XIX в. племена Юго-Востока на базе латинской графики изобрели собственную письменность, ее создателем был индеец-чироки Секвойя.

Наконец, третий центр индейских культур с наиболее высоким уровнем развития — район расселения ирокезов вблизи Великих озер (ныне — штат Нью-Йорк). Народы этого региона вели в основном подсечное земледельческое хозяйство. Охота, собирательство и рыболовство у них играли бóльшую роль, чем у мускогов. В социальном плане прогресс ирокезов был весьма велик. Их союз племен — знаменитая Лига ирокезов, созданная в начале XVII в., — был силой, с которой считались британские и французские колонизаторы.

Большим своеобразием отличался культурный комплекс североамериканских прерий и плато — обширная область травяных степей, простиравшаяся с севера на юг от зоны тайги в современной Канаде до р. Ред-Ривер и с востока на запад — от Великих озер до предгорий Скалистых гор. Этот ареал заселяли различные племена сиуанской языковой семьи: дакота, ассинибойн, кроу,

a
 б
 VIII
 25

**Карта 2. Расселение коренных народов Северной Америки
накануне европейской колонизации (северная
часть континента)**

а — границы этнокультурных ареалов; б — незаселенные территории; в — цифровые обозначения этнокультурных ареалов (см. карту 1); г — цифровые обозначения народов (см. легенду).

Цифровые обозначения этнокультурных ареалов и народов на картах 1, 2, 3 одинаковы

I (Арктика): 1 — алеуты, эскимосы; 2 — каниаги; 3 — чугачи; 4 — кусковгамиут; 5 — о. Св. Лаврентия; 6 — икогмиут; 7 — Берингова пролива; 8 — котцебу; 9 — нунамиут; 10 — Северной Аляски; 11 — Маккензи; 12 — медные; 13 — нетсилик; 14 — иглулик; 15 — о. Саутхэмптон; 16 — карибу; 17 — Баффиновой Земли; 18 — Лабрадора.

II (Субарктика): 19 — кучины; 20 — коюкон; 21 — ингалик; 22 — танаина; 23 — танана; 24 — атена; 25 — набесна; 26 — хан; 27 — тутчон; 28 — маунтейн; 29 — каска; 30 — хэар; 31 — беар-лейк; 32 — догриб; 33 — йеллоунайф; 34 — слейв; 35 — чиппевайян; 36 — бивер; 37 — тальтан; 38 — секани; 39 — кэрриер; 40 — кри; 41 — оджибве, чиппева; 42 — монтанье-наскапи.

III (Северо-западное побережье): 43 — глинкиты, эяк; 44 — хайда; 45 — цимшиан; 46 — белла-белла; 47 — белла-кула; 48 — квакиутль; 49 — нутка; 50 — комокс; 51 — маках; 52 — чехалис; 53 — чинук; 54 — ковчичан; 55 — клалам; 56 — чемакум; 57 — коулитц; 58 — тиламук; 59 — калапуя; 60 — такелма; 61 — толова.

IV (Плато): 62 — шусвап; 63 — кутенэ; 64 — колумбия; 65 — оканагон; 66 — кликитат; 67 — якима; 68 — спокан; 69 — флэтхед; 70 — тенино; 71 — уматилла; 72 — кайюсе; 73 — не-персе; 74 — кламат; 75 — модок.

V (Большой Бассейн): 76 — павиотсо; 77 — шошоны; 78 — юте; 79 — вашо; 80 — моно; 81 — пайюте.

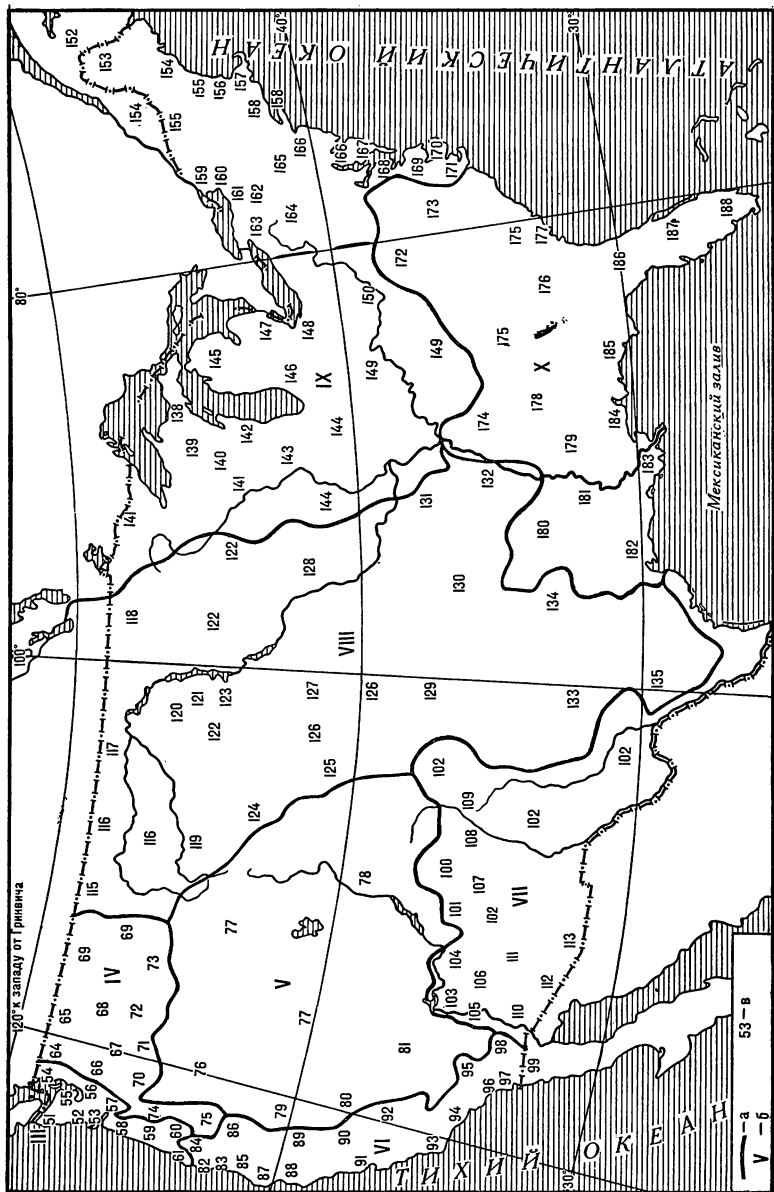
VI (Калифорния): 82 — юрок; 83 — вийот; 84 — шаста; 85 — хупа; 86 — винтун; 87 — юки; 88 — помо; 89 — майду; 90 — мивок; 91 — костаноан; 92 — йокутс; 93 — салинан; 94 — чумаш; 95 — серрано; 96 — габриэлино; 97 — лусенсо; 98 — кахуилла; 99 — типай.

VII (Юго-Запад): 100 — навахо; 101 — хопи; 102 — апаче; 103 — валапай; 104 — хавасупай; 105 — мохаве; 106 — явапай; 107 — зуньи; 108 — керес; 109 — тано, тива, тева; 110 — юма; 111 — марикопя; 112 — папаго; 113 — пима.

VIII (Великие равнины): 114 — сарси; 115 — блэкфут; 116 — гро-вантр (ацина); 117 — ассинибойн; 118 — равнинные оджибве; 119 — кроу; 120 — хидатса; 121 — мандан; 122 — дакота (тетон, янтон, санти); 123 — арикара; 124 — арапахо; 125 — чейены; 126 — пауни; 127 — омаха; 128 — айова; 129 — кайова; 130 — оседж; 131 — миссури; 132 — куапо; 133 — команче; 134 — уичита; 135 — липан.

IX (Северо-Восток): 136 — оттава; 137 — гуроны; 138 — меномини; 139 — сак; 140 — фокс; 141 — кикапу; 142 — виннебаго; 143 — маскаутен; 144 — иллинойс; 145 — потаватоми; 146 — майами; 147 — нейтральные; 148 — эри; 149 — шауни (шони); 150 — веа; 151 — беотук; 152 — микмак; 153 — малесит; 154 — абенаки; 155 — пеннаук; 156 — массачусет; 157 — наррагансет; 158 — мохикан, мохеган; 159 — мохавк; 160 — онейда; 161 — кайюга; 162 — онондага; 163 — сенека; 164 — сусквеханна; 165 — манси; 166 — делавар; 167 — нантиккок; 168 — поухата; 169 — тускарора; 170 — чесапик; 171 — памлико.

X (Юго-Восток): 172 — чироки; 173 — катауба; 174 — чикасо; 175 — мускоги (крики); 176 — ямаси; 177 — кусабо; 178 — алабама; 179 — чокто (чоктав); 180 — кэддо; 181 — натчез; 182 — атакапа; 183 — читмаха; 184 — пенсакола; 185 — апалаче; 186 — тимукуа; 187 — семинолы; 188 — калуса

хидатса, мандан, айова, омаха, осэдж, ото, понка и другие, с которыми на севере соседствовали алгонкины: арапахо, блэкфут, чейены, чиппева, народности группы кэддо: арикара, пауни, уичита, а на юге — шошонаязычные команче и юте. Хотя, как показывают данные археологии, в отдаленном прошлом племена прерий и были знакомы с земледелием, в колониальную эпоху, заимствовав от европейцев огнестрельное оружие и лошадь, индейцы практически полностью перешли к жизнеобеспечению охотой на бизона. Становление хозяйственно-культурного типа конных охотников завершилось в XVIII в. В тот же период важную роль в жизни населения прерий стало играть коневодство.

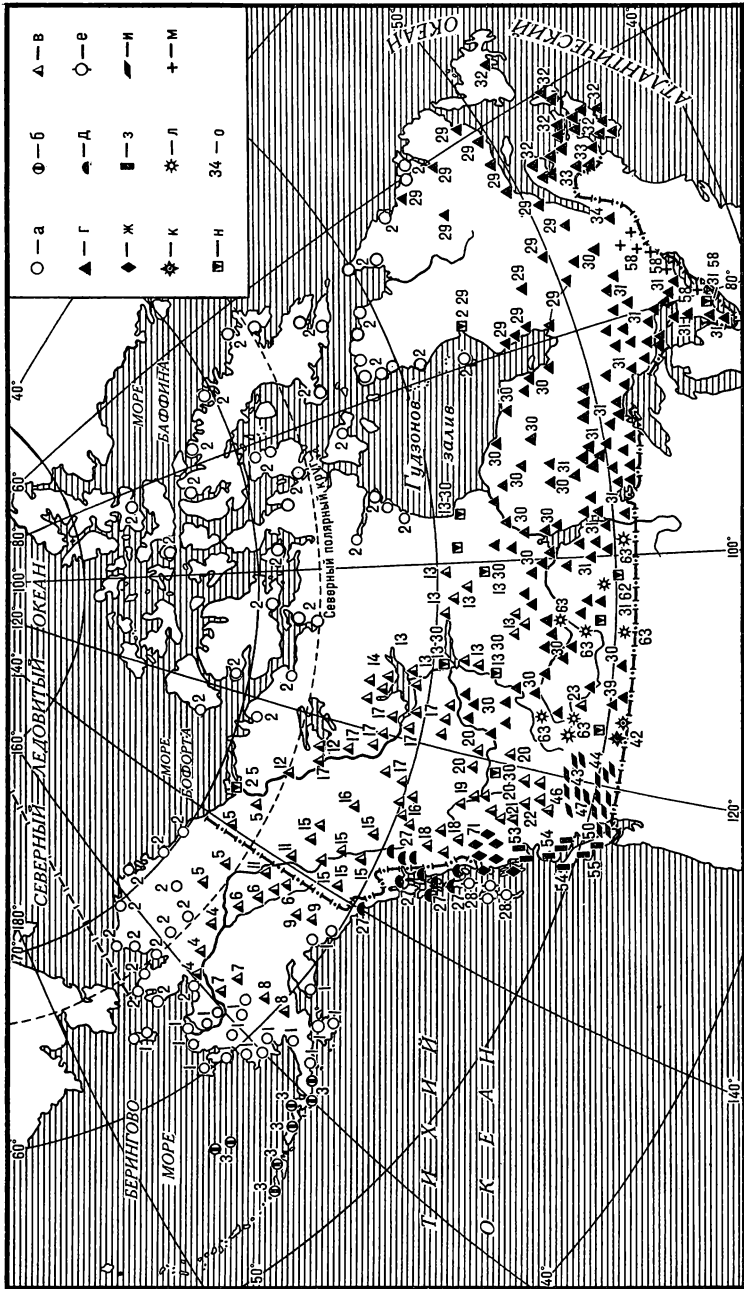
Население Калифорнии отличалось особенностями хозяйства. В большинстве своем оно не знало земледелия и скотоводства и вело кочевой образ жизни. Основной существования жителей этого региона было собирательство орехов, желудей, кореньев, плодов. В прибрежной зоне большое значение имело рыболовство, охота на морского зверя и добыча моллюсков. Для индейцев Калифорнии была характерна языковая пестрота. Здесь жили на северо-западе атабаски, или атапаски (хупа, толова и др.), и алгонкины (юрок и вийот); южнее — племена группы хока, близкие к сиуязычному населению прерий (яна, карок, помо, юки). В центральной части Калифорнии обитали пенутиязычные уинтун, майду, мивок и йокутс и, наконец, на юге области — шошонаязычные бэнноки, чемехуэви и собственно шошоны.

Естественно, картина расселения индейских народов не была статичной еще в доколониальный период. И в ту отдаленную эпоху происходили миграции коренных жителей. Так, в частности, племена апаче и навахо, относящиеся к южной ветви атабаскской языковой семьи, к моменту контактов с европейцами населяли территорию современных штатов Аризона и Нью-Мексико. Их предки предположительно пришли сюда из западной части современной территории Канады (провинция Альберта). Причем навахо и так называемые западные апаче (племена кибеку, сан-карлос, тонто) испытали сильное

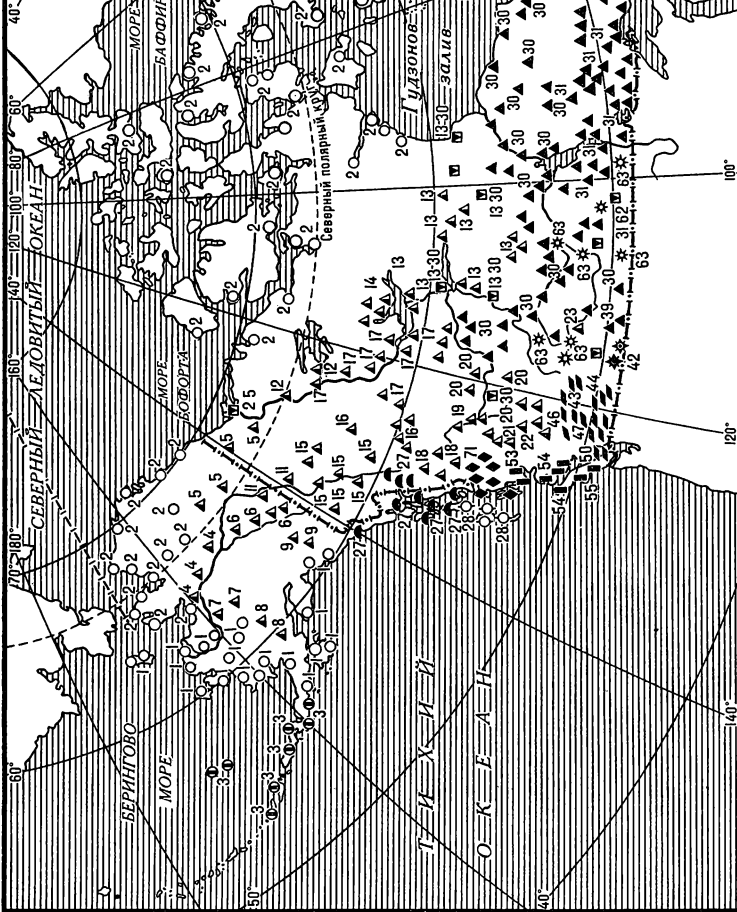

Карта 3. Расселение народов Северной Америки накануне европейской колонизации (южная часть континента)

а — границы этнокультурных ареалов; б — цифровые обозначения этнокультурных ареалов; в — цифровые обозначения народов (см. легенду к карте 2)

- — а
- ▲ — г
- ◆ — ж
- ✱ — к
- ▣ — н
- △ — в
- — е
- ▤ — з
- ✱ — л
- ▣ — о
- 34 — 0

влияние пуэбло: в их обществе земледелие играло заметную роль. Между тем их ближайшие сородичи — восточные апаче (кайова, липан, хикарилья, мескальеро и чирикахуа) относятся к хозяйственно-культурному типу степных охотников на бизонов, характерному, как известно, для сиуязычного населения прерий.

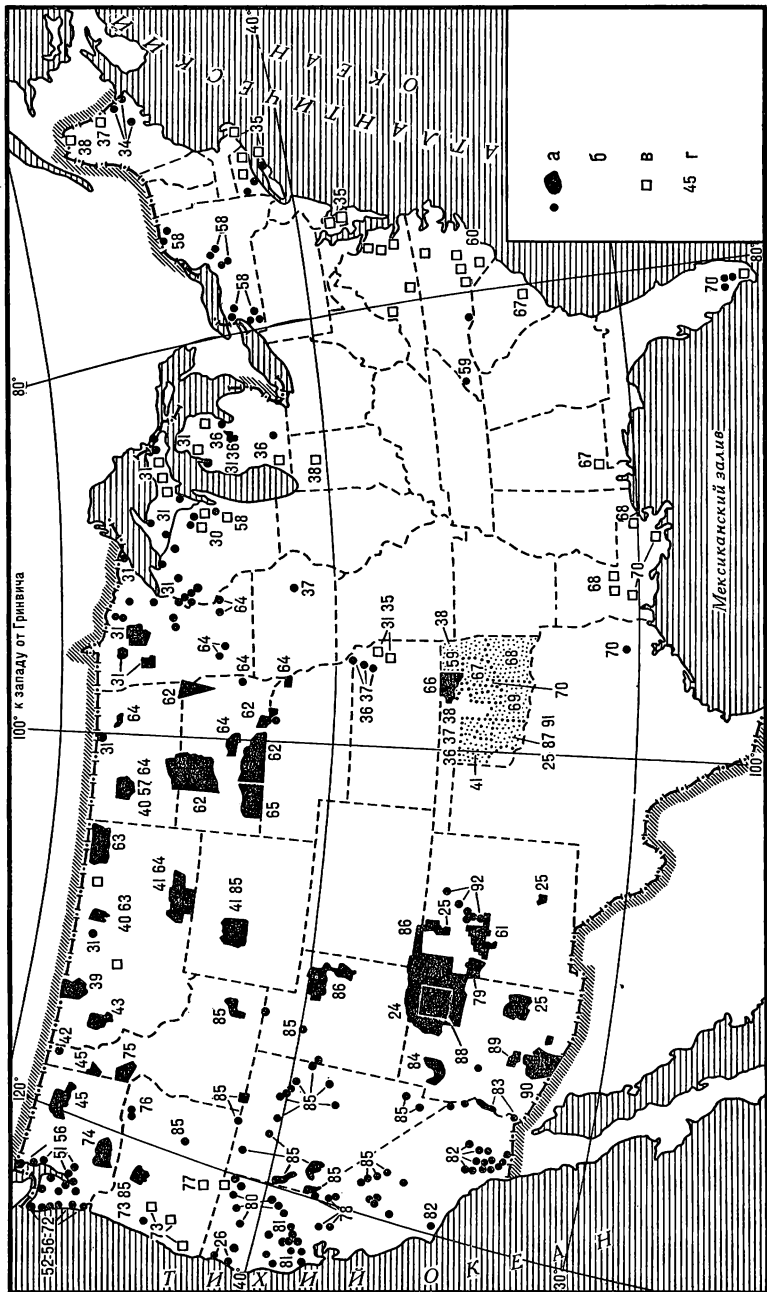
Ирокезоязычные чироки, которых английская колонизация застала в предгорьях Аллеган (современный штат Джорджия), также были более поздними пришельцами в этих местах в сравнении со своими соседями мускогами. Вероятная территория исхода предков чироков район Великих озер.

Карта 4 Современное расселение индейцев и эскимосов Канады и Аляски (США)

(Показаны центры наиболее крупных общин)

Основные этнолингвистические группы: а — эскимосы; б — алеуты; в — атабаски; г — алгонкины; д — тлинкиты; е — хайда; ж — цимшиан; з — вакаши; и — сэлиши; к — кутенэ; л — сиу; м — ирокезы; н — смешанные индейские общины; о — цифровые обозначения народов и этнических групп. Цифровые обозначения народов и этнических групп на картах 4 и 5 одинаковы

- 1 — эскимосы-юпики; 2 — эскимосы-инуиты; 3 — алеуты;
- 4 — коюкон; 5 — кучины; 6 — танана; 7 — ингалик; 8 — танаина; 9 — атена;
- 10 — набесна; 11 — хан; 12 — хэар; 13 — чиппевайян; 14 — догриб; 15 — тутчон; 16 — каска; 17 — слейв; 18 — тальтан; 19 — секани; 20 — бивер;
- 21 — кэрриер; 22 — Филкотин; 23 — сарси; 24 — навахо; 25 — апаче (койотеро, хикарилья, мескальеро и др.); 26 — хупа;
- 27 — тлинкиты;
- 28 — хайда;
- 29 — монтанье-наскапи; 30 — кри, меномини; 31 — оджибве, чиппева; 32 — микмак; 33 — малесит; 34 — абенаки; 35 — делавар, мохикан, наррагансет и др.; 36 — потаватоми; 37 — сак, фокс; 38 — шауни, майями; 39 — блэк-фут; 40 — гро-вантр; 41 — чейены, арапахо;
- 42 — кутенэ;
- 43 — флэтхед; 44 — томпсон, оканагон; 45 — спокан, каллиспел и др.; 46 — шусвап; 47 — лилуэт;
- 48 — белла-кула; 49 — комокс; 50 — сешел, скуомиш, ковичан; 51 — клалам, чехалис; 52 — скокомиш, сноквалми и др.;
- 53 — белла-белла; 54 — квакиутль; 55 — нутка; 56 — юрок;
- 57 — кэддо, пауни (пони), арикара;
- 58 — ирокезы (сенека, мохавк, онейда); 59 — чироки; 60 — ламби;
- 61 — керес (акома, лагуна, санта-ана и др.);
- 62 — дакота (тетон, санти, янктон, сиссетон и др.); 63 — ассинибойн; 64 — кроу, омаха, виннебаго и др.; 65 — оглала; 66 — осэдж;
- 67 — крики; 68 — чокто (чоктав); 69 — чикасо; 70 — семинолы, хума, алабама и др.;
- 71 — цимшиан, насс-гитксан;
- 72 — чинук, васко; 73 — тенино, вишрам и др.; 74 — якима; 75 — не-персе;
- 76 — кайюсе, уматилла и др.; 77 — кламат, модок; 78 — майду, мивок, винтун;
- 79 — зуньи;
- 80 — шаста, карок; 81 — помо; 82 — чумаш, габриэлино, луисеньо и др.
- 83 — юма, мохаве, кокопа и др.; 84 — уалапаи;
- 85 — шошони, пайюте; 86 — юте; 87 — команче; 88 — хоппи; 89 — пима;
- 90 — папаго; 91 — кайова; 92 — тано (тева, таос, хемец и др.)

Примером миграций колониального периода может служить переселение индейцев племени фокс из района оз. Мичиган в район верхнего течения Миссисипи. Французские колонисты, считавшие их помехой в торговле с другими племенами — поставщиками пушнины, спровоцировали войну между фокс и коалицией виннебаго, оттава и чиппева. В результате фокс были вынуждены переместиться к югу.

Никакие миграции доколониального и колониального периодов по своим масштабам не сравнимы с перемещениями индейского населения после образования США. Территориальная экспансия американского капитализма привела не только к грандиозному сокращению индейских земель, но и к радикальному изменению ареалов коренных жителей страны. В первой половине XIX в. правительство США «очистило» от индейцев атлантическое побережье и юго-восточные штаты, частично истребив коренных жителей, а частично переселив их западнее Миссисипи, на территорию современной Оклахомы.

В процессе освоения западных районов США во второй половине XIX в. жившие там индейцы также лишились своих земель. А так как в стране уже не существовало территорий, не использовавшихся белыми гражданами, коренных американцев обычно заставляли селиться в специально отведенных для них резервациях, которые, как правило, создавались в пределах их исконных этнических ареалов. Однако при этом происходило и насильственное смешение различных племенных групп на ограниченной территории отдельной резервации. Например, в резервации Каттарогес в штате Нью-Йорк были совместно поселены кайюга и сенека, в резервации Форт-Бертолд в штате Северная Дакота — мандан, арикара и гро-вантр (гросс-венчерз). Практиковалось и дисперсное расселение некогда единого народа по различным резервациям. В частности, кри живут на территории пяти общин; папаго — четырех; шошоны — тринадцати; чиппева — двадцати и т. д. Кроме того,

---

Карта 5. Современные индейские территории и резервации США

а — резервационные земли; б — индейские земли в Оклахоме (территории со смешанным населением); в — индейские общины без юридического статуса; г — цифровые обозначения народов и этнических групп (см. легенду к карте 4)

уже в современный период в ряде резерваций поселилось значительное число белых американцев. Таким образом, вследствие роста территории США к концу XIX в. сформировалась новая картина размещения индейского населения, которая без особых изменений сохранилась до наших дней. Она выглядит теперь следующим образом¹

Расселение в современный период

На восточном побережье страны в настоящее время живут разрозненные группы коренного населения (см. карту 4). Это малесит, микмак, пассамакуоди и пенобскот — в штате Мэн; нипмаки, вампаноаги, наррагансет и пекот — в Коннектикуте и Делавэре; чикахомини, маттапони и памунки — в штате Виргиния; ламби — в Северной Каролине; катауба и саммервил — в Южной Каролине и, наконец, флоридские семинолы и микосуки. Численность каждого из этих народов весьма невелика и колеблется от нескольких десятков до полутора тысяч человек. Исключение составляют ламби — второй по величине индейский этнос США, насчитывающий около 60 тыс. человек.

Район Великих озер, как и в прошлом, населяют ирокезские народы — сенека, мохавк, онондага, тускароора, онейда и кайюга, чья общая численность — приблизительно 25 тыс. человек. Небольшая группа ирокезов (около 1 тыс. человек) — в основном кайюга, сенека и виандот — живет в Оклахоме. Западнее ирокезов, на территории штатов Миннесота и Висконсин, в 20 резервациях проживают индейцы чиппева (около 35 тыс. человек), с которыми соседствуют меномини (около 3 тыс.) и виннебаго (6 тыс.). Последние расселены по двум резервациям.

Коренное население долины Миссисипи в настоящее время представлено народами сак и фокс (1 тыс.), кикапу (1,4 тыс., включая небольшие общины в Оклахоме и Техасе) и потаватоми. Потаватоми относительно равномерно разбросаны по трем общинам в северо-восточном Канзасе, Оклахоме и Мичигане. Их общая численность приблизительно 6 тыс. человек.

Огромный географический регион Великих равнин, северная часть которого административно входит в штаты Северная и Южная Дакота, Монтана, Айдахо и

Вайоминг, заселен в основном народами сиуанской языковой семьи. Это прежде всего разбросанные по обеим Дакотам собственно сиу (оглала, тетон, янктон, кроу-крик, дивил-лейк, стендинг-рок, форт-пек, чейен-ривер и др.), которые совместно насчитывают около 50 тыс. человек. Лишь один маленький сиуанский народ — мдеукантон (около 200 человек) — живет в настоящее время в значительном отдалении от своих сородичей — на востоке Миннесоты. Северо-западными соседями сиу являются мандан (600 человек), совместно с которыми в одной общине живут кэддоязычные арикара (около 600 человек) и алгонкиноязычные гро-вантр (1 тыс.).

На территории центральной Монтаны в двух резервациях живут ассинибойн (2,1 тыс.), а восточнее их — кроу (4 тыс.). С землями последних граничит община чейенов (7,5 тыс. человек, 3 тыс. из которых — жители Оклахомы). Вблизи границы с Канадой поселились блэкфут (около 4 тыс.), а несколько южнее их — флэтхед (2,5 тыс.) и американские кри (около 1,5 тыс.). В северном Айдахо находятся резервации кер-даллен, кутенэ (по 300 человек) и не-персе (около 1,3 тыс.).

Юг Великих равнин и примыкающие к ним восточные предгорья Скалистых гор и район Большого бассейна (штаты Невада, Юта, Колорадо, а также южная часть Айдахо и восточная — Калифорнии) в основном заняты шошонаязычными народами юте (3 тыс.), пайюте (4 тыс.) и собственно шошонами (около 5 тыс.). Шошоны и пайюте — наиболее дисперсно расселенные индейцы США. Территории их резерваций цепью протянулись с юго-востока Калифорнии через Неваду до юга Айдахо. Пайюте разбросаны по 13, а шошоны — по 11 небольшим общинам, в одной из которых они живут совместно с арапахо (2,3 тыс.). Юте, напротив, живут относительно компактно в трех близкорасположенных резервациях на востоке штата Юта.

Самый крупный отряд индейского населения Соединенных Штатов сконцентрирован теперь на юго-западе страны. Здесь на обширной территории расположились общины апаче. Представители восточной ветви этой этноязыковой общности (мескальеро и хикарилья) живут в штате Нью-Мексико. Народы западной ветви (явапе, уайт-маунтин, сан-карлос) проживают на значительном удалении от своих восточных сородичей в восточной

Аризоне. Общая численность апаче — около 20 тыс. человек.

Между общинами восточных и западных апаче как бы вклинились резервации многочисленных этносов западных пуэбло (акома, ислета, хемец, лагуна, сандия и др.). Все эти общины разместились в центральной части Нью-Мексико. Восточные пуэбло (хопи и тева) живут на востоке Аризоны, в резервации Хопи, чья территория полностью окружена землями самой крупной в США общины навахо. Общая численность пуэбло — свыше 30 тыс. человек.

Навахо — наиболее многочисленный в стране индейский этнос, насчитывающий приблизительно 160 тыс. человек. Около 70 % навахо сконцентрировано в резервации, которая расположена на угловом пересечении границ четырех штатов — Аризона, Нью-Мексико, Юта и Колорадо (основная часть территории навахо лежит в аризонском «углу»). Отдельные, по 2—3 тыс. человек, группы навахо населяют две небольшие резервации к юго-востоку от основных земель этого народа.

В юго-западной части Аризоны расположены три резервации папаго (около 15 тыс. человек) и две общины близкородственных им пима (около 9 тыс.). Оба этих народа относятся к ацтеко-таноанской языковой семье. Еще далее к западу, на границе с Калифорнией, по левому берегу р. Колорадо, живут четыре этноса группы юма: хавасупаи (около 300 человек), хуалапаи (более 500 человек), мохаве (около 250 человек), кокопа (около 400 человек). Другие народы этой группы расселены следующим образом. Марикопа (около 700 человек) не имеют своей резервации и живут совместно с папаго; резервация явапаи (около 400 человек) находится в центральной Аризоне; наконец, кечан — самая крупная община этой группы (почти 900 человек) — населяет резервацию, которая расположена на правом, калифорнийском берегу р. Колорадо.

Среди индейцев Аризоны следует упомянуть также яки (около 2,5 тыс.). Они живут не в резервации, а в пригородах г. Тусон.

Крайняя пестрота и дисперсность характеризуют размещение общин индейцев в штатах тихоокеанского побережья США, которое в географическом отношении разделяется на две зоны — Северо-Запад (штаты Вашингтон и Орегон) и Калифорнию. На северо-востоке

Вашингтона в граничащих друг с другом резервациях живут спокан (около 1 тыс. человек) и колвил (3,4 тыс.). Западнее, по берегам глубоко вдающегося в Американский континент залива Пьюджет-Саунд, разбросаны многочисленные общины сэлишей (дьюанмиш, масклшут, пьюэллап, самиш, скуомиш, суиномиш, сте-лекум, чехалис, тьюлалип и др.). Общая численность береговых сэлишей в США составляет около 2,4 тыс. Севернее сэлишей, у канадской границы, расположена резервация ламми (около 1,2 тыс.). Западнее, на южном берегу пролива Хуан-де-Фука, соединяющего Пьюджет-Саунд с акваторией Тихого океана, находятся две резервации клалам (около 300 человек).

Непосредственно по тихоокеанскому побережью штата Вашингтон расположились резервации мака (около 800 человек), хох (около 50) и куильютов (около 200 человек). Два последних народа составляют этническую общность чемакум. В южном районе штата находится резервация якима, насчитывающих почти 4 тыс. человек.

Индийские этносы Орегона в отличие от коренного населения Вашингтона сконцентрированы в трех резервациях компактными группами. На северо-востоке штата живут совместно три индейских народа: уматилла (около 400 человек), кайюсе (около 500) и уалла-уалла (около 250 человек). К западу от них находится резервация индейцев тенино (1,2 тыс.) и чинук (свыше 300 человек). В южном Орегоне расположены земли кламатов и модоков (вместе — более 2 тыс. человек).

В Калифорнии мы вновь сталкиваемся со значительной разбросанностью индейских общин. На ее территории находятся 117 резерваций, правда, в некоторых из них живет менее 10 человек. Как упоминалось ранее, в районах штата, граничащих с Невадой и Аризоной, живут пайюте, шошоны и кечан. Собственно калифорнийские индейцы расселяются на обширной территории, простирающейся с севера на юг вдоль тихоокеанского побережья, а с востока на запад — от предгорий Сьерра-Невады до океана. Наиболее известны следующие индейские народы Калифорнии. Хупа (1,1 тыс.) занимают резервацию на севере штата. Хупа атабаскоязычны. Вместе с ними живут карок (около 100 человек), говорящие на языке хоканской ветви семьи сиу. Алгонкиноязычные юрок (около 600 человек) — ближайшие

соседи хупа: их земли граничат с землями последних.

Далее к югу расположилось шесть резерваций помо (около 500 человек). В одной из них вместе с помо живут уалапаи, номлакаи, конкоу и юки. Совместная численность этих народов порядка 400 человек.

В центральной Калифорнии расселены йокутс, занимающие две резервации, мивок, моно, вашо. Все эти народы малочисленны: от нескольких десятков до пятисот человек.

На юге штата, у берега океана, находится резервация народа чумаш (около 120 человек). Южнее разбросаны общины индейцев миссий, названных так из-за ориентации того или иного племени на католическую миссию в эпоху испанской колонизации региона. Среди индейцев миссий следует выделить расселенных по шести резервациям диегуэно (около 900 человек) и луисеньо (около 600 человек), живущих в пяти резервациях. Купено (более 400 человек) не имеют своих земель и живут вместе с луисеньо. Восточнее индейцев миссий находятся четыре резервации кахуилла (около 400 человек). Там же живут моронго, чато и серрано, насчитывающие по несколько десятков человек каждый.

В заключение представляется необходимым выделить в качестве особого ареала расселение индейцев штата Оклахома, в географическом отношении входящего в район долины Миссисипи. Это обусловлено, во-первых, особенностью формирования нынешнего состава индейского населения штата: исключая четыре народа — куапо, осэджей, кэддо и уичита, — искони живших здесь, все остальные народы попали в Оклахому в середине XIX в. в результате проводимой правительством страны политики переселения индейцев. Во-вторых, в этом штате индейцы, кроме осэджей, не живут компактными группами, а расселены чересполосно со своими белыми соседями по территории графств, предместьям городов или урбанизированных районов.

На крайнем северо-востоке Оклахомы проживают модок (около 50 человек), пеория (около 150 человек), оттава (около 200), виандот (около 400), кайюга и сенека (совместно, почти 850 человек), куапо (около 400 человек) и основная масса делаваров (свыше 2 тыс.). Небольшая группа делаваров населяет предместье г. Адарнако на юго-западе штата.

Далее на юг расположились поселки чироков. Чис-

ленность их составляет приблизительно 60 тыс. человек. Наиболее концентрированно чироки живут в районах, прилегающих к городам Талса, Талеква, Прайор.

К востоку от чироков находится единственная в Оклахоме резервация осэджей (около 8 тыс.), где вместе с ними живут коу (около 40 человек). Юго-восточнее лежат районы проживания тонкауа (около 200 человек), ото (около 500 человек) и понка (1,3 тыс.). Еще далее к югу поселились пауни (около 800 человек).

Второй по величине после чироков индейский народ Оклахомы — крики (более 26 тыс.) — размещен в семи центральных и восточных районах штата. Западнее находится район, занятый айова (около 500 человек), кикапу (около 500), потаватоми (3 тыс.), сак и фокс (1,1 тыс.), шауни (1 тыс.). К югу от криков живут семинолы (более 3,5 тыс.).

На огромной территории на юге Оклахомы рассредоточены два близкородственных народа чокто (свыше 21 тыс.) и чикасо (около 6,2 тыс.). Западнее последних — апаче: форт-сил (около 700 человек), чирикахуа (около 100) и кайова (около 4 тыс. человек). Чересполосно с кайова расселены команче (около 4 тыс.).

К северу от районов проживания оклахомских апаче находятся поселения кэддо и уичита (около 600 человек каждое). Западнее их сосредоточены совместно живущие арапахо и чейены. К настоящему времени данные народы настолько сильно смешались друг с другом, что определить численность каждого из них крайне трудно. В совокупности оклахомские арапахо и чейены насчитывают порядка 3 тыс. человек.

Демографическая ситуация

По оценочным данным, к моменту образования США в пределах их нынешней территории проживало около 1 млн индейцев. В результате войн, болезней, переселений, создания резерваций и прочих негативных последствий колонизации белым населением западных районов страны к 1900 г. коренных жителей осталось приблизительно 200 тыс. Однако в XX в. их численность сначала стабилизировалась, а после второй мировой войны обозначилась весьма устойчивая тенденция ее роста. В 1950 г. в США насчитывалось 357,4 тыс. индейцев, в 1960 г. — 573,5 тыс., в 1970 г. — 763,5 тыс., в

1980 г. — 1,42 млн, что составляет 0,6 % населения страны.

Увеличение численности индейского населения в послевоенное время в первую очередь было вызвано факторами объективного порядка: высоким уровнем рождаемости и снижением уровня смертности. По показателям темпов прироста в последнее десятилетие индейцы более чем в 2 раза превосходят белое население. Что касается уровня смертности, то за истекшие 30 лет он существенно снизился. Так, например, смертность от туберкулеза, желудочно-кишечных и простудно-инфекционных заболеваний уменьшилась в среднем на 70 %. Показатель детской смертности среди коренных жителей — 18,2 ‰ — в настоящее время лишь немного выше, чем у белых, — 16,1 ‰. И хотя в целом состояние здравоохранения индейцев в сравнении с общеамериканским уровнем продолжает вызывать озабоченность, отмеченные сдвиги не могли не сказаться на увеличении средней продолжительности их жизни. Если в 50-е годы коренные американцы жили в среднем около 44 лет, то к началу 80-х годов, по данным Национального конгресса американских индейцев, этот показатель увеличился до 66 лет²

Вместе с тем рост числа коренных жителей в особенности в истекшем десятилетии не может быть объяснен без учета социокультурного фактора и роста национального сознания коренных американцев, вследствие которого многие лица, имевшие ту или иную степень индейского происхождения и скрывавшие это в силу известных причин, стали называть себя индейцами.

Благодаря высоким темпам естественного прироста возрастная структура индейского населения отличается от аналогичной у белых жителей США. Средний возраст аборигенов в 80-е годы равен 21 году (у белых — 28 лет). Молодежь до 20 лет среди индейцев составляла 51,3 %, тогда как лица старше 65 лет — всего 5,4 % (у белых эти группы составляют соответственно 18,6 и 10 %). Индейские семьи более многодетны: в среднем они насчитывают 4,9 человека, а у белых — 3,5 человека.

В региональном отношении нынешнее расселение индейцев США выглядит так. Наиболее крупный их отряд — 77 % — проживает на юге и юго-западе страны. На северо-западе живет 17,5 % индейцев, а на северо-востоке — лишь 5,5 %. Региональные переме-

щения их в настоящее время весьма незначительны и направлены к юго-западу. Самые крупные группы коренных американцев проживают в следующих штатах (в тыс. человек): Калифорния — 201, Оклахома — 170, Аризона — 153, Нью-Мексико — 105, Вашингтон — 61, Южная Дакота — 45, Мичиган — 40, Нью-Йорк — 39, Миннесота — 35, Висконсин — 30. По доле индейцев в населении штата на первом месте находится Нью-Мексико — 8 %, а на втором — Южная Дакота — 6,5 %.

По-иному обстоит дело с миграцией «село — город». В послевоенный период она проходила весьма интенсивно. Доля городских индейцев с 1950-х по 1980-е годы увеличилась с 16,4 до 44,2 %. Рост горожан среди индейцев происходил двумя путями: за счет стихийных перемещений жителей индейских территорий к рынкам труда и в рамках планового переселения избыточного самодостаточного населения этих районов в город, которое осуществлялось американскими властями в связи с программой релокации, действовавшей с 1954 г. до середины 1960-х годов.

Как и их сельские собратья, городские индейцы расселились в городах США дисперсно. Численность групп в пределах одного населенного пункта, как правило, не превышает 5 тыс. человек. На этом фоне выделяются индейские анклавные группы следующих городов (данные на 1980 г. в тыс. человек): Лос-Анджелес — 47,2, Сан-Франциско — 17,5, Миннеаполис — 15,8, Сан-Диего — 14,3, Сиэтл — 15,6, Нью-Йорк — 13,4, Детройт — 12,3, Чикаго — 11,5, Даллас — 11,0, Сакраменто — 10,9, Денвер — 8,9, Портленд — 8,5, Буффало — 7,3. Все эти крупные города были в свое время центрами релокации. Помимо этого за счет стихийных миграций довольно многочисленные группы коренных американцев появились в средних и мелких городах, расположенных, как правило, вблизи от традиционных мест проживания индейцев: Талса — 38,4, Оклахома-Сити — 24,6, Финикс — 22,7, Альбукерке — 20,7, Тусон — 14,3, Якима — 6,6. В столице США — Вашингтоне живет свыше 6 тыс. коренных американцев. В настоящее время миграция «село — город» стабилизировалась.

Специфической характеристикой индейского населения служит и особый статус, который оно имеет в

Соединенных Штатах Америки. С одной стороны, с 1924 г. индейцы являются полноправными американскими гражданами, а с другой — большинство их имеют легально зафиксированный статус, который гарантирует им целый ряд льгот: а) их земли и недвижимость не подлежат ни федеральному, ни местному налогообложению; б) они имеют право на особые каналы государственной социальной помощи по линии БДИ; в) получают бесплатное медицинское обслуживание, осуществляемое правительственной Индейской службой здравоохранения (ИСЗ), действующей с 1955 г.; г) владеют так называемыми общинными фондами на общую сумму в 1,5 млрд долл. (это денежная компенсация за «добровольную» уступку своих земель и переселение в резервации в прошлом веке). Фонды, во-первых, являются источником личных доходов индейцев: банковский процент с них распределяется ежегодно среди жителей соответствующей резервации и колеблется в зависимости от величины фонда от 50 до 1000 долл. в год. Во-вторых, если опять-таки размер фонда достаточен, его можно использовать для экономического развития резервации. Но так как общая сумма фондов распределена среди сотен общин, значение этого ресурса капиталов не велико. Статусные льготы индейцев не следует, однако, рассматривать в качестве признаков их привилегированного положения в США, как это делает порой официальная американская пропаганда. При сравнительно низком уровне жизни коренного населения эти льготы выступают лишь в виде барьера на пути полной его пауперизации.

Статус также дает индейцам право на особую форму социальной организации — общинную, посредством которой на основании принятых еще в 30-х годах общинных конституций, хартий и сводов законов осуществляется через выборные органы (советы общин) индейское самоуправление. В настоящее время в США насчитывается 493 официально зарегистрированные общины.

Как правило, община живет на территории специально созданной для этого резервации. В настоящее время в США существует 267 федеральных, то есть созданных правительством страны, и 24 штатных, то есть созданных legislатурами отдельных штатов, ин-

дейских резерваций. Они представляют собой особую категорию земель, формально являющихся собственностью соответствующей общины и находящихся под управлением ее совета. Отчуждение или продажа земель невозможны без санкции совета общины, обязательно подтвержденной федеральным правительством. В резервациях живет около 750 тыс. индейцев.

В литературе об индейцах США сложилось упрощенное мнение, будто бы их земли постоянно сокращаются. В действительности ситуация здесь несколько сложнее. В послевоенный период земельная база резерваций была в целом стабильна, составляя около 52 млн акров. Однако вследствие роста численности индейского населения за истекшие 30 лет произошло уменьшение принадлежащих ему земель в расчете на душу населения: если в начале 60-х годов на жителя резерваций приходилось в среднем по 91,4 акра, то в конце 70-х годов — лишь по 37 акров. При этом следует учитывать, что резервационные земли распределены среди общин крайне неравномерно.

Площадь самой крупной резервации — навахо составляет около 14 млн акров (равна территории штата Западная Виргиния), между тем в Калифорнии имеется ряд резерваций, чья территория не превышает 10—15 акров. В целом по стране 138 резерваций имеют площадь менее 1 тыс. акров. Малоземелье в настоящее время одна из наиболее серьезных проблем коренного населения. Другая проблема такого же характера — перенаселенность ряда резерваций неиндейцами. В частности, в резервации народа якима индейцы составляют лишь 20 %, в резервации флэтхед — 19, онейда — 14, осэдж, кер-даллен — по 12, сенека — 11, неперсе, сак и фокс — по 8, а микосуки — менее 1 %³. Засилье неиндейцев в резервациях является дополнительным обстоятельством, препятствующим решению там проблемы малоземелья.

Особую группу статусного населения составляют индейцы Оклахомы. Хотя федеральное правительство и признает их общины, принадлежащие им земли резервациями не считаются и поэтому не выделяются из категории частных земельных владений. Численность статусного нерезервационного населения Оклахомы приближается к 170 тыс. человек.

Наконец, в Соединенных Штатах имеется относи-

тельно большое количество индейцев, не имеющих официального статуса коренных жителей. Прежде всего это жители 43 общин, которые не признаются ни федеральными, ни штатными органами власти. В их число входят почти все народы штатов атлантического побережья страны, в том числе ламби, яки и тexasские кикапу. Свыше 60 % нестатусного индейского населения живет в Северной Каролине, а около 30 % — в штатах Новой Англии. Общая численность этой категории индейцев приближается к 100 тыс. человек.

Кроме того, к нестатусным индейцам относятся лица или их потомки, которые, пройдя предусмотренную законом процедуру, официально ликвидировали свой статус и вышли из общины. Причины такого выхода могут быть различными: необходимость получения денег за счет продажи своего земельного участка, конфликты с соседями в резервации, желание ассимилироваться среди белых сограждан и т. п. Причем не следует думать, будто ликвидация статуса автоматически связана с миграциями индейцев в город. Отнюдь не все городские индейцы спешат расстаться со своим статусом. Многие хотят продолжать пользоваться его некоторыми льготами, хотя, несомненно, доля нестатусных лиц среди индейцев-горожан выше, чем среди жителей резерваций.

Таким образом, современную демографическую ситуацию среди коренного населения США, безусловно, характеризует ряд положительных тенденций, наиболее важные из которых — устойчивый рост численности индейцев и увеличение продолжительности их жизни. В этой связи говорить о вымирании в настоящее время коренных американцев неправомерно. Вместе с тем нельзя не видеть и негативные стороны демографии индейцев: дисперсность их расселения, которая консервирует общинный партикуляризм; недостаточность земельной базы, препятствующая проживанию многих представителей коренного населения в привычной социокультурной обстановке среди своих народов. Это в известной мере выступает основой многих проблем социально-экономического характера, с которыми сталкиваются индейцы Соединенных Штатов.

*****

КАНАДА

Ареалы и численность

В ходе многовекового процесса расселения перво жителей Канады и приспособления их к географической среде обитания еще до начала европейской колонизации сложились шесть основных культурно-исторических областей проживания аборигенного населения со своими характерными чертами, вернее, определенными типами хозяйственной деятельности и культурными комплексами (см. карту 1).

На Крайнем Севере страны вполне отчетливо выделяется зона безлесной тундры вдоль арктического побережья Америки — от границ с Аляской на западе до Лабрадора на востоке. Здесь сформировался и в значительной мере сохраняется до сих пор хозяйственный тип арктических морских охотников (в прибрежных районах) и охотников на оленя карибу (во внутренних районах к западу от Гудзонова залива). Этот район полностью совпадает с ареалом проживания эскимосов, язык которых — инуиак — принадлежит к эскимосско-алеутской языковой семье.

К югу от тундр расположены зоны лесотундры и хвойных лесов с бесчисленными озерами и реками, простирающиеся на 4 тыс. км — от полуострова Лабрадор на севере Атлантики, вдоль южных берегов Гудзонова залива, и на северо-запад по долине р. Маккензи. В административном отношении они включают Лабрадорский округ Ньюфаундленда, большую часть провинции Квебек, север Онтарио, Манитобы, Саскачевана, Альберты, а также административный округ Маккензи Северо-Западных территорий. Здесь при разнообразии погодных условий, длинной и суровой зиме, коротком и прохладном лете сложился хозяйственный тип лесных охотников и рыболовов. Ныне в этом Субарктическом этнокультурном ареале живут представители двух наиболее крупных языковых семей: атабаскской — на западе и алгонкинской — в центре и на востоке.

Южнее Субарктики выделяется историко-культурная область Северо-Востока, где в условиях относительно теплого климата умеренного пояса в смешанных

лесах с обширными озерными и речными системами сложились земледельческие культуры индейцев ирокезов и восточных алгонкинов. К западу от этой области расположена канадская часть территории Великих равнин, где в свое время существовал хозяйственный тип конных охотников на бизонов. Здесь живут представители трех языковых семей: атабаскской, алгонкинской и сиуанской.

Особую переходную область составляет район Плато — нагорье, лежащее к западу от равнин, между Скалистыми горами и Береговым хребтом. В этом районе в условиях географических контрастов (от полупустынь до влажных хвойных лесов) существовали переходные типы культур, испытавшие влияние хозяйственно-культурных комплексов Великих равнин, Субарктики и особенно Северо-Западного побережья. Здесь ныне живут индейцы, говорящие на атабаскских, сэлишских и кутенэ языках.

Северо-Западное побережье представляет собой полосу суши, ограниченную Береговым хребтом, где сложились рыболовно-охотничьи культуры многочисленных народов, принадлежащих к пяти языковым семьям: тлинкитской, цимшианской, хайда, вакашской и сэлишской. Таким образом, на территории Канады в настоящее время живут аборигенные народы, принадлежащие к одиннадцати языковым семьям. Численное распределение официально зарегистрированных (статусных) индейцев по языковым семьям следующее (данные на 1976 г.):

Алгонкинская	— 182 145
Атабаскская	— 25 677
Ирокезская	— 24 705
Сэлишская	— 23 076
Вакашская	— 9 160
Цимшианская	— 8 961
Сиуанская	— 6 394
Хайда	— 1 511
Тлинкитская	— 534
Кутенэ	— 510
Эскимосско-алеутская	— 22 623
Без принадлежности	— 89
<hr/>	
В с е г о...	— 305 385

Некоторые языковые семьи представлены одним народом (хайда, кутенэ, тлинкиты), некоторые — де-

сятью — пятнадцатью группами, различающимися культурой (атабаски, сэлиши, алгонкины). Причем ареалы аборигенных народов никогда не были неподвижными и менялись в результате миграций, еще более усложняя соотношение между языковыми и историкокультурными делениями. Так, атабаскоязычные сарси в провинции Альберта — выходцы из западных районов Субарктики, но давнее проживание в прериях сделало их культуру сходной с алгонкиноязычными блэкфут. В свою очередь блэкфут сами сравнительно недавние мигранты в район прерий: по их языку можно предположить, что они пришли из центральной Субарктики.

Однако все эти исторические миграции не идут ни в какое сравнение с теми радикальными переменами в географии и демографии индейских народов, которые произошли в колониальный и современный периоды. Европейская колонизация и образование самостоятельного канадского государства, его дальнейшее развитие по капиталистическому пути привели если не к массовой гибели аборигенов и полному исчезновению целых племен (как это было в США или в ряде районов Южной Америки и Карибского бассейна) *, то по крайней мере к грандиозному сокращению традиционных территорий их проживания, насильственным перемещениям, смешению остатков различных племенных групп в пределах ограниченных резервационных поселений и т. п. В то же время в отличие от США в Канаде, особенно в ее северных и западных районах, индейцы и эскимосы сохраняют области расселения в пределах их исконных территорий.

В восточных и центральных районах страны расселены девять алгонкиноязычных народов. В Приморских провинциях Новая Шотландия, Нью-Брансуик, Остров Принца Эдуарда и в Ньюфаундленде, а также в южном Квебеке (полуостров Гаспе) живут индейцы микмак. В 1980 г. их было 12,5 тыс. В 50—60-е годы правительство Канады провело укрупнение резерваций, объединив разбросанные мелкие общины и группы в более крупные поселки. Сейчас в четырех резервациях в Квебеке живет около 2 тыс. человек, в десяти в

* На территории Канады вымерло, вернее, было истреблено только одно племя — беотуков, живших на Ньюфаундленде.

Нью-Брансуике — около 3 тыс., в двенадцати в Новой Шотландии — около 5 тыс., в двух на Острове Принца Эдуарда — около 500 человек, в Ньюфаундленде — около 2 тыс. человек.

Соседями микмаков с запада являются малесит, проживающие в восьми резервациях (семь — в западных районах Нью-Брансуика и одна — в южном Квебеке). Их оценочная численность на 1986 г. — около 3 тыс. человек. В южном Квебеке, при впадении р. Сент-Франсуа в р. Св. Лаврентия, в резервационном поселке Оданак живет около 800 западных абенаков⁴.

В центральных и южных районах Лабрадора (территории провинций Квебек и Ньюфаундленд) проживают монтанье, состоящие из трех родственных групп: восточных кри-мистассини (бассейн рек, впадающих в заливы Джеймс и Гудзонов), монтанье (северная часть бассейна реки и залива Св. Лаврентия), наскапи (североатлантическое побережье Лабрадора). Общая численность монтанье — около 18 тыс. человек.

К западу от Гудзонова залива и залива Джеймс, в зоне хвойных лесов, переходящих в северных районах Онтарио, Манитобы и Саскачевана в тундру, а на юго-западе — в прерии, живут кри. На этой обширной территории до сих пор можно выделить три группы индейцев, говорящих на разных диалектах языка кри: болотные, лесные и равнинные кри. Болотные кри занимают район от залива Джеймс до Камберленд-Хаус в Саскачеване, лесные — в бассейне р. Нельсон и к западу от него — в северо-западной Манитобе и Саскачеване, равнинные — к северу от р. Саскачеван — в Саскачеване и Альберте.

Общая численность проживающих в 45 общинах кри — 35,5 тыс. человек (1978). В некоторых общинах Онтарио и Манитобы кри живут вместе с оджибве, в некоторых (Черчилл, Форт-Мюррей) — вместе с чиппевайян.

Крупнейший алгонкинский народ — оджибве (около 120 тыс. с учетом нестатусных индейцев) — расселен в провинциях Онтарио и Манитоба. Этнографическая группа северных оджибве занимает район верховьев рек, впадающих в заливы Гудзонов и Джеймс, группа сото, или «люди порогов», — к востоку и югу от оз. Лесное, юго-западные чиппева — от оз. Лесное до северных берегов оз. Верхнее, юго-восточные оджибве, или

мисэсога (около 24 тыс.), — по северным и восточным берегам оз. Гурон.

Часть северных оджибве и сото живет в резервациях вместе с кри, и некоторые общины в языковом отношении официально относятся к кри. Всего в провинциях Онтарио и Манитоба — 18 официально зарегистрированных общин северных оджибве, проживающих в 23 поселках. Что касается сото, то они живут в 30 общинах. Многие из этой группы мигрировали и живут (хотя бы часть года — обычно зиму) в г. Виннипеге.

На юге Онтарио, по побережью оз. Эри, в двух резервациях на р. Темз живут делавар (диалектная группа мунси). Их 850 человек. На юге Альберты в трех резервациях проживают блэкфут (около 12 тыс.).

В Канаде расселены ирокезские народы, общая численность которых составляет около 30 тыс. человек. В провинции Квебек, в селении Лоретт недалеко от г. Квебек, живут потомки некогда многочисленного и могущественного племени гуронов (около 1,3 тыс. человек). Из собственно ирокезов в окрестностях Монреала на территории двух резерваций живут мохавк, или могаук (около 5,5 тыс. в Кахнаваке и около 1 тыс. в Оке). Более 4 тыс. мохавков живет в канадской части резервации Сен-Реги, расположенной по р. Св. Лаврентия на востоке провинции Онтарио. Кроме этого 3 тыс. мохавков живет в резервации к западу от Кингстона (провинция Онтарио), в районе залива Кинбе озера Онтарио. В дистрикте Брантфорд (провинция Онтарио) на Гранд-Ривер, в резервации Сикнейшн, живут шесть ирокезских народов (общей численностью 24 тыс.), некогда входивших в знаменитую Лигу ирокезов: мохавк, онейда, онондага, кайюга, сенека и тускарора. Небольшие группы ирокезов живут в провинции Альберта.

Вторые по численности после алгонкинов — северные атабаски. Восточную группу северных атабасков составляют народы бассейна р. Маккензи. К западу от Гудзонова залива, на севере Манитобы и особенно на северо-западе Саскачевана и северо-востоке Альберты вплоть до Большого Невольничьего озера, живут чиппевайян. В северо-западной Альберте и в восточной части Британской Колумбии живут бивер. К северу от них и к северо-западу от чиппевайян, в верховьях

р. Маккензи, живут слейв. В северном секторе вокруг Большого Невольничьего озера (Северо-Западные территории) живут догриб. Ниже по р. Маккензи — хэар.

К западной группе, иногда называемой группой Кордильер, относятся проживающие в дельте р. Маккензи (Северо-Западные территории) кучины. Группа кучинов живет на севере Юкона, в верховьях р. Поркьюпайн, в поселке Олд-Кроу. В верховьях р. Юкон живут группы хан и тутчон. На севере Британской Колумбии, по западным склонам Скалистых гор, живут тальтан и каска, южнее — кэрриер и чилкотин.

Сложностью и многообразием отличается расселение индейских народов на северо-западном побережье в Британской Колумбии. Наиболее многочисленную группу составляют сэлиши, живущие на юге провинции, главным образом в бассейне р. Фрейзер, а также на юге и востоке о. Ванкувер.

Вакаши представлены проживающими в восточной части о. Ванкувер и на противоположной части материкового побережья индейцами квакиутль, а на юго-западе острова — нутка. Севернее по побережью материка живут хейлтсук и хайсла.

В северной части побережья Британской Колумбии, между реками Насс и Скина, живут цимшиан, на островах Королевы Шарлотты — хайда, в северо-западном районе провинции — материковые тлинкиты. На юге Альберты находятся резервации кутенэ. На юге Саскачевана и Манитобы в 15 резервациях — сиуязычная группа дакота.

Демографические процессы

По некоторым оценкам, к началу европейской колонизации на территории Канады проживало около 200 тыс. индейцев и около 10 тыс. эскимосов. Болезни, истребительные войны и другие негативные последствия колонизации привели к сокращению численности аборигенного населения. К моменту образования доминиона Канада в 1867 г. в стране проживало 100—125 тыс. индейцев, около 100 тыс. их осталось к 1920 г. Начавшийся за последние 60 лет рост коренного населения резко усилился со второй половины 50-х годов, в результате чего общая численность индейцев более чем утроилась.

Последняя перепись 1981 г. фиксировала четыре основные группы среди коренного населения: зарегистрированные, или статусные, индейцы (320 тыс.), метисы (90 тыс.), нестатусные индейцы (64,5 тыс.) и эскимосы (15 тыс.).

В целом доля коренных жителей в начале 80-х годов составила 2 % всего населения Канады, а официально зарегистрированных индейцев — 1,3 %. Доля последних за сто лет сократилась почти вдвое (2,5 % в 1881 г.).

С конца 50-х годов естественный прирост индейского населения составлял около 3 % в год, в 1968 г. он был более 3,4 %, но к 1970 г. упал до 2,8 % и с тех пор постоянно сокращается, но все равно остается почти вдвое выше общеканадского уровня — 1,4 %.

Сравнение с тенденцией общенационального прироста населения показывает, что среди индейцев имел место, с отставанием примерно в восемь лет, тот же «бэби-бум», что и среди остального населения страны в конце 40-х — начале 50-х годов. Однако причины быстрого и длительного прироста коренных жителей с большим основанием можно будет объяснить факторами социального и культурного характера, в том числе улучшением медицинского обслуживания, некоторым повышением жизненного уровня. По прогнозам специалистов, темпы прироста индейского населения в ближайшие 15 лет будут оставаться выше общеканадских и число статусных индейцев увеличится к 1996 г. на 125 тыс., составив около 450 тыс.⁵ Видимо, можно говорить о бесповоротной тенденции к росту общей численности индейцев и эскимосов в Канаде, по крайней мере до конца XX в.

Демографический взрыв внес существенные коррективы в возрастную характеристику коренных жителей. Индейское население страны сейчас гораздо моложе, чем остальное: в возрасте до 25 лет — примерно 6 из 10 индейцев и 4 из 10 неиндейцев. Это обстоятельство прежде всего сулит обострение и без того сложной проблемы с занятостью. Вместе с этим вполне возможно усиление общественно-политической активности индейцев, ибо уже в середине 80-х годов почти треть их (34 %) составила возрастная группа от 15 до 29 лет. Именно молодые представители абор-

ригенов, как правило, идут в первых рядах индейского общественного движения.

Индейцы проживают во всех 10 провинциях Канады, а также в Юконе и Северо-Западных территориях. Больше всего их живет в Онтарио (24 %) и в Британской Колумбии (18,6 %), меньше всего — в Приморских (Атлантических) провинциях (3,6 %), в Юконе и Северо-Западных территориях (3,2 %). По прогнозам специалистов, индейское население будет продолжать концентрироваться в таких провинциях, как Онтарио, Британская Колумбия и Саскачеван. Различна доля аборигенов и в общем населении провинций и территорий: самая высокая — в Северо-Западных территориях (16 % населения составляют статусные индейцы); самая низкая — в Новой Шотландии и Ньюфаундленде (0,5 %), а также в Нью-Брансуике, Острове Принца Эдуарда и Квебеке (0,6 %). В Юконе, Манитобе и Саскачеване статусные индейцы соответственно составляют 13,2, 4,3 и 4,3 % всего населения, а все аборигенное население (включая метисов, нестатусных индейцев и эскимосов) составляет 18,0, 6,6 и 6,3 % соответственно. В Северо-Западных территориях 60 % всех аборигенов составляют эскимосы, 8,5 % — метисы и 4,1 % — нестатусные индейцы. В трех Степных провинциях после статусных индейцев метисы составляют вторую крупнейшую группу аборигенов. В Альберте метисы составляют свыше $\frac{1}{3}$ (35 %) коренных жителей, в Манитобе и Саскачеване — 28 %.

В настоящее время большинство канадских индейцев проживает на территории резерваций отдельными официально зарегистрированными общинами, состав которых определяется федеральными властями в сугубо административных целях. Общины могут создаваться и упраздняться министром по делам индейцев, и поэтому число общин меняется. В 1981 г. в Канаде существовало 576 общин. Численность индейцев в каждой общине может быть от нескольких десятков до нескольких тысяч, но наблюдается рост средней численности общин, т. е. укрупнение отдельных ячеек индейского населения. Большинство индейцев входит в общины численностью менее 1 тыс. человек. Однако все больше коренных жителей концентрируется в общинах численностью свыше 1 тыс. человек. В целом этот процесс можно рассматривать как дальнейшие

аккультурацию индейского населения и его приспособление к современным общественным условиям. В то же время концентрация индейского населения, укрупнение общин не только ведут к расширению и диверсификации их хозяйственной деятельности, но и создают новые дополнительные возможности для дальнейшего развития этнического самосознания, роста общественно-политической и культурной активности аборигенов, консолидации сил индейского движения.

Индейские общины расположены на территории резерваций. В 1980 г. в Канаде было 2240 резерваций общей площадью около 6 млн акров (более 2,9 млн га). Хотя размеры индейских земель с 1960 г. остаются почти неизменными, число резерваций за последние годы несколько сократилось (2279 в 1969 г.), а число общин увеличилось (558 в 1969 г.). Размеры отдельных резерваций могут быть от нескольких акров до 500 кв. миль. Установлен только максимум владения землей одним индейцем — 160 акров. Некоторые общины имеют по одной резервации, но многие располагают несколькими. По крайней мере в Британской Колумбии на 195 общин приходится более 1600 резерваций.

Вопрос об ареале аборигенов Канады тесно связан с вопросом о географическом расположении резерваций, количестве и качестве занимаемых ими земель. Современные канадские индейцы расселены дисперсно по огромной территории. Разбросанность резерваций, их удаленность от крупных промышленных центров и районов обитания основного населения порождают проблему связи резерваций с остальными территориями, проблему изоляции от рынков труда и товаров, очагов современной культуры. Даже при высокоразвитой канадской хозяйственной инфраструктуре лишь 50 % резерваций связаны с остальной территорией дорогами, 41 % доступны только водному транспорту или гидросамолетам и 4 % не имеют никаких средств сообщения. Изолированность — одна из причин, тормозящих экономическое развитие резервационных земель и вызывающих миграции индейцев из резерваций.

Что касается количества и качества земли, то остающийся стабильным общий фонд индейских территорий при одновременном росте аборигенного населения ведет к уменьшению резервационных земель в расчете на каждого индейца. К 1990 г. доля резервационной

земли на душу населения уменьшится на 50 % по сравнению с 1960 г. Учитывая важность в хозяйственной жизни индейцев таких традиционных занятий, как охота и рыболовство, этот вопрос имеет исключительное значение для будущего аборигенов. При этом следует учитывать, что резервационные земли распределены неравномерно среди индейских общин и неравноценны по своему качеству и потенциальным ресурсам. Из 6 млн акров примерно половину (2,7 млн акров) составляют леса и только около 1,5 млн — земли, пригодные для сельского хозяйства. Многие резервационные земли содержат богатые залежи полезных ископаемых, повышающиеся в цене возобновляемые ресурсы, прежде всего запасы воды и древесины. Резервации в Альберте, и без того богатые нефтью и газом, в 8 раз превышают размеры индейских резерваций в Квебеке и Приморских провинциях. Не случайно на пять крупных резерваций Альберты приходится более 80 % всех доходов индейцев от добычи нефти и газа.

Одна из самых примечательных демографических характеристик новейшего времени — это усиление миграции индейцев из резерваций. В 1966 г. за пределами резерваций проживало 16 % статусных индейцев, в 1981 г. — 39 %. Наибольшее число индейцев, живущих вне резерваций, отмечено в провинциях Британская Колумбия (50,6 %) и Онтарио (44,7 %), а также в провинциях канадских прерий, что связано с более высоким уровнем деловой активности в этих регионах и несколько лучшими возможностями с наймом на работу коренных жителей. Если резервационные индейцы — это почти исключительно сельские жители (94 %), то среди живущих вне резерваций статусных индейцев преобладают городские жители (77 %).

Индейцы уезжают прежде всего в крупные города, где они составляют иногда довольно значительную и концентрированную часть городского населения. Самое большое число индейцев в 1981 г. жило в Виннипеге (8185 человек), Ванкувере (7480) и Торонто (6645 человек). Причем это только статусные индейцы. Здесь же проживает и большое число канадцев индейского происхождения, но утративших официальный статус, т. е. не приписанных ни к одной из индейских общин. По некоторым данным, в Торонто и Ван-

кувере временно или постоянно уже живет 15—20 тыс. аборигенов, в Виннипеге — около 16 тыс. Причины переселения именно в крупные города заключаются в больших возможностях получить работу низкой квалификации и в наличии там, хотя и слабо выраженных, индейских гетто, где можно получить кое-какую поддержку соплеменников. Однако в отличие от других этнических меньшинств индейцы с большим трудом объединяются в городские общины, прежде всего из-за существующих больших культурных и языковых различий.

Значительная часть индейского населения концентрируется в средних городах, особенно тех, которые расположены поблизости от резерваций и где индейцы уже на протяжении долгого времени работают по найму. Это такие города, как Порт-Алберни, Камлупс, Принс-Руперт, Принс-Джордж — в Британской Колумбии; Эдмонтон и Калгари — в Альберте; Саскатун, Принс-Альберт, Норт-Батлфорд — в Саскачеване; Брандон, Томпсон, Ле-Пас, Флин-Флон — в Манитобе; Кенора, Су-Сент-Мари, Шеффервилл, Валь-д'Ор — в Онтарио и Квебеке.

Хотя достаточно твердо установлено, что главная причина миграций из резерваций в города — это поиск работы по найму, индейская в сравнении с обычной трудовой миграцией имеет свои отличительные черты. Во-первых, среди нерезервационных статусных индейцев преобладают женщины (их 56 %). Это можно объяснить, пожалуй, только одним обстоятельством: в случае смешанных браков с другими канадцами женщины чаще покидают резервации, чем мужчины. Во-вторых, индейцы-мигранты из резерваций — это главным образом молодежь от 16 до 25 лет, уезжающая в город, чтобы быстрее начать самостоятельную трудовую жизнь и стать на ноги. Но отъезд из резервации во многих случаях не является окончательным, это всего лишь определенный этап на жизненном пути индейца. Он не порывает связь с домом, где остались его родственники и друзья, не рассматривает город и его среду как свой «новый дом», не стремится обжиться в нем и влиться в новое окружение. Многие индейцы, особенно в последние годы, все чаще смотрят на резервацию как на необходимую жизненную опору, связывающую их с родным народом, обеспечивающую

им своего рода убежище от враждебного евроканадского капиталистического окружения.

Меняющаяся роль резерваций в современной жизни канадских индейцев проявляется и в том, что в последние годы прекратился отлив из них коренного населения. За период 1976—1981 гг. число мигрантов в резервации превысило на 1 тыс. число мигрантов из резерваций. Если же говорить в целом о внутренней (межрегиональной) миграции статусных индейцев, то она идет довольно интенсивно (за 5 лет 10 тыс. индейцев, или 3,6 %, поменяли районы жительства) и имеет направленность в сторону западных и северных областей страны. В 1976—1981 гг. положительное сальдо индейской миграции имели только Альберта (1465 человек), Британская Колумбия (295), Юкон и Северо-Западные территории (110 человек). Причем мигрируют главным образом индейцы, уже покинувшие резервации и переезжающие с места на место вне их: эти мигранты составляют 7395 из 10 тыс. человек, т. е. 75 %.

Нужно также отметить, что часть индейцев все же покидает резервации навсегда. Причины этого разные, но главные — квалифицированная работа в фирме или на предприятии, женитьба, личные конфликты в резервации. Для этих индейцев город становится их новым домом, а ассимиляция в новой среде и обязательно среди белых сограждан — жизненной целью. Эти так называемые белые индейцы часто настроены против своих соплеменников, что дает им больше шансов преуспеть среди белых. Однако многие из них не расстаются со статусом индейцев главным образом для того, чтобы продолжать пользоваться некоторыми льготами со стороны властей и общины, к которой они остаются приписанными официально.

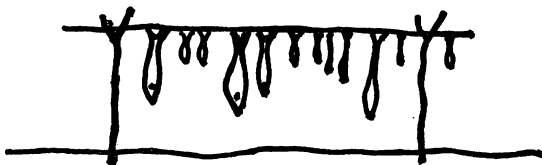

Статус аборигенов и индейская политика

Сейчас
условия
жизни
в индейских
землях
ухудшились
как никогда
за последние
сто лет...
Быть индейцем
стало
невыносимо.

Из статьи
индейского лидера Э. Сэвилла
в газете «Ньюсдей»
от 8 июля 1984 г.

США

Атака на индейский статус

Основным направлением индейской политики американских властей в 50—60-е годы была терминация, т. е. ликвидация особого статуса коренного населения США и отказ от обязательств федерального правительства оказывать индейцам помощь.

Терминация, чье начало совпало с разгулом в стране шовинизма и реакции, именуемого маккартизмом, была не случайным поворотом индейской политики федерального правительства. Основной причиной, в силу кото-

рой статусное положение коренного населения вдруг стало камнем преткновения для правящих кругов страны, было извечное стремление частного сектора облегчить доступ к природным богатствам индейских резерваций. Известный в те годы защитник прав индейцев О. Лафарж в этой связи прямо указывал, что «призывы ликвидировать особый статус общин и резерваций являются не чем иным, как очередной попыткой так называемых «благонамеренных» граждан начать атаку на собственность индейцев... Эти вредители и грабители,— подчеркивал он,— намерены продолжить «освобождение» коренного населения от того немногочисленного, что у него осталось»¹ Специфичность терминационной кампании в конгрессе, начатой республиканцами с приходом к власти, проявилась, таким образом, не в новой политической установке, а в способе ликвидации статусного положения индейских общин.

Чтобы изменить индейскую политику, республиканцы предлагали такие средства: реформировать социальную организацию коренного населения, упразднив общину как институт, разделив между их членами общие фонды и территории резерваций, сняв ограничения на продажу индейцами своих участков земли; прекратить федеральную опеку над индейцами, лишив их земли особого статуса, передав вопросы здравоохранения и образования коренных американцев в компетенцию соответствующих министерств, возложив на штаты ответственность за оказание индейцам социальной и экономической помощи. Предполагалась и ликвидация юридической автономии общин. Все эти предложения, осуществить которые намечалось в течение трех-четырех лет, и составили «33 рекомендации по индейскому вопросу» — программу терминации.

Поскольку правительство США не имело возможности в одностороннем порядке изменить характер отношений с индейским населением, ему, перед принятием нового законодательства, необходимо было заручиться формальным согласием жителей резерваций. Между тем ряд индейских лидеров выразили глубокую тревогу. «Индейцы приведены в недоумение публичными заявлениями... о ликвидации над ними федеральной опеки,— заявил один из тогдашних активистов НКАИ *

* Национальный конгресс американских индейцев.

Ф. Джордж.— Многие из нас полагают, что в основе «больших перемен» лежат своекорыстные интересы тех, кто страстно домогается индейских земель и ресурсов. ...Повсеместно индейцы выражают опасение, что большой бизнес добирается до их территорий и в скором времени они лишатся своих богатств»².

Тем не менее тогдашнему главе БДИ Г. Иммонзу удалось заручиться формальным согласием индейцев на ликвидацию их статуса. Резолюции, в которых говорилось о согласии индейцев с планами терминции, в 1953 г. приняли, в частности, общины меномини, навахо, осэджей, оглала и др. Произошло это в первую очередь благодаря прямому обману жителей резерваций и неприкрытому давлению, которое оказывали на них официальные лица, о чем, к сожалению, стало известно лишь спустя два десятилетия в ходе разоблачений злоупотреблений сторонников терминции.

Против терминции выступили отдельные представители демократической общественности. В частности, Д. Коллиер со страниц «Нью-Йорк таймс» неоднократно разоблачал правительственные меры: «Терминция, ликвидируя права собственности общин, разрушает их внутреннюю жизнь, деморализует, дезориентирует индейцев». Осуществляя подобную политику, «федеральное правительство, невзирая на протест индейцев, снимает со своих плеч бремя оказываемой им помощи, хотя только оно в состоянии нести его»,— писал он³.

Определенное противодействие планы терминции встретили даже в стенах конгресса. Ряд конгрессменов-демократов подвергли критике некоторые частные детали «33 рекомендаций», например передачу зданий индейских школ в ведение штатов. В целом же оппозиция правительственной программе оказалась довольно слабой, и 1 августа 1953 г. конгресс принял совместную резолюцию № 108, объявившую снятие федеральной опеки, контроля и всех специальных ограничений, затрагивающих индейские общины, основным направлением политики в отношении коренного населения.

Проведение терминции в жизнь началось в 1954 г., когда был ликвидирован статус общин алабама-коушатта, кламатов и еще 60 малочисленных народов Орегона, меномини, пайюте и так называемых «метисов» резервации Юинта-Оурей. В 1956 г. их число

пополнили оттава, пеория и виандот, в 1958 г.—35 ранчерий Калифорнии, а в 1959 г.—катауба. Население всех этих общин превышало 13 тыс. человек, а площадь их резерваций — 1,4 млн акров. Несмотря на отдельные отличия, все эти законы содержали в себе следующее. Они упраздняли общинную организацию: в течение двух — шести лет ликвидировалось членство в общинах и полномочия их советов; упразднялась общинная форма собственности на резервационные земли, которые переходили в частное владение отдельных индейцев; прочая недвижимость и денежные фонды в переходный период считались корпоративным владением с последующим разделом их и передачей в частные руки. В административном отношении территории резерваций, перестав быть особой категорией земель, входили в состав округов; естественно, теперь они подлежали федеральному и местному налогообложению.

В связи с утратой статуса бывшие члены общин автоматически выходили из сферы федеральной опеки. Они теряли право на получение социальной помощи, специально предназначенной для индейцев. Здравоохранение в резервациях по закону от 1 июля 1955 г. передавалось в ведение министерства здравоохранения страны. Образование индейцев переходило под контроль соответствующих инстанций штатов. К собственно терминаторным законам органически примыкал и закон № 280 от 15 августа 1953 г. о распространении гражданской и уголовной юрисдикции штатов Калифорния, Миннесота, Небраска, Орегон и Висконсин на территории расположенных там резерваций. Формально не упраздняя общины, этот закон также представлял терминаторную меру, ликвидируя особые права индейцев.

Терминация для коренного населения стала началом тяжких испытаний. Особенно трудным оказалось положение жителей упраздненных общин, которое прекрасно иллюстрирует ситуация в резервации кламатов. Лесные ресурсы (площадь лесов кламатов в 1954 г. была равна 800 тыс. акров) и собственная лесопильня, казалось, позволяли надеяться, что после прекращения государственной помощи индейцы будут иметь хороший источник доходов. Но неподготовленность к участию в конкуренции на рынке наемного труда стала

непреодолимым препятствием действенного использования этих ресурсов. Приглашенный индейцами менеджер оказался авантюристом, незнакомым с организацией лесозаготовок, и неудивительно, что и без того невысокие прибыли индейского предприятия сократились в 2—3 раза. Вследствие этого, по данным БДИ, доля лиц бывшей резервации, нуждавшихся в социальной помощи, к 1957 г. составила около 40 %, увеличившись по сравнению с 1954 г. в 5 раз.

Большинство общин, чей статус не был ликвидирован юридически, пострадали от терминации не менее сильно. Ввиду сокращения общего объема государственных субсидий они оказались вынужденными финансировать свое развитие собственными фондами. При недостаточной государственной помощи и без того невысокий уровень жизни индейцев начал понижаться. По официальным данным, к 1959 г. среднегодовой доход индейской семьи был равен всего 400 долл. Ухудшилась ситуация со здравоохранением: полумиллионное население резерваций должны были обслуживать всего 200 врачей, но ввиду сокращения федеральных ассигнований 70 мест из этого числа остались вакантными.

В подобных условиях для индейца практически единственным способом поправить свое положение стала продажа участка. Распродажа индейских земель в период администрации республиканцев приобрела большой размах: ежегодно в руки белого населения переходило в среднем по 0,6 млн акров. И без того недостаточной земельной базе резерваций был нанесен серьезный удар. Комментируя ситуацию, сложившуюся в индейских делах после ликвидации статуса резерваций, конгрессмен-демократ Л. Меткалф отметил: «Единственная заслуга правительства в решении индейского вопроса — предоставление коренным жителям права покупать спиртное и возможность быть арестованным федеральной или штатной полицией... Если это и есть законное место индейцев в нашем обществе, то пусть лучше никто из них его не займет»⁴

Если начало терминации, совпавшее, как известно, с годами крайней реакции, не встретило в стране особой оппозиции, то спустя три-четыре года ситуация изменилась. Ряд «успехов» правительственной

программы стал столь очевиден, что газета «Нью-Йорк таймс» с сарказмом отметила «эволюцию положения в индейских делах от плохого к худшему»⁵ В пользу отказа от свертывания обязательств федерального правительства относительно коренного населения начали выступать и отдельные представители правящих кругов. Заметно активизировалась борьба самих индейцев.

В условиях, когда США отходили от крайностей маккартизма, администрация Эйзенхауэра уже не могла не реагировать на критику политики в индейских делах. За год до окончания второго срока полномочий президента Эйзенхауэра конгресс принял совместную резолюцию № 12 от 2 марта 1959 г., фактически объявившую о приостановке терминации: она провозглашалась лишь конечной целью правительственной политики; меры, формирующие ее вопреки согласию соответствующих общин, запрещались; финансовая помощь коренному населению до ликвидации статусных льгот гарантировалась: распродажа земель резерваций неиндейцам без санкции советов общин запрещалась.

Но индейцев уже не могли удовлетворить такие полумеры; они требовали изменения политического курса. «Объединившись, мы должны бороться, мы должны требовать новой политики», — призвал один из руководителей НКАИ, У. Уэтцел⁶ Одной из наиболее важных акций, предпринятых коренными американцами, стало проведение в июне 1961 г. в Чикаго конференции представителей 67 общин. В принятых на ней основных документах открыто провозглашалось «неотъемлемое право... сохранять свой дух, культурные ценности», осуществлять общинное самоуправление и содержались призывы к администрации США отказаться от терминации.

К «новым рубежам»

Победа на выборах 1960 г. демократической партии, обещавшей привести страну к «новым рубежам», казалось, должна была стать для коренного населения преддверием желанных перемен. И действительно, предвыборные обещания демократов проводить в отношении их «взвешенный, разумный курс», дополненные заверением Д. Кеннеди принять специальную программу развития ресурсов резерваций, породили среди их

жителей иллюзию относительно кардинальных перемен в правительственной политике.

Но эти надежды во многом оказались беспочвенными. Когда спал накал предвыборной борьбы, в которой демократы резко критиковали правительство Эйзенхауэра, из выступлений лидеров партии стало очевидным, что эта критика касалась формы, а не существа индейской политики. Что же относится к смыслу деятельности правительства США в этой области, то для администрации Д. Кеннеди он заключался в том, чтобы «перестать наконец делать за какую-то группу населения то, что она должна делать самостоятельно на основе принципа равных возможностей», и чтобы «помощь индейцам оказывалась в случае необходимости не потому, что... они — потомки первопоселенцев континента, а граждане Соединенных Штатов»⁷ Иными словами, демократы, так же как и их предшественники, по существу были против статусных привилегий коренного населения.

При известном совпадении целей демократическую партию, однако, отличал более реалистичный подход к их достижению. Администрация Кеннеди отдавала себе отчет в том, что невозможно добиться интеграции индейцев в основное общество только юридической отменой их статуса, без включения коренных американцев в экономическую жизнь страны. Поэтому акцент в решении индейского вопроса был поставлен на экономическое развитие резерваций. В этой ситуации можно было легко отказаться от самого одиозного приема республиканцев — ликвидации общин как социальных институтов. При этом конгрессмены-демократы, стремясь сделать общину инструментом реализации правительственных планов, постоянно указывали на необходимость подчинения ее не только федеральной, но и штатной юрисдикции на всей территории страны, ликвидировав тем самым одну из главных статусных льгот общины — отправление правосудия в резервациях.

В духе вышеописанных установок и была выдержана обнародованная 17 апреля 1961 г. правительственная программа в индейском вопросе, разбившая многие надежды коренного населения. В ней, правда, говорилось о признании администрацией Кеннеди до поры до времени статуса индейских общин и их территорий (включая налоговый иммунитет) и, следова-

тельно, обязательств оказывать им помощь. В программе можно было найти и немало критики политики терминатии. Но осуждалась она лишь в узком смысле этого понятия — как резкое свертывание специальной помощи индейцам. Конечный же результат этой политики — «ликвидация их особого положения и противопоставления другим группам населения» — провозглашался, как и ранее, основным направлением деятельности федерального правительства. В доктрине также были обойдены молчанием вопросы о восстановлении статуса общин, терминированных в 50-е годы, и отмене гражданского закона № 280.

Практическая деятельность демократов в конгрессе стала отражением истинных намерений правящих кругов относительно коренного населения. В начальный период президентства Кеннеди там обсуждались следующие законопроекты: о терминатии общин якима и колвил; о ликвидации права общин регулировать свое членство; об отмене статьи совместной резолюции № 12 1959 г., запрещающей отчуждение индейских угодий без санкции советов общин.

И лидеры коренного населения, справедливо увидевшие за формальным осуждением терминатии стремление федерального правительства и далее осуществлять эту политику, выразили свой протест, хотя и воздержались от прямого осуждения президента, еще недавно обещавшего им столь желанные «новые рубежи».

Гибель президента Кеннеди в 1963 г., приход к власти представителя консервативных кругов демократической партии Л. Джонсона, перестановки в госаппарате — все это отвлекло внимание общественности США от индейского вопроса. Когда же спустя некоторое время «проблема первых американцев», по словам президента Джонсона, вновь стала одной из главных на повестке дня, в позиции правящих кругов в индейских делах наметились более жесткие тенденции.

В сентябре 1967 г. конгресс принял закон о передаче обязательств правительства относительно резервации сенека легислатуре штата Нью-Йорк. Вслед за тем под прикрытием шумной кампании борьбы с якобы имевшей место «угрозой гражданским правам отдельных индейцев со стороны правосудия, осуществ-

вляемого общинными органами самоуправления», 11 апреля 1968 г. был издан гражданский закон № 284 о правах индейцев. Согласно этому закону, любой штат в дополнение к тем, которые имели эту возможность по гражданскому закону № 280, приобретал право распространять свое уголовное, а в специально оговоренных случаях и гражданское законодательство на территории индейских общин. Отношение индейцев к закону, якобы призванному защищать их интересы, прекрасно выразил известный индейский историк и общественный деятель В. Делориа, не без сарказма заметивший: «Правительство стало рьяно защищать наши права в том смысле, в каком Джон Дилинджер защищал интересы ограбленных им банков»⁸

Напротив, любые попытки отдельных либералов направить политику администрации в русло конструктивных решений конгрессом отвергались. Все это свидетельствовало о том, что, хотя законы о ликвидации общин как таковых будто бы канули в прошлое, процесс терминции в действительности продолжал идти, правда, в иной, чем в 50-е годы, форме.

Между тем эта политическая линия опровергалась повседневной реальностью существования коренного населения. Ситуация, сложившаяся у висконсинских меномини, которые с 1961 г. стали первой общиной, полностью лишенной статуса и федеральной опеки, явилась наглядным тому подтверждением. Их резервация, превращенная в 72-й округ штата Висконсин, и общинная лесопильня, ставшая корпорацией «Меномини энтерпрайз», прежде всего попали под мощный налоговый пресс. Основной удар меномини наносил поземельный налог, который «съедал» до 50 % прибыли индейского предприятия. Естественно, бывшие общинные, а ныне — муниципальные власти, чтобы как-то свести концы с концами в бюджете своего округа, были вынуждены сократить «непроизводительные» траты на здравоохранение, образование, социальную помощь, а также рассчитать часть рабочих «Меномини энтерпрайз». В итоге некогда экономически самостоятельная и весьма зажиточная община, имевшая собственный госпиталь и предприятие, которое обеспечивало работой всех ее членов, превратилась в беднейший район США, чье население попало в зависимость от благотворительных организаций штата.

Провал усилий администрации найти какое-либо конструктивное решение проблемы коренных жителей вызвал серьезную озабоченность общественности страны. Американские средства массовой информации все чаще и чаще стали подвергать сомнению правильность существовавшей индейской политики. Но все-таки главной причиной, заставившей правящие круги США отказаться от ликвидации статусных льгот аборигенов, стала борьба самих индейцев.

Кампанию за немедленную отмену пресловутой совместной резолюции № 108 и официальное подтверждение индейского суверенитета вел НКАИ, направляя в конгресс решительные протесты. Новая фаза индейского движения протеста началась с 1968 г., когда молодые, радикально настроенные лидеры коренного населения образовали Движение американских индейцев (ДАИ). Эта организация, отвергнув соглашательскую линию НКАИ, осуществила ряд конкретных акций протеста, самой крупной из которых был захват индейцами о. Алякатрас в 1969 г.

На фоне всеобщего недовольства коренного населения серьезная оппозиция терминации возникла и среди правящих кругов США. Конкретные рекомендации, как изменить политику — привлечь индейцев к разработке программ федеральной помощи, предназначенной для них; поставить под контроль общин деятельность БДИ; создать особый фонд содействия развитию ресурсов резерваций объемом в 200 млн долл., — предложил Э. Кеннеди. С осуждением терминации выступил и лидер республиканской партии, ее кандидат на предстоящих президентских выборах 1968 г. Р. Никсон. В специальном заявлении «Лучшее будущее для американских индейцев» он открыто признал, что «индейцы стали жертвой непродуманной и противоречивой политики», причем ответственность за это должны нести обе ведущие американские партии. Никсон также подчеркнул, что впредь «терминация не будет более выдвигаться в качестве цели правительственной политики»⁹. Таким образом, крах терминации как способа решения индейской проблемы, борьба индейцев против этой политики, поддержанная общественным мнением страны, стали основным фактором, заставившим правящие круги США пересмотреть политику в отношении коренного населения.

Один из первых шагов был сделан в последние месяцы пребывания у власти Л. Джонсона. 6 марта 1968 г. президент направил в конгресс послание «Забывтые американцы», в котором, в частности, говорилось: «Мы должны с уважением относиться к национальному достоинству индейцев и их особому положению. Мы должны подтвердить право коренных американцев оставаться индейцами, одновременно обладающими правами американских граждан. ...Мы обязаны, наконец, заверить их в том, что особые отношения коренных жителей и их правительства будут продолжать существовать и укрепляться»¹⁰ Президентским распоряжением № 11399 был создан Национальный совет по равным возможностям индейцев (НКИО) в составе руководителей министерств и агентств, в той или иной мере связанных с индейскими делами, и представителей индейцев, которые назначались самим президентом США. Совет был обязан подготовить и представить конкретную программу содействия коренным жителям и разработать принципы новой политики. Создание НКИО имело важное значение: впервые индейцы получили возможность участия в разработке касающихся их решений на высшем уровне, хотя преобладание в совете правительственных чиновников во многом снижало его эффективность. Впрочем, администрации демократов не суждено было сделать дальнейшие шаги в этой области. Выборы 1968 г. принесли победу их противникам — республиканцам. Перестановки в верхнем эшелоне государственного аппарата на долгое время парализовали деятельность НКИО. Тем не менее благодаря главным образом усилиям его индейских членов совет представил к январю 1970 г. проект основных рекомендаций относительно изменений индейской политики: сохранение и укрепление внутренней автономии индейских общин, включая и юридическую автономию; содействие созданию и осуществлению собственно индейских планов социально-экономического развития резерваций; усиление государственной помощи индейцам за счет образования специальных индейских отделений во всех федеральных агентствах, занимающихся решением социальных проблем всего населения США. Эти рекомендации и легли в целом в основу принципов новой политики федерального правительства относительно

индейского населения, сформулированных в специальном послании в конгресс президента Р. Никсона от 6 июля 1970 г.¹¹

Правительственный вариант самоопределения

В этом документе президент сделал попытку найти в индейской политике среднюю линию между либерализмом «нового курса» и реакционным реформаторством послевоенного времени, или, по его терминологии, между «патернализмом» и «насильственной терминацией». Идея, которая позволила бы преодолеть негативный эффект обеих этих крайностей, отмечал он далее, заключалась в осуществлении относительно коренных жителей сбалансированного курса на «самоопределение без терминации», т. е. укрепление автономии индейцев, не разрушая основ их общинной жизни. В качестве конкретных акций президент предложил следующие: а) подтверждение статуса общин — отмена резолюции № 108; б) усиление государственной помощи на нужды здравоохранения и образования индейцев; в) укрепление автономии общин за счет «наделения их правом контроля и участия в реализации той или иной программы содействия индейскому населению, финансируемой федеральным правительством», и за счет материальной поддержки их собственных экономических начинаний.

Президент Никсон охарактеризовал свои предложения как исторический поворот в индейской политике США. В его послании «самоопределение» фактически означало лишь возможность самостоятельных решений на нижнем уровне в области стимулирования общинами экономического развития резерваций. Подобная интерпретация самоопределения индейцев в действительности не столько давала им свободу выбора пути, сколько перекладывала на плечи общин ответственность за этот выбор. Реальные же гарантии самоопределения, в частности отмена законов № 280 и 284, даже не предусматривались. Иными словами, программа самоопределения в изложении республиканцев начала 70-х годов являлась весьма консервативным документом, хотя в сравнении с политикой терминации это был существенный сдвиг.

Планы администрации Никсона получили полную

поддержку руководства республиканской партии. В принципе их одобрили и лидеры демократов, посчитав, что политика самоопределения, сбив волну протеста коренного населения, ускорит его интеграцию в американское общество.

По-иному отнеслись к ней индейцы. Представители радикального ДАИ в противовес планам правительства выдвинули собственную программу самоопределения, так называемые «20 пунктов», в которой высказывались такие требования: восстановление статуса всех терминированных общин и земельной базы резерваций, полная юридическая автономия индейцев на основе отмены законов № 280 и 284 и сохранение их налогового иммунитета, защита традиционных индейских верований. Эти требования объективно были направлены не только на формальный отказ правительства от терминирования, но и на ликвидацию ее последствий, что могло бы обеспечить подлинный суверенитет коренного населения.

Увы, деятельность администрации во многом подтвердила опасения коренных жителей, что заявление Никсона — лишь политический маневр, цель которого — погасить волну их недовольства. Вплоть до событий 1973 г. в Вундед-Ни правительство США уклонялось на практике от выполнения своих обещаний. Правда, с 1968 по 1972 г. на 30 % было увеличено финансирование программ помощи индейцам и на 10 % — затраты на здравоохранение резервационного населения, вследствие чего общий объем ассигнований на нужды коренных жителей составил почти 1,5 млрд долл. Эти меры были широко разрекламированы средствами массовой информации. Однако индейцы назвали их фальшивыми. По их расчетам, почти $\frac{1}{3}$ этой суммы шла не на нужды резервационного населения, а на нужды его основных противников — аппарата БДИ.

Что же касается ключевого требования индейцев США — ликвидации терминированных законов, то оно выполнено не было. То же самое происходило и с самоопределением общин. Их попытки установить контроль над своим экономическим развитием натолкнулись на сильное противодействие администрации, считавшей, что индейцы «требуют слишком рано слишком много». К 1972 г. добиться этого удалось всего

двум общинам — микосуки и зуньи. И лишь самоотверженная борьба коренных американцев за свои права, кульминацией которой стали вооруженные столкновения оглала с полицией и национальной гвардией Южной Дакоты в Вундед-Ни в марте — апреле 1973 г., вынудила правящие круги страны поторопиться с осуществлением политики самоопределения. 28 июня 1973 г. по инициативе сенатора Г Джексона конгресс принял резолюцию № 37, где определялись конкретные направления деятельности федерального правительства в индейском вопросе: а) восстановление статуса терминированных общин и подтверждение индейского суверенитета; б) укрепление экономических основ общинного самоуправления; в) гарантирование свободы отправления традиционных культов.

Хотя ликвидация решений об отмене статуса ряда общин не являлась в глазах администрации основным компонентом политики самоопределения, реализация правительственной программы началась именно с нее. После принятия резолюции Джексона 22 декабря 1973 г. вступил в силу закон о восстановлении статусных льгот и привилегий общины меномини и возобновлении оказания ей государственной помощи. Эта крайне важная для всего индейского населения акция в действительности была лишь началом длительного, трудного, мучительного и не завершенного по сей день процесса восстановления справедливости относительно индейцев США. Только через три года — в феврале 1976 г. — конгресс вновь приступил к дебатам по поводу признания статуса общин пеория, оттава, модоков и виандотов Оклахомы, терминированных в 50-е годы. Прения по этому вопросу, затянувшиеся еще на два года, лишь в период администрации президента Д. Картера завершились принятием 15 мая 1978 г. соответствующего закона, возобновившего в урезанном виде привилегии вышеупомянутых общин, чей иммунитет от поземельного налога так и не был возобновлен. В две фазы прошло восстановление статуса общины сайлитц в Орегоне. Сперва правительство лишь признало ее в качестве органа индейского самоуправления, отказавшись подтвердить особый статус территории общины. И только после бурных протестов ее жителей 4 сентября 1980 г. земли индейцев наконец снова стали резервационными. Последней общиной, вернувшей в

1979 г. свое официальное положение, была пайюте штата Юта, однако она стала единственным в стране федерально признанным индейским сообществом, полностью лишенным возможности осуществлять правосудие на своей территории. Что же касается орегонских кламатов, ранчерий Калифорнии, «метисов» общины Юнита-Оурей и катауба, то они до сих пор ждут ликвидации допущенного по отношению к ним в 50-е годы произвола. Иными словами, процесс отмены терминации все еще далек от завершения, не говоря уже о том, что его практическое осуществление порой протекает в сильно ограниченной форме.

Весьма противоречивая ситуация сложилась и с подтверждением юрисдикции общин в пределах резерваций. Принятый в 1979 г. закон о соглашениях между общинами и штатами по правовым вопросам, казалось, должен был устранить ограничения юридической автономии общин, налагаемые на них законом 1968 г. Но расплывчатая формулировка ст. 3 не регламентировала отношения штатных и индейских органов управления, а лишь наделяла последние правом вступать в соглашения с первыми, что сильно уменьшало эффективность этого закона.

Другим важным направлением индейской политики 70-х годов стали законы, которые должны были укреплять экономические основы самоопределения коренного населения. Чтобы дополнительно стимулировать экономические начинания общин, 12 апреля 1974 г. был издан закон, цель которого — создание ресурсов капиталов специально для индейского предпринимательства. Для этого, во-первых, правительство выделило 50 млн долл. в так называемый оборотный кредитный фонд, откуда общины и отдельные их члены могли получать долгосрочные ссуды, а во-вторых — 200 млн долл. в гарантийный фонд, предназначенный для компенсации затрат частных фирм, пожелавших стать компаньонами той или иной общины, если их совместное начинание оказалось безуспешным. Хотя такой закон и открывал индейцам новые каналы финансовой помощи, он все-таки в большей степени был направлен на привлечение частного сектора к экономическому освоению резервационных земель, что не могли не отметить индейские лидеры, справедливо подвергшие его критике. Коренному населению требовались

иные меры, гарантировавшие государственную поддержку не только их коммерческим инициативам, но и программам социального развития, а также возможность самостоятельно определять его направления. Именно такую цель в принципе преследовал изданный 4 мая 1975 г. закон о содействии самоопределению индейцев, который, подтверждая «сохранение особых отношений и обязательств правительства относительно коренных жителей», провозглашал постепенную ликвидацию доминирования правительственных органов в разработке программ развития резерваций. Закон вменял в обязанность министерству внутренних дел оказывать финансовую поддержку тем инициативам индейских общин, которые были направлены на улучшение экономической ситуации в резервациях, совершенствование деятельности органов общинного самоуправления, приобретение дополнительных земельных угодий. В случае провала начинаний индейцев правительство, однако, оставляло за собой право прекратить субсидирование их программ. Принятие закона сопровождалось заявлениями, называвшими его самым выдающимся достижением индейской политики со времен «нового курса». По сути же дела это была декларация, которая не только не оговаривала конкретные условия оказания общинам помощи и ее величину, но и перекладывала в конечном счете на их плечи ответственность за ее использование. Впрочем, именно это и входило в намерения правящих кругов. «Социальный прогресс имеет свою цену. Совершенно очевидно, что индейцы должны добровольно жертвовать, чтобы обрести блага Америки XX века», — заявил в этой связи сенатор Д. Фаннин¹². Все это характеризует данную меру как умеренно консервативную попытку регулирования отношений с индейцами.

В аналогичном духе было выковано и последнее звено политики самоопределения — подтверждение права коренных американцев свободно исповедовать традиционные религии. После годичных прений 18 июля 1978 г. конгресс принял совместную резолюцию № 738, гарантировавшую индейцам возможность отправлять свои верования, «иметь и использовать так называемые святыне места», но с существенной оговоркой, что это не нанесет ущерба окружающей среде и «не нарушит законы, изданные в интересах всего общест-

ва». Такими были основные шаги правительства США в плане укрепления самоопределения индейских общин, затронувшие основные стороны существования последних — юридический статус, хозяйство и духовную жизнь. Основы отношений федерального правительства и индейского населения, заложенные в законодательстве 70-х годов, определяют их характер и по сей день.

Общую оценку политики самоопределения можно давать лишь с учетом ее конкретных результатов. Между тем результаты оказались отнюдь не однозначными. Основным достижением политики самоопределения стало официальное подтверждение особого характера отношений общин и федерального правительства, взявшего на себя обязательство и в будущем строить свою индейскую политику на такой основе. За счет этого отдельные общины смогли наконец как-то урегулировать свои проблемы. В частности, община кроу, используя факт подтверждения автономии резерваций, расторгла наиболее невыгодные для индейцев контракты на добычу ископаемых в их землях частными фирмами. Апаче-мескальеро добились запрета усыновления индейских сирот неиндейцами без санкции совета их общины. Совет резервации Навахо сумел взять под контроль проект ирригации своей территории и т. д. Аналогичные акции и составили главные положительные результаты самоопределения.

Вместе с тем декларирование правящими кругами данной политики само по себе не решало проблемы практического осуществления индейцами своего суверенитета в рамках американского государства. Напротив, подтверждение на федеральном уровне их автономии обострило отношения общин со штатными органами власти, в особенности по вопросам местного налогообложения. В ряде случаев в обход статуса общин сбор с них отдельных видов налогов был санкционирован штатной администрацией: штат Монтана, например, с 1975 по 1984 г. собрал в резервации кроу налогов на общую сумму 90 млн долл. Легислатура Орегона в свою очередь также грубо нарушила статус резерваций, установив в целях ограничения числа лиц, не платящих налоги, свой контроль над членством в общинах. Штатные органы власти, подчеркивал по этому поводу лидер навахо П. Макдоналд, «теперь выступают как наши главные недоброжелатели... Вместо

того чтобы помочь индейцам в решении их насущных проблем, они пытаются душить нас налогами, накладывая свою руку на наше имущество»¹³

Очень скромными оказались возможности общин и в области регулирования процесса своего социально-экономического развития. Нельзя, конечно, отрицать, что закон от 4 мая 1975 г. дал толчок к развертыванию индейских программ развития: к 1983 г. общины осуществляли почти 1300 своих программ, объем государственного субсидирования которых составил около 220 млн долл. Это позволило отдельным представителям властей высоко оценить результаты закона 1975 г. Однако сами индейцы выразили иное мнение. «С момента принятия закона о самоопределении руководство общин, начавших осуществлять собственные проекты, столкнулось с комплексом проблем. ...Это и недостаточный уровень финансирования программ индейцев, и крайне длительные сроки переговоров по ним, и, наконец, тяжкие условия погашения кредитов», — свидетельствовал директор-распорядитель НККИ Р. Эндрейд. Поистине подводным рифом оказались для общин так называемые косвенные затраты на их программы, которые они вынуждены оплачивать самостоятельно — исследовательская часть разработки соответствующего проекта, поиски экспертов, содержание управляющих и т. п. Стоимость этих косвенных издержек порой бывает столь высока, что община вынуждена брать у федерального правительства в долг весьма крупные суммы. В этой связи не вызывает удивления факт, что в результате осуществления своих программ община Лакур д'Орриель задолжала правительству около 800 тыс. долл., а пуэбло Нью-Мексико — более 1,3 млн! В целом, по данным НККИ, 638 индейских программ развития в конечном счете принесли общинам одни убытки. То есть попытки индейцев на практике осуществить гарантированный им суверенитет привели лишь к еще большей их зависимости от правительства США. Таким образом, возможности, которые дает коренному населению политика самоопределения, — более чем ограниченные, поэтому не удивительно, что весь комплекс мер, принимаемых администрациями Р. Никсона, Д. Форда и Д. Картера, не мог привести к самому главному: кардинальному улучшению положения индейцев.

Законы 70-х годов не создали для индейских общин каких-то принципиально новых статусных льгот, а лишь до определенной степени исправили допущенные в период терминации злоупотребления и несправедливость по отношению к коренным американцам. Другими словами, политика самоопределения стала умеренно-консервативной формой регулирования индейской проблемы, ориентированной на сохранение статус-кво, при котором, как справедливо подчеркивалось в документах Компартии США, индейцам предоставлялась возможность жить на своих землях по своим обычаям, чтобы своим трудом создавать прибыли «большому бизнесу»¹⁴. Однако представители отдельных слоев американской буржуазии, заинтересованные в уничтожении всех барьеров, которые препятствовали бесконтрольной эксплуатации ресурсов резерваций, — горнодобывающие корпорации, крупные агропроизводители, деятели местной администрации — начали борьбу с этими весьма незначительными уступками индейскому населению. «Индейские общины зашли слишком далеко в попытках осуществлять свой суверенитет. Если они продолжают двигаться в этом направлении, у нас в стране будет более двухсот Квебеков», — писал орган деловых кругов «Уолл-стрит джорнэл»¹⁵. Поэтому уже к концу 70-х годов в потоке мнений и предложений в области индейской политики вновь стали выделяться голоса тех представителей правящих кругов США, кто хотел бы полностью ликвидировать все особые права индейцев. С избранием на пост президента в 1981 г. лидера правого крыла республиканской партии Р. Рейгана подобные реакционные установки начали постепенно трансформироваться в линию государственной политики.

«Новый федерализм» — новые проблемы

Хотя президент Рейган в своих заявлениях неоднократно подчеркивал намерение всячески содействовать процветанию коренного населения, сам по себе приход к власти консервативной администрации, использовавшей в качестве одного из средств борьбы с инфляцией и дефицитом госбюджета сокращение расходов на социальные нужды, объективно наносил индейским общинам страшный удар. «Основная причина ужасных

последствий сокращения бюджета для коренных жителей в том, что они лишены альтернатив. Возникающий вследствие урезания федеральных субсидий вакуум им нечем заполнить», — комментировала политику правительства газета «Дейли уорлд». Поэтому американские коммунисты охарактеризовали подход Рейгана к индейской проблеме как «топтание самого слабого»¹⁶ И действительно, если взять 1982 г. за исходный уровень ассигнований на нужды индейцев, когда им было выделено около 3,4 млрд долл., то в 1983 г. они были урезаны до 2,7 млрд, т. е. на 25 %. К 1984 г. правительство еще больше сократило объем помощи общинам, снизив его до 1,8 млрд. При этом особо резким сокращениям подверглись такие важные для индейцев статьи, как программы социального развития резерваций, здравоохранение и т. п.

Сокращение помощи было настолько сильным, что на практике оно привело к свертыванию 96 % общего числа программ жилищного строительства для индейцев, 82 % программ экономического стимулирования и здравоохранения и 45 % программ профессиональной подготовки жителей резерваций. Все это до такой степени не соответствовало сформированному в 70-е годы рамкам отношений с индейским населением, что даже контролируемый республиканцами сенат поспешил отмежеваться от действий администрации, официально объявив о своем несогласии с позицией президента. Еще более негативно прореагировала на урезание федеральных субсидий коренным жителям демократическая общественность страны. Либеральный журнал «Нейшн» назвал его «иезуитской терминацией... использующей наиболее коварные приемы экономического удушения индейских общин»¹⁷ Однако администрация Р. Рейгана не была намерена отступать от своей линии: в 1985 г. она выделила на нужды индейцев всего 1,7 млрд долл., предварительно урезав эту сумму в сравнении с запросом конгресса на 264 млн долл., а в дальнейшем заморозила на этом уровне ассигнования средств коренным жителям.

Таковы были объективные результаты «ужесточения» особых отношений правительства и общин. Между тем обнародование в январе 1983 г. специальной программы Р. Рейгана в области индейской политики в свою очередь показало, что нынешняя администра-

ция, не отвергая формально обязательств опекать коренное население и признавая на словах его суверенитет, взяла курс если не на ликвидацию статусных льгот индейцев, то по крайней мере на их ограничение. Как подчеркивалось в заявлении президента, основным направлением индейской политики его кабинета должен был стать переход от «патерналистской опеки» общин к «федералистскому их партнерству с правительством США». Поясняя этот тезис, президент следующим образом сформулировал конкретную задачу: «Уменьшить зависимость индейцев от федеральных субсидий и программ помощи, сократить участие правительства в индейских делах». Достичь этого предполагалось за счет «развития в резервациях мощного частного индейского сектора». И хотя Р. Рейган поспешил далее успокоить индейцев очередным подтверждением признания «обязательств федерального правительства по отношению к ним», совершенно очевидно, что его программа была нацелена на упразднение одной из основных привилегий индейского статуса — права на особые каналы государственной помощи. Именно так и расценило ее индейское население. В марте 1983 г. НКАИ осудил планы президента, особо подчеркнув в своем заявлении, что разговор о развитии в резервациях частного предпринимательства — не более чем фикция, ибо в них отсутствует частный сектор, который можно было бы стимулировать.

Из вышеупомянутой установки вытекал и следующий шаг Р. Рейгана, предоставлявший индейцам «право» тонуть или выплывать в бурных волнах нерегулируемого рынка. Своёобразно интерпретируя концепцию федерализма, глава администрации под предлогом признания суверенитета общин на уровне других органов местного самоуправления объявил об изменении механизма распределения государственных субсидий коренному населению. Если раньше денежные суммы правительство непосредственно передавало советам общин, то теперь эта передача стала осуществляться в форме так называемых блоковых субсидий (федеральное правительство передает штатной администрации все выделенные средства на социальные нужды жителей, а община, находящаяся на территории соответствующего штата, вместе с округами

получает причитающуюся ей долю от его легислатуры). Реакционный смысл этой меры заключается в том, что общины оказались вынужденными конкурировать с населением своего штата при получении предназначенной им части федеральной помощи.

Поскольку роль штатов в финансировании нужд индейцев возросла, Р. Рейган выступил с инициативой упразднения федеральных органов, ведающих делами коренных жителей. Манипулируя объективным фактом неэффективности БДИ и его чрезмерно высоким бюджетом, равным почти $\frac{2}{3}$ средств, ассигнуемых индейцам, президент предложил ликвидировать это агентство, распределив его функции частично среди других федеральных, а частично среди штатных органов. Это предложение, однако, не встретило поддержки даже среди республиканской партии. Таким образом, несмотря на формальное стремление не переходить рамки доктрины самоопределения индейцев, политика Р. Рейгана по сути дела явилась ревизией курса 70-х годов, цель которой объективно заключалась в лишении коренных американцев их и без того незначительных льгот.

Что же касается конкретных мер, осуществленных или осуществляемых администрацией в индейском вопросе, то среди наиболее важных решений, затронувших статус и положение индейских общин, прежде всего следует выделить поправку к закону 1974 г. о финансировании индейцев, которая, включив в сферу его действия коммерческие индейские фирмы, фактически ликвидировала основной смысл этого акта — содействие социальному развитию общин. Представители администрации, правда, утверждали, что подобное изменение якобы позволит скорее достичь поставленных законом целей, ибо «увеличение числа индейских заявок улучшит качество индейских проектов, так как ужесточение конкуренции в этой области сделает селекцию более строгой». Однако американские коммунисты вскрыли подоплеку этой поправки еще до ее принятия, подчеркнув, что в условиях сокращения государственной помощи поправка означает крах программ социального прогресса резерваций и еще большую эксплуатацию их жителей крупными монополиями.

Другой мерой, также снимавшей с федерального

правительства часть ответственности в опеке над коренным населением, стал закон, позволявший администрации помещать находившиеся в казначействе страны общие фонды индейцев в коммерческие начинания, приносящие нефиксированный процент прибыли. Это аннулировало один из старейших пунктов индейского законодательства, гарантировавший индейцам не менее 4 % прибыли в год при использовании их денежных средств.

Права советов общин ущемлялись и другими законами. Один из них давал министру внутренних дел возможность сдавать в аренду энергетическим корпорациям индейские земли на срок до 99 лет, а ведь ранее продолжительность аренды ограничивалась 25 годами. Другой закон лишал общины северо-востока страны права выдвигать земельные иски против своих штатов. Наконец, 12 апреля 1984 г. администрация начала прямую атаку непосредственно на статусные прерогативы резерваций. В конгрессе был внесен на рассмотрение проект закона о налоговом статусе общин, который, в случае его принятия, позволил бы правительству облагать налогом все виды доходов резервационного населения.

Все последствия курса Р. Рейгана в отношении коренного населения еще предстоит оценить. Но уже сейчас видно, насколько сильно мероприятия президента ухудшили и без того нелегкое положение аборигенов. Рост безработицы до 65—80 %, резкое уменьшение реальных доходов, кризис в области здравоохранения индейцев — вот далеко не полный перечень показателей нынешнего положения жителей резерваций. «Сейчас условия жизни в индейских землях ухудшились как никогда за последние сто лет... — подчеркнул лидер НТКА * Э. Сэвилла. — Быть индейцем стало невыносимо»¹⁸ Политику администрации, согласно данным опроса, организованного летом 1985 г. Национальным советом индейской молодежи, осуждает 96 % лидеров общин; 80 % их также не одобряет деятельность Рейгана на посту главы государства в целом. И хотя ряд экспертов в области внутривнутриполитической жизни страны считали, что переизбранный в 1984 г. на второй срок президент будет проявлять

* Национальная ассоциация председателей общинных советов.

большую гибкость и плюрализм, коммунисты США справедливо отмечали, что «администрация не только настроена на свертывание обязательств относительно 1,4-миллионного коренного населения, но и прямо замешана в подготовке нового грабежа индейских территорий с целью эксплуатации их в интересах неиндейцев», ибо «если правительство ищет лазейки для «законной» ликвидации своих функций попечителя индейцев, корпорации приобретут желанную свободу грабить ресурсы резерваций».

*****

КАНАДА

«Белая книга» Пьера Трюдо

Уже с конца 50-х годов появились первые заявления представителей индейских общин, особенно из западных провинций, о том, что именно индейцы в действительности являются первожителями страны и их права должны быть не менее оговорены и признаны по сравнению, скажем, с франкоканадцами. Необходимость пересмотра политики и действующих правительственных программ все больше ощущали и правительственные чиновники, подвергавшиеся довольно резкой критике со стороны индейцев и канадской общественности.

Для сбора информации и выработки рекомендаций правительству в середине 60-х годов действовала специальная комиссия в составе 52 специалистов, главным образом ученых, которая в 1967 г. представила обширный доклад «Обзор современного положения индейцев». Этот документ еще раз показал, в каком бедственном положении пребывают коренные жители страны: нищета, безработица, алкоголизм, низкий образовательный уровень, дискриминация. В 151 рекомендации комиссии содержались предложения по осуществлению новых правительственных программ развития для аборигенов, а также по расширению участия провинций в этом процессе, особенно в сферах образования и медицинского обслуживания. И все же, несмотря на исчерпывающий характер обследования, комиссия не смогла предложить каких-либо действительно радикальных реформ, которые изменили бы

сам правительственный механизм и правовую основу индейской политики канадских властей.

С середины 60-х годов федеральные власти начали проводить политику «совещательного федерализма», предполагавшую совместные федерально-провинциальные ассигнования на индейские программы, прежде всего в сферах образования и медицинского обслуживания. Стремление федеральных властей частично переложить ответственность и расходы на провинции власти последних встретили без всякого энтузиазма. Правящие круги в провинциях предпочитали придерживаться провозглашенного еще в 1867 г. принципа ответственности центральных властей за коренное население и его нужды. Неудачной была также попытка создать из представителей индейцев совещательные советы на национальном и региональном уровнях: правительство чаще всего игнорировало эти рекомендации.

Возглавивший в 1968 г. правительство либералов П. Э. Трюдо в принципе оставался приверженцем старого курса. Более того, будучи последовательным сторонником системы буржуазной демократии, новый канадский лидер был убежденным противником каких-либо специальных прав для индейцев, эскимосов и метисов, полагая, что обеспечение «равных возможностей» для всех канадцев, независимо от их расовых, этнических или религиозных отличий,— это единственный путь обеспечения равноправия и демократии. Фактически Трюдо выступил сторонником все той же ассимиляции, но только не в ее постепенной и более естественной форме, а в наиболее радикальном и скорейшем осуществлении.

Новая позиция федеральных властей была обнародована в 1969 г. в виде «Белой книги по индейской политике», в основу которой лег тезис о том, что всякие особые права и статус индейцев только усиливают сегрегацию и дискриминацию их в канадском обществе и поэтому стоят на пути ассимиляции. Правительственное заявление предлагало: а) в течение пятилетнего периода прекратить деятельность министерства по делам индейцев, б) отменить Закон об индейцах и принять новый закон о статусе индейских земель, в) передать все осуществляемые федеральным министерством программы в руки провинциальных органов

и других федеральных министерств, г) отказаться от признания за индейцами исконных прав на землю. Что касается заключенных с индейцами договоров и обязательств властей по ним, то на этот счет П. Трюдо высказался следующим образом: «Я считаю неприемлемым, что в обществе одна его часть имеет договор с другой частью. Мы должны быть все равны перед законами, и мы не должны подписывать между собой договора... Я не думаю, что нам следует поощрять индейцев в их чувстве, что эти договоры должны существовать вечно в Канаде... Они должны стать канадцами, как и все остальные канадцы»¹⁹

Заявление правительства было встречено коренными жителями безоговорочно отрицательно. Более того, оно вызвало настоящую политическую бурю и дало значительный импульс движению канадских индейцев за свои права. Критика индейцами «Белой книги» сводилась к трем главным моментам: а) правительство осуществило выработку новой политики в строгой секретности, изолировало индейцев от участия в этом и не учло рекомендаций индейских организаций и общин; б) индейцы решительно против упразднения резерваций и территорий, на которые у них имеются особые права, и никогда не примирятся с утратой этих земель; в) они не согласны с передачей полномочий по осуществлению политики в отношении аборигенов в руки провинциальных органов, которые еще менее способны учитывать интересы коренного населения, чем федеральные. Канадская общественность также в целом критически оценила основные положения «Белой книги», которая никак не учитывала даже самые элементарные права индейцев.

Столкнувшись с решительным протестом, канадское правительство было вынуждено маневрировать, отложить на неопределенное время, а затем и совсем отказаться от претворения в жизнь программы 1969 г. Под воздействием нарастающего с начала 70-х годов индейского движения правительство отступило от прежней жесткой линии и пошло на ряд уступок. В 1973 г. за нестатусными индейцами было признано право на владение землями при решении в их пользу судебных исков на неохваченные договорами территории. В 1975 г. был образован совместный комитет из членов правительства и представителей Националь-

ного братства индейцев с целью выработки единой позиции по важнейшим вопросам политического и социально-экономического положения аборигенного населения. Однако деятельность этого комитета не дала особых результатов: позиции и интересы сторон оказались несовместимыми. В итоге вплоть до конца 70-х годов канадским властям так и не удалось вывести из тупика свою политику в отношении индейцев.

Индейские права и канадская конституция

В 70-е годы одним из важных моментов в эволюции федеральной политики по отношению к индейцам и в официальном статусе коренных жителей стал вопрос о юридическом признании так называемого аборигенного права, проистекающего прежде всего из факта первожителства на континенте. Это право касается прежде всего вопросов владения землями и самоуправления.

Хотя в канадских официальных документах можно найти много случаев, подтверждающих, что власти, как колониальные, так и доминиона, исходили из факта существования у аборигенных народов прав на занимаемые земли, вплоть до 70-х годов XX в. вопрос об этом праве ни разу не стоял в формально-правовом аспекте. Впервые канадские индейцы обратились в суд с иском о нарушении их аборигенного права на владение землей только в 70-е годы. Это было известное «дело нишга» (по названию индейского народа в Британской Колумбии), когда вождь нишга Кэлдер при поддержке адвокатов и ученых сформулировал иск о нарушении договорных обязательств правительством и о праве индейцев на занимаемые ими земли в Британской Колумбии, которые никогда формально не уступались колонизаторам.

Суд Британской Колумбии отказался признать за нынешними нишга права на землю на том основании, что их предки к моменту контакта с европейцами были слишком примитивным обществом и не обладали законами, которые английская метрополия была бы способна признать. Однако Верховный суд Канады в 1973 г., пересматривая дело, хотя и отклонил иск по ряду формальных причин, но по сути признал существование особых аборигенных прав. За этим последо-

вали судебные решения по признанию аборигенных прав эскимосов Бейер-Лейк и индейцев кри, живущих у залива Джеймс. В то же время судебные власти всячески старались ограничить признаваемые ими аборигенные права. Так, например, в 1977 г. суд Британской Колумбии постановил, что на индейцев распространяются все законы и правила, регулирующие охоту и трапперство в стране.

И все же судебные решения по индейским искам положили начало новому процессу во взаимоотношениях правительства и коренных жителей, особенно тех, кто никогда не подписывал договоров и формально не уступал своих земель. Правительственное заявление 1973 г. признавало исторически определенные обязательства властей перед индейцами, законность индейских жалоб в отношении выполнения властями условий договоров, которые были заключены еще в ходе колонизации. Власти признали также необходимость учитывать законные права аборигенов на землю, охотничьи и рыбные угодья независимо от условий договоров. Федеральное правительство объявило, что оно готово принять на рассмотрение земельные иски, основанные на исторических правах, и вести по ним переговоры. Однако главным принципом правительственной политики в разрешении индейских исков должен был стать окончательный характер достигнутых в ходе переговоров соглашений, невозможность возникновения в будущем аналогичных претензий коренного населения к властям после заключения и выполнения соглашения. Как отмечалось в заявлении, основа политики правительства в вопросе о земельных исках — «это обмен неопределенных прав аборигенов на землю на конкретные права и привилегии, которые будут гарантироваться достигнутыми соглашениями»²⁰

По сути этот принцип означал не что иное, как смягченный вариант политики терминации, т. е. ликвидации национальных прав индейцев и эскимосов в обмен на разного рода конкретные уступки, прежде всего материальные компенсации. Этот подход получил затем определение как «политика современных исков».

Преувеличив вопрос об исках в многолетнюю изнурительную и дорогостоящую для индейских общин кампанию переговоров, различных юридических разбирательств, власти создали видимость реальных

действий по учету требований коренных жителей. Однако волна индейских требований, организованные и продуманные действия аборигенных организаций дали некоторые результаты. В 70—80-е годы соглашения по современным искам были достигнуты с кри побережья залива Джеймс, с наскапи Шеффервилла и с эскимосами инувиауит Западной Арктики.

В последние годы под давлением индейских требований в правительственной позиции в отношении индейских исков происходили изменения. Отныне коренные жители стали признаваться особыми общностями, обладающими отличительностью и самосознанием, причем последние рассматриваются как результат успешного соединения традиционного образа жизни с участием в жизни доминирующего общества. Для достижения и в дальнейшем этой цели правительство предложило на сей раз преобразовать или «разменять» общие аборигенные права на ряд особых преимуществ, закрепленных формальными договоренностями. Эти преимущества должны включать в себя наличие определенной земельной базы, т. е. территории, находящейся под полным контролем коренного населения, право на пользование ресурсами природы, создание аборигенных корпораций с целью экономического развития, представительство в административных органах, ответственных за земле- и природопользование, создание особой административной структуры, при которой уважались бы язык, обычаи и практика аборигенного населения, сохранялся за ним контроль над образованием и другими службами.

Еще более определенно политика федеральных властей была сформулирована в 80-е годы в связи с «репатриацией» канадской конституции, т. е. заменой действовавшего в качестве основного закона Акта о Британской Северной Америке 1867 г. на собственно канадскую конституцию. В новом тексте Конституционного акта 1982 г. статья 35 «Права коренных народов Канады» предусматривает «признание и подтверждение существующих аборигенных и договорных прав коренных народов Канады». К этим народам отнесены индейцы, эскимосы и метисное население. Кроме того, статья 37 предусматривает проведение конституционной конференции с участием премьер-министра страны и первых министров провинций, которая должна

обсудить вопрос об определении прав коренного населения и отражении этих прав в тексте конституции.

С 1983 по 1987 г. прошли не одна, а четыре министерские конференции с участием лидеров аборигенных организаций, но все они закончились безрезультатно: федеральное правительство и правительства ряда провинций отвергли требования коренного населения закрепить в конституции право на самоопределение и самоуправление, включающее передачу в руки общин и аборигенных организаций политической и законодательной власти. Однако и здесь есть некоторые сдвиги. Созданная парламентом в 1983 г. специальная комиссия по индейскому самоуправлению в своем докладе рекомендовала осуществить конституционное закрепление законодательной власти общинных советов в таких сферах, как образование, местное налогообложение, социальное обеспечение и другие, обычно находящихся под юрисдикцией провинциальных правительств. Передача некоторых законодательных функций общинам и резервациям должна создать в стране новый, третий уровень власти после федерального и провинциального.

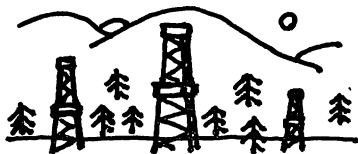
Власти пока с трудом сдают старые позиции. По крайней мере сегодня уже признаются две важные вещи. Во-первых, право аборигенных народов на сохранение и развитие своих культур и право на некоторые формы самоуправления в рамках канадской конституции. Что касается политических прав, то правительство считает, что индейские общины могут иметь только «делегированную» власть, как это имеют обычные муниципальные власти Канады.

Конституционные споры об индейских правах сопровождаются некоторыми поправками в существующем законодательстве. В 1985 г. парламентом были внесены важные изменения в Индейский акт. После многолетней борьбы и настойчивых требований аборигенов было устранено дискриминационное для индейских женщин положение, по которому они и их дети лишались права сохранять индейский статус и членство в общине в случае вступления в брак с неиндейцем. Лишившиеся в прошлом статуса женщины и их дети могут теперь восстановить свои права и членство в общинах, а общинные советы получили право самим ре-

шать вопросы о составе общин. И все же нынешний статус аборигенов в Канаде и осуществляемая властями политика в отношении коренного населения продолжают вызывать острое недовольство и протесты со стороны индейцев, эскимосов и метисов. На лозунгах многочисленных демонстрантов в Оттаве перед зданием, где 26—27 марта 1987 г. проходила министерская конференция, можно было прочитать такие слова, как «геноцид», «расизм», «бесправие»: такую оценку дают сегодня этой политике сами аборигены.

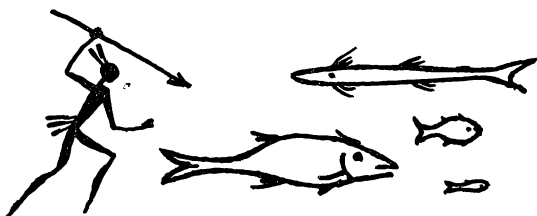
Земля и труд индейцев в мире капитала

Парадоксальность
положения
индейских общин
состоит в том,
что под ногами

их жителей находятся месторождения
энергетического сырья стоимостью в миллионы
долларов. Однако индейцы, страдая от нищенских
условий их аренды, не получают причитающейся им
доли от этих богатств.

Из газеты «Уолл-стрит джорнэл»
от 20 сентября 1979 г.

США

Сельское хозяйство в жизни коренных американцев

Сельское хозяйство, наиболее традиционная отрасль резервационной экономики, развивается в весьма неблагоприятных природных условиях: пересеченный рельеф, большой сезонный перепад температур, засушливость и пр. Естественно, в такой ситуации обработка земли практически невозможна без дополнительных трудоемких работ по улучшению ее качества и разработки прогрессивной хозяйственной

технологии. Особую важность в этой связи приобретают возведение ирригационных сооружений, строительство заслонов против ползущих дюн, применение химических удобрений, селекция семян, устойчивых к перепадам температур. Однако такие работы столь дорогостоящи, что они не по карману даже относительно богатым индейским общинам, обладающим крупными фондами. Поэтому площадь пахотных угодий в индейских резервациях постепенно сокращается: если в послевоенное время они насчитывали 3,2 млн акров, то теперь — 2,6 млн акров. Причем этот процесс идет даже среди общин, имевших исторические земледельческие традиции, — хопи, пима, марикоба.

Что касается остальных, годных для сельского хозяйства территорий, то они используются индейцами в основном как пастбища. Но хотя животноводство в меньшей, чем земледелие, степени зависит от качества земли и площадь пастбищ (32,5 млн акров) почти в 12 раз превышает площадь пахотных угодий, отсутствие естественных источников воды и пересеченный рельеф во многих резервациях препятствуют продуктивному использованию всех этих территорий. К тому же в связи с быстрым ростом численности индейского населения происходит уменьшение пастбищ в расчете на одну семью, а это в свою очередь создает скученность, способствует распространению заболеваний среди животных и т. п.

Современное состояние растениеводства в индейских землях таково. На рубеже 80-х годов в резервациях было 4,9 тыс. земледельческих ферм. Из этого количества 49,8 % приходилось на долю мелких и мельчайших хозяйств площадью менее 100 акров (на таких участках вести интенсивное земледелие практически невозможно), 24 % — на долю средних хозяйств площадью от 100 до 260 акров, 17 % — крупных, от 260 до 1 тыс. акров, и 8,2 % — очень крупных, свыше 1 тыс. акров.

Фермы, принадлежащие коренному населению, отставали в механизации. Различная машинная техника используется лишь на 80 % индейских ферм; в денежном исчислении стоимость ее в одном хозяйстве в среднем составляет 14,3 тыс. долл., в то время как у белых этот показатель равен 24,0 тыс. долл.

Вышеназванные факторы стали основными причи-

нами сокращения продуктивности земледелия. Средний урожай пшеницы, собираемый с одного акра в резервации, составляет около 56 % ее урожая, собираемого на аналогичном по площади и качеству участке земли на фермах белого населения, ячменя — соответственно 25 %, сена — 61 %. Причем продуктивность имеет тенденцию к уменьшению.

Невысокая урожайность обусловила весьма скромный уровень доходов, получаемых индейцами от ферм. Каждый культивируемый акр земли приносит владельцу в среднем около 67 долл. прибыли (у белых этот показатель — 125 долл.). Среднегодовой доход индейской фермы к середине 80-х годов был равен 14,2 тыс. долл., тогда как по стране в целом этот показатель достиг 35,5 тыс. долл. И хотя в резервациях можно увидеть и крупных агропроизводителей — около 8 % ферм приносят владельцам ежегодно более 40 тыс. долл., основная масса земледельческих хозяйств, принадлежащих коренным жителям, — 81,5 % — не окупает себя за счет прибылей, требуя дополнительных вложений для дальнейшего функционирования. Неудивительно, что в столь неблагоприятных для культивирования земли условиях наблюдается тенденция к постепенному превращению полей в приусадебные огороды, где растения выращиваются исключительно для личного потребления.

Число скотоводческих ранчо в начале 80-х годов составляло 3,4 тыс. Но эта цифра условна: в нее вошли хозяйства, приносящие владельцам доход не менее 2,5 тыс. долл. в год. Между тем в резервациях практически любая семья владела небольшим, менее 10 голов, стадом животных, и доходы от такого «ранчо» не превышали нескольких сот долларов.

Естественно, в резервациях существуют и хорошо организованные скотоводческие хозяйства. Они обычно представляют собой крупные земельные владения, где пасется подчас более 1 тыс. животных. Такие ранчо оснащены резервуарами воды, складами для кормов, загонами, техническими приспособлениями. Но эти хозяйства, и по организации, и по прибылям сходные с ранчо техасских скотопромышленников, в индейских землях пока представляют собой большую редкость.

Таким образом, низкий уровень организации производства — отличительная черта индейских ранчо, как,

впрочем, и ферм. Вследствие этого по уровню годовой прибыли они в среднем уступают хозяйствам белого населения почти в 2,5 раза: 8,6 тыс. долл. против 22,8 тыс. долл. Скот на многих индейских ранчо стал теперь, по словам наблюдателей, «не столько источником прибылей, сколько живой чековой книжкой: когда ее владельцу требуется сотня-другая долларов, он в зависимости от необходимости продает одного-двух животных»¹

Недостаточная площадь пригодных для сельского хозяйства земель и отсутствие средств для организации современного агропроизводства не позволяют коренному населению создавать в резервациях рентабельные фермы или ранчо. В данной ситуации единственным способом получать от земли какие-либо доходы, не избавляясь от своих участков, стала сдача ее в аренду. Арендные соглашения бывают двух видов: краткосрочные или сезонные (на период менее одного года) и долгосрочные, заключенные на длительное время — от 1 года до 25 лет.

По данным, сообщаемым разными официальными источниками, к середине 80-х годов индейцы сдали белому населению в аренду на долгий срок около 12 млн акров, или 26 % сельскохозяйственных угодий в резервациях. Что касается краткосрочных соглашений, главным образом разрешающих прогон или выпас скота в резервациях в весенне-летний сезон, то их учет в настоящее время не ведется. Важнее подчеркнуть другое — в действительности регулярность заключения сезонных арендных соглашений между резервационным и окрестным населением придает этому виду аренды постоянный характер. В результате более $\frac{1}{3}$ наиболее ценных в хозяйственном отношении территорий резерваций изъято из экономической жизни индейских общин.

В официальных кругах США неоднократно высказывалось мнение, будто сдача индейцами своих земель в аренду очень выгодна. Подобные утверждения лишены какого-либо основания. Каждый акр угодий, сданных коренными жителями в аренду, приносит владельцам от 4,5 до 9 долл. в виде ренты. То есть прибыли, получаемые индейцами от угодий, сданных в аренду, значительно меньше тех, которые они могли бы получить при самостоятельном использовании этих террито-

рий. Однако невыгодность арендных операций не идет ни в какое сравнение с катастрофическими для земельной базы резерваций последствиями, происходящими из-за хищнического использования их арендаторами. И отнюдь не случайно, что руководители ряда общин высказывают свое негативное отношение к сдаче земель в аренду. В документе «Заявление народа США к народам мира», переданном в 1978 г. в конгресс представителями навахо, дакота и ирокезов, об этом говорилось следующее: «...Соединенные Штаты могут забирать и фактически забирают земли, извечно принадлежавшие нашим народам. Они не только забирают земли, но они претендуют и на право делать это без должного соблюдения законности и без должной компенсации. И нет закона, который защитил бы наши народы от этого грабежа». Авторы документа потребовали от правительства принять меры, чтобы «защитить священную родную землю, права и благополучие индейских народов»²

Значение сельского хозяйства как источника средств к существованию индейцев уменьшается главным образом из-за низкого уровня развития агропроизводства в резервациях. Индейское население постепенно теряет связь с агропроизводством. В 50-е годы в сельском хозяйстве было занято 45 % индейского населения, в 60-е — 30, в 70-е — 11, в 80-е годы — 2 %. В этой связи ряд официальных экспертов не без оснований считают, что, исчерпав резервы развития, этот вид хозяйственной деятельности коренных американцев в недалеком будущем исчезнет вообще.

Однако при всей кризисности состояния агропроизводства в резервациях оно обладает удивительной на первый взгляд живучестью. Это вызвано прежде всего изолированностью резерваций от рынков наемного труда: помимо сельского хозяйства, для индейцев зачастую не остается других путей обеспечения хотя бы первичных потребностей в продовольствии, особенно овощах и мясе.

В ряде случаев полного отрыва коренных жителей от сельского хозяйства не происходит и при трудоустройстве по найму. Как правило, уделом индейцев становится неквалифицированная сезонная или временная работа, и, когда она прерывается, они вынуждены возвращаться в резервации и определенное

время снова жить за счет обработки земли вплоть до следующей попытки трудоустроиться. Такой характер участия аборигенов в рыночной экономике породил типичный для резерваций хозяйственный уклад — сезонное, или подсобное, фермерство, которое играет роль некоторого стабилизатора доходов индейской семьи в условиях колебаний спроса на рабочую силу.

Наконец, анализируя причины необычной устойчивости сельского хозяйства в индейских землях, нельзя обойти вниманием факторы этнокультурного порядка: желание части населения резерваций жить в привычной социальной среде, подвести экономическую основу под традиционный образ жизни. В этом плане весьма показательны данные опроса, проведенного советом общины навахо Рама среди ее жителей. Вот типичное высказывание, принадлежащее члену этой общины Д. Джейки: «Я вплоть до настоящего времени занимаюсь разведением скота, и мои взрослые дети помогают мне в этом... И прекрасно, что мы знаем, как нам жить, ибо это придает нам силу, уверенность и надежду, необходимые для повседневности... Животноводство — не только средство повышения уровня жизни моей семьи. Оно — будущее моих детей»³

Сельскохозяйственные занятия в глазах аборигенов — это нечто большее, нежели трудоемкий, сулящий малую выгоду путь жизнеобеспечения. Это — род деятельности, позволяющий сохранять самобытность и традиции коренных жителей, «заставляющий воспринимать их все то, что коренное население считает ценным», подчеркивалось в документах некоторых общин⁴

Таким образом, сельское хозяйство в резервациях в настоящее время развивается иным путем, нежели агропроизводство США в целом: оно эволюционирует от полунатурального производства довоенного периода не столько к рыночной, сколько к жизнеобеспечивающей модели и в той или иной форме помогает сводить концы с концами почти половине индейских семей.

Каковы же перспективы его развития? В современных условиях осуществить техническую реконструкцию агропроизводства резерваций можно либо путем дополнительных больших капиталовложений, либо путем кооперирования мелких индейских производителей.

Первый путь для коренных американцев в настоящее время закрыт. Многочисленные правительственные программы содействия экономическому развитию индейских общин делают упор главным образом на включение их людских ресурсов в промышленное производство США.

Кооперирование в этой связи выступает как более перспективный путь развития сельского хозяйства общин, и прежде всего потому, что имеет основу в виде формально существующего общинного землевладения (до 80 % площади индейских земель). Помимо этого ему благоприятствует сохранение некоторых остатков коллективистских форм и методов ведения хозяйства. И в настоящее время в резервациях бытуют традиции родственной и соседской взаимопомощи при организации жизнеобеспечивающего хозяйства, правда, ограничиваются они исключительно производственной сферой (проведение трудоемких работ взрослыми членами большой семьи или родственной группы семей), тогда как реализация и потребление продукции носят сугубо индивидуальный характер.

Анализ деятельности теперь уже многочисленных индейских сельскохозяйственных кооперативов дает основание говорить о ряде преимуществ этого пути реорганизации агропроизводства. Кооперация, во-первых, позволила индейцам заниматься сельским хозяйством там, где ранее это считалось невозможным; во-вторых, она в определенной мере способствовала решению проблемы доходов максимального числа жителей соответствующих общин и, в-третьих, дав возможность трудиться людям, лишенным работы, и оживив дух сотрудничества, кооперация улучшила не только экономические, но и социальные условия существования резервационного населения.

К сожалению, нельзя не видеть и другое. В условиях капиталистической экономики США сельскохозяйственные ассоциации индейских общин неизбежно испытывают и будут испытывать воздействие различных негативных факторов. Обстоятельством своего рода «внешнего» порядка является то, что кооперативы коренного населения должны конкурировать с крупнейшими агропроизводителями страны, причем подобная конкуренция будет усугубляться циклическим ха-

Договор 1769 г. с индейцами

Этот документ подтверждает, что ирокезы уступили земли колонистам из Пенсильвании. Вместо подписей вожди поставили свои тотемные символы. (Факсимильное издание Библиотеки конгресса США.)

SIGNATURES OF SIX NATIONS OF INDIANS 1769
ON PAYMENT OF \$10,000 BY PENN FOR LAND

Received from the honorable Thomas and Richard Penn Esq's true and absolute Proprietors of Pensyl. via by the hands of the honorable Sir William Johnson Baronet the sum of ten thousand Dollars being the full consideration of the Lands lately sold to them by the Indians of the six Nations at the late treaty of Fort Stanwix We by received this Twenty Eighth day of July — Ann Domini 1769 — for ourselves and the other Indians of the said Nations and their confederate and dependant Tribes for them, we and by them we are appointed and empowered —

A Receipt for the
 10,000 Dollars
 paid by the
 Proprietors of
 Pennsylvania

Witness's present, W. P. MacLeod
 Joseph Hartwick
 One of the Justices

 Anahoyague

 Onghranoron

 Onghshiony

For the Cayuga Nation
 by the voice of the whole

 Anayandochan

 Sachonon

 Kianam for the Mohawks

 Johannes Scherwin

 Jonathan Hay

 Joseph Hay

 James Scherwin

 Lodowick Scherwin

 Joseph Scherwin

 Scherwin

Вождь тлинкитов (колошей) Котлеан с женой. Остров Ситка

Акварельные рисунки, выполненные русским художником М. Т. Тихановым в 1818 г. во время кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командованием В. М. Головнина

Тлинкиты с острова Ситка

Женщина-тлинкитка с острова Баранова

А

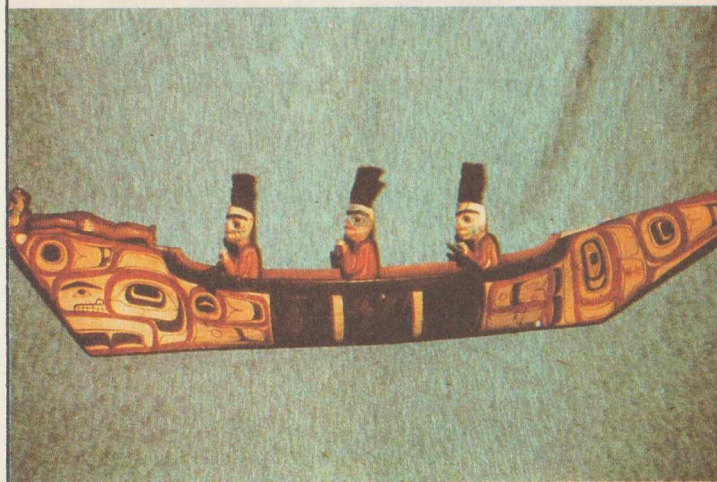

Предметы традиционного искусства тлинкитов

Б

А. Образец традиционного орнамента, представляющего собой стилизованное изображение лица человека. Б. Боевой шлем в виде головы морского льва. В. Церемониальный головной убор. Г. Модель боевого каноэ (Ленинградский музей антропологии и этнографии)

Б

Г

Доспех война

Тлинкитский расписной доспех изготовлен из сложенной вдвое дубленой шкуры. Он защищал не только от стрел, но и от мушкетных пуль

«Тропою слез»

Картина американского художника Р. Линдно «Тропою слез» (1942 г.) повествует об одной из драматических страниц истории США. После принятия в 1830 г. закона о переселении индейцев администрация президента А. Джексона изгнала из штатов Джорджия, Миссисипи, Алабама и Флорида их коренных жителей — чироков, чокто, чикасо, криков и семинолов. Эти народы выселялись на тогда еще не освоенную территорию современной Оклахомы. Переселение было сопряжено с большими потерями и человеческими жертвами, и дорога, по которой шли на новые земли чироки, была названа ими «тропою слез». Это название впоследствии стало символом нелегкого, а порой и трагического исторического опыта всех коренных народов Северной Америки

Мальчик-оглала

Юный житель резервации Пайн-Ридж (Южная Дакота) — одной из самых крупных и одновременно самых бедных резерваций США. Очень высокий, около 65%, уровень безработицы среди молодых людей ставит перед ними немало сложных проблем

Атабаски

Вместе с другими коренными народами атабаски и в наши дни составляют большинство населения канадских Северо-Западных территорий. Для их разбросанных общин традиционные занятия — охота на оленя, карibu, лося, добыча пушнины и лов рыбы — остаются важным источником средств к существованию.

Индейцы чикасо

Представители общины оклахомских чикасо — прямые потомки тех, кто когда-то пришел сюда по «тропе слез». В настоящее время чикасо населяют южные графства штата, где они живут чересполосно с белыми согражданами

Чокто сегодня

Девушка народа микмак

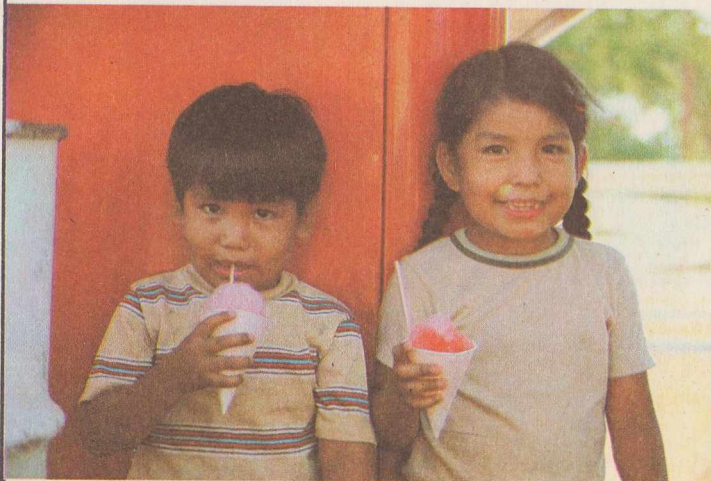
Крошечные общины микмаков разбросаны по атлантическому побережью Канады и отчасти США. Одежда их жителей, особенно молодежи, вполне современна и не отличается от одежды неиндейцев. Исключение составляют лишь красочные традиционные головные уборы

Здание церкви общины чокто в Оклахоме

Индейские дети

Индейцы США, по официальным данным, исповедуют христианство в различных формах протестантизма. Однако среди определенной их части по-прежнему популярны традиционные верования

Здесь продаются искусные поделки

**Посадка леса индейцами в окрестностях
г. Смитвил (Оклахома)**

Традиционное ремесло — хорошее подспорье для бюджета многих индейцев. И хотя теперь деятельность ремесленников подчинена запросам коммерции, она все же способствует оживлению интереса к культурам коренных жителей

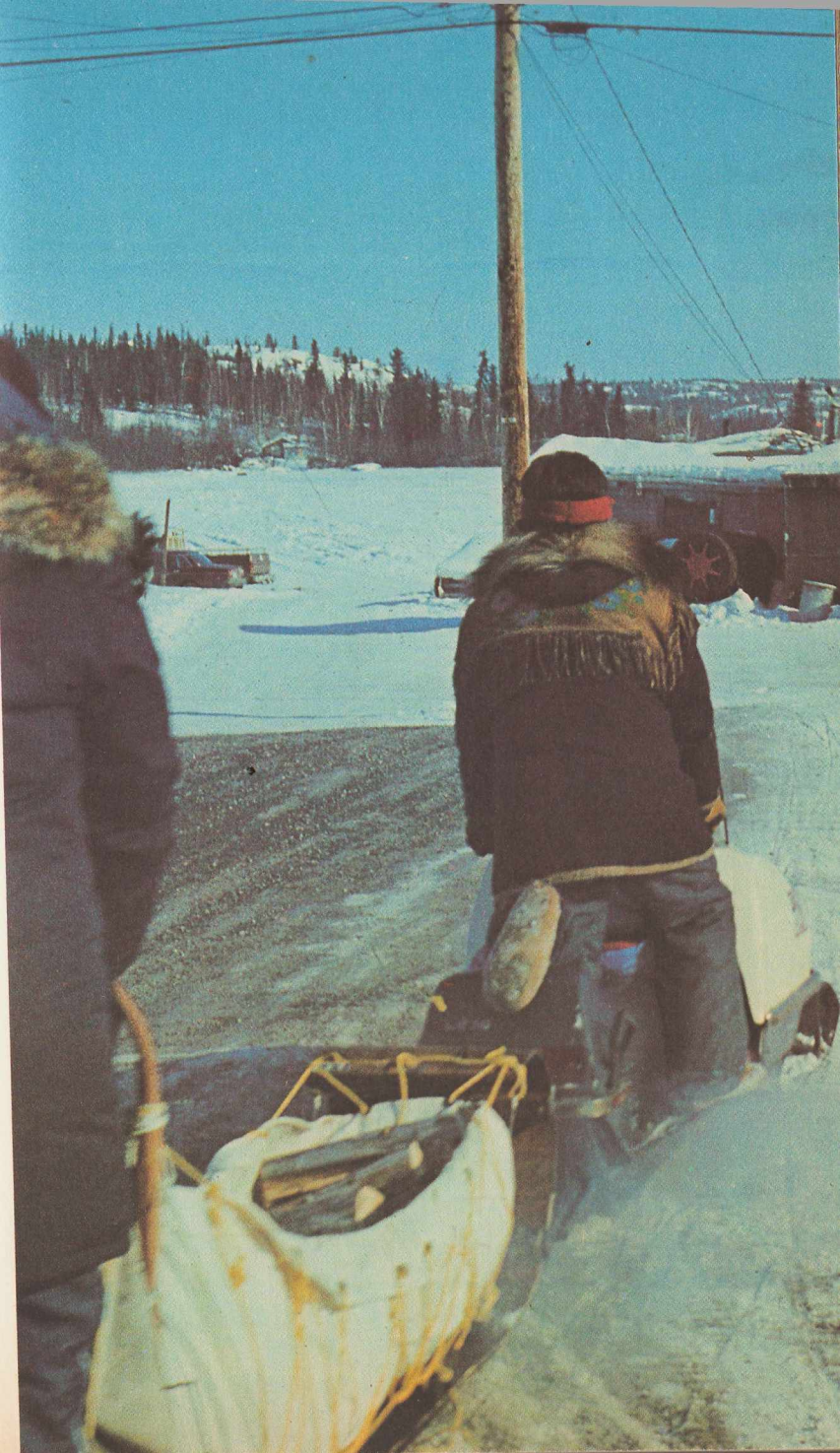
В зоне вечной мерзлоты

Мотонарты прочно вошли в быт северян

Тобогган (традиционные сани) ►

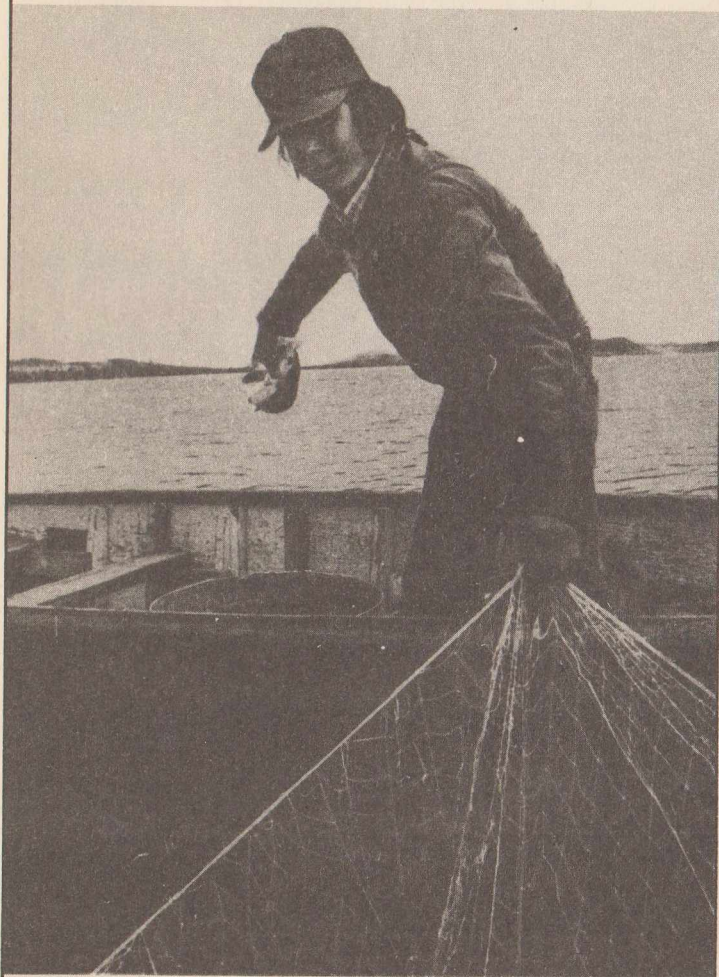

На озере Рае

Ловля рыбы, в особенности лососевых, для индейцев северо-западных районов Канады и США — отнюдь не доходное занятие или приятный досуг. Для жителей некоторых изолированных резерваций рыба, как и в прошлом, — основной источник белков в пищевом рационе. Поэтому-то коренные жители и вынуждены добывать ее, порой нарушая природоохранные законы

рактором развития экономики в целом. Не менее важны факторы «внутреннего» порядка. Несмотря на ряд специфических черт в организации, индейские сообщества, без сомнения, капиталистические предприятия, которым присуще противоречие между коллективным характером производства и частным — присвоения и распределения прибылей. А это не может не вызывать сильные трения, которые способны поставить кооперативы на грань полного развала.

Итак, сельское хозяйство в целом все еще сохраняет роль источника жизнеобеспечения индейцев. Несмотря на все неблагоприятные факторы, в силу социокультурных традиций коренных жителей, оно по-прежнему выглядит в их глазах весьма популярным направлением экономического развития. Однако из-за сложности интенсификации сельского хозяйства резерваций вряд ли в будущем оно сможет стать источником достаточных средств к существованию для большинства жителей индейских общин.

Монополии и энергоресурсы резерваций

Хотя правительство США, переселяя в XIX в. индейцев в резервации, оставляло им, как казалось, наименее ценные земли, постепенно стало ясно, что индейские территории — кладовые полезных ископаемых. По современным геологоразведочным данным, там сосредоточено более 5 % национальных запасов нефти и газа, 35 % угля и почти 65 % урановой руды, не говоря уже о сланцах и альтернативных энергоисточниках (сила ветра, термальное тепло и пр.).

Капиталистические корпорации обратили внимание на эти богатства еще в конце XIX в., заключив с индейскими общинами соглашения о добыче в их землях ископаемых при условии выплаты арендных платежей за участок, где имелось месторождение, плюс отчислений за каждую единицу извлеченного сырья. Однако масштабы этой деятельности были незначительны до середины 1950-х годов, когда энергетический бум достиг наконец резерваций.

Этот бум характеризуют следующие данные. Площадь арендуемых энергетическими компаниями земель к настоящему времени достигла 5,5 млн акров, увеличившись в сравнении с 50-ми годами в 11 раз;

общий объем добываемых нефти и газа, угля и урана — соответственно в 5,3 и 13,7 раза. Это значит, что в США 15 % нефти, 10 % газа и 40 % угля и урана добывается на территориях индейцев.

Денежные отчисления, полученные общинами в период 50—80-х годов, составили весьма значительную сумму, порядка 800 млн долл., или по 160 млн долл. ежегодно. Однако эти цифры впечатляющи лишь на первый взгляд. При пересчете на душу населения они оказываются смехотворными, составляя не более 400 долл. на человека в год. Это и объясняет, почему, несмотря на потенциальные ресурсы, коренное население США по-прежнему живет весьма бедно.

Разработка энергоресурсов не принесла индейцам адекватной прибыли по ряду причин. Наиболее важная из них — сложившаяся в стране практика заключения соглашений о добыче сырья между общинами и монополиями, которая позволяет устанавливать срок аренды месторождений на 30 и более лет с зафиксированным уровнем земельной ренты и отчислений. В результате многие контракты, заключенные даже в конце 50-х годов, действуют и по сей день, обуславливая выплаты в масштабах цен того периода. Если же добавить к этому и прямой обман, который корпорации нередко допускают в отношении индейских партнеров, то нетрудно понять, что система разработки энергосырья резерваций — не что иное, как легализованное расхищение частным сектором природных богатств индейцев. По расчетам, представленным в начале 80-х годов в конгресс общиной чироков (Оклахома), денежные отчисления коренным американцам, связанные с добычей нефти в их землях, в настоящее время составляют всего 14 % от общей суммы прибылей, получаемых фирмами после ее реализации, газа — около 20 %, а угля — лишь 2 %. Несправедливость существующей системы контрактов стала настолько очевидной, что даже орган деловых кругов газета «Уолл-стрит джорнэл» отметила: «Парадоксальность положения индейских общин состоит в том, что под ногами их жителей находятся месторождения энергетического сырья стоимостью в миллионы долларов. Однако индейцы, страдая от нищенских условий их аренды, не получают причитающейся им доли от этих богатств»⁵

В настоящее время индейцы, ранее мирившиеся с подобной практикой, стали выражать резкий протест против грабежа минеральных ресурсов резерваций. Многие американские эксперты считают это резонансом арабского нефтяного эмбарго 1973 г. В действительности истоки таких настроений надо искать в первую очередь в глубоких внутренних процессах роста национального сознания и культурного уровня индейского населения США. «Вплоть до сегодняшнего дня,— заявил лидер общины навахо П. Макдоналд,— мы по традиции удовлетворялись незначительными денежными отчислениями в обмен на право добычи ископаемых в наших землях. Но довольно. ...Наши ресурсы когда-нибудь будут исчерпаны, и мы останемся ни с чем. Поэтому мы требуем большего от тех, кто хочет разрабатывать наши богатства»⁶ Однако не следует думать, будто коренное население намерено лишь выторговывать у корпораций более выгодные контракты. Коренные американцы хотят, чтоб разработка принадлежащих им минеральных ресурсов велась с целью общего социально-экономического прогресса индейских общин. Не менее важным для индейцев является и сохранение окружающей среды в резервациях, которая несет колоссальный ущерб из-за бесконтрольного хозяйничанья горнодобывающих корпораций. «Мы не желаем, чтобы наши территории превращались в груды земли, загрязненной отбросами производства»,— отмечалось, например, в послании протеста общины Коллвил в легислатуру штата Вашингтон⁷

Для координации усилий ряд общин в 1975 г. создали организацию «Совет племен по энергетическим ресурсам» (СЭРТ). Он объединяет уже 34 индейские общины, контролируя более 50 % месторождений урана и 33 % месторождений угля, нефти и газа, находящихся в землях индейцев.

Хотя в принципе руководство СЭРТ разделяет мнение большинства индейцев о необходимости пересмотра порядка эксплуатации недр, его линия во многом идет вразрез с позицией основной массы коренного населения. В частности, президент СЭРТ П. Макдоналд в интервью подчеркивал, что улучшение условий жизни коренных жителей означает, по его мнению, лишь возможность получения ими работы на шахтах и рудниках, находящихся в резервациях. Что же

касается проблемы перераспределения отчислений с целью социального прогресса общин в целом, проблемы защиты окружающей среды индейских территорий, то пока об этом не может быть и речи, поскольку разработка имеющихся там ресурсов ведется в интересах не только общин, но и всей американской экономики.

Существование среди руководства этой индейской организации конформистских взглядов объясняется в первую очередь тем, что в настоящее время в общинах из получателей крупных отчислений, функционеров органов самоуправления сформировались буржуазные слои, которые заинтересованы в наиболее прибыльном для себя использовании природных богатств, находящихся в коллективном владении соответствующей общины.

Как явствует из программных документов СЭРТ конца 70-х — середины 80-х годов, руководители его, спекулируя на невозможности для общин развивать собственную горнодобывающую промышленность, навязали индейцам свою стратегию. Практическая деятельность СЭРТ была в первую очередь нацелена на пересмотр существующих, наиболее несправедливых концессий на добычу ископаемых, а также на снятие некоторых ограничений, налагаемых на советы общин при заключении контрактов с частным сектором. В остальном СЭРТ ограничился оказанием технического и экспертного содействия своим членам в разведке и оценке запасов ископаемого сырья. Эта организация как бы взяла на себя функции индейского лобби, чья задача — добиваться от корпораций более выгодных соглашений о разработке ресурсов общин коренного населения.

Успехи СЭРТ на этом поприще оказались весьма скромными и свелись главным образом к пересмотру отдельных контрактов. Впрочем, трудно ожидать иного, поскольку лоббистские возможности СЭРТ очень ограничены.

Деятельность СЭРТ в настоящее время все чаще и чаще вызывает справедливые нарекания со стороны прогрессивно мыслящих представителей индейского населения, которые понимают, что добыча ископаемых в индейских землях в своей нынешней форме неизбежно ведет к разрушению главного достояния абори-

генов — земли и к постепенному исчезновению общин как социальных институтов.

Еще более непримиримую позицию относительно деятельности СЭРТ заняли представители радикального Движения американских индейцев (ДАИ). Один из его активистов, Д. Филдмен, сказал: «Болтовня о добыче ископаемых ничего не стоит. Все, что можно от них (руководства СЭРТ.—*Авт.*) услышать,— как они собираются торговаться, прикрываясь лозунгом прогресса. А индейские земли между тем гибнут»⁸ В настоящее время ДАИ развернуло активную борьбу с корпорациями, чья деятельность наносит ущерб окружающей среде резерваций. Однако даже успехи ряда осуществленных им акций не повлияли на политику руководства СЭРТ, которое не намерено менять курс на сотрудничество с правительством и монополиями в разработке ресурсов резерваций. В этой связи становится понятным пессимизм индейцев относительно возможности превращения добычи ископаемых в надежный источник их жизнеобеспечения.

Индейское предпринимательство

Параллельно с предоставлением концессий частному сектору в конце XIX в. начались и попытки самостоятельных предпринимательских инициатив коренного населения — в основном в области лесозаготовок, производства ремесленных изделий и так называемых свободных промыслов (рыболовство, сбор дикорастущих ягод и т. п.). Эти начинания велись как общинами, так и отдельными индейцами.

Если до второй мировой войны индейское предпринимательство носило в целом разрозненный характер, то в последнее время ситуация изменилась. Недостаточность земельной базы и аграрное перенаселение резерваций убедили лидеров общин в необходимости организации различных видов промышленного производства, в первую очередь отраслей, ставших к этому времени для общин «традиционными»: лесозаготовка, деревообработка, производство художественной продукции. Особый масштаб приобрела лесозаготовка. Крупные лесопильные комбинаты были построены в общинах Коллвил и Якима, Уорм-Спринг и Клатат, Меномини, Навахо. Среди фабрик, произво-

дящих художественную продукцию, следует выделить комбинат общины чироков Северной Каролины, который поставляет изделия из кожи — сумки, ремни, мокасины. Объем реализованной продукции этого предприятия составляет в среднем 300 тыс. долл. в год. Увеличение масштабов производства в вышеназванных секторах экономики стало дополнительным стимулом развития в индейских общинах строительства и коммунального хозяйства.

В важную отрасль современной экономики резерваций превратился туризм. Многие районы индейских земель, негодные для сельскохозяйственной и промышленной эксплуатации, представляют собой живописные уголки дикой природы. В таких местах стали создаваться кемпинги, мотели, гостиницы, музеи, культурно-исторические аттракционы. Среди наиболее крупных туристических комплексов — кемпинги общин апаче Уайт-Маунтин и Сан-Карлос, рассчитанные на одновременный прием 1 тыс. посетителей, и туристический центр в общине Алабама-коушатта, в который входят исторический музей, реконструкция традиционного поселения, ресторан, гостиница и бассейн. Эту резервацию посещают ежегодно в среднем до 300 тыс. туристов.

Развитие туризма в свою очередь создало для жителей резерваций дополнительные возможности предпринимательства в сфере обслуживания. В районах туристических центров стали появляться многочисленные магазины, гаражи, бензоколонки, ремонтные мастерские, предприятия быта и т. д., принадлежащие как общинам, так и отдельным индейцам. Развитие сервиса диктовалось конечно же потребностями не только заезжих туристов, но и местных жителей, которые нуждались в услугах быта и услугах не меньше, чем их гости.

К сожалению, в 50—60-е годы индейское предпринимательство почти не получало финансовой поддержки федерального правительства, проводившего в той или иной форме политику терминации индейских общин: к 1970 г. общий объем субсидий предприятиям коренного населения составил всего 19 млн долл. В условиях жесткой конкуренции отсутствие у индейцев достаточных капиталов, необходимых для успешной организации собственного производства, быстро

перечеркнуло благоприятную тенденцию к росту числа индейских предприятий. Некоторые из них разорились, не просуществовав двух-трех лет. Те, которым удалось избежать быстрого краха, в большинстве случаев едва сводили концы с концами, принося владельцам более чем скромные доходы. «Предпринимательство индейцев находится в эмбриональной стадии развития, и большинство их объектов скорее растрчивает средства племен, чем приносит им прибыли», — неоднократно подчеркивали различные представители коренного населения⁹

Противоречивый характер предпринимательской деятельности индейцев США отразился в следующем. С одной стороны, к началу 70-х годов в стране насчитывалось 1819 индейских предприятий, охвативших практически все стороны хозяйства общин. С другой стороны, общий объем приносимых ими прибылей был крайне мал — 48,8 млн долл. в год, что в среднем на одно предприятие составляло всего около 26 тыс. долл. Это был очень низкий показатель, в 2—4 раза ниже, чем у других национальных меньшинств США.

В период администрации президента Р. Никсона, как мы знаем, был принят ряд мер по оздоровлению экономики индейских территорий, сводившихся в основном к увеличению кредита общинам и размещению на их предприятиях части государственных заказов. Эти меры не являлись кардинальным решением проблем индейцев. Неудивительно, что многие положения правительственных постановлений вызвали критику представителей аборигенов. В частности, указывалось на недостаточный объем кредитов, на нечеткость критерия преимущественного права индейских фирм на государственные заказы. Тем не менее усилия правительства все же послужили дополнительным толчком для развития индейского предпринимательства. К концу 80-х годов в США было уже 14,8 тыс. индейских предприятий, т. е. их число за 20 лет выросло более чем в 8 раз. Их совокупный годовой доход достиг почти 647 млн долл., и, таким образом, доходность одного объекта в среднем составила около 43 тыс. долл.

Этот сдвиг вызвал большое удовлетворение официальных кругов Соединенных Штатов. По-иному его оценили сами индейцы. «Официальная статистика пугает как раз тем, что она скрывает, — заметил один

из лидеров НКАИ, Д. Делакруз.— Вопреки увеличивающемуся вкладу резерваций в американскую экономику индейцам в целом по-прежнему достается незначительная часть национальных доходов»¹⁰ Ответ на вопрос, почему это происходит, в определенной степени можно почерпнуть даже из сопоставления ряда официальных данных. Прежде всего количественный рост индейских предприятий произошел за счет увеличения числа мелких и мельчайших объектов. Поэтому абсолютное большинство их — 75,8 % — имеет годовой доход ниже среднего показателя — около 50 тыс. долл.; еще 11,7 % — приблизительно равный ему — от 50 до 100 тыс. долл. и только 12,5 % — более 100 тыс. долл.

Кроме того, в структуре индейского предпринимательства произошли существенные сдвиги (см. табл. 1).

Таблица 1. Изменения в структуре предпринимательской деятельности индейцев (%)

Предпринимательская деятельность	1972 г.	1987 г.
Промышленное производство	17,1	3,7
Транспорт и коммунальное хозяйство	5,2	5,5
Строительство	16,5	17,3
Торговля	32,2	33,0
Сфера обслуживания	29,0	40,5

Общий рост предпринимательской активности индейского населения был обусловлен в основном увеличением числа мелких предприятий главным образом в торговле и сфере обслуживания. Их хозяева — владельцы гостиниц, ресторанчиков, лавок, изредка — строительные субподрядчики, которым «голиафы индустрии» уделяют толику государственных заказов, связанных с осуществлением работ непосредственно в резервациях. Они порой даже не нанимают работников, довольствуясь помощью членов своей семьи. Конкурентоспособность объектов такого рода весьма невелика, поэтому рынок сбыта услуг (товаров), предлагаемых предпринимателями-индейцами, ограничен территориями их общин. Все это означает, что рост числа деловых инициатив отдельных представителей

коренного населения, получающих прибыли за счет соплеменников, не может способствовать прогрессу индейских общин США.

Эта ситуация стала все чаще попадать под огонь критики широких масс коренного населения. И в этой связи важно подчеркнуть, что протест населения общин направлен не против деловых инициатив как таковых, а против того, чтобы прибыль от них шла только в руки индейцев-бизнесменов. «Нам бы хотелось поощрять в резервациях сотрудничество и кооперацию, а не конкуренцию... которая не является единственной тропой к процветанию», — заявил один из авторитетных лидеров общины навахо, П. Зей¹¹

В попытках выработать альтернативный путь основная масса индейского населения противопоставляет частному бизнесу предпринимательство, осуществляемое советами общин в интересах всех членов общин. Такую позицию разделяют и многие индейские лидеры. «Для нас естественно рассматривать экономические проблемы жителей общины как целостной племенной общности. Никто не отрицает индивидуальных прав индейцев, но мы считаем, что обеспечение общего блага и соблюдение неотъемлемых прерогатив общины — более важная задача», — заявил Р. Мур, лидер резерваций Девил-Лейк¹²

Однако администрация президента Р. Рейгана, трактующая политику содействия самоопределению индейских общин как сокращение предназначенной им федеральной помощи, наоборот, поощряет частный сектор резерваций. Поэтому индейские общины, которые намерены развивать собственную промышленность, вынуждены опираться лишь на собственные финансовые ресурсы. Те из них, на чьей территории ведется добыча ископаемых, пытаются использовать в качестве источника финансирования своих предприятий отчисления и арендную плату. Другие, не обладающие минеральными ресурсами, делают попытки выпуска облигаций индустриальных займов. Третьи стремятся накопить средства еще более сомнительным способом, организуя в резервациях «индустрию» азартных игр — бинго, тотализатора на скачках лошадей или собачьих бегах и т. п. Однако этого явно недостаточно, чтобы вывести индейское предпринимательство из тупика. Таким образом, попытки промышлен-

ной эксплуатации индейцами своих земель в конечном счете не улучшают положения коренного населения в американском обществе.

Индийское население и рыночная экономика

Недостаточный уровень развития собственно резервационного хозяйства объективно ставит перед индейцами проблему более широкого их участия в экономике США. Быстрый рост численности коренных жителей в условиях относительного сокращения земельной базы создал в резервациях аграрное перенаселение: в 50-е годы свыше 40 % их самостоятельного населения не участвовало в трудовом процессе.

Правящие круги США на протяжении всего послевоенного периода различными путями пытались облегчить ситуацию с занятостью коренного населения. Администрация Д. Эйзенхауэра в 50-е годы избрала для этого релокацию, т. е. организованные трудовые миграции из резерваций в крупные города. Эта попытка не увенчалась успехом прежде всего из-за нежелания многих индейцев покидать привычный мир общины и интегрироваться в новую социальную среду, непонятную и чуждую. И вопреки усилиям правительства основная часть коренных американцев — свыше $\frac{2}{3}$ — свои земли не покинула.

Правительство Д. Кеннеди — Л. Джонсона в 60-е годы попыталось привлечь к строительству промышленных объектов в резервациях частный сектор, стимулируя его разными льготами. Число предприятий в индейских землях в итоге достигло 250, но на занятости коренных жителей это сказалось мало. Вследствие недостаточной профессиональной подготовки они не смогли удержать за собой созданные для них рабочие места там, где им хотелось, в то же время во многих случаях индейцы не хотели идти на производство, поскольку его характер не соответствовал их хозяйственным традициям.

Администрация Р. Никсона и его преемников, учтя негативный опыт демократов, начиная с 70-х годов стала осуществлять иную политику. В рамках закона о содействии самоопределению любая из общин с уровнем безработицы выше 18 % получила право на разработку собственной программы занятости, а власти

гарантировали со своей стороны поддержку таким начинаниям в виде финансовой и технической помощи. В итоге с 1975 по 1980 г. общины получили около 511 млн долл. субсидий. Это оздоровило ситуацию с занятостью, но правительство Р. Рейгана за два срока пребывания у власти урезало экономическую помощь общинам на $\frac{1}{3}$, что сразу же снизило занятость индейцев.

Тем не менее, какой бы ни была политика американских властей, процесс вовлечения резервационного населения в систему наемного труда — процесс стабильный, и число индейцев, трудившихся по найму, постепенно, но неуклонно возрастает. Если в 60-е годы в экономике США (как в резервациях, так и вне их) работало 115 тыс. индейцев, или 35 % самостоятельного населения общин, а в 70-е — 190,2 тыс., или 42 %, то в 80-е годы — уже 487,3 тыс., или почти 80 %. О том, в каких секторах экономики страны заняты коренные жители, см. табл. 2.

Таблица 2. Распределение работавших по найму индейцев по основным отраслям хозяйства США (в %)

Отрасли	1960 г.	1970 г.	1980 г.
Производственная сфера в целом	51,7	45,3	45,3
В том числе:			
сельское хозяйство	17,5	7,1	4,2
добыча ископаемых, лесозаготовки и т. п.	5,9	1,4	0,9
строительство и транспорт	12,9	13,6	16,2
промышленное производство	15,4	23,2	24,0
Непроизводственная сфера в целом	33,7	53,8	52,7
В том числе:			
торговля и финансы	8,7	16,0	11,7
сфера обслуживания	19,9	29,1	33,6
государственный аппарат	5,1	8,7	7,4
Другие	14,6	0,9	2,0

Вовлечение индейского населения в рыночную экономику — процесс в целом положительный. В определенном смысле он, безусловно, свидетельствует о росте культурного уровня, повышении роли индейцев в хозяйственной жизни страны. Повысился и материальный уровень жизни коренных американцев. Годовой доход тех семей, где постоянно трудится один человек, в 2—2,5 раза выше среднего показателя для индейского на-

селения в целом. Впрочем, не стоит преувеличивать значение данного обстоятельства, как это делают американские средства массовой информации, а порой и отдельные индейские лидеры. Анализ статистических данных показывает, что индейцы в основном пополнили «низы» армии наемных работников. Наглядный тому пример — их работа в государственном аппарате. По существующей в США шкале должностей 65 % индейцев, находившихся на государственной службе, получали самую низкую зарплату — 6—8 тыс. долл. в год, 21 % среднюю — 9—16 тыс. долл. и только 14 % высокую — свыше 16 тыс. долл.

Если в подобном положении находятся люди, попавшие на государственную службу, что же говорить тогда об индейцах-рабочих, занятых в частном секторе! Пользуясь объективными сложностями трудоустройства аборигенов, предприниматели берут их, как правило, на наиболее трудную, вредную, грязную и, конечно, низкооплачиваемую работу, которой гнушаются даже белые бедняки. Хотя индейцы составляют лишь 0,3 % занятых в частном секторе, их доля среди работников отраслей с наиболее низким уровнем зарплаты была непропорционально высока. Так, например, среди работников сферы обслуживания она достигала 13,2 %, розничной торговли — 16,3 %. Это подчеркивалось в докладе комиссии по разным возможностям трудоустройства. Таким образом, говорить о кардинальном улучшении условий жизни коренных американцев, работающих по найму, не приходится.

В то же время включение аборигенов в рынок труда обрушило на них различные проблемы. В первую очередь они вплотную столкнулись с дискриминацией при найме на работу, о чем свидетельствует их преобладание среди низкоквалифицированных рабочих: 47 % рабочей силы резерваций было занято именно в этих профессиях (аналогичный показатель среди основного населения вдвое меньше — 24 %), в управленческом же персонале индейцы были представлены символически.

Дискриминация при трудоустройстве стала одной из причин крайне высокого уровня безработицы среди индейцев. Причем официально публикуемые индикаторы безработицы не соответствуют истине, так как не учитывают скрытых ее форм. Средний уровень полной

безработицы среди индейцев с 1970 по 1980 г. составлял в действительности 37 %. Бюджетные сокращения администрации Р. Рейгана привели к тому, что в начале 80-х годов в ряде общин полная безработица подскочила до 60 — 68 %.

Проблемы низкой занятости усугубляются и сезонным характером индейского труда. Несмотря на увеличение числа индейцев, занятых в промышленности, торговле и сервисе, большая их доля вынуждена трудиться лишь часть времени в году. В 60-х годах 43,7 % работавших по найму трудились шесть и менее месяцев в году. В 70-е годы положение несколько улучшилось, но тем не менее 29,5 % из числа занятых не имели работы в течение полугода и более. Неустойчивое положение коренных жителей на рынке труда США сохранялось и в 80-е годы.

Вместе с тем совершенно очевидно, что процесс превращения основной массы индейцев из мелких производителей в наемных работников будет продолжаться, а роль труда в капиталистической экономике США как источника жизнеобеспечения аборигенов — возрастет. Поэтому уместен вопрос: удовлетворяет ли коренных жителей место, которое они занимают в хозяйстве страны?

Подавляющее большинство лидеров индейских общин и организаций в настоящее время все чаще и чаще выражают сомнение, действительно ли переход к жизнеобеспечению трудом по найму имеет преимущества по сравнению с другими его формами. «Если ранее индустриальный прогресс считался панацеей для проблемы жизнеобеспечения резерваций, — подчеркивалось в заявлении НККИ, — то ныне эти надежды оказались тщетными... Промышленное развитие индейских земель и их окрестностей привело на деле к эксплуатации дешевого неквалифицированного труда индейцев, приносящей выгоду белым предпринимателям». Причем особую тревогу внушают им потери социального характера, которыми индейское население расплачивается за включение в рынок наемного труда, и в особенности дискриминация при трудоустройстве и безработица, которые оказывают деморализующее действие на настроения индейцев, усугубляют ощущения безысходности, формируют «чувство страха перед какими-либо изменениями в жизни вообще»¹³

Подобного рода негативные явления не могли не вызывать у части индейцев отрицательное отношение к наемному труду как таковому, что находит выражение в призывах к хозяйственной самоизоляции индейского населения, к отказу от достижений научно-технического прогресса и евроамериканской цивилизации в целом, в утопических концепциях развития общин в будущем. Весьма определенно высказался по этому поводу лидер ДАИ Р. Минз: «Мы веками жили без техники. Технологическое общество зашло в тупик... Нужно учиться новому образу жизни, который уважает землю, пространство и воду. Мы, индейцы, зная природу, могли бы помочь другим народам открыть для себя этот образ жизни»¹⁴.

Такие призывы порой реализуются в конкретных акциях. В конце 70-х годов группа индейцев — сторонников «традиционного» пути развития, захватив здание завода полупроводников компании «Фэйрчайлд» в местечке Шпирок резервации навахо (самое крупное предприятие в индейских землях, где трудилось свыше 1 тыс. аборигенов), потребовала от фирмы его закрытия. Попытки руководства общины урегулировать этот конфликт на компромиссной основе успехом не увенчались, и в итоге завод был закрыт. Конечно же подобные действия абсурдны, а концепции — утопичны, однако важно помнить, что в основе их лежит неудовлетворенность той ролью, которую доминирующее общество отвело коренному населению, что это — своеобразная форма протеста индейцев против капиталистической эксплуатации их труда, против статуса дискриминируемых низов американских трудящихся.

Как бы ни были распространены концепции экономической самоизоляции, анализ документов индейских общин показывает, что основная масса их жителей прекрасно понимает невозможность решения своих проблем без широкого использования столь важного источника средств, каким служит наемный труд. Стремление улучшить положение индейцев на рынке рабочей силы заставляет руководителей общин разрабатывать свои альтернативы правительственным планам увеличения их занятости. Программы лидеров различных общин в этой области объединяет стремление увязать этот вопрос с общим социокультурным прогрессом индейского населения. Поэтому индейцы считают, что, во-первых,

любые планы борьбы с безработицей должны учитывать их стремление жить на своей земле. То есть не следует решать эту проблему за счет миграции рабочей силы, как это делало правительство США. Во-вторых, оздоровление экономической ситуации в индейских землях должно опираться на хозяйственный опыт и традиции общин. И наконец, необходимо, чтобы увеличение занятости шло рука об руку с повышением профессиональной квалификации коренных американцев.

В практическом плане руководители общин обычно связывают реализацию собственных программ увеличения занятости с организацией самостоятельного индейского предпринимательства. Однако опыт показывает, что деятельность индейских предприятий не решает в полной мере противоречий, связанных с участием коренного населения в рынке труда. Примером может служить попытка совета общины навахо обеспечить полную занятость. В принятом советом в 1972 г. десятилетнем плане предполагалось создать для ее членов около 20 тыс. рабочих мест, в том числе почти 8 тыс. в мясной и пищевой индустрии — отраслях, связанных с традиционной отраслью хозяйства племени — животноводством. План навахо — крупнейший из аналогичных начинаний — все же оказался не в состоянии решить проблему занятости индейцев в широком масштабе: уже к 1980 г. число безработных в резервации достигло 45 тыс., увеличившись ровно вдвое с момента принятия десятилетнего плана. В условиях цикличности американской экономики такую судьбу разделяет подавляющее большинство аналогичных индейских начинаний.

Появление в общинах как собственных, так и смешанного типа предприятий не улучшило кардинальным образом и условий труда индейцев. Можно с определенностью сказать, что в действительности труд там мало чем отличается от работы на обычных капиталистических предприятиях. Единственное пока официальное обследование индейских промышленных объектов 1969 г. выявило, что лишь на 7 % из них существовала система страхования жизни и пенсионного обеспечения; страхование от несчастных случаев отсутствовало повсеместно, а величина оплачиваемого отпуска составляла в среднем три — семь дней в году. В настоящее время условия труда там продолжают оставаться очень плохими.

Не лучше обстоит дело и с уровнем заработной платы. Руководство общин вследствие капиталистической конкуренции порой просто не может повышать зарплату рабочим «своих» предприятий, так как под угрозой банкротства оно вынуждено использовать одно из немногих с точки зрения бизнеса «преимуществ» резервации — дешевизну индейской рабочей силы. Это обстоятельство зачастую усугубляется своекорыстными интересами лидеров общин, стремящихся извлечь максимальную прибыль из эксплуатации труда соплеменников, спекулируя на стремлении последних трудиться в своих землях. «Большинство индейцев, работающих у нас, — заявил один из управляющих заводов нефтеперерабатывающей фирмы «Филлипс петролеум» (предприятие, контролируемое советом общины оклахомских чироков), — живет со своими семьями поблизости. И если работа и не соответствует их профессиональному уровню или желаниям, вряд ли они покинут эти места. То есть маловероятно, что они поедут, например, в Чикаго, чтобы подыскать себе более престижное или высокооплачиваемое место»¹⁵

Наконец, тщетными оказались надежды индейцев, что труд на «своих» предприятиях будет способствовать внутренней консолидации общин. К примеру, буржуазные слои вышеупомянутых чироков, борясь со сплоченностью и единством своих работников, выступили с демагогическими призывами выработать у индейцев современную культуру труда, без которой якобы невозможно выжить в обществе конкуренции. На практике это вылилось, в частности, в запрет работать в любом подразделении «Филлипс петролеум» более чем одному представителю родственной группы чироков, в наказаниях за проведение традиционных праздников и т. п. Неудивительно, что многие индейцы, получившие работу на этом предприятии, порой стремились демонстративно подчеркнуть свой отход от традиционного образа жизни, пренебрежение родственными или социальными нормами народа. Это сказалось на единстве общины: в настоящее время около 56 % чироков перестали участвовать в ее социокультурной жизни. Это в свою очередь вызывает резкий протест и осуждение традиционно настроенных чироков, осудивших стремление группы своих соплеменников «быть, как белые».

Таким образом, в условиях, когда еще не решена

в полной мере проблема повышения уровня жизни индейского населения США, включение его в рыночную экономику обернулось для коренных американцев дополнительными сложностями социоэкономического порядка (безработица, дискриминация) и этнокультурного характера — ослабление внутриобщинных связей, разрушение традиционных видов трудовой практики и т. п. Попытки смягчить эти противоречия за счет увеличения занятости на «своих», т. е. находящихся под контролем общин, предприятиях в условиях капиталистического производства не имеют успеха.

*****

КАНАДА

Вопрос о месте индейцев в экономике Канады, о хозяйственном развитии аборигенных общин — один из важнейших, ибо в экономическом секторе лежит ключ к решению многих социальных и культурных проблем коренного населения. Именно вековая стагнация и кризис хозяйственной жизни в резервациях, разрушение традиционных занятий в условиях государственно-монополистической экономики страны стали первопричиной бедственного положения индейцев.

Работа по найму

Отдаленность и изолированность индейских земель и ориентированность хозяйственной активности на традиционные занятия, низкий материальный и образовательный уровень индейцев определили то обстоятельство, что вплоть до конца 60-х годов половина индейского самостоятельного населения занималась охотой, рыболовством, собирательством, лесозаготовками, огородничеством. Однако в послевоенные десятилетия все большее число индейцев переходит на работу по найму или сочетает традиционные занятия с сезонными заработками. Выборочное обследование ряда индейских общин в середине 70-х годов показало, что их доходы от традиционных занятий (не по найму) составили от 41 до 58 %, смешанные занятия — от 13 до 21, работа по найму — от 28 до 39 %.

Вполне очевидно, что доля работающих по найму индейцев, занятых производительным трудом, умень-

шается за счет увеличения занятости в сфере мелкого бизнеса, торговли и сервиса. В 70—80-е годы перелив самодельного индейского населения в так называемые «вторичные» отрасли продолжается: 7 из 10 работающих индейцев старше 15 лет ныне заняты в непроеводительных сферах, что незначительно отличается от показателей среди остального населения. Однако в «первичных» (традиционных) отраслях занято почти вдвое больше индейцев по сравнению с остальным населением (11 и 6 %). Самая высокая доля занятых в «первичных» отраслях — у резервационных индейцев, особенно в Британской Колумбии (24 %) и в провинциях прерий (17—20 %). Интересно отметить, что только 2 % индейцев назвали рыболовство и трапперство своими основными занятиями (3 % в резервациях и 1 % вне резервации)¹⁶ Однако эти данные не отражают реального значения традиционных занятий в жизни канадских аборигенов, о чем речь пойдет ниже.

Часть коренного населения, особенно в районах давнего заселения евроканадцев и интенсивного капиталистического развития, уже давно была вовлечена в рыночную экономику. В некоторых общинах обычная работа по найму заняла господствующее положение еще во второй половине XIX в. В Британской Колумбии, например, большинство индейских групп были вовлечены в коммерческий лов рыбы, лесоразработки, горнорудную, строительную и пищевую промышленность. Последовавшая в 30-е годы экономическая депрессия, повсеместная механизация труда в военные и послевоенные годы оказали катастрофическое воздействие на экономическую деятельность мелких индейских предприятий и на условия найма аборигенов, лишив их многих тысяч рабочих мест.

В послевоенные десятилетия только часть коренных жителей сохраняла постоянные рабочие места на капиталистических предприятиях. В середине 70-х годов в Северо-Западных территориях по найму работало около 400 — 500 человек (18 % всех рабочих и служащих). На свинцово-цинковом комбинате на Баффиновой Земле работало около 100 эскимосов, составлявших более 50 % всех рабочих и служащих. На Канадском Севере в последние годы заметно снижение числа аборигенов, работающих на предприятиях. На полиметаллическом руднике в Фаро в начале 70-х годов индейцы состав-

ляли до 25 % общего состава работающих. Через несколько лет эта цифра уменьшилась до 1 %¹⁷

В 70—80-е годы большие надежды возлагались на крупные хозяйственные проекты, связанные с освоением богатых нефтегазовых месторождений в долине р. Маккензи и на арктическом побережье. Имелось в виду, что строительство и деятельность предприятий в этой отрасли создадут достаточное число новых рабочих мест, которые позволят решить проблему вовлечения аборигенов в сферу современного технологического труда и обеспечения среди них необходимой занятости. Наконец, после длительных дебатов и почти 10-летнего моратория весной 1985 г. был завершен первый крупный проект по добыче нефти в долине р. Маккензи: 850-километровый нефтепровод прошел от поселка Норман-Уэллс (в 90 км от Северного полярного круга) на юг, в провинцию Альберта. В период строительства (два зимних сезона) было создано около 4 тыс. временных рабочих мест, из которых только около 20 % досталось коренным жителям. Они были заняты на земляных и разного рода вспомогательных работах, получая гораздо более низкую плату, чем персонал квалифицированных рабочих, завезенных из южных районов. После завершения строительства на эксплуатационных работах осталось трудиться не более двух десятков индейцев и метисов.

Ожидается осуществление нового крупного проекта в районе моря Бофорта, предполагающего строительство нефтепровода из дельты Маккензи на юг до Норман-Уэллса и далее. Уже на стадии изыскательских работ в 1982—1985 гг. было привлечено около 2 тыс. рабочих, из которых около 20 % составили эскимосы и индейцы, живущие в Инувике, Токсякуке и других прибрежных поселках региона.

Оценивая в целом место коренных жителей в современной капиталистической экономике Канады, необходимо все же отметить стойко сохраняющееся маргинальное положение их в сравнении с остальными группами. Если в 1980 г. 75 % самодеятельного населения страны было занято в частнокапиталистическом секторе, то только 37 % резервационных и 42 % нерезервационных индейцев зарабатывали себе на жизнь подобным образом. Согласно последней переписи, только 44 % взрослого индейского населения, проживающего

в резервациях, получало доходы от какого-либо вида работ по найму, будь то частный бизнес или общественный сектор¹⁸. Работающие по найму индейцы главным образом заняты в сферах неквалифицированного труда. За последние 50 лет эта ситуация остается неизменной.

«Смешанная» экономика

При всей бесспорной значимости рыночной экономики и работы по найму, которая в ряде районов уже во второй половине XIX в. преобладала среди индейцев; необходимо выделить существующий до сих пор тип так называемой «смешанной» экономики. Суть его заключается в сочетании работы по найму, т. е. участия в рыночной экономике, с традиционными, вернее, нетрадиционными занятиями охотой, трапперством и рыболовством. Этот тип хозяйственной деятельности и основанный на нем образ жизни сложились на территории Канады, особенно в ее северных районах, еще в колониальный период, когда практически все коренное население в той или иной форме было вовлечено в коммерческую деятельность пушных компаний.

Упадок мехоторговли в конце XIX — начале XX в., вызванный сокращением природных ресурсов и падением цен на меха, поставил канадских аборигенов в сложное, а во многих случаях в бедственное положение. Необходимые для приобретения промышленных изделий и некоторых продуктов денежные средства индейцы были вынуждены изыскивать работой по найму в других областях: на лесоразработках, в железнодорожном строительстве, фабрично-заводском производстве, в сфере обслуживания некоренного населения и т. д. Однако дискриминация в сфере найма и оплаты труда, низкий образовательный и квалификационный уровень, характер расселения и некоторые культурные, прежде всего языковые, барьеры так и не позволили индейцам вплоть до наших дней занять равное с остальным населением место в экономической сфере. Для большинства населения занятия натуральным хозяйством, добывание средств к существованию непосредственно из окружающей природы остаются важным и наиболее гарантированным видом хозяйственной деятельности.

Многие черты традиционной хозяйственной деятельности и образа жизни сохраняют коренные жители субарктических и арктических районов. Фактически и здесь оседло-кочевой образ жизни, характерный для арктических охотников на морского зверя и промыслово-рыболовецкого населения тундры и тайги, сменился в последние десятилетия на переменнo-оседлый или, вернее, оседлый с сезонной миграцией части населения.

Смешанная экономика, сочетающая товарный и натуральный хозяйственные секторы, сохраняется среди индейцев северного Квебека — монтанье-наскапи и восточных кри. Из восьми общин восточных кри пять расположены на побережье залива Джеймс и Гудзонова залива, остальные три находятся в материковой части на расстоянии до 500 км от береговой линии. Кри побережья залива Джеймс в значительной мере сохраняют натуральную экономику, основанную на охоте и трапперстве. Из примерно 2 тыс. семей в конце 70-х годов около половины получали денежный доход благодаря охоте, трапперству и рыболовству, на которые уходило более половины рабочего времени этих семей. Поскольку в общинах сохраняется традиция раздачи добытого на охоте мяса, для более чем половины населения добываемый зверь остается важнейшим источником пищи.

Охота и трапперство определяют годовой цикл членов общины: многие семьи до сих пор проводят большую часть времени вне постоянных поселков. Зимой они уходят семейными группами на традиционные охотничьи территории, размеры которых разнятся от 500 до 2 тыс. км², и там на зимних стойбищах охотятся на крупных животных — карибу, лося, медведя, а также на пушного зверя. Обычно в середине апреля семьи охотников перемещаются на весенние стойбища, где охотятся на гусей и уток, а также на пушного зверя (ондатру). После таяния льда на реках и озерах семейные группы возвращаются на летние стойбища, где главным образом ловят рыбу, которую сушат и коптят.

Эти семьи охотников находятся в постоянных поселках только короткие периоды в течение года. Что касается постоянных жителей поселков, то они составляют около половины населения, а в ряде случаев — менее 1/5. Однако последние обследования показывают, что целиком охотой и трапперством занимаются в основном

жители более старших возрастов, молодые семьи (до 40 лет), дети которых посещают школы, живут оседло в поселках и занимаются главным образом работой по найму. Поскольку трудовая миграция в этих общинах ограничена из-за территориальной удаленности от крупных центров хозяйственной деятельности и городов, кри вынуждены довольствоваться скромными возможностями найма в местах проживания. Более или менее постоянную работу удается получить от местных авиакомпаний, Компании Гудзонова залива, нефтяных корпораций, а также на строительных работах в ходе осуществляемых гидроэнергетических проектов в этом районе. Некоторые индейцы заняты в сфере обслуживания.

Традиционная охота на карibu продолжает занимать важное место в хозяйственной деятельности наскапи. Их исконные территории были, в частности, в бассейне р. Джордж, в окрестностях оз. Индиан-Хаус-Лейк, но в 1916 г. из-за прекращения ежегодных миграций оленьих стад через этот район наскапи переселились к торговой фактории Дейвис-Инлет, основанной Компанией Гудзонова залива еще в 1831 г. Но и после этого индейцы продолжали эксплуатировать материковые, а не прибрежные ресурсы, стойко сохраняя свой традиционный образ жизни. Закрытие в 1942 г. фактории как неприбыльной, установление над коренным населением административной опеки правительства Ньюфаундленда и его попытки вовлечь индейцев в рыночную экономику, усилия римско-католической миссии (постоянно действует с 1952 г.) в этом же направлении мало что изменили в жизни этой изолированной общины.

Наскапи продолжают вести переменнo-оседлый образ жизни и более полугода живут во внутренних районах Лабрадора, занимаясь охотой. Мясо карibu составляет основной источник пищи, и на оленя наскапи охотятся фактически круглый год, хотя в летние месяцы охота носит спорадический характер. В октябре — ноябре большинство индейских семей уходят в тундру, где до марта — апреля охотятся на карibu и питаются главным образом его мясом. В небольшом количестве вылавливают из-под льда ручьевую форель. Отправляясь в тундру, наскапи везут с собой необходимые продукты, приобретенные в поселковом магазине: муку, сахар, свиное сало, маргарин, чай, табак.

В марте — апреле наסקапи возвращаются на побережье в Дейвис-Инлет, где сразу же начинают охотиться на тюленя и продолжают это занятие, пока находятся в поселке. Продажа добытых морских животных дает им некоторый денежный доход. Примерно в это же время начинается охота на канадского гуся, уток, бурого медведя. В июле к побережью Лабрадора подходит треска, ловля которой когда-то была основным источником денежных средств. Но сейчас из-за чрезмерного коммерческого лова трески рыболовными траулерами ее численность резко сократилась, и наסקапи перешли на лов лосося и арктической форели (гольца). Эта рыба идет в пищу и на продажу. Осенью до ледостава продолжают охотиться на тюленя и ловить рыбу. Затем отправляются в глубь материка в поисках стад карибу.

Примерно такой же годовой цикл хозяйственной деятельности у родственной общины наסקапи в другом прибрежном поселке — Нор-Уэст-Ривер, расположенном в 150 км к югу от Дейвис-Инлет. Фактически наסקапи — одни из немногих среди групп канадских индейцев, кто сохраняет натуральное хозяйство. Регулярной работой по найму занимаются единицы. Денегные доходы мизерные и используются почти исключительно для приобретения продуктов и ткани для палаток.

Смешанная экономика и переменено-оседлый образ жизни сохраняются также и среди групп северных атабасков, особенно в долине р. Маккензи, районе озер Большое Невольничье и Атабаска и на Юконе. Охота на карибу, добыча пушнины, коммерческий лов рыбы остаются важнейшим средством к существованию для общин чиппевайян, наиболее разбросанных в сравнении с другими индейскими народами Канады. Почти все чиппевайян ныне живут оседло в поселках, хотя еще в начале 70-х годов многие семьи охотников жили в сезонно сменяемых лагерях. В зимние месяцы мужчины уходят в леса и лесотундру, где живут во временных зимних стойбищах, обычно расположенных по берегам озер. Охотятся на карибу и пушного зверя на обширных пространствах.

О том, что значение охоты на карибу и других традиционных занятий не уменьшается, свидетельствует тот факт, что в 70-е годы многие индейцы вернулись в свои исконные места и восстановили поселки после неудач-

ных правительственных экспериментов 50-х годов —
сселения индейцев в такие крупные городские поселки,
как Черчилл. В этом сказалось некоторое увеличение
в последние десятилетия поголовья дикого оленя, а значит, и рост его значения в жизнеобеспечении индейцев.

До 60-х годов переменнo-оседлый образ жизни вели
индейцы догриб, живущие в канадской лесотундре к северу от Большого Невольничьего озера. Но в последние годы почти все члены этой группы сконцентрировались в постоянных поселках и городах Йеллоунайф и Рэй, сменив бревенчатые хижины на дома из деревянных конструкций. Однако трапперство для них остается
основным занятием и источником доходов. Мужчины-охотники уходят в тундру за карибу, ловят рыбу. Работа
по найму крайне ограничена: единицы заняты на
строительстве дорог и домов, а также в качестве гидов
для туристов-рыболовов.

В районе Большого Медвежьего озера жившие еще в 50-е годы небольшими семейно-родственными группами в лагерях аборигены ныне почти все переселились в Форт-Франклин, но сохранили многое из традиционного образа жизни. Хозяйственная жизнь поселка в значительной мере основана на охоте, трапперстве и рыболовстве.

Необходимо отметить, что эксплуатация возобновляемых ресурсов в субарктических и арктических районах Канады, осуществляемая главным образом или исключительно усилиями коренных жителей, остается важной формой хозяйственной активности в целом всего населения страны, внося определенный вклад и в общеканадскую экономику. Так, например, трапперством
в Канаде до сих пор занимаются около 100 тыс. человек,
из которых примерно 55 тыс. — коренные жители. Стоимость добытой и экспортируемой пушнины и меховых изделий составляет ежегодно более 80 млн долл. Вклад меховой промышленности в общенациональный валовой продукт оценивается примерно в 600 млн долл.

Особенно значительную роль трапперство играет в
жизни северных коренных народов — атабасков и
эскимосов. В 1984—1985 гг. население Северо-Западных территорий, а вернее, 3,8 тыс. охотников и трапперов, из которых большинство составляют аборигены, поставили на рынок 168,5 тыс. шкур и шкурок (включая тюленьи) общей стоимостью более 3 млн долл.

Пушной промысел, пожалуй наиболее стабильный из всех других традиционных занятий, для многих общин очень важен, так как именно вырученные от продажи меха денежные средства идут на приобретение дорогостоящего оборудования, необходимого для охоты на крупного зверя и рыболовства. Охотятся на крупного зверя (главным образом карибу и лося) и мелкую дичь преимущественно осенью, замораживая или засушивая мясо на зиму. Некоторая часть добытого мяса реализуется через местные кооперативные лавки. В центральной части арктического побережья по лицензиям охотятся на белого медведя и мускусного быка. В 1984—1985 гг. был отстрелян 231 белый медведь, шкуры которых реализованы в среднем по цене 700 долл.

Что касается рыболовства, то его коммерческая значимость невелика. Для собственных нужд аборигены сетями ловят рыбу летом и в начале зимы, сушат и замораживают на зиму. В пищу идут лосось — к северу от границы лесов и белорыбица — к югу от нее, северная щука скармливается собакам.

Особое значение для жителей арктических поселков, преимущественно эскимосов, имеет промысел морского зверя. Мясо потребляется в пищу, шкуры — для пошива одежды и ремесленных изделий, клыки моржа и нарвала — для художественной резьбы. В 1984—1985 гг. в прибрежных поселках Северо-Западных территорий было добыто 666 белух, 265 нарвалов и 404 моржа.

Особая ситуация сложилась с коммерческой добычей тюленьих шкур. Долгое время тюлений промысел был основной хозяйственной деятельностью ряда общин Центральной и Восточной Арктики, по сути единственным источником денежных доходов, если не считать скудных правительственных субсидий. В 1981 г. объем продажи тюленьих шкур в Северо-Западных территориях достигал почти 1 млн долл. В 1982 г. длительная международная кампания в защиту животных привела к запрету ввоза тюленьих шкур на европейский рынок. Это сильно ударило по эскимосским общинам. Около 1,5 тыс. охотников и их семьи фактически остались без основного источника денежных средств, на которые приобретались необходимые продукты, инвентарь и пр. В 1984—1985 гг. доходы от продажи тюленьих шкур сократились более чем в 10 раз. В небольших изолированных общинах Восточной Арктики единственная аль-

альтернатива утраченному источнику существования — это правительственные социальные пособия. Многие охотники теперь не выходят в тундру, оставаясь в поселках, так как расходы на бензин для мотонарт, боеприпасы и продукты, необходимые для одной поездки, составляют около 100 долл., которые почти нечем окупить. Охота продолжается только по настоятельной необходимости — добыть ценный продукт питания, без которого трудно представить рацион почти каждого современного эскимоса.

Обследования в северных районах Юкона и в долине р. Маккензи, где в середине 80-х годов проживало около 20 тыс. коренных жителей (индейцев, эскимосов и метисов), показали, что в конце 70-х годов среднегодовой объем добываемого в пищу мяса в виде крупного зверя, бобров, кита, тюленя, зайца, утки, гуся и рыбы составлял почти 2210 т, включая 707 т мяса, добываемого на корм собакам. Это означает примерно 100 кг мяса в год на каждого жителя, т. е. ежедневную порцию в 274 г, из которых 27 % составляла рыба. Все это означает, что большинство коренных жителей северных районов продолжают получать основные источники питания непосредственно из окружающей природы.

Конечно, 274 г мяса недостаточно для получения всей необходимой жизненной энергии, но в пищевом рационе индейцев и эскимосов уже с XVIII в., с момента открытия первых факторий, появились зерновые и другие продукты. Важно, что добываемое мясо — важнейший источник белков, абсолютно необходимых в пище жителей Севера. Все это говорит о том, что в современных условиях для многих коренных жителей получаемый путем охоты, трапперства и рыболовства продукт незаменим как компонент питания.

Рассматривая трапперство не просто как один из видов работы по найму, а скорее как образ жизни, основанный на использовании природных ресурсов, многие коренные жители сохраняют привязанность к этому занятию. Даже работая по найму в бригаде сейсмической разведки, на нефтепромыслах или в строительстве, они рассчитывают использовать часть зарплаты для приобретения новых мотонарт, лодки, ловушек или ружья. Работа по найму становится средством обеспечения традиционного образа жизни траппера. Характерно свидетельство одного из коренных жителей в Форт-Франкли-

не: «Прошлой зимой я работал по найму для местного кооператива. У меня было два выходных дня: суббота и воскресенье. В эти дни я обычно уходил на охоту или ставить капканы... В настоящий момент у меня нет лодки или каноэ и нет охотничьей винтовки, и поэтому я собираюсь поработать для какой-либо компании, как сейчас я работаю для «Импиризэл ойл». Я работаю не ради денег, а ради каноэ и винтовки и, после того как куплю их, буду охотиться на Медвежьем озере... Если мне действительно нужно ружье... я работаю за ружье, а не за деньги»¹⁹

В целом в северных районах еще сохраняются достаточно хорошие возможности для охоты и рыболовства. Некогда сократившаяся численность пушного зверя и копытных животных ныне благодаря мерам по охране природы несколько восстановлена, и состояние охотничье-промысловых угодий улучшилось. Увеличилось стадо диких оленей, хотя их поголовье уже давно не удовлетворяет потребностям коренного населения в питании, одежде и обуви, как это было в прошлом. Огромный ущерб северному стаду карибу нанесли новейшие хозяйственные проекты: нефте- и газопроводы, электростанции. Так, например, в сентябре 1984 г. из-за высокой паводка и сброса воды на электростанции на р. Каниапискау в северном Квебеке при переправе погибло сразу 10 тыс. оленей — примерно столько, сколько ежегодно отстреливают коренные жители этого района. Что касается запасов рыбы, то здесь также наблюдается тенденция к сокращению уловов. Причем аборигенов все больше теснят рыболовы-туристы.

Пути решения проблем

В этих сложных условиях канадские власти по-своему, а аборигенные общины по-своему пытаются разрешить противоречия экономического развития и определить оптимальные пути хозяйственной организации коренных жителей. В 60—70-е годы не было недостатка во всевозможных программах и проектах, многие из которых уже не выдержали испытания временем, а некоторые сразу были решительно отвергнуты индейцами и эскимосами.

Канадские власти с самого начала объявили одним из важнейших средств решения проблемы аборигенного

населения экономическое развитие резерваций до уровня тех регионов, где они расположены. В качестве главной и первоначальной меры предполагалось создание дополнительных фондов для капиталовложений в экономику резерваций, привлечение крупного капитала, монополий к развитию резервационных земель. Специально разработанная программа экономического развития индейцев ставила перед собой цели «расширить возможности занятости для индейцев... а также способствовать экономическому прогрессу индейского народа через оказание ему услуг со стороны бизнеса»²⁰

Для осуществления программы в 1970 г. был создан фонд экономического развития индейцев и разработана система финансовой, технической и прочей помощи главным образом с целью развития бизнеса на территории резерваций и близлежащих районов. Главный же смысл правительственной политики в этом вопросе заключался в намерении раз и навсегда устранить индейский вопрос, включив земли аборигенов в орбиту большой капиталистической экономики и покончив со всеми особыми правами индейцев.

Правительственные планы в области экономического развития индейских общин были встречены негативно индейскими организациями. Президент Национального братства индейцев Канады Джордж Мануэль отмечал: «По-видимому, общество белого человека сочло в настоящее время экономически выгодным интегрировать нас в свою систему, ту самую систему, из которой до последнего времени они нас изгоняли. От нас ожидают, чтобы за ночь мы достигли той же степени обеспеченности и эффективности, что и белое общество. От нас ожидают, чтобы каким-то чудодейственным образом мы приняли их систему ценностей и их взгляд на жизнь. Всего этого они ожидают, несмотря на то что лишали нас в течение многих десятилетий тех условий для социально-экономического и культурного развития, которыми они постоянно располагали сами. Если мы примем путь экономического развития на их условиях, мы потерпим неудачу, испытаем разочарование и утратим немногие сохранившиеся аборигенные права, определенные Индейским актом»²¹

В целом, не считаясь с мнением индейских общин и их лидеров, канадские власти через министерство по делам индейцев вместе с крупным бизнесом начали

осуществление экономических программ. На обычных капиталистических условиях в первые четыре года из фонда экономического развития индейцев были выделены субсидии на 50 млн долл. предприятиям, владельцами которых были индейцы, или же обычным компаниям, действующим в районе резервационных земель. Благодаря этим средствам действительно возникли некоторые чисто индейские (частнокапиталистические) предприятия: меховая фабрика в северной части Онтарио, предприятие по переработке металлов в Саскачеване, фабрика по сборке домов и изготовлению мебели в Альберте и некоторые другие.

Особой пропагандистской шумихой сопровождалось осуществление якобы совместными усилиями частного бизнеса, правительства и индейских общин крупных промышленных проектов в районе резерваций. «Идеалом» подобного проекта называлось, например, строительство в северной Альберте лесопромышленного комплекса стоимостью в 24 млн долл. Этот комплекс сооружался на восточном берегу Малого Невольничьего озера, в районе проживания индейцев кри, среди которых существовала почти поголовная безработица. Судьба этого проекта оказалась аналогичной судьбе многих других подобных проектов. Индейский бизнес терпел крах или же довольствовался крохами от барышей крупных монополий.

В 70-е годы правительство финансировало немногим более 2 тыс. проектов по линии «индейского предпринимательства». Из них 43 % закончились полным провалом, но самое главное, что даже те, которые продолжают существовать, оказались довольно тяжелым бременем для индейских общин, а не избавлением от проблем. Выделенные в фонд на пятилетний срок 50 млн долл. — мизерная сумма для решения проблем индейцев. Для 250 тыс. индейцев эта сумма составила около 200 долл. на человека. Неудивительно, что при таком подходе начался быстрый процесс финансового закабаления индейских общин.

Осознав слабую эффективность сделанных затрат и встретившись с негативной реакцией самих индейцев, правительство пересмотрело политику в этой области. Главное внимание стало уделяться мелким проектам и безвозмездным субсидиям, а также привлечению к финансированию частных банков. Однако негативные

последствия политики чисто капиталистического финансирования индейской экономики остаются достаточно ощутимыми и по сегодняшний день. К началу 80-х годов общая стоимость правительственных займов составила 96 млн долл., из которых 53 млн оставались непогашенными. В настоящее время канадские власти предпочитают ограничивать свою деятельность в этой области оказанием помощи прежде всего в сфере планирования и разработки экономических проектов, технической и инженерной службы, консультирования и т. п. Непосредственное претворение в жизнь тех или иных проектов, контроль за использованием предоставляемых займов и субсидий перекладываются на сами индейские общины. Это в определенной мере уступка требованиям со стороны индейцев. Сейчас в индейских общинах стали создаваться комиссии по экономическому развитию.

В последние два десятилетия среди коренного населения получила широкое распространение такая форма предпринимательской деятельности, как кооперативы. Первый кооператив был создан в 1959 г. в Джордж-Ривер в Квебеке. В 1986 г. в Квебеке было 11 кооперативов, а в Северо-Западных территориях — 46. Сейчас практически во всех северных поселках есть кооперативы, которые объединены в федерацию «Арктик кооператив лимитед». Более 5 тыс. индейцев и эскимосов северных районов — члены кооперативов (65 % взрослого населения общин). В каждом из них члены выбирают совет директоров, а от каждого из 12 округов Северо-Западных территорий выбирается один представитель в совет директоров федерации кооперативов.

Кооперативы занимаются торговлей продовольственными и промышленными товарами, владеют ресторанами и гостиницами, создают местные службы снабжения водой и топливом, такси, осуществляют грузовые перевозки и даже авиаобслуживание. По контрактам с фирмами и компаниями кооперативы занимаются строительными работами, вывозом мусора, оказывают другие бытовые услуги. В последние годы кооперативы берут на себя обслуживание приезжающих на север туристов — охотников и рыболовов. Но основное занятие, приносящее наибольшие доходы, — это организация ремесленно-художественного промысла (резьба по кости и дереву, изготовление национальной одежды, плетение корзин и т. д.). Кооперативы наладили централизован-

ную закупку предметов ремесла и искусства, изготавливаемых, как правило, на дому, и их реализацию на рынке.

Общий оборот федерации арктических кооперативов в 1985 г. составил более 30 млн долл., а число постоянных служащих было около 300 человек. Ныне кооперативы стали одним из основных работодателей для аборигенного населения, и их роль в экономической деятельности общин возрастает. В северном Квебеке 10—12 % всех доходов жителей поселков поступало от участия в кооперативном предпринимательстве, а в эскимосских поселках Канадской Арктики кооперативы очень часто единственный работодатель и источник денежных средств. Основанная на коммунальных принципах предпринимательская деятельность кооперативов, бесспорно, лучше учитывает нужды и культурные традиции коренных жителей. Однако процветающей деятельность кооперативов никак не назовешь. Многие из них пребывают в постоянных долгах.

Главным своим приоритетом в области экономического развития индейских общин власти по-прежнему считают поощрение индивидуального бизнеса. Специально назначенная комиссия министерства по делам индейцев представила в 1986 г. доклад о состоянии частного предпринимательства среди индейцев. Выяснилось, что из 2 тыс. фирм, владельцами которых были индейцы, подавляющее большинство (87 %) составляют мелкие предприятия с наймом менее 5 работников и только 6 % имеют более десяти рабочих или служащих.

Индийский бизнес также очень молод: 56 % предприятий существуют от одного до пяти лет, и только 12,3 % удалось просуществовать более десяти лет. Главные сферы его деятельности — это коммерческое использование возобновляемых ресурсов (лесоразработки, рыболовство и т. д.), транспорт и строительство, туризм и развлечения, розничная и оптовая торговля, обслуживание и связь. В промышленном производстве контролируемых аборигенами частных предприятий очень мало. К тому же расположены они в большинстве на территории резерваций.

Правительство намерено в ближайшие годы всячески стимулировать именно это направление экономической деятельности в среде аборигенов, превращая тем самым небольшую часть коренного населения в мелких

буржуа и насаждая частнопредпринимательский дух сферу социальных отношений.

Характеризуя экономическую жизнь индейских общин, нельзя не отметить, что в последние годы важную роль в северных районах Канады стали играть туризм и художественное ремесло. Первозданная красота природные богатства Севера привлекают все больше туристов из южных районов страны и Соединенных Штатов Америки. Для них в Северо-Западных территориях действует более 70 гостиниц, 60 охотничьих хижин, обслуживают которые главным образом коренные жители. Некоторые опытные охотники и рыбаки работают проводниками, сопровождая состоятельных любителей экзотических развлечений.

Как альтернатива кризису традиционных занятий и редкой возможности работы по найму в северных районах широкое распространение получили художественные ремесла, создание и продажа произведений искусства. В середине 80-х годов около 2 тыс. человек получал доходы от этой деятельности. Особенно прославились эскимосская скульптура и графика, расшитая атабаскскими женщинами меховая одежда и обувь, различные украшения.

Как оценить в целом довольно значительные усилия со стороны канадских властей в сфере экономического развития индейского населения? Несомненно, некоторое улучшение экономических условий существования коренных жителей страны имеет место. Благодаря крупным затратам удалось создать не менее 2 тыс. действующих проектов, обеспечивших для индейцев около 10 тыс. постоянных рабочих мест. Некоторые резервации обрели определенную экономическую базу, обеспечивающую ее жителям более или менее сносное существование. Увеличились, хотя и очень незначительно, денежные доходы индейских семей, члены которых приобрели работу по найму. Но к сожалению, перечень позитивных перемен продолжить дальше очень трудно. Горазд более длинен список нерешенных и вновь возникших проблем и трудностей. Но самое важное, что правительственная политика, усилия самих индейских общин решить вопрос экономического развития не дали главного ожидаемого результата — улучшения социальных условий существования коренных жителей.

Социальные условия существования

Индейские резервации, как и прежде, напоминают не столько американский город или округ, сколько какую-нибудь развивающуюся страну.

Из статьи в журнале «Ньюсдей» от 8 июля 1984 г.

США

Современная община и ее функции

Специфическая черта социального положения, которая отличает индейцев от других групп населения США,— это их общинная организация. Право коренных американцев на подобную организацию определяется законом 1934 г. об индейском самоуправлении, называемым по фамилиям его авторов законом Уилера — Ховарда. Закон создавал для общины определенные организационные рамки в соответствии с общеамериканскими нормами, относящимися к любому корпоративному объединению. Конкретно это заключалось в следующем. Для всех индейских резерваций министер-

ство внутренних дел страны разработало типовые конституции, или хартии, которые население резерваций принимало большинством в $\frac{2}{3}$ голосов (или не принимало). Принятая конституция затем окончательно утверждалась министерством, и только после этого община получала официальный статус. Таким образом, нынешнюю индейскую общину Соединенных Штатов не следует рассматривать как прямую наследницу традиционных форм общественной организации коренного населения, адаптированных к условиям современности. Как справедливо подчеркнула американская исследовательница Л. Раффинг, современная община является скорее «новым элементом, искусственным сооружением, созданным федеральным правительством в первую очередь для удобства управления индейскими делами»¹.

Различия в устройстве современных индейских общин США в принципе невелики, и в целом оно выглядит так. Согласно конституциям, основным органом власти в резервации служит совет общины, избираемый на один-два года из состава ее совершеннолетних (старше 21 года) членов на всеобщих выборах. Совет создает подотчетные ему необходимые административные органы: комиссии, комитеты, бюро, управления и другие инстанции. Глава совета — председатель, который, как правило, баллотируется на этот пост отдельно от претендентов на должность членов совета. Сессии советов созываются регулярно, не реже четырех раз в год.

Основные функции советов, определяемые общинными конституциями, заключаются в осуществлении административной автономии на территории резервации. Прежде всего совет выступает в качестве коллективного представителя населения общины: он осуществляет все официальные контакты с федеральными и штатными органами власти, БДИ, министерствами, неправительственными организациями и т. д.

Наряду с этим в компетенцию совета входит право распоряжаться основными видами общинной собственности, как недвижимой (земли, лесные и водные ресурсы, месторождения полезных ископаемых и пр.), так и движимой — общими денежными фондами. Отчуждение, продажа, заклад, аренда или использование всех перечисленных видов достояния общины невозможны без санкции ее совета.

Важнейшая функция советов — отправление право-

судия в пределах территории соответствующей общины. Судопроизводство и поддержание законности и порядка осуществляются через особые общинные суды (им, кстати, подчинена полиция резервации) — специальные органы, назначаемые с этой целью советами. Определить сферу полномочий этих судов крайне сложно. Если исходить из индейских конституций, то они обладают юрисдикцией относительно всех гражданских вопросов, включая наследование имущества и налогообложение членов общины, а также большинства уголовных дел на территории резервации, если обе заинтересованные стороны представлены местными жителями. В принципе общинный суд может рассматривать спорный случай, когда одна из сторон представлена не индейцами, но подобных прецедентов не было. Из приведенных формулировок на первый взгляд вырисовывается довольно широкая юридическая автономия. Однако в действительности ее сильно ограничивает ряд действующих в США законов. Во-первых, автономия общин в вопросах правосудия была сильно урезана гражданским законом № 280 1953 г., запретившим ее на территориях резерваций, которые расположены в штатах Калифорния, Миннесота, Орегон, Висконсин и Небраска. В настоящее время в первых четырех из перечисленных штатов проживает около 40 % индейского населения.

Во-вторых, принятый в 1968 г. гражданский закон № 284 создал условия, на практике стимулирующие постепенную эрозию автономных прав индейских сообществ в области их юрисдикции, позволив штатной администрации, правда при наличии формального согласия общины, распространять на ее территорию свое уголовное, а в отдельных случаях и гражданское законодательство. В результате к настоящему времени восемь штатов в дополнение к тем, что имели такую возможность в соответствии с законом № 280, навязали находящимся на их территории общинам свои уголовные законы. К тому же закон № 284, вводя унификацию устройства индейских судов, сделал их подотчетными в вопросах процедуры (соблюдение сроков слушания дела, подбор присяжных и т. п.) американским судам низших инстанций. На практике это привело к мелочной регламентации делопроизводства в общинных судах, изъятию из их компетенции ряда серьезных дел, навязыванию решений.

К числу ответственных функций общины следует отнести и регулирование собственного членства. В подавляющем большинстве случаев принадлежность к индейскому сообществу ограничивается происхождением: его членами могут быть лица, являющиеся индейцами не менее чем на $1/4$. Помимо того ряд советов резерваций, в частности резерваций чиппева (Висконсин), оставили за собой право принимать в общину лиц независимо от их происхождения, когда они вступают в брак с ее членами. Право общин самостоятельно решать вопрос о членстве в настоящее время имеет важное значение с точки зрения этнической принадлежности. Поскольку под давлением, которое оказывает на традиционные культуры индейских народов культура доминирующего евроамериканского общества, нивелировался ряд особенностей быта коренных жителей и постепенно они переходят на английский язык, принадлежность индивида к общине наряду с самосознанием может выступать как один из основных этноопределяющих признаков индейского населения.

В современных условиях особый смысл приобрела и деятельность общин в сфере социального развития жителей резерваций, и прежде всего в области образования и просвещения индейской молодежи. Установление контроля над начальным образованием (к 1983 г. в школах, находящихся в ведении советов резерваций, училось около 57 % детей их жителей) позволило, по словам одной из руководительниц центра по обучению коренных американцев в г. Милуоки, Р. Аззолини, «воздвигнуть барьер на пути государственной политики «амнезии культуры», цель которой — вытравить из памяти подрастающего поколения осознание своей индейской принадлежности»² Подобные обстоятельства свидетельствуют о том, что если в Соединенных Штатах помимо естественного взаимопроникновения индейских и евроамериканской культур осуществлялась и осуществляется политика насильственной интеграции коренного населения в так называемый «основной поток», то объективно индейские общины стали инструментом сохранения этнокультурной специфики своих жителей. Передача в различных формах из поколения в поколение самобытных индейских традиций осуществляется именно в общинах.

Таким образом, современные индейские общины —

это не только особый политический, но и этносоциальный институт резервационного населения страны, посредством которого осуществляется административная автономия и сохраняется социокультурная самобытность коренных американцев.

Слои и классы индейского общества

Если в политическом плане община представляет собой определенную целостную структуру, то в социальном отношении ее население в современный период не может рассматриваться как однородное. Хотя процесс интеграции резервационных индейцев в социально-экономическую структуру США в довоенное время шел весьма медленно, все-таки он способствовал их социальной дифференциации, которая в 50-е годы стала очевидной. В то время среди жителей ряда общин западных и юго-западных штатов, например, достаточно четко выделились такие социальные группы, как фермеры, работавшие на рынок, квалифицированные рабочие, занятые в окрестной промышленности, и даже владельцы мелких торговых предприятий. Доходы представителей этих групп приближались к доходам белого населения, впрочем, в численном отношении их было еще немного. Основную же массу населения резерваций составляли малоквалифицированные сельскохозяйственные рабочие, трудившиеся, как правило, сезонно, а также владельцы мелких и мельчайших некоммерческих ферм. Уровень жизни этих слоев был значительно ниже средних показателей по стране, и, как отмечал один из наблюдателей, «они страдали... от всех атрибутов крайней нищеты»³ Тем не менее в целом в 50—60-е годы социальная структура коренного населения США была крайне нечеткой: границы между слоями были подвижны (квалифицированный рабочий, скопив деньги, зачастую открывал свое «дело» в розничной торговле и т. п.); в силу неустойчивого положения на рынке труда практически все индейцы, трудившиеся по найму, сохраняли в большей или меньшей степени связь с сельским хозяйством.

Между тем интенсивное освоение резервационных земель горнодобывающими и энергетическими корпорациями вкупе со стимулированием американскими властями таких секторов экономики общин, как туризм или

сервис, не могло не отразиться на социальной структуре индейцев. Резко сократилось количество сельскохозяйственных рабочих и фермеров, а также промышленных разнорабочих, тогда как число работников сферы обслуживания, напротив, увеличилось. Кроме того, ценой огромных усилий, а также отчасти благодаря мерам федерального правительства многие индейцы за истекшие полтора-два десятилетия сумели повысить образовательный уровень и профессиональную квалификацию, что проявилось в расширении их занятости и в добывающей промышленности, и в таких технически сложных отраслях экономики, как радиоэлектроника, точное приборостроение, и, наконец, среди различных категорий служащих (табл. 3).

Таблица 3. Динамика социальной структуры индейского населения США (1960—1980 гг.) (в %)

Социальные группы	1960 г.	1980 г.
Фермеры	9,0	1,8
Рабочие:		
сельскохозяйственные	14,0	1,2
промышленные квалифицированные	21,6	24,2
промышленные неквалифицированные	20,0	12,0
Служащие	10,7	32,8
Работники торговли и сферы обслуживания	8,0	16,0
Прочие	16,7	12,0

В этой связи возникает вопрос о классовой структуре американских индейцев. Определить ее очень сложно, так как в американских статистических материалах обычно не содержатся данные о классовой принадлежности коренных американцев. Социальные их подразделения, рассмотренные выше, полностью не могут отождествляться с классовыми градациями. Статистика Соединенных Штатов обычно включает представителей индейской буржуазии, т. е. владельцев средств производства, использующих наемный труд, в состав соответствующей социальной группы (например, владелец торгового предприятия может попасть в категорию «работники торговли», промышленного — в «менеджеры» и т. п.). Подобная практика создает основу для разного рода спекулятивных выводов об отсутствии классового

деления в общинах, о депролетаризации коренного населения, которые можно встретить не только на страницах печати, но и в отдельных научных исследованиях. Согласиться с этим невозможно. В настоящее время основную массу индейцев, без сомнения, можно отнести к пролетариату. Во-первых, в него входят все промышленные и сельскохозяйственные рабочие. Во-вторых, в состав пролетариата с полным основанием можно включить и подавляющее большинство такого крупного социального отряда, как работники торговли и сервиса. Что же касается столь многочисленной группы наемных работников, какую образуют служащие, то их низшие слои (а они составляют основную ее часть) по своему положению, статусу и уровню жизни также близки к пролетариату. Наблюдатели в этой связи отмечали, что, например, сотрудники низшего эшелона общинной администрации, типичные представители мелких служащих живут порой хуже, чем рабочие, имеющие постоянную работу.

Пролетариату резерваций противостоит индейская буржуазия. Она пока еще невелика в количественном отношении. Если исходить из общего числа частнокапиталистических предприятий, принадлежащих коренным жителям во всех секторах экономики, то доля их владельцев не превысит и 4 % индейского населения. Буржуазные круги индейцев состоят главным образом из владельцев небольших фирм, в основном сконцентрированных в сфере торговли, сервиса, а также строительства. Наемные рабочие привлекаются ими лишь тогда, когда их объект получает какие-то крупные, по меркам резерваций, заказы. Иными словами, основная часть индейских деловых кругов — это типичные представители мелкой буржуазии. К буржуазным слоям, без сомнения, примыкает и верхний эшелон индейцев-служащих, и в первую очередь так называемая «общинная бюрократия» — функционеры, занявшие высшие ступени в органах индейского самоуправления.

Анализ классовой структуры индейского населения показывает: несмотря на определенную незавершенность процесса классовой дифференциации, выражающуюся как в относительно высоком удельном весе среди коренных жителей маргинальных слоев (низы служащих), так и в существовании в составе основных классов разного рода специфических отрядов (работники

торговли и сервиса — среди рабочих, общинная бюрократия — среди буржуазии), в целом индейцы, как и остальные американцы, разделены на два класса-антагониста — пролетариат и буржуазию. На это неоднократно указывалось в программных документах Компартии США⁴.

Малочисленность «своей» буржуазии и некоторая размытость границ этого социального слоя не устраняют весьма острых классовых противоречий внутри общин. Правда, зачастую они могут быть сильно завуалированными. Невозможность конкурировать с крупными промышленными и аграрными монополиями заставляет представителей индейских деловых кругов опираться в основном на материальные и людские ресурсы общины, стремясь использовать ее в своих интересах. Они пытаются выдать свою деятельность за путь к решению проблем общин в целом, навязать их жителям конформистские установки. «Важно убедить индейцев в том, что для достижения поставленных целей теперь не нужно громить кавалерию Кастера на поле боя... Более удобный способ обеспечить эти цели — действовать в рамках нашей (читай: капиталистической.— Авт.) системы», — заявил по этому поводу президент совета общины Форт-Пек Н. Холлоу⁵

Но вопреки утверждениям лидеров резерваций в действительности интересы индейской буржуазии не имеют ничего общего с интересами основной массы коренного населения. Приведем в этой связи весьма красноречивое заявление владельца мелкой страховой фирмы в резервации Сан-Ксэвиер (Аризона): «Мое кредо таково: я не концентрирую внимание на том, что я — представитель меньшинства. С момента начала моей деловой карьеры я почувствовал, что быть американцем — предел упований любого человека, независимо от его расы или вероисповедания... Я с гордостью заявляю: я — американец, верящий в нашу государственную систему. Я также верю в систему свободного предпринимательства и в движущую силу мотивов прибыли. И я хочу внести свой вклад в укрепление американского общества в целом»⁶ А когда общинный правопорядок, по мнению индейцев-бизнесменов, препятствует их начинаниям, они подвергают его резким нападкам. Вот что заявил, в частности, президент ведущей организации индейцев-агропроизводителей Д. Фредерикс: «Как известно, со-

веты племен избираются всеобщим голосованием. Но не секрет, что большинство избирателей — представители неимущих, непроезжих групп резервационного населения, а советы обязаны проявлять серьезное внимание к социальным нуждам... В результате государственная помощь в той или иной форме приходит именно к этим слоям. Интересы наиболее удачливых бизнесменов при этом если не ущемляются, то во всяком случае их возможности в сфере предпринимательства сильно ограничиваются»⁷

Подобная позиция буржуазных кругов — основная причина серьезных социальных конфликтов. Они, в частности, происходили в резервации апаче Уайт-Маунтин. Население резервации восприняло попытки некоторых предприимчивых соплеменников развивать в ней индустрию туризма как надругательство над религиозными чувствами приверженцев традиционных верований, одухотворявших различные природные объекты. Аналогичные события произошли среди оклахомских чироков. Очень напряженный характер приняли внутриобщинные столкновения в резервации ламми (Вашингтон). Группа местных предпринимателей, связанная с химической корпорацией, добывающей на территории общины сырье для производства магния, оказала сопротивление проекту создания там коммерческого устричного хозяйства, которое могло улучшить положение подавляющего большинства индейцев. В ходе всеобщего референдума община отвергла притязания союзников корпорации.

К сожалению, в подавляющем большинстве случаев происходит обратное. Как правило, буржуазным кругам и функционерам удается навязать общине свою стратегию, как это было, например, с разработкой недр резерваций. Такая ситуация связана не только с объективными обстоятельствами: сравнительно невысоким удельным весом среди пролетариата наиболее идейно зрелого его отряда — квалифицированных промышленных рабочих и, напротив, весьма существенной долей разного рода маргинальных слоев — питательной среды для конформистских настроений. Здесь играет роль и субъективный фактор — прямая поддержка буржуазии резерваций со стороны правящих кругов США. Резервационное население, как явствует из многочисленных документов, отвергает «презренную практику использо-

вать индейцев против индейцев... чтобы нанести удар по общинам»⁸, однако, судя по заявлениям официальных лиц, федеральное правительство намерено и далее поощрять и стимулировать исключительно деловые и коммерческие инициативы коренных американцев.

Условия жизни в общинах

Сформировавшаяся в современный период классово-социальная структура индейских этносов породила миф о принципиальном улучшении материальных условий их существования. Однако подлинная ситуация в области повышения уровня жизни коренного населения пока не выглядит столь благополучно. Конечно, в послевоенное время вследствие более полной интеграции жителей резерваций в экономику страны и их успехов в борьбе за обеспечение своих прав наблюдался весьма ощутимый рост благосостояния отдельных групп индейцев. Если в 50-е годы, как отмечали очевидцы, индеец, живший в деревянном доме и владевший старым грузовиком, обладал, по меркам резерваций, неслыханным богатством, то к концу 70-х годов там можно было встретить людей, которые по образу и уровню жизни не отличались от представителей состоятельных слоев окрестного населения. Эти наблюдения во многом подтверждают и данные статистики: за истекшие два десятилетия заметно сократилась доля наименее обеспеченных индейских семей и одновременно увеличилось число семей с высоким достатком.

Другим индикатором повышения жизненного уровня коренных американцев стало сокращение доли семей, живущих ниже официально установленного уровня бедности: если в 1960 г. она равнялась 76 %, а в 1970 г. — 33 %, то в 1980 г. — уже почти 13 %.

Между тем, несмотря на появление среди индейцев состоятельных слоев, коренные жители в совокупности были и продолжают оставаться одной из наиболее нуждающихся групп населения США. Хотя в современный период темпы роста доходов коренных американцев были почти в 2 раза выше, чем у белых, по среднему их уровню индейцы по-прежнему уступают основной массе своих сограждан (табл. 4).

Обращает на себя внимание почти трехкратное увеличение доли семей коренных американцев, по-

лучающих федеральные, штатные или общинные пособия, субсидии и другие виды социального вспоможения, которое произошло за последние 10 лет. В начале 70-х годов такие семьи составляли 20 %, а в начале 80-х — более 60 %. Как отмечал либеральный еженедельник «Ньюсдей», и в настоящее время «индейские резервации, как и прежде, напоминают не столько американский город или округ, сколько развивающуюся страну»⁹

Таблица 4. Динамика среднегодового дохода индейской и белой семьи (в тыс. долл.)

Годы	Индейцы	Белые
1960	1,5	5,7
1970	5,8	9,5
1980	11,7	21,7

В целом низкий уровень жизни большинства американских индейцев особенно наглядно проявляется в их жилищно-бытовых условиях. Никакие федеральные программы помощи, а также усилия самих общин не сумели принципиальным образом приблизить решение этой наболевшей проблемы. В 50—60-е годы подавляющее большинство индейцев проживало в домах, не соответствовавших самым элементарным стандартам. Вот как, например, описывала одна из провинциальных газет типичное жилище городской индейской семьи: «В комнате площадью 12—14 кв. футов ютилась семья из 7 человек... шестеро из которых были дети в возрасте от 2 до 16 лет... Вся обстановка состояла из пары железных печурок, пары кроватей и полки с посудой. Находившиеся в комнате либо сидели на этих кроватях, либо стояли. Водопровод и туалет в доме отсутствовали»¹⁰ Не лучше были устроены и те, кто не желал покинуть свою общину. «Неподалеку от Вундед-Ни живет обыкновенная семья — муж, жена, двое женатых взрослых детей и шестеро внуков... Хозяин, его жена и внук-сирота занимают старую однокомнатную лачугу, к которой примыкает так называемое летнее жилище — участок двора, прикрытый от солнца тентом, натянутым на сосновые столбы. Летний дом служит кухней, но в жаркое время там спят. Женатые дети, правда, живут в

домах из досок неподалеку. ...Водоснабжение и электричество, естественно, отсутствуют. Туалет находится во дворе, воду берут в ближайшем ручье, дом освещают керосиновыми лампами» — такую картину обычных условий быта давала «Нью-Йорк таймс»¹¹

Основной причиной сохранения в самой богатой капиталистической стране подобных условий жизни ее коренного населения была крайняя дороговизна жилищного строительства. Согласно официальным данным, постройка в резервации жилого дома с современными удобствами в 60—80-е годы стоила более 74 тыс. долл. Это делает индивидуальное строительство практически недоступным для средней индейской семьи. После принятия в 1975 г. закона о содействии самоопределению индейцев лидеры резерваций неоднократно предпринимали попытки осуществить собственные программы жилищного строительства. Но дороговизна свела на нет эти усилия. Согласно информации Индейского юридического центра, к 1980 г. всего 6 % общин сумело вернуть у себя жилищное строительство и только 13 % — разработать планы в этой области.

Правда, в данном контексте нельзя не отметить, что с середины 70-х годов по настоящее время в рамках различных программ государственной помощи для индейских семей было выстроено около 23 тыс. новых домов, а капитальному ремонту или реконструкции подверглись почти 25 тыс. старых. В отдельных случаях помощь правительства действительно была весьма ощутимой, например в резервации пенобскотов, где каждая семья теперь живет в современном доме с центральным отоплением, электричеством, канализацией. Однако в целом помощь правящих кругов была все же недостаточной, и подобный единичный пример лишь подчеркивает общее неблагополучие жилищных условий индейцев США.

По свидетельству авторитетной индейской организации Фонд прав коренных американцев (НАРФ) за период 1974—1980 гг. в индейских землях, например, увеличилось с 53 до 62 тыс. число негодных и ветхих домов. Произошло это вот почему. «Средний возраст индейцев — около 20 лет, процесс образования новых семей идет непрерывно. Не имея возможности получить нормальное жилище, молодежь вынуждена селиться в лачугах», — отмечалось в заявлении НАРФ¹². В

итоге к середине 80-х годов в США 43,7 % домов индейцев оказались не соответствующими стандарту, т. е. лишенными элементарных жилищных удобств (у белого населения — менее 12 %), в капитальном ремонте нуждались 66 % жилищ. Помимо того 28 % индейских семей живет в условиях скученности, а всего в улучшении жилищных условий нуждается без малого 70 % коренных американцев.

Надежды индейцев на решение жилищной проблемы, ожившие было после внесения в 1982 г. на рассмотрение в конгресс проекта закона о жилищном строительстве в резервациях, оказались тщетными. Под давлением администрации Р. Рейгана обсуждение этого законопроекта затормозилось на уровне специального комитета сената по делам индейцев, а затем было вовсе отвергнуто.

Проблемы здравоохранения

В перечень социальных проблем, с которыми сталкиваются индейские народы, необходимо включить и неудовлетворительное медицинское обслуживание жителей резерваций. В послевоенное время ситуация в этой области была просто катастрофической. В начале 50-х годов, по данным БДИ, на 300 тыс. индейского населения приходилось всего 58 клиник на 2,8 тыс. койко-мест, где работало 145 врачей. Индейские больницы, как правило, располагались в явно не предназначенных для них помещениях. Квалификация медицинского персонала также не соответствовала существовавшим в то время нормам. В результате уровень смертности индейцев от туберкулеза, например, превышал общенациональный в 10—12 раз, от простудных заболеваний и пневмонии — в 4 раза, от кори и скарлатины (у детей) — без малого в 20 раз. Подлинным бичом жителей общин была трахома. У коренных американцев заболеваемость этим недугом составляла 240 случаев на 100 тыс. человек, тогда как у остального населения — 0,3 на 100 тыс.

Установление в 1955 г. прямого государственного контроля над здравоохранением индейцев путем создания особой Индейской службы здравоохранения (ИСЗ) при соответствующем министерстве в известной степени способствовало улучшению ситуации с медобслу-

живанием коренных жителей. Привлечение дополнительных средств позволило увеличить число больниц для индейцев, подключить к охране их здоровья большее количество врачей. К концу 60-х — началу 70-х годов на каждые 100 тыс. индейцев приходилось около 100 врачей, т. е. в 2,1 раза больше, чем до 1955 г. Поэтому смертность коренных американцев от туберкулеза снизилась в сравнении с 50-ми годами в 4 раза, от инфекционных заболеваний — почти вдвое. Но все-таки уровень смертности от этих болезней превышал общеамериканские показатели соответственно в 4,6 и 6,1 раза. Практически на прежнем уровне сохранилась детская смертность. Лишь на 45 % удовлетворялась потребность жителей резерваций в стоматологической помощи. Более того, как раз в тот период среди индейцев увеличилось число сердечно-сосудистых заболеваний, требующих длительного стационарного лечения. В частности, в штате Монтана с 1967 по 1970 г. количество индейцев, обратившихся по этому поводу в больницы, возросло в 2 раза, а время, проведенное ими в стационаре, — без малого в 3 раза. В этой ситуации даже буржуазные средства массовой информации забили тревогу. Еженедельник «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», в частности, писал: «Система государственных медицинских учреждений для индейцев растеклась по резервациям столь тонким слоем, что возможность осуществлять реальный контроль над состоянием здоровья их населения — минимальна»¹³

Озабоченность широких слоев общественности страны по поводу критического положения в области здравоохранения индейцев вынудила правящие круги принять дополнительные меры. 30 октября 1976 г. президент Д. Форд подписал закон об улучшении медицинского обслуживания коренного населения. Для этого предусматривались ассигнования в размере около 400 млн долл. на строительство больниц в резервациях, закупку современного медоборудования, подготовку соответствующих кадров из среды индейцев и т. д. Принятие закона, безусловно, дало толчок к развитию здравоохранения коренных американцев. К середине 80-х годов число клиник ИСЗ, в частности, возросло до 251, а их врачебный персонал увеличился до 512 специалистов (в том числе — 178 стоматологов). Благодаря этому наконец снизилась до среднего уров-

ня смертность от туберкулеза, а также смертность матерей при родах.

Все это — важные позитивные сдвиги, но организация медобслуживания индейцев еще далека от совершенства. Как отмечалось в документах американской Национальной медицинской ассоциации, в настоящее время 45 % индейских больниц находятся в зданиях, выстроенных до второй мировой войны. В них обычно не хватает новейшего оборудования, а текучесть персонала достигает 33 % в год. Более того, увеличение штата медицинских работников, обслуживающих индейцев, на фоне быстрого роста индейского населения оказалось явно недостаточным. Парадоксальность ситуации заключается в том, что с момента принятия закона 1976 г. в индейских землях произошло уменьшение числа врачей в расчете на душу населения: если в начале 70-х годов на 100 тыс. индейцев приходилось 100 врачей, то в начале 80-х — только 78.

Ввиду очевидной нехватки медицинского персонала индейцы вынуждены часто обращаться в другие государственные или частные лечебные учреждения. Однако после визита к врачу, не состоящему в штате ИСЗ, коренной американец обязан в течение 72 часов поставить об этом в известность клинику ИСЗ, к которой он прикреплен. Только в этом случае его посещение врача будет оплачено государством, и то в ограниченном размере. Именно поэтому неоднократно имели место случаи, когда частнопрактикующие специалисты, боясь, что их труд не будет вознагражден соответствующим образом, выпроваживали пациентов-индейцев, говоря им, что те здоровы. В результате, за исключением отдельных позитивных сдвигов, состояние здоровья коренного населения США в целом, как и прежде, представляет удручающую картину. Смертность среди индейцев от диабета и пневмонии в 2,1 раза выше, чем у остальных граждан США. Вдобавок плохие условия в клиниках ИСЗ привели к тому, что в последнее время в резервациях получили широкое распространение крайне редкие в стране заболевания, такие, как вирусный гепатит-б, аднексит (у женщин), эктопия беременности, которые возникают главным образом как осложнения при недостаточном лечении и уходе. Иными словами, цель закона 1976 г. — вырав-

нивание уровня здравоохранения индейцев и неиндейцев — так и не была достигнута.

Наконец, особую проблему медико-социального характера, с которой сталкивается индейское население, представляет алкоголизм. По некоторым оценкам, уровень распространения его среди взрослых членов общин колеблется в пределах от 50 до 70 %. Основные причины этого лежат в социальной сфере. «Для многих индейцев алкоголь как бы стал средством справиться с отчаянием и негодованием, вызванными такими факторами их повседневного быта, как безработица, недостаточное образование, дискриминация, отчужденность в американском обществе», — подчеркивал в этой связи Д. Хоукинс — председатель Индейской ассоциации по борьбе со злоупотреблением алкоголем и наркотиками. Между тем алкоголизм служит первопричиной циррозов, нарушений обмена веществ, психоневрологических расстройств и одновременно выступает катализатором многочисленных несчастных случаев, убийств и самоубийств. Ниже показан уровень смертности индейцев от алкоголизма и сопутствующих явлений (табл. 5).

**Таблица 5. Смертность
среди индейцев США
(на 100 тыс. человек)**

	Индейцы	Неиндейцы
Алкоголизм	57,3	7,4
Убийства	25,5	10,4
Автокатастрофы	79,3	28,7
Несчастные случаи	61,4	20,0
Самоубийства	21,8	11,9

Распространение среди жителей резерваций преступности также связано с алкоголизмом. По официальным данным, 95 % случаев ареста индейцев, 85 % — заключения их в тюрьму и 90 % — травм и увечий предшествовало употреблению спиртных напитков.

Таким образом, низкий уровень здравоохранения индейцев и алкоголизм обуславливают сохранение среди них весьма высокого уровня смертности. А в итоге средняя продолжительность жизни коренных американцев — 60,7 года у мужчин и 71,2 года у женщин — соответственно на 7,1 и 3,6 года короче, чем у белых.

Ситуация в семье, положение престарелых и детей

Неблагоприятные социальные условия существования индейских народов сказались и на ситуации в семьях коренных американцев. Правда, положение здесь неоднозначное. По целому ряду параметров индейские семьи отличаются от общеамериканской модели в лучшую сторону. Так, в 80-е годы среди индейцев достаточно высокой оставалась престижность брака и семьи: в браке состояло более 49 % индейцев в возрасте старше 18 лет и почти 50 % мужчин-индейцев. Хотя коренных жителей США, как и других граждан страны, затронул процесс сокращения числа деторождений, в настоящее время почти $\frac{1}{4}$ индейских семей многодетны, т. е. имеют по четверо и более детей. В детных семьях у индейцев в среднем 2, 3 ребенка. Такой показатель превышает общенациональный приблизительно в 1,4 раза и в конечном счете обеспечивает расширенное воспроизводство коренных народов.

Тем не менее кризисные явления все чаще и чаще затрагивают семьи индейцев. Это подтверждается, во-первых, ростом числа разводов: доля разведенных супругов в 80-е годы достигла 10,5 % у мужчин и 14,1 % — у женщин, увеличившись в сравнении с 60-ми годами в 2,5 раза, во-вторых — повышением удельного веса неполных, в основном матрифокальных, семей, которые теперь составляют без малого 25 % от общего их числа (в 60-е годы их было менее 14 %). Это значит, что каждая четвертая семья коренных американцев состоит из матери и детей, и таким образом без отца растет около 107 тыс. молодых индейцев.

Наконец, кризис семьи способствовал усугублению положения двух возрастных групп коренных жителей — престарелых и детей. Престарелые, т. е. лица старше 65 лет, среди индейского населения составляют всего 5,4 %, или около 80 тыс. человек. Удел их незавиден. Основная проблема, с которой сталкиваются пожилые индейцы, — нищета: по данным ряда организаций коренных жителей, почти 33 % их лишены каких-либо источников доходов. И это не удивительно. Лишь 6 % пожилых индейцев сумели обеспечить себя посильной работой по найму. Возможность же получать государственные пособия для них практически

отсутствует. Действующий в США с 1965 г. закон о помощи престарелым до недавнего времени не распространялся на индейцев вообще. После внесения в него в 1978 г. соответствующей поправки на содействие и помощь престарелым жителям резерваций ежегодно стала выделяться сумма в 6 млн долл., но это позволило охватить пособиями только 16 тыс. коренных американцев.

Другая проблема, крайне болезненно воспринимаемая пожилыми индейцами, — изменение их социальной роли в семье. Особенно это касается той их части, которая поселилась в городах. Эти люди, подчеркивалось, в частности, в заявлении Индейского совета по делам пожилых Лос-Анджелеса, «пребывают в состоянии тяжелого морального кризиса». С одной стороны, он порожден материальными причинами: превращение из кормильца семьи в иждивенца многие индейцы переживают очень болезненно. С другой стороны, это обстоятельство усугубляется факторами социокультурного порядка. «Оторвавшись от своих общин, в которых их уважаемое положение освящалось традицией и... подчеркивалось системой родства, утратив свою важнейшую социальную функцию — передачу молодежи культурных ценностей своего племени, — пожилые городские индейцы... лишились в глазах своих молодых родственников непререкаемого авторитета... что еще больше усилило бремя преклонного возраста», — отмечалось в документе¹⁴

Естественно, в моральном плане ситуация в индейских общинах значительно лучше, чем среди жителей городов, однако проблема бедности пожилых в резервациях стоит не менее остро. Поскольку общины, как правило, не в состоянии осуществлять программы помощи престарелым, забота о них полностью ложится на молодых членов семьи. И хотя к чести молодежи необходимо отметить, что подавляющее ее большинство делает для этого все возможное, молодые люди сами располагают слишком малыми средствами, чтобы как следует помогать своим пожилым родичам.

Условия, в которых растут дети индейцев, также ярко иллюстрируют проблемы коренного населения, словно концентрируя все стоящие перед ним трудности. Несмотря на то что показатель детской (до 1 года) смертности среди индейцев лишь немного превышает

общеамериканский (18,2 против 16,1 ‰), согласно ряду оценок, шансов дожить до 5 лет у коренного американца в 2 раза меньше, чем у остальных сверстников, ввиду большей распространенности различных детских болезней. Хотя практически каждая мать в резервациях, имеющая ребенка в возрасте до 5 лет, в рамках правительственной программы помощи еженедельно получает пакет с дополнительным питанием, многие дети там страдают от недоедания. В свою очередь плохие жилищные условия и недостаточное медицинское обслуживание стали причиной распространения среди них дефектов физического развития. По данным Американской медицинской ассоциации, практически $\frac{1}{3}$ детей и подростков в индейских территориях страдают дефектами зрения, в основном это близорукость и астигматизм, а $\frac{1}{4}$ — дефектами слуха.

Массовость алкоголизма среди взрослых членов общин не могла не отразиться на подрастающем поколении. Умственно неполноценные дети, родившиеся у пьющих матерей, в отдельных резервациях составляют до 25 % учащихся начальных классов индейских школ. Впрочем, и другие ученики также лишены возможности нормально заниматься, так как, по свидетельству средств массовой информации, в индейских семьях стала весьма типичной ситуация, когда семилетний ребенок, вместо того чтобы готовить уроки, вынужден заботиться об алкоголиках-родителях и опекать младших сестер и братьев. Более того, факты позволяют утверждать, что этот порок уже пустил весьма глубокие корни и среди индейской несовершеннолетней молодежи. Как показал, в частности, опрос, осуществленный в 1982 г. Индейским исследовательским центром г. Пьерр (Южная Дакота), проживание в семьях алкоголиков, а в таких условиях живет 85 % детей индейцев этого штата, приводит к тому, что без малого 90 % подростков в возрасте до 16 лет употребляли спиртное, 85 % — курили марихуану, а 65 % — употребляли наркотические вещества другими способами.

Наконец, нельзя обойти вниманием и еще одну беду несовершеннолетней индейской молодежи: весьма распространены случаи растления несовершеннолетних родственниками и сексуальных насилий над детьми. По официальным данным, каждая из четырех девочек и каждый из шести мальчиков до 18 лет в той или иной

форме становились жертвами преступлений на сексуальной основе, совершавшихся в их семьях.

Правда, в последнее время советы резерваций, используя свое право административной автономии, начали самостоятельную борьбу с невыносимой обстановкой, в которой растут дети индейцев. Выборочное обследование ряда общин юго-западных и западных штатов, например, показало, что почти в 50 % из них уголовно наказуемым являлось жестокое и циничное обращение родителей с детьми; в 64 % — так называемое поощрение преступных действий подростков, куда, в частности, входит вовлечение их в пьянство, а в отдельных случаях даже приобщение к курению табака, и, наконец, в 85 % — безответственное отношение родителей к получению детьми образования и недостаточная материальная поддержка последних. К сожалению, эти усилия советов общин не получают помощи со стороны американских должностных лиц, считающих лишение родительских прав коренных американцев и передачу их потомства на воспитание в интернаты основным средством решения всех проблем несовершеннолетних жителей резерваций.

Подобная практика получила в Соединенных Штатах довольно большое распространение. По данным БДИ, к началу 80-х годов почти 35 % детей индейцев были насильственно разлучены с родителями, а их доля среди попавших в интернаты в 10—12 раз превышала аналогичные показатели для белых граждан. Представители резервационного населения в свою очередь стали выражать резкий протест против вмешательства американских властей в их семейные дела. Это вмешательство, по мнению многих лидеров индейцев, носило и носит характер откровенной дискриминации, поскольку помимо разрыва родственных связей результатом передачи индейских детей на воспитание в интернаты становится навязывание им не свойственных коренным американцам ценностей и образа жизни, что в перспективе ведет к утрате этнической самобытности.

С целью ослабить недовольство коренных американцев администрация Д. Картера в ноябре 1978 г. приняла закон, который должен был прекратить отрыв детей индейцев от родителей и предотвратить развал индейских семей. Этого, однако, не произошло. Закон не запретил в принципе насильственную передачу ма-

лолетних индейцев в интернаты, ибо основная его суть заключалась как раз в определении ситуаций, когда такая передача приобретала легальный характер. Как показали слушания по этому вопросу в конгрессе во второй половине 80-х годов, проблема положения индейских детей, как и ранее, все еще далека от разрешения.

Подводя итог всему вышесказанному, можно с полным основанием сделать следующий вывод. В современный период подавляющая часть индейского населения США — государства, ставшего для всего капиталистического мира своего рода эталоном процветания и материального комфорта, продолжает жить в социально-экономических условиях, имеющих аналоги, пожалуй, в наиболее бедных развивающихся странах.

*****

КАНАДА

Индийская община

Социальная структура традиционных индейских общин претерпела глубокие преобразования еще во времена европейской колонизации, в период складывания общеканадского государства в XIX в. Начиная с первых торговых факторий и религиозных миссий, а затем по мере роста масштабов капиталистического рынка наемного труда и урбанизации на территории Канады происходил процесс смешения индейцев, принадлежащих к различным племенным и языковым группам, с окружающим населением, а также между собой. Современная общественная структура индейских народов определяется прежде всего той социальной системой и политическим строем, которые существуют в канадском обществе. Система частнокапиталистического предпринимательства, монополистический капитал и буржуазное государство — вот основные факторы доминирующей «внешней» среды, оказавшие наиболее разрушительное влияние на аборигенные институты и ценности. Необратимые трансформации произошли не только в характере хозяйственных занятий, но и во всем укладе жизни аборигенных общин. Главные черты этого исторического перерастания состояли в переходе от принципов коллективизма в производстве и распре-

лении к индивидуализации труда и присвоения продуктов трудовой деятельности, а отсюда — неизбежный в условиях капиталистического строя процесс классового расслоения индейских обществ.

Социальные трансформации произошли в аборигенной среде по-разному, в зависимости от районов и культурной традиции. В зонах интенсивного промышленного развития и плотного евроканадского окружения уже почти исчезли мелкие производители — крестьяне, трапперы и рыбаки, а в сельскохозяйственных районах Британской Колумбии и Степных провинций фермеры — индейцы и метисы — еще составляют значительную часть коренного населения. Появилась собственная буржуазия: на тихоокеанском побережье — это владельцы рыболовных судов, рыбоконсервных предприятий, в промышленных районах Онтарио и Квебека — собственники небольших ферм и стад крупного рогатого и мелкого скота, использующие наемный труд в своих хозяйствах. Сложился собственный рабочий класс. Его прослойка особенно значительна в южных районах Онтарио и Квебека: большинство работающих индейцев (ирокезов) — это квалифицированные рабочие-строители, занятые на сооружении высотных металлических конструкций.

Изменения в социально-экономической жизни повлекли за собой коренные преобразования в семейно-родственной структуре. У всех племен на протяжении XVIII—XIX вв. род как экономическая общность уступал место большой семейной общине. Но и внутри этой общины активно развивался процесс хозяйственного обособления индивидуальной семьи, которая в настоящее время стала основной экономической ячейкой у всех индейских групп. Специфическое значение мужского труда как труда, производящего товары, определяло общественное значение женского труда лишь как труда подсобного, низводя женщину в семье на положение лица, экономически зависимого от мужчины. У всех индейских групп установилась система родства и наследования по мужской линии. Этому в сильной степени способствовало действующее в стране законодательство, в частности дискриминационный по отношению к индейским женщинам Индейский акт, совершенно отвергавший бытовавшие у многих племен матрилинейные нормы.

В современных условиях важнейшим элементом социальной структуры и политической организации остается резервационная община. Результатом процесса общественного пробуждения индейцев явились развитие и укрепление элементов местного самоуправления в индейских поселениях и резервациях. В 60-е годы «индейские агенты» оставили резервации (последняя контора была закрыта в 1969 г.), и вожди и общинные советы стали все больше брать на себя вопросы местного самоуправления. В 1969 г. вожди индейцев Манитобы сделали министру по делам индейцев следующее заявление относительно системы управления коренным населением: «Мы были избраны нашим народом управлять нашими общинами, но у нас нет для этого денег и соответствующей структуры: мы хотим сами определять наши цели и принимать решения; мы хотим участвовать в планировании и управлении на всех уровнях; мы хотим, чтобы планирование шло снизу, а не сверху и вся административная структура не ограничивала осуществление местных программ; мы хотим, чтобы министерство по делам индейцев поддерживало нас, а не бюрократов; мы хотим равноправных отношений с правительством, совместного планирования и принятия решений»¹⁵

Согласно действующему федеральному законодательству (Индийский акт 1951 г.), Советы состоят из вождя и членов совета. Каждая община не может иметь более одного вождя, а члены совета избираются по одному от каждого 100 жителей, но их общее число не должно быть менее двух и более двенадцати. Вождь общины избирается сроком на два года большинством голосов избирателей общины или членами совета общины из собственных рядов. Последние избираются также сроком на два года большинством голосов всех избирателей общины или по избирательным округам, которые создаются по месту жительства кандидатов, но не более шести в общине. Право голосовать и быть избранным вождем и в совет имеют постоянные жители общины в возрасте от 21 года.

Индийским актом предусматривается возможность «избрания совета согласно обычаю общины или, где такого совета нет, вождя в соответствии с обычаем общины»¹⁶ Это положение было включено на случай, если по какой-либо причине нельзя было обеспечить

действие Индейского акта в вопросах избрания вождя и совета, т. е. провести выборы путем голосования. В этом случае сама община могла выбрать «традиционный» метод избрания вождя и совета.

В 70-е годы медленный процесс налаживания индейского самоуправления набрал силу, и в настоящее время почти все общины имеют советы, составы которых индейцы все больше и больше предпочитают формировать на «традиционной» основе, как правило наследственной, или путем определения кандидатов на сходах методом общего согласия (консенсуса).

Деятельность советов в качестве местных органов власти требовала определенных денежных средств, которыми общины, особенно мелкие (большинство общин до 300 человек), не располагали. Финансирование административной деятельности советов взяло на себя с 1972 г. все то же министерство по делам индейцев. Будучи полностью подотчетными министерству, эти деньги (их сумма зависит от числа жителей общины) идут на оплату помещения для совета, зарплату вождям и постоянным служащим, оплату консультативной помощи и командировочных расходов.

Индейские общинные администрации приступили к осуществлению программ социально-экономического и культурно-образовательного характера: 435 общин имеют программы по жилищным вопросам, 370 — по социальному вспомоществованию, 440 — рекреационные, 181 — по школьному обучению. Эти программы также получают финансовую поддержку правительства в целевой форме.

Индейский акт дает советам общин право, с одобрения министра по делам индейцев, принимать постановления местной власти и претворять их в жизнь. Первоначально индейцы робко пользовались этой возможностью, но за последние 15 лет общее число таких постановлений увеличилось. Однако до сих пор менее 20 % общин вырабатывают и принимают собственные постановления. Большинство их касается вопросов, находящихся в ведении муниципальной администрации: дорожное движение, правила поведения, вывоз мусора и пр.

Внешне процесс развития общинного индейского самоуправления выглядит как вполне позитивный, и он действительно содержит элементы, характеризующие

рост индейского самосознания и уровня их организации по сравнению с предыдущим периодом. Однако курс канадского правительства на развитие индейского самоуправления не столь бескорыстен и альтруистичен по отношению к аборигенам, как это представляется на первый взгляд. Во-первых, вся система организации и финансирования общинного управления, по мнению прежде всего самих индейцев, превращает вождей и членов советов из политических лидеров в администраторов, столь же зависящих от источника финансирования — федеральной казны, как и бывшие «индейские агенты», место которых теперь заняла собственная индейская бюрократия. Именно эту новую категорию известный индейский вождь и публицист Г Кардинал назвал «коричневыми индейскими агентами» и отметил появление отчужденности по отношению к ним со стороны тех индейцев, которые оказались исключенными из числа общинной бюрократии.

Правительственные субсидии создают напряженность и распри среди индейских групп внутри общин, ибо финансирование носит произвольный, выборочный характер (под программы). При такой системе дальнейшее развитие индейского самоуправления невозможно. Прямое финансирование общинных советов, минуя общенациональные, региональные и другие индейские политические организации, поощряет разобщенность общин, их аполитичность. Это делается правительством намеренно, хотя и в скрытой форме. Наконец, все громкие слова об индейском местном управлении юридически сводятся только к праву принимать постановления. Этим правом, кстати, пользуются все муниципалитеты Канады с незапамятных времен.

Последние — при найме, первые — при увольнении

Вовлечение индейцев и эскимосов в капиталистическую экономику, превращение значительной части аборигенов из мелкотоварных производителей в наемных рабочих вызвало к жизни ряд новых социальных проблем, с которыми канадские коренные жители до этого не сталкивались столь явным образом. Это прежде всего проблема трудовой занятости. В условиях жесткой капиталистической конкуренции и кризисных по-

трясений в экономике последних десятилетий индейцы оказались наименее приспособленным и самым нежелательным контингентом на рынке наемного труда.

Оценки состояния трудовой занятости среди коренного населения выявляют ужасающую картину. В 1981 г. среди способных трудиться статусных индейцев (в возрасте от 15 до 64 лет) только 46 % занимались самодеятельным трудом (среди остального населения этот показатель равен 65 %). Официальная безработица составляла примерно 18 % по сравнению с 8 % в среднем по стране, и к середине 80-х годов число безработных среди статусных индейцев достигало примерно 40 тыс. человек. В большинстве индейских общин безработные составляют от 35 до 75 % трудоспособного населения. Но эти официальные данные далеко не раскрывают всего трагизма положения. Возьмем для примера районы Канадского Севера, где идет интенсивное хозяйственное развитие и где аборигены образуют большинство населения. В 1984 г. в Северо-Западных территориях уровень занятости среди аборигенов в возрасте от 15 до 64 лет был 54 % (среди неаборигенов — 84 %), а безработица составляла 31 % (7 % среди остального населения). Но эти данные фиксировали только те 3,5 тыс. индейцев, метисов и эскимосов, которые активно искали себе работу в течение последних четырех недель и, таким образом, могли попасть в категорию безработных. На самом же деле были еще 4,8 тыс. человек, желающих устроиться на работу, но утративших всякую надежду ее найти. В отдаленных и изолированных небольших поселках, где сейчас концентрируется аборигенное население Севера, просто и не было никаких возможностей работать по найму¹⁷

Причины низкой занятости среди индейцев разные. Это, конечно, недостаток квалификации и образования, слабые физические данные, особенно мужчин и женщин среднего возраста, обремененность женщин семейными обязанностями. Но не в этом главная причина. Остается бесспорным факт дискриминации в отношении индейцев при найме на работу: их последними принимают и первыми увольняют.

Вполне естественно, что за последние десятилетия фактически не изменилось положение с уровнем жизни аборигенов, хотя размеры их денежных доходов замет-

но возрастали. В 1966 г. годовой доход у аборигенов был около 300 долл. на человека, а у евроканадцев — около 1400 долл. Средний заработок рабочих-индейцев составлял 1361 долл. в год, у остального населения — около 4 тыс. долл. Доходы коренных жителей были примерно в 2 раза ниже общенационального среднего уровня доходов. В 1980 г. доходы аборигенов составляли примерно $\frac{2}{3}$ средних доходов остальных канадцев: 8,6 тыс. против 13 тыс. долл. в год.

Сравнительно низкие доходы, высокая безработица и большее число иждивенцев на одного работающего создают огромную разницу в доходах на душу населения: в 1980 г. 78 % статусных индейцев жили в семьях с доходом менее 5 тыс. долл. на человека в год, а среди остального населения этот показатель составлял 5 %. Более 26 % статусных индейцев старше 15 лет не имели никаких личных доходов в 1980 г. В то же время некоторые единичные индейские общины с конца 70-х годов начали получать довольно высокие доходы в виде отчислений частных компаний за эксплуатацию нефтегазовых ресурсов. Но такие единичные случаи только делают еще более очевидным общее неблагоприятное материальное положение коренных жителей.

Значительное число индейцев и эскимосов вынуждены существовать за счет различных пособий по программам социальной помощи (безработным, престарелым, многодетным семьям, родителям-одиночкам и т. п.). В 1980 г. $\frac{1}{3}$ всех статусных индейцев, получавших какие-либо доходы, назвали социальные пособия основным источником личного обеспечения. Если взять в расчет тех индейцев старше 15 лет, которые вообще не имели никаких доходов, то выходит, что 51 % всех статусных индейцев не имели доходов в виде заработной платы или получали денежные средства исключительно из правительственных программ социальной помощи. Среди проживавших в резервациях эта доля нищенствующих индейцев была еще выше.

В северных районах, где возможности получить работу по найму меньше, чем на Юге, правительственные субсидии очень часто составляют единственный источник денежных средств. В 1985 г. в Северо-Западных территориях из 11,7 тыс. проживающих здесь индейцев около 4,5 тыс. (37,7 %) получали разного

рода социальные пособия, а из 18 тыс. эскимосов в аналогичном положении находилось 9,8 тыс. человек, или 54,2 %. В то же время среди некоренного населения этот же показатель был 12,7 %¹⁸

Причем необходимо учитывать, что проживающие в отдаленных районах коренные жители, особенно на Севере, должны оплачивать необходимые товары и услуги по ценам гораздо более высоким, чем в целом по стране. В 1985 г. в столице Северо-Западных территорий г. Йеллоунайфе цены на товары и услуги были в среднем на 36 % выше, чем в столице провинции Альберта г. Эдмонтоне. Если же взять стоимость жилья или его аренды, которые составляют почти $\frac{1}{3}$ бюджета северян, то цены в сравнении с южными районами выше на 65 %. Построенные в некоторых северных городах многоквартирные жилые дома со всеми удобствами явно не по карману коренным жителям: средний размер квартплаты в Йеллоунайфе в 1985 г. составлял 723 долл. в месяц. Практически недоступна для аборигена и цена постройки индивидуального дома. Даже самые простые конструкции из завозимых с Юга строительных материалов обходятся в 100 тыс. долл. и более.

Поскольку многие из завозимых промышленных товаров (транспортные средства, мебель, радио- и телеаппаратура, современная одежда, охотничье и рыболовное снаряжение и пр.) достаточно прочно вошли в быт коренных жителей, а в их повседневном рационе завезенные продукты (сахар, чай, хлеб, фрукты) давно стали утвердившейся потребностью, расходы на их приобретение ложатся дополнительным бременем на скудные семейные бюджеты. Зато на разнице в ценах наживаются частные компании, среди которых неоспоримое первенство на протяжении нескольких веков держит Компания Гудзонова залива — главный владелец торговой сети на Канадском Севере.

Жилье и состояние здоровья

В последние два десятилетия практически все коренное население Канады перешло на оседлое проживание в постоянных поселках, переселившись в отдельные дома, часть которых была построена за счет правительственных программ жилищного строительства,

часть — на общинные и индивидуальные средства. Особенно это коснулось северных районов, где вплоть до 50—60-х годов значительное число индейцев и эскимосов фактически не имели современного жилья, используя для этого традиционные типы, землянки и снежные иглу в местах кочевков, летних и зимних лагерей.

В южных районах уже давно среди аборигенов утвердился обычный евроканадский тип жилища — дома из камня и кирпича или шлакоблочных конструкций (долина р. Св. Лаврентия, юг Онтарио и Степных провинций), деревянные постройки из бревен и бруса или древесных плит (Приморские провинции, лесные районы Центральной и Западной Канады). В условиях крупных городов, где индейцы, хотя и редко, заселяют отдельные кварталы (почти всегда — в самых бедных районах), они обычно проживают в дешевых многоквартирных постройках, которые владельцы недвижимости сдают им в наем.

Подобие индейских гетто или отдельных кварталов с жалкими деревянными или сборными домишками, пожалуй, чаще всего встречается в небольших северных городах, где рядом с местами старых аборигенных поселений образовались городские центры пришлого евроканадского населения. Такую картину можно, например, наблюдать в городах Йеллоунайфе, Инувике, Шеффервилле и др.

Качество жилья и жилищные условия наиболее наглядно отражают низкий уровень жизни большей части коренного населения. Никакие правительственные программы и усилия самих индейских общин не смогли продвинуть вперед решение этой острой проблемы. Жилищные условия индейцев за последние два десятилетия даже ухудшились. С 1960 г. число нуждающихся в ремонте индейских домов увеличилось в 10 раз, в 20 % домов в резервациях проживает две и более семей. Менее половины индейских домов имеют необходимые удобства, тогда как в целом по стране этот показатель превышает 90 %. Менее 40 % домов в сельских и отдаленных резервациях имеют водопровод и канализацию¹⁹

Низкие доходы, плохие жилищные условия и недостаточное медицинское обслуживание служат первопричинами высокой смертности среди индейского населения, особенно детской смертности, хотя в последние

годы ситуация в этой области заметно улучшилась. Что касается ожидаемой продолжительности жизни (возраст, до которого может дожить человек, высчитанный к моменту его рождения), то и здесь показатель остается на 10 лет меньше общенационального.

Уровень смертности среди малолетних детей и молодежи почти в 4 раза выше, чем у неиндейского населения. Одна из причин высокой смертности среди молодых индейцев — несчастные случаи и самоубийства (в 3 раза выше общеканадского уровня), что отражает глубокую неудовлетворенность индейцев их современным положением, глубочайший конфликт их жизненных ценностей и устоев с окружающей социальной действительностью.

Нельзя не отметить, что в 70—80-е годы заметно увеличились правительственные расходы на медицинское обслуживание индейцев. В результате снизилась до общеканадского уровня заболеваемость туберкулезом: в последние годы среди индейцев фактически нет случаев смерти от этой болезни. Однако болезни, особенно инфекционные и простудные, гораздо больше распространены среди аборигенов, чем среди остального населения. Особая проблема социально-медицинского характера — алкоголизм: около 50—60 % заболеваний среди индейцев связано с потреблением алкоголя. Среди проживающих на территории резерваций индейцев уровень распространения алкоголизма в 5 раз превосходит общеканадский.

Естественным следствием бедственного положения аборигенов является все большее распространение преступности и нарушений законности среди индейцев. Зачастую это — косвенная форма выражения протеста и недовольства жителями резерваций. В Манитобе, Саскачеване и на севере Канады индейцы составляют свыше 40 % заключенных в тюрьмах. Особенно высок уровень преступности среди малолетних (в 3 раза выше общеканадского).

Проблемы индейской семьи

К перечню социальных проблем можно отнести и ухудшение условий существования индейской семьи в резервации. Для этого заключения имеются достаточно веские основания.

На протяжении двух последних десятилетий средний размер индейской семьи уменьшился и в настоящее время приближается к общеканадскому показателю (3,8 человека). Разводов среди индейцев в 2 раза меньше, чем среди остального населения, но в последние годы наблюдается тенденция к увеличению их числа.

Одна из серьезных проблем современной индейской семьи — высокий процент внебрачных детей. Этот показатель в 4—5 раз выше общенационального. С одной стороны, это естественный результат различия в жизненных приоритетах и в отношении к формальному браку. Но с другой стороны, внебрачные дети зачастую результат нежелания индейской женщины терять свой индейский статус при заключении брака с неиндейцем, как это требовал до 1985 г. дискриминационный Индейский акт 1951 г. В любом случае большое число внебрачных детей ведет к острой проблеме ухода и попечительства за ними. В настоящее время около 8 % индейских детей имеют ту или иную форму попечительства.

Несмотря на пятикратное увеличение расходов со стороны федеральных властей на детское попечительство за последние два десятилетия, положение индейских семей никак не улучшается. Вся действующая в стране законодательная система и проводимая политика продолжают строиться на постулате о неспособности аборигенных народов решать проблемы семейной жизни собственными усилиями, в том числе используя традиционные для аборигенов правовые нормы. Патернализм и типично мелкобуржуазные установки по вопросам семейного воспитания и законодательства, которыми руководствуется доминирующее евроканадское общество и в отношении коренных жителей страны, приводят к разрушительному вторжению господствующих государственных институтов в традиционную семейную структуру индейцев и эскимосов. Когда же аборигены пытаются разрешить кризисные проблемы через институт расширенной семьи и родственники берут на себя ответственность за нуждающихся в опеке детей, то они сталкиваются с существующим правопорядком, который автоматически распространяется на все население страны. Родственники, например, не могут получать финансовые вспомоществования, если выступают в

качестве приёмных родителей. Взрослые аборигены, желающие принять ребенка в семью, рассматриваются работниками социальных служб прежде всего с точки зрения их материальных возможностей, а не той культурной среды, которую они могут обеспечить приемному ребенку.

Схожие проблемы возникают, когда аборигенные общины пытаются бороться с детскими правонарушениями и преступностью, используя традиционные меры воздействия, собственные правовые нормы. И тем не менее в последние годы индейские общины все настойчивее стремятся взять под свой контроль вопросы регулирования семейных отношений, воспитания и обеспечения детей. Этому способствуют создаваемые в резервациях собственные суды, полиция, различные местные социальные службы, школы и другие детские учреждения.

Однако заметных позитивных сдвигов пока нет. Достаточно сказать, что с 1962 г. число приемных детей среди статусных индейцев увеличилось в 5 раз и подавляющее большинство их по-прежнему изымается из родной среды, попадая в неиндейские семьи. Коренные жители справедливо называют существующую в стране систему детской опеки формой культурного геноцида.

Свидетельством изолированности индейских народов, приниженного социального статуса аборигенов могут служить данные о смешанных браках, т. е. о метисации аборигенов и остального населения. Доля смешанных браков остается крайне малой. На пути смешанных браков долгие годы стояло дискриминационное по отношению к индейским женщинам законодательство, лишавшее индеанку всех аборигенных прав в случае выхода замуж за неиндейца, в том числе права проживания на территории резервации. По-прежнему еще сильны и расовые предрассудки в отношении смешанных браков.

Метисация канадских индейцев ведет к ассимиляции их в евроканадской среде, ибо местом проживания и работы становится, как правило, не индейская община и резервация, а город. В то же время свидетельством растущего этнического самосознания и консолидации индейцев является сокращающееся число аборигенов, добровольно утрачивающих индейский

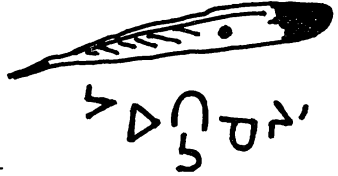
статус. За 20 лет, с 1955 по 1975 г., более 13 тыс. канадских индейцев утратили свой статус, из них более 80 % — в результате смешанных браков, т. е. под воздействием дискриминационного законодательства. В последнее десятилетие обращения о добровольном отказе от индейского статуса фактически прекратились.

Судьба индейских языков

Приходится
только удивляться
 тому, как много людей
всерьез считают,
что существует
один-единственный
«индейский» язык, и задают
вопросы вроде «как будет по-индейски
«колыбель»?..

Уильям У. Ньюкомб,
 американский этнограф

США

Вымирают ли индейские языки!

Подобно другим сферам культуры и общественной практики, современные языковые процессы у индейцев США развиваются под действием двух тенденций — этнокультурной преемственности и изменчивости, обусловленной значительными переменами в жизни коренного населения страны. Эта преемственность выражается, в частности, в сохранении лингвистической мозаичности, которая была так характерна для исторического прошлого индейских народов. По различным оценкам, в доколониальный период на территории нынешних США существовало от 200 до 300 самостоятельных языков и множество диалектов, объединявшихся в несколько языковых семей. О числе сохранившихся до

настоящего времени индейских языков судить довольно сложно. Не считая диалектов, их несколько десятков.

Сведения, которыми мы располагаем, позволяют составить общее представление о распределении индейского населения страны по основным языковым семьям и языковым группам в начале 80-х годов (табл. 6).

Таблица 6. Распределение индейского населения США по основным языковым семьям и группам в начале 1980-х годов

Языковые подразделения, народы, группы родственных народов	Численность		Языковые подразделения, народы, группы родственных народов	Численность	
	в тыс. человек	в процентах ко всему индейскому населению		в тыс. человек	в процентах ко всему индейскому населению
Индейские народы в целом (по данным на середину 1983 г.)	1500	100,0	Сэлиши	20	
Семья хока-сиу	275	18,3	Чиппева	10	
Сиу (вкл. дакота)	97		Семья ацтеко-таноанская	123	8,2
Чироки	66		Шошоны	70	
Крики	26		Папаго	15	
Чокто	20		Пима	10	
Ирокезы	15		Тано	10	
Осэдж	10		Хопи	6	
Хока	10		Зуны	6	
Кэддо	10		Кайова	6	
Керес	10		Семья пенути	38	2,5
Мускоги	8		Цимшиан	30	
Семья на-дене	204	13,6	Сахаптины и пенути	8	
Навахо	166		Общая численность носителей индейских языков	830	55,3
Апаче	20		Численность англоязычных индейцев	670	44,7
Атабаски	18				
Аляски					
Семья алгонкино-мосанская	190	12,6			
Алгонкины	160				

Согласно другим данным, почти треть коренных американцев (включая индейцев, эскимосов и алеутов) считает родным языком какой-либо из индейских (или эскимосско-алеутских): под родным языком понимает-

ся тот язык, на котором говорили в семье опрашиваемого в пору его детства. Иными словами, уже несколько десятилетий назад индейские языки перестали доминировать в качестве средства внутрисемейного общения. Вместе с тем приведенные данные показывают, что более половины индейского населения США все еще владеет родными языками. Надо также отметить, что процесс вытеснения индейских языков английским у различных групп индейцев протекает с различной степенью интенсивности. Примечательно и то, что в резервациях индейские языки сохраняются лучше, чем за их пределами, в общинах «городских» индейцев: если в целом по стране индейские языки остаются родными для трети индейцев, то в резервациях — почти для 60 % их индейского населения. Этот факт лишний раз подчеркивает общую для этнокультурного развития индейского населения США закономерность: именно резервационные общины являются центрами воспроизводства индейских традиций.

Для наглядности дадим краткую характеристику этноязыковым процессам по основным лингвистическим общностям индейцев США. В рамках семьи надене наибольшее число носителей родного языка составляют навахо — самый крупный индейский народ страны. В начале 80-х годов более 60 % навахо говорили на родном языке дине. Среди апачезычных народов уровень распространения индейских языков колеблется в весьма широких пределах, хотя в целом он остается одним из самых высоких по индейскому населению США (67 %). У мескальеро, койотеро, в меньшей степени у хикарилья родной язык сохраняет устойчивые позиции благодаря тому, что он продолжает употребляться в повседневном общении, причем как пожилыми людьми, так и молодежью. Что касается кайова-апаче, чирикахуа и липан, то они находятся на завершающей стадии исчезновения.

Неравномерность протекания языковых процессов наблюдается и у народов пуэбло, ближайших соседей апаче на американском Юго-Западе. В 70-е годы большинство индейцев хопи (шошонская ветвь ацтеко-таноанской семьи) и зуньи (их язык относят то к ацтеко-таноанской семье, то к семье пенути) продолжали говорить на родных языках. Преобладающая часть индейцев пуэбло, говорящих на языках тева, тива и

това (кайова-таноанская ветвь ацтеко-таноанской языковой семьи), — пикерис, хано-тева, тесуке, сан-хуан, хемец, таос — в указанный период также широко использовали в повседневной практике собственные языки. А вот у теваязычных намбе и тиваязычных сандиа число носителей родных языков в течение последних десятилетий сильно сократилось. Аналогичный процесс получил развитие в послевоенный период и среди кересязычных групп пуэбло*, но все же большинство из них (акома, лагуна, зиа, сан-фелипе, санто-доминго) достаточно стойко сохраняют родной язык.

В том, что языки индейцев пуэбло сохранились до настоящего времени достаточно хорошо, хотя районы расселения этих народов вошли в сферу европейской (испанской) колонизации уже в XVI в., важную роль сыграли такие факторы, как относительная изоляция пуэбло, обитателей полупустынной зоны американского Юго-Запада, от евроамериканского населения и отмечаемая всеми исследователями стабильность их культуры, заметный рост этнического самосознания у многих групп пуэбло. Выражая эту тенденцию, представители пуэбло Б. Стар и П. Тафойя на состоявшемся в апреле 1980 г. заседании одного из комитетов сената конгресса США в своих выступлениях особо подчеркнули стремление индейцев пуэбло беречь и развивать родные языки. Показательно, что на том же заседании «губернатор» селения Таос (одноименного с проживающим в нем народом таос) А. Трухильо демонстративно выступал не на английском, а на родном языке¹

Характерная особенность этнокультурного облика народов пуэбло — культурное единообразие и языковая неоднородность. Эта особенность, сформировавшаяся столетия назад, продолжает существовать и ныне, удивляя своей устойчивостью. Территория распространения большинства языков пуэбло ограничена пределами одного селения, едва ли не каждое такое селение — это одновременно и особая языковая общность, отличная от других и насчитывающая от нескольких сот до нескольких тысяч человек.

Несколько хуже, пожалуй, обстоит дело с сохранением родных языков у других народов, принадлежащих

* Лингвисты пока не могут точно определить место языка керес в классификации индейских языков. В последнее время его нередко относят к семье хока-сиу.

к ацтеко-таноанской языковой семье и живущих на территории штатов Калифорния, Невада, Орегон. Например, в пределах США до настоящего времени сохранились только 2 из 18 диалектов группы яки-майо. Исчезли вместе со своими носителями диалекты серрано-габриэлино (шошонская языковая ветвь, группа таки). Близки к этому и диалекты купа, входящие в ту же языковую группу: в начале 80-х годов из 1,5 тыс. представителей народов купено, кахуилла и луисеньо на этих диалектах говорили всего несколько десятков стариков. Большое «упорство» проявляют шошонские языки группы нуми. Правда, некоторые из них тоже близки к исчезновению, например языки маленьких народов кавайису и панаминт, на которых еще говорит 20—30 человек пожилого возраста. А вот среди павиотсо (3—3,5 тыс. человек), по весьма приблизительным подсчетам, имеется около 1—2 тыс. носителей родного языка: при численности народа моно менее 1 тыс. человек несколько сот представителей этого народа владеют родным индейским языком. Различия в сохранении родного языка обнаруживаются и между другими шошонскими народами. Так, в общинах команче (штат Оклахома) на родном языке сегодня говорят только лица в возрасте старше 50 лет, да и то не более половины из них. Но среди индейцев юте и собственно шошонов носители родных языков исчисляются тысячами (при численности каждого из этих народов в 4—5 тыс. человек). На дальнейшую судьбу языков шошонских народов будет оказывать влияние то обстоятельство, что большинство из этих народов расселены дисперсно и не образуют сколько-нибудь крупных языковых массивов, которые могли бы служить достаточной гарантией сохранения их языков в будущем.

Народы, которые относятся исследователями к языковой семье хока-сиу, расселены практически по всей территории США. Различия в их исторических судьбах и современном положении настолько значительны, что говорить о каких-то общих тенденциях в развитии у них языковых процессов не представляется возможным. Неравномерность протекания этих процессов обнаруживается даже в пределах сравнительно мелких подразделений семьи хока-сиу. Так, среди диегуэно, кокопа, явапай и паипай, входящих в языковую группу

юма, на родных языках сегодня говорят почти исключительно лица в возрасте старше 50 лет. А вот у юмаязычных уалапай, хавасупай, кечанов почти все владеют родными языками, и очень многие используют их в общении.

В 1970 г. свыше 17 тыс. ирокезов признали в качестве родного языка тот или иной индейский язык, в 1983 г. 15 тыс. ирокезов употребляли родные индейские языки. Иными словами, за последние несколько десятилетий число носителей ирокезских языков оставалось практически стабильным. Вместе с тем и у ирокезов просматривается зависимость языковых процессов от конкретных условий жизни. Например, весьма значительная часть ирокезов-онейда, живущих в штате Нью-Йорк совместно с другими ирокезоязычными народами, в 70-е годы нашего столетия продолжали употреблять родной язык. В противоположность им среди онейда, переселенных в свое время в штат Висконсин, на родном языке в тот же период говорили лишь несколько сот стариков из почти двухтысячного населения резервации. Еще более ярко такая зависимость может быть прослежена на примере общины сенека и кайюга в Оклахоме, которая уже около 100 лет существует в отрыве от основного ирокезского населения страны. В начале 60-х годов при общей численности этой группы около 1 тыс. человек языком кайюга владели лишь два десятка индейцев в возрасте не моложе 40 лет, и использовался он только в религиозных обрядах. Случаев же употребления или хотя бы знания языка сенека в те годы уже не было зафиксировано.

Помимо «шести наций» (онейда, онондага, кайюга, сенека, мохавк и тускарора) к ирокезской языковой общности принадлежит и один из крупнейших индейских народов США — чироки, расселенный преимущественно в Оклахоме, а также в Северной Каролине. Как показывают исследования этнографов, язык чироки значительно лучше сохранился в Оклахоме, где он используется в повседневном общении, во время традиционных индейских праздников и общинных собраний, является языком культа чирокской баптистской церкви.

Наиболее благополучно в пределах семьи хока-сиу обстоит дело с сохранением языков дакотских наро-

дов, основная масса которых сосредоточена компактно в штатах Северная и Южная Дакота, Небраска, Монтана. Продолжают существовать языки и других сиуязычных народов — мандан, арикара, ассинибойн, кроу. Из народов, входящих в группу дхегиха языковой общности сиу (осэдж, понка, канза, куапо, омаха), родной язык достаточно хорошо сохраняется лишь у осэджей, практически исчезли языки группы шивэ-сиу (айова, миссури, ото).

Если сравнить статистические данные за 1970 и 1983 гг., то можно сделать вывод о резком сокращении числа носителей мускогских языков — с 16 тыс. до 8 тыс. человек. Однако последняя цифра, судя по всему, занижена. Во всяком случае языки таких народов, как крики, чокто, чикасо, семинолы, микосуки (всего 40—50 тыс. человек), вовсе не выглядят вымирающими. С другой стороны, в прошлом мускогоязычные алабама, коушатта, хума уже утратили родные языки.

В рамках алгонкинской языковой общности наименее благоприятная ситуация сложилась в группе восточноалгонкинских языков, т. е. у тех индейских народов, которые относятся к числу самых американизированных по культуре коренных народов США. Из двух десятков языков и групп диалектов до настоящего времени сохранилось не более пяти-шести.

Значительно лучше сохранились языки центральноалгонкинской группы, многие из которых исторически были распространены вдали от районов первоначальной европейской колонизации — к западу от Великих озер и среднего течения Миссисипи. На родных языках говорят, например, представители таких сравнительно крупных по индейским меркам народов, как блэкфут, арапахо, чейены, кри. В послевоенные десятилетия насчитывалось от 40 до 50 тыс. носителей различных диалектов языка оджибве, включая один из самых крупных индейских народов США — чиппева. Правда, имеются примеры и языковой деиндеанизации центральноалгонкинских народов. Практически исчезли языки народов майами и иллинойс, из 4 тыс. меномины лишь около 1,5 тыс. человек употребляют родной язык, примерно такую же долю составляют носители индейских языков в общей численности народов шауни, сак, фокс, кикапу, потаватоми, оттава.

Главный массив пенутиязычного населения США

составляют цимшианы Аляски. На основной же территории страны до настоящего времени сохранилось около полутора-двух десятков малочисленных народов, относящихся к этой языковой семье, включая языковые группы сахаптин (шахаптин) и чинук: винтун, номлакай, йокутс, кайюсе, кламат, не-персе, уматилла и др. У этих народов сокращение числа носителей родных языков зашло достаточно далеко, чтобы говорить о реальной перспективе исчезновения их языков. Несколько сдерживает этот процесс то, что в ряде мест, например в центральной и южной частях штата Вашингтон, на севере штата Орегон, пенутиязычные народы образуют зоны этнокультурной непрерывности. В условиях взаимодействия родственных народов языки каждого из них или хотя бы части из них могут, видимо, продолжать существовать.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы 70-х — начала 80-х годов по отдельным индейским народам и резервациям подтверждают представление, которое складывается на основании статистических данных о распространении индейских языков. Эти языки перестали доминировать в коммуникативной сфере культуры коренных народов США, причем немалая их часть уже исчезла. Вместе с тем складывается и другое впечатление. Похоже, процесс «вымирания» индейских языков несколько затормозился.

То, что представление о быстром исчезновении индейских языков несколько преувеличено, подтверждают, в частности, опубликованные в 1983 г. данные Национального конгресса американских индейцев (НКАИ). Опрос учащихся школ, расположенных в резервациях и в прилегающих к ним районах *, дал следующие результаты. В общинах для 42 % опрошенных индейские языки выступают в качестве их коммуникативной основы, 49 % самих учащихся в той или иной степени говорят на родных индейских языках. В семьях 66 % опрошенных постоянно или регулярно используются индейские языки, а в семьях 45 % опрошенных эти языки имеют преимущественное употребление.

Сохранение индейских языковых традиций наблю-

* В этих школах обучается немногим более 40 % всех индейских школьников.

дается, в частности, в антропонимике индейских народов. Наряду с европейскими именами коренные американцы зачастую имеют еще индейские имена, которые могут указывать на их родовую принадлежность или несут характер традиционных для индейцев прозвищ. У народов, сохраняющих функционирующую родовую социальную организацию, по-прежнему соблюдается обычай давать детям строго определенные имена из родового «фонда», а у народов, социально-возрастные группы которых не исчезли, практикуется перемена имен с переходом из одной возрастной группы в другую. Индейские имена либо существуют параллельно европейским, либо составляют с ними единое целое. Они могут сохранять оригинальные языковые формы, а могут и калькироваться на английский язык. Такие имена имеют, например, известный публицист и общественный деятель, чирок по происхождению, Уильям Мейер Горящий Медведь, этнограф Эмори Секакуаптева (индеец хопи), художники Деннис У Белиндо (кайова-апаче), Илайджа Мелвин Орлиное Перо (сиу), Кейт К. Хобарт Голубая Лошадь (оглаласиу), Марвин К. Идущий Поверху (сиу), Ли Монте (кайова), Дэвид Э. Уильямс (кайова-апаче — тонкауа), писательница Луиза Одинокая Собака (мохавк — делавар).

Индейские языки исчезли или близки к исчезновению преимущественно у тех групп коренного населения страны, которые в социально-экономическом и культурном отношении уже мало отличимы от евроамериканцев, например у массачусетов, катауба, читимаха, поухата, туника, тонкауа. Это и естественно: чем уже сфера традиционно-бытовой культуры, тем меньше функций остается на долю «традиционного» языка. Данная зависимость корректируется конкретными условиями жизни — характером иноэтнического окружения, интенсивностью связей с внешним миром и другими факторами, среди которых не последнюю роль играют идеологические мотивы.

Перспективы: тенденция и прогнозы

С уменьшением традиционных черт в современных индейских культурах пропорционально возрастает роль языка как важнейшего признака этнической самобыт-

ности индейских народов, основы их духовной общности, как программный пункт в борьбе коренных американцев за национально-культурное возрождение своих народов. Не случайно, что общины, которые выдвигают перед собой такую задачу, прежде всего заботятся о введении в школьные программы обучения родному индейскому языку.

Усилия, направленные на сохранение индейских языков, нередко приводят к определенным успехам. Примером может служить использование разработанных в прошлом индейских письменностей и создание новых. Ныне письменность существует и в той или иной мере употребляется у навахо, чироки, кри, криков, чиппева, тетон-дакота, кроу, мохаве, кечанов, уалапаи и хавасупаи. Интересно, что последние четыре народа весьма немногочисленны: самый крупный из них — уалапаи — насчитывает немногим более 1 тыс. человек. Тем не менее эти народы не только сумели создать в 1960—1970-е годы собственные письменности, но и добились их жизнеспособности. Например, большинство хавасупаи, от детей до пожилых людей, сегодня умеют читать и писать на родном языке.

Ошибочно было бы считать, что сегодня функции индейских языков сводятся исключительно к их этно-символическому значению, а их практическое применение ограничивается и обусловлено сохраняющимися индейскими традициями в образе жизни и культуре. Индейские языки играют также определенную роль в формировании новых традиций, связанных с изменениями в жизни индейского населения США. Правда, примеров такого рода пока еще не очень много, но они есть. На письменных индейских языках существует уже довольно обширная литература, выходят периодические издания (газеты «Навахо таймс», «Чироки таймс» и др.). У навахо даже избирательная документация ведется на родном языке дине.

Возникает вопрос: способны ли индейские языки и в дальнейшем выполнять свои функции, не слишком ли они «примитивны» для современного общества? Относительно всех индейских языков ответить на этот вопрос пока трудно. Время покажет обоснованность или необоснованность попыток сохранения и тем более возрождения тех или иных языков. Но вот только один, достаточно показательный пример. Когда встала задача пере-

вести на язык индейцев навахо Библию, специалисты подсчитали, что для этого понадобится словарный запас приблизительно в 25 тыс. языковых единиц. Однако перевод удалось сделать без каких-либо существенных затруднений, причем не было использовано еще несколько тысяч слов, существующих в языке дине.

Судьба индейских языков зависит от того, насколько успешно они будут восприниматься младшими поколениями коренных американцев. Имеющиеся данные говорят о том, что в течение последних десятилетий индейские дети и молодежь гораздо хуже знали и гораздо реже употребляли родные языки, чем представители старших поколений. Данное обстоятельство обусловлено целым рядом причин: ростом евроамериканского пласта в индейских культурах, преобладанием англоязычного обучения в школах, снижением престижности индейских языков, их бесполезностью в том мире, который начинается за пределами индейских общин. Однако эта тенденция не выглядит фатальной, поскольку в противовес ей действует противоположная тенденция «индейского ренессанса». В последнее время исследователи все чаще говорят о возрождении интереса индейской молодежи к культуре и языкам предков. Явление «индейского возрождения» ставит под сомнение чересчур пессимистические прогнозы о будущем индейских языков. Пока что можно говорить лишь о том, что одни языки действительно исчезают, другие же остаются жизнеспособными, хотя и утрачивают часть своих функций, уступая их английскому языку.

Наиболее универсальная тенденция современного этноязыкового развития индейских народов США состоит в быстром распространении и росте функционального значения английского языка, который либо сосуществует с индейскими языками, либо вытесняет их.

На протяжении последних десятилетий проникновение английского языка в культуру различных индейских народов шло неодинаковыми темпами. Например, среди хопи уже в 40-е годы практически все лица — от школьного возраста до 45 лет — и многие индейцы более старших возрастов владели английским языком, а у ирокезов, в частности у сенека, такая ситуация установилась еще раньше — в конце прошлого столетия. Однако, скажем, у «горных юте» (штат Нью-Мексико) и в 70-е годы знание английского языка пожилыми

людьми было редкостью. В те же годы около 12 % взрослых навахо не владели английским языком. Даже в Оклахоме, которую принято считать своеобразным «плавильным тиглем» индейских культур, в 70-е годы можно было обнаружить индейские общины, где английский язык еще не стал общепотребительным.

У всех индейских народов молодежь знает английский язык лучше, чем их родители, что естественно, поскольку практически все индейские дети и подростки сегодня охвачены системой школьного образования. Правда, издержки этой системы, большой отсев из школ учащихся-индейцев, имеют следствием то, что значительная часть юношей и девушек усваивает английский язык недостаточно хорошо. По данным министерства внутренних дел США, в начале 80-х годов до 40 % представителей национальных меньшинств страны в возрасте 19 лет были «функционально неграмотными», т. е. фактически не могли читать и писать на английском языке². Такое положение — одна из причин многих трудностей, которые испытывает индейская молодежь в американском обществе.

Недостаточно хорошо изучен вопрос о влиянии английского языка на языки коренных американцев. Можно, однако, привести некоторые примеры своеобразной «пиджинизации»^{*} индейских языков. Так, у некоторых индейских народов сложились так называемые «поколенные» говоры молодежи, отличающиеся от «чистых» индейских языков значительным удельным весом англицизмов. Подобные языковые новообразования отличаются и некоторыми особенностями фонетического, морфологического и синтаксического порядка.

С большей определенностью можно говорить о месте английского языка в духовной культуре индейского населения. Английский язык по мере его распространения в индейской среде не только выступает в качестве основы новых, евроамериканских по происхождению традиций, но и проникает в сферу индейских культурных традиций, например в фольклор, в тексты ритуальных гимнов и т. п. Бесписьменные индейские народы, стремящиеся сохранить свои легенды, мифы и другие виды устного народного творчества, записывают их на английском языке. Важную роль играет английский

* Пиджин-инглиш — жаргонный диалект.

язык как средство общения между различными индейскими народами.

Если значение английского языка для коренного населения США неуклонно растет, то другие прежде распространенные в индейской среде европейские языки — испанский и французский — становятся все менее употребительными.

В прошлом испанский язык был широко распространен в районах испанской колонизации — на Юго-Западе, в Калифорнии, во Флориде, а в ходе переписи населения 1970 г. только 3,2 % индейцев указали его в качестве родного. У некоторых народов, особенно у пуэбло, он, правда, еще играет немаловажную роль. Однако и здесь его судьба выглядит бесперспективной. Пожалуй, дальнейшее сохранение испанского языка возможно лишь в пограничных с Мексикой районах, где индейские народы поддерживают контакты со своими мексиканскими соплеменниками. Еще меньше, чем испанский, сохранился французский язык, который, согласно переписи населения 1970 г., являлся родным для 8 тыс. индейцев (чуть более 1 % от всего индейского населения страны).

Варианты полилингвизма у коренных американцев бывают весьма разнообразны, и они не сводятся к индейско-европейскому полилингвизму. Например, тева, обитающие в самом центре резервации хопи, окруженной в свою очередь землями навахо, говорят на собственном языке и языке хопи, а также используют английский, испанский и язык дине. Трехязычны (родной, английский, испанский) большинство других групп пуэбло. Четыре языка имеют употребление у пассамакуди: собственный, английский, а также микмак и малесит — языки соседних индейских народов.

*****

КАНАДА

Язык детства и общения

Среди коренного населения Канады — индейцев и эскимосов — до сих пор в той или иной степени сохраняется знание 53 отличных друг от друга аборигенных языков, принадлежащих к 11 языковым семьям. Некоторые из этих семей (хайда, кутенэ, тлинкит) представ-

лены всего одним языком-изолятом, остальные — несколькими: атабаскская — 15 языками, сэлишская — 10 и т. д. Аборигенные языки имеют различные степени генетического родства, которое для многих языковых семей до конца еще не выявлено, несмотря на усилия нескольких поколений лингвистов. Многие из языков существуют в форме более или менее взаимопонимаемых диалектов, особенно если носители языка расселены на обширных территориях. Так, например, язык кри имеет шесть диалектов (равнинный, болотный, северный, лесной, олений и восточный), на которых говорят соответствующие группы индейцев кри, живущих в десятках общинных поселков и резерваций на территории от северного Квебека до Скалистых гор.

В Канаде на сегодняшний день сохранились следующие языки и их диалекты:

1) алгонкинская семья — девять языков: абенаки (западный диалект), блэкфут, кри (шесть диалектов), делавар (диалект манси), малесит, микмак, монтаньенаскапи, оджибве (диалекты собственно алгонкинов, оттава, мисэсога, чиппева, сото), потаватоми;

2) атабаскская (северная ветвь) — пятнадцать языков: бивер, кэрриер, чилкотин, чиппевайян, догриб, хан, хэар, каска, кучин, сарси, секани, слейв, тэгиш, тальтан, тутчон;

3) эскимосско-алеутская — один язык: инуктитут (шесть диалектов);

4) хайда — языковой изолят (два диалекта);

5) ирокезская — шесть языков: мохавк, или могаук (два диалекта), онейда, онондага, кайюга (два диалекта), сенека, тускарора;

6) кутенэ — языковой изолят;

7) сэлишская — десять языков в Канаде, на которых говорят жители материковых и береговых областей, с подгруппами: белла-кула, комокс, халкомелем (несколько диалектов), лилуэт, оканагон (два диалекта), сешел, шусвап, скуомиш, стрейтс (несколько диалектов), томпсон;

8) сиу — один язык в Канаде: дакота (диалекты санти, тетон, или лакота, и ассинибойн);

9) тлинкитская — языковой изолят (в Канаде диалект материковой группы);

10) цимшианская — три языка: береговых цимшиан, южных и насс-гитксан;

11) вакашская — пять языков: хайсла, хейлтсук, квакиутль, нитинат, нутка.

Если рассматривать этноязыковую ситуацию на общеканадском уровне, то можно с полной определенностью сказать, что главная ее тенденция — сокращение доли аборигенных языков в категории родного * языка в результате их поглощения английским или французским языками, которые ныне заняли доминирующее положение в среде коренного населения. Масштабы этой ассимиляции в послевоенные десятилетия разительны. Если в 1951 г. 15 % аборигенов считали родным английский язык, то в 1981 г. он был родным почти для 60 % канадских индейцев и эскимосов. В то же время если три десятилетия назад примерно 80 % аборигенов считали родным язык своих этносов, то в 80-е годы только 30 % выучили в детстве первым и сохранили знание аборигенного языка.

Какой язык (аборигенный, английский или французский) индейцы и эскимосы считают своим родным, зависит от района и места проживания — в резервациях (примерно 200 тыс. индейцев) или вне резерваций (около 100 тыс.). Результаты переписи (1981 г.) по распространению родного языка свидетельствуют, что самая низкая доля владеющих аборигенным языком в качестве родного — у аборигенов Юкона и Британской Колумбии. В этих самых западных провинциях страны 83 % статусных индейцев англоязычны, что в 1,5 раза выше общеканадского уровня для этой категории индейцев, и только 10% считают родным индейский язык. В более благоприятном положении находятся аборигенные языки в провинции Квебек и в Северо-Западных территориях, где половина коренных жителей считает родным язык своего этноса. В провинции Квебек 29 % аборигенов считают родным французский язык и 12 % — английский.

Другое наиболее заметное различие в положении с родным языком среди коренных жителей существует между индейцами, живущими в резервациях и вне резерваций. Среди так называемых резервационных индейцев примерно равное число считает своим родным один из аборигенных языков или английский. Среди

* Родной, или материнский, язык по критериям канадских переписей — «язык, который человек первым узнал в детстве и все еще понимает».

индейцев, проживающих за пределами резерваций, а это главным образом жители городов, почти 80 % индейцев считают родным английский и только 10 % — индейский язык. В Квебеке среди нерезервационных индейцев 71 % считает родным французский. Это вполне убедительное подтверждение тому, что проживание индейцев в общинах на территории резерваций позволяет сохранить аборигенные языки в качестве родных в гораздо большей степени, чем вне резервации, в урбанистическом окружении, где обычная работа по найму требует знания официальных языков. Особенно это касается мужской части индейского населения.

В настоящее время 70 % индейцев и эскимосов, считающих родным аборигенный язык, используют его также в качестве наиболее употребимого языка домашнего общения. В Юконе и Британской Колумбии меньшая часть коренного населения сохраняет аборигенный родной язык в качестве языка домашнего общения. В Юконе менее 30 % индейцев, выучивших в детстве первым язык своего народа, продолжают пользоваться им как разговорным. Остальные в течение жизни перешли на английский. Самая высокая доля сохранения аборигенного родного языка в качестве разговорного наблюдается в Новой Шотландии, Ньюфаундленде и Квебеке.

Во всех районах страны, за исключением Северо-Западных территорий, наблюдается большая разница между резервационными и нерезервационными индейцами в степени использования ими аборигенного родного языка в домашнем общении. В целом по Канаде трое из четверых живущих в резервациях аборигенов сохраняют родной индейский или эскимосский в качестве языка домашнего общения, но только один из троих проживающих вне резерваций следует этому.

Приведенные выше данные в целом по коренному населению характеризуют генеральную тенденцию языковых процессов. Не меньший интерес представляет анализ ситуации на уровне отдельных групп или языков. Достаточно высокой степенью сохранности индейских языков отличаются наиболее многочисленные народы — алгонкинские, живущие на обширных территориях от атлантического побережья до восточных предгорий Скалистых гор. Около 50 % канадских индейцев алгонкинов считают родными языки своих этносов.

Среди менее многочисленных — атабасков с родным аборигенным языком остается уже около 35 % жителей. Примерно 20 % ирокезов также считают родным один из ирокезских языков. И еще меньше доля считающих аборигенный язык родным среди сэлишей (3 %), вакашей (9 %), цимшиан (15 %), хайда (17 %), тлинкитов (12,5 %).

В целом можно сказать, что, чем многочисленнее тот или иной индейский народ, тем выше среди него доля лиц с родным аборигенным языком. Но эта закономерность — не общая, и на ее проявление влияют географические, историко-культурные и социальные факторы, в частности степень урбанизации индейского населения. Так, например, среди индейцев Британской Колумбии самые многочисленные — сэлиши (около 30 тыс.) — имеют самый высокий уровень языковой ассимиляции, так как живут в более урбанизированной среде и в более плотном евроканадском окружении.

Вышеприведенные данные подтверждают, что происходит исчезновение языков индейцев западного побережья, некоторых алгонкинских и атабаскских языков. Об этом свидетельствует не только общее мизерное число их носителей, небольшая доля последних в самих группах, но и средний возраст тех, кто считает родными индейские языки. Средний возраст индейцев и эскимосов Канады — 23 года (остальное население имеет средний возраст 32 года). Средний же возраст индейцев, считающих родным язык хайда, — 49 лет, тлинкитский — 47, кутенэ — 44, сэлишский — 43, вакашский — 40 лет. Это в основном представители старших возрастов, уход которых из жизни может приблизить реальную перспективу исчезновения носителей языка вообще. Наиболее благоприятные возрастные показатели у носителей родного языка — алгонкинов и атабасков (25—29 лет).

Бесспорно, что языковая ассимиляция среди канадских аборигенов идет в пользу английского языка, причем утрачиваются не только индейские языки, но и не менее интенсивно — французский язык среди тех коренных жителей, для которых он издавна был родным. Даже в провинции Квебек, где франкоязычное население составляет свыше 80 %, французский называют родным языком индейцы более старших возрастных групп по сравнению с носителями других языков.

В целом же в сфере разговорного языка действует все та же закономерность: чем больше группа носителей аборигенного языка, тем выше шанс сохранения его и в качестве языка домашнего общения. Из индейцев с родным алгонкинским 77,8 % продолжают говорить дома на том же языке. Среди представителей пяти языковых семей, у которых группа носителей родного аборигенного языка менее 1 тыс. человек, менее 30 % сохраняют этот язык в качестве разговорного. Из 85 индейцев с родным языком кутенэ дома разговаривают на нем только 20 человек. Ясно, что судьба таких языков в Канаде фактически предрешена: они могут исчезнуть в ближайшее время.

Аналогичное положение существует и со многими языками или диалектами внутри языковых семей, когда носители языка исчисляются лишь сотнями или даже десятками человек.

Среди алгонкиноязычных групп ситуация крайне неодинаковая. Язык кри считают родным самое большое число индейцев Канады — 66 тыс. Все возрастные категории индейцев кри сохраняют знание родного языка. У некоторых этнических групп, как, например, у аттикамек, проживающих в Квебеке, до сих пор наблюдается 100 %-ное мооязычие детей при поступлении в детский сад. Однако в период обучения в школе дети аборигенов приобретают знание английского или французского языка, и в 70-е годы специалисты отмечали, что большинство кри в возрасте до 30 лет были двуязычны. Двуязычие распространено и среди взрослых кри, особенно в этнически смешанных поселениях. Так, например, в поселке Грейт-Уэйл-Ривер (или Пост-де-ля-Бален) на восточном берегу Гудзонова залива, где живут эскимосы, кри, англо- и франкоканадцы, в конце 70-х годов более 50 % взрослых кри и эскимосов-мужчин говорили на английском, который служил здесь языком межкультурного общения. И только двое кри и двое эскимосов могли говорить по-французски, хотя поселок расположен на территории франкоязычной провинции Квебек. Но такая ситуация характерна для традиционных зон влияния английской Компании Гудзонова залива. В остальных районах провинции Квебек вторым после кри является французский язык.

Язык оджибве также имеет четкие диалектные различия. Более высокая сохранность языка характерна

для групп, проживающих в менее населенных северных и западных районах (диалектные группы сото, северн и северо-западные оджибве). В целом языковая ассимиляция среди оджибве в пользу английского сильнее, чем среди кри. В районах наибольшей концентрации индейцев оджибве — в южном Онтарио — практически все они в настоящее время англоязычны или двуязычны. Даже в наиболее отдаленных районах северо-западного Онтарио, где еще в начале 60-х годов на диалекте северн говорили почти все индейцы старшего поколения и дети дошкольного возраста (не владея английским) и родной язык был языком домашнего общения, в настоящее время почти повсеместно среди молодых оджибве английский является основным, хотя около половины населения утверждают, что разговаривают на родном языке регулярно. Тот факт, что к оджибве причисляют себя более 100 тыс. индейцев Канады, а родным язык оджибве называют только около 20 тыс., говорит о многом.

Что касается других алгонкинских народов, численность которых не столь велика или просто мизерна, то есть основания говорить о крайне бедственном положении их аборигенных языков. Среди микмаков, живущих в Приморских провинциях (Остров Принца Эдуарда, Новая Шотландия, Нью-Брансуик), в Ньюфаундленде и Квебеке, осталось совсем мало тех, кто разговаривает только на аборигенном языке, и все больше появляется говорящих исключительно на английском. В некоторых резервациях (например, Мемберто близ г. Сидни на о. Кейп-Бретон) все индейцы до 20 лет считают родным английский язык. В то же время еще в 60-е годы в резервации Рестигуш (провинция Квебек) микмакский язык оставался родным для большинства молодых людей³, но и здесь телевидение и обучение в школе на английском свели знание родного языка к пассивному, как это произошло в большинстве резерваций микмаков.

Малочисленные народы — малесит в провинциях Нью-Брансуик и Квебек и абенаки в Квебеке — в языковом отношении фактически полностью ассимилированы. В 1974 г. среди абенаков только 21 человек старшего возраста знал родной язык, некоторые его понимали, но все остальные владели только французским. На грани вымирания находится и язык делаваров (диа-

лект мунси), которые живут на юге Онтарио, на р. Темз, в двух резервациях. В начале 80-х годов среди них осталось несколько семей, в которых знали родной язык.

Что касается ирокезоязычных индейцев, то живущие в Квебеке так называемые лореттские гуруны (около 1,3 тыс.) давно и полностью ассимилировались и перешли на французский, а собственно ирокезы — онейда, онондага, кайюга, сенека, мохавк и тускарора — проживают сейчас совместно в резервации Сикс-Нейшн на р. Гранд-Ривер, в провинции Онтарио, и родными языками почти не владеют, общаясь друг с другом и с евроканадским населением на английском, хотя их ирокезские языки очень схожи. Исключение составляет самый многочисленный ирокезский народ — мохавк, представители которого живут в окрестностях Монреаля. Среди них сохраняется часть индейцев, считающих мохавк родным языком.

Среди северных атабасков остается только около $\frac{1}{3}$ жителей, признающих родным аборигенный язык. Эти индейцы, живущие на обширных территориях западной канадской Субарктики, говорят на языках, близких друг к другу. Язык секани схож с языком бивер, а также сарси. Тальтан, тэгиш и каска очень схожи между собой и даже считаются вариантами одного языка. Язык хан близок к языку кучин, и они легко взаимопонимаемы.

В настоящее время почти все североатабаскские языки существуют и используются хотя бы в одной из общин. Вымер только язык цецаут. Но положение разных языков несравнимо: на одних говорит большинство населения, в том числе дети, они служат основным языком общения, увеличивается число их носителей (например, язык догриб); на других разговаривает часть детей, главным образом в отдаленных поселках; на третьих дети уже не разговаривают и даже не учат их в школе⁴

Нужно иметь в виду, что на языках хан, кучин, тутчон разговаривают по обе стороны американо-канадской границы. Кстати, даже беглое сравнение положения атабаскских языков в США и Канаде явно не в пользу США. В 70-х годах из 22 тыс. канадских атабасков около 12 тыс. считали аборигенный язык родным и около 8,5 тыс. пользовались им в домашнем общении. На Аляске из 8 тыс. атабасков только 2,5 тыс. говорили на родных языках (главным образом люди старше

40 лет), что предвещает их неминуемое и сравнительно скорое исчезновение (холикачук и танана — к 2015 г., атена, ингалик, коюкон и хан — к 2030 г., остальные — примерно к 2055 г.⁵).

Есть ли будущее у индейских языков?

Однако так ли безнадежно положение языков канадских атабасков и других аборигенов? В известном докладе комиссии по расследованию возможных последствий строительства нефте- и газопровода в районе долины р. Маккензи судья Т. Р. Бергер отмечает, что «во многих общинах долины Маккензи и Западной Арктики аборигенные языки еще сохраняют сильные позиции. В этих местах коренные жители разговаривали в ходе слушаний через переводчиков, а владевшие двумя языками часто предпочитали общаться на своем родном». В таких местах, как Форт-Франклин, Рей-Лекс, Форт-Лиард, Траут, первый язык, который учат дети,— аборигенный. Более того, до школы он остается их единственным языком. В других общинах, например находящихся в дельте р. Маккензи, употребление аборигенного языка уже настолько сократилось, что дети и молодежь пользуются сейчас английским, а не родным языком. Но даже в этих общинах молодые люди владеют пассивным знанием аборигенного языка. «Коренные жители хотят, чтобы их языки сохранились и стали частью их будущего»⁶,— приходит к заключению Т. Р. Бергер.

При оценке ситуации необходимо учитывать, что в последние одно-два десятилетия произошли очень существенные сдвиги в области индейского образования, в частности изучения аборигенных языков. В 1981—1982 гг. около 34 тыс. школьников в Канаде изучали или даже обучались на языке аборигенов. Сфера образования стала одной из важнейших, где сегодня в какой-то мере решается будущая судьба индейских языков. Исключительно сильное и постоянно возрастающее культурное влияние оказывают радио и особенно телевидение, которые представляют наиболее серьезную угрозу родным языкам аборигенов, но в то же время могут быть поставлены на службу этим языкам даже быстрее, чем система просвещения, требующая времени и больших усилий для создания алфавита, литературы и развития грамотности.

Укрепление позиций аборигенных языков проявляется и в таких формах, как расширение аборигенного телерадиовещания и рост печатной продукции, в том числе периодических изданий — газет и журналов, издаваемых индейскими и эскимосскими организациями и общинами. Примечателен в этом отношении опыт канадских эскимосов.

В 80-е годы XX в. для очень многих канадских аборигенов родной язык остается одним из основных средств осознания своей принадлежности к коренному населению страны. Причем это осознание принадлежности к единой этнокультурной общности имеет место и среди таких, казалось бы, лингвистически неоднородных аборигенных групп, как, скажем, атабаски. Большинство их до сих пор продолжают жить в условиях, когда окружение составляют только носители других атабаскских языков и редко можно слышать какую-либо иную аборигенную речь. Однако жители соседних общин обычно надеются на понимание языка друг друга если не сразу, то после некоторой практики.

И все же главная тенденция, характеризующая этноязыковую ситуацию среди коренного населения, состоит в ослаблении использования и сохранения аборигенных языков, в языковой ассимиляции в пользу английского языка, что в конкретных условиях Канады отрицательно сказывается на сохранении аборигенными этносами своей культурной самобытности в целом.

Плоды просвещения: горький опыт и новые надежды

Мы хотим закончить школу
и изменить хоть что-нибудь
в своей жизни.
Совсем как ваши дети.

*Из интервью школьницы резервации Пайн-Ридж
корреспонденту радиостанции штата Юж. Дакота,
1984 г.*

Индийские дети
будут продолжать
оставаться чужаками
в классных комнатах

канадских школ, пока школьные программы
не признают индейские обычаи и ценности,
языки и вклад индейских народов
в канадскую историю.

*Из программы Национального братства
индейцев Канады, 1972 г.*

США

В колониальный и раннереспубликанский периоды индейские народы США не имели письменности. Однако уже в 20-е годы XIX в. усилиями чирокского просветителя Секвойи (Джеймса Джиста) на основе латинской графики была создана письменность для его народа, которую затем с изменениями, необходимыми для соответствующих языков, заимствовали соседи чироков —

чокто, чикасо и крики. Советы всех этих племен, оценив важность изобретения Секвойи, сделали немало для просвещения своих народов. Повсеместно были открыты школы для взрослых, стало обязательным обучение детей. С конца 1820-х годов чироки и чокто начали выпускать еженедельные газеты «Чироки феникс» и «Чокто телеграф» с параллельными текстами на английском и аборигенных языках. В итоге упомянутые народы даже в то далекое время сумели достичь почти всеобщей грамотности, чем, собственно, не могло тогда похвастаться евроамериканское население страны. Однако данный пример в XIX в. все же был единичным, и основная масса коренных народов Соединенных Штатов была необразованной в современном значении этого понятия.

Американские власти испокон веку относились к идее обучения индейцев грамоте весьма позитивно, поскольку это, по их мнению, должно было содействовать просвещению «дикарей», постепенному приобщению их к «цивилизованной» жизни. Однако, взяв на себя ответственность за прогресс и просвещение коренных жителей в договорах с индейцами в первой половине XIX в., федеральное правительство ничего не предпринимало для этого на практике. Первыми учителями индейского населения стали различные христианские миссионеры.

Целью миссионерского обучения было не только приобщение индейцев к религии, как это обычно упрощенно трактуется, но и обучение их ремеслам, приемам сельского хозяйства, основам домоводства и началам грамоты — словом, всему тому, что могло приблизить коренного американца к статусу цивилизованного человека. Основным инструментом обучения в миссиях стали интернаты, идея создания которых принадлежала пуританскому проповеднику XVIII в. Э. Уилкоку, считавшему необходимым во имя просвещения оградить индейских детей от влияния их семей. Но именно это-то и не устраивало родителей, потому что в условиях традиционного жизнеобеспечивающего хозяйства индейских общин даже детские руки представляли немалую ценность. Кроме того, узнав вскоре о плохом отношении к детям в миссионерских школах, индейцы в большинстве случаев перестали отдавать их туда. В итоге результаты обучения в миссиях оказались малозаметными.

Начиная со второй половины XIX в., после переселе-

ния индейских племен в резервации и установления над ними опеки конгресса, к процессу обучения коренного населения наконец подключилось федеральное правительство. Его цели и методы, однако, были полностью заимствованы из арсенала миссионеров. Единственным способом выучить молодого индейца считалось направление его в находившийся в ведении БДИ интернат, чтобы «отлучить (ребенка) от языка и привычек его невежественных, а зачастую и диких родителей». Подобная установка на насильственную интеграцию в евроамериканскую культуру, на подавление индейской самобытности, просуществовавшая до 30-х годов XX в., определяла социальный климат интернатов с поистине палочной дисциплиной и мелочной, унижительной и постоянной опекой над ребенком. Выходец из общины Якима индейский историк Л. Селлам, прошедший через это испытание, вспоминал: «Я бы сравнил интернаты с воинскими казармами, исправительными домами или тюрьмами».

Бесчеловечное отношение к детям в интернатах БДИ вызывало протест коренного населения, который с конца 20-х годов нашего столетия стали поддерживать не только представители демократической общественности США, но и многие либеральные политики. Вдобавок практикуемая в этих учебных заведениях палочная педагогика, усугубляемая отрывом ребенка от семейного круга, не могла не привести к самым плачевным последствиям в плане усвоения индейской молодежью знаний. Это выявилось, в частности, при обследовании образовательного уровня населения резерваций в 1928 г. Оно установило, что свыше 50 % юных индейцев с согласия родителей уклонялись от учебы в интернате вообще, а остальные выходили оттуда малограмотными, как правило не завершив даже шести-восьмилетнего курса неполного среднего образования.

Подобные «успехи» побудили правящие круги Соединенных Штатов начиная с 30-х годов пересмотреть политику в области просвещения коренных жителей. Было признано целесообразным обучать их без отрыва от родного окружения и родительской опеки хотя бы на стадии начального образования. С этой целью БДИ переформировало почти все свои интернаты в дневные школы, которые получили официальное наименование индейских школ или школ БДИ. Индейские школы в по-

давляющем большинстве были начальными с четырехгодовичным обучением. Что же касается среднего образования, то правительство страны, ссылаясь на то, что с 1924 г. индейцы приобрели американское гражданство, стало поощрять посещение их детьми обычных общеобразовательных школ, находящихся поблизости от резерваций. Акцент при этом делался на еще более активное вовлечение коренных жителей в социально-экономическую структуру страны путем совместного обучения с неиндейцами по типовым программам. Все эти нововведения в начале 50-х годов были законодательно закреплены. Таким образом, новизна подхода к проблеме образования индейцев коснулась исключительно его формы, а не сути, оставшейся неизменной — ассимилировать их любым путем.

Новая система образования, созданная доминирующим обществом для коренных американцев, в определенной мере изменила к лучшему их просвещение. Здесь следует прежде всего указать на то, что расширился охват молодых индейцев школами разного типа. Во второй половине 50-х годов занятия посещали уже почти 77 % детей школьного возраста, к концу 60-х годов этот показатель превысил 90 %. Причем интересно отметить, что более $\frac{2}{3}$ индейских школьников посещали государственные школы и только $\frac{1}{3}$ — школы БДИ*.

Без сомнения, обучение в государственных школах объективно создавало возможности получения и усвоения коренным населением современных знаний. В этом и заключался позитивный итог образовательных реформ 50-х годов. Однако время показало, что такие возможности не могли быть реализованы в рамках мер, разработанных без участия индейцев и игнорировавших их ценностные установки. Ассимиляционистский подход к образованию коренного населения привел к тому, что содержание обучения оказалось насыщено информацией уничижительного характера в отношении индейских культур, истории, обычаев. Как показал анализ, осуществленный Национальным консультативным комитетом по образованию индейцев, свыше 100 исторических текстов, включенных в американские учебники, формировали в отношении коренных жителей такие

* В миссионерских и частных школах в это время училось менее 5 % индейцев.

негативные стереотипы, как «бездельник», «кровожадный дикарь», «пьяница», «человек со слабым интеллектом» и пр., создавали ложную и обедненную картину жизни индейских народов.

Такое содержание учебных программ не могло не усилить дискриминацию и расовую нетерпимость к индейцам-школьникам со стороны как сверстников, так и преподавателей, многие из которых даже не пытались понять юных коренных американцев и смотрели на них как на ленивых, пассивных, неумелых учеников. Приведем здесь красноречивое свидетельство Ф. Каша, ныне одного из лидеров общины южных юте. «Ощутить проблему своего индейского „я“, давление со стороны учеников и отсутствие моральной поддержки учителей мне довелось в старших классах общеобразовательной школы, расположенной по соседству с резервацией, — вспоминал он. — Именно в этой школе я столкнулся с прямой и косвенной дискриминацией. Например, за мой не совсем точный ответ на вопрос преподавателя английского языка я в первый же день занятий был переведен в класс со слабым составом учащихся, где большинство учеников были индейцы. На занятиях по языку новый педагог оставлял нас читать старые газеты, а сам занимался своими делами»¹

Ф. Кашу ценой огромных усилий, правда, удалось закончить школу, а затем и университет. Однако удел большинства его сверстников в 60-е годы был иным. Попав в аналогичные условия, где их самосознание подавлялось, а национальное достоинство ущемлялось, они с трудом приспособивались к требованиям общеобразовательной школы, учились без особого желания. Следствием этого становились плохая успеваемость и крайне высокий — порядка 45 % — отсев учащихся из школ, приходившийся в основном на старшие классы. В отдельных случаях этот показатель выглядел еще более удручающе. Обследование в 1967 г. школ Миннеаполиса выявило уровень отсева учеников-индейцев — 67,5 %.

Конкретные причины, препятствовавшие индейской молодежи закончить среднюю школу, были различными, но сводились в основном к следующим: 7,5 % случаев ухода из старших классов было связано с обстоятельствами объективного характера (отчисление по болезни, перевод в другое учебное заведение); 13,5 % — с изме-

нением семейного положения учащихся, главным образом вступлением в брак; 5,9 % — с академической неуспеваемостью и 20 % — с экономическими причинами — необходимостью трудоустройства молодого человека ввиду бедности его родителей. Эти данные в свое время истолковывались американскими средствами массовой информации как якобы наглядное свидетельство безответственного отношения коренных американцев к учебе как таковой. В действительности же небольшие успехи школьников-индейцев в первую очередь были отражением достаточно тяжелых социальных условий существования индейского населения в 60-е годы. Как справедливо отметил индейский публицист В. Делориа, «если дети живут в общине, пораженной нищетой, их успехи в учебе будут слабыми. Если их родители мало читают или не читают вовсе, разговаривают между собой односложными, примитивными фразами... или вообще ведут себя неподобающе, скорее всего, их потомство, пойдя по их следам, будет отставать по всем школьным предметам». Таким образом, индейская молодежь очутилась в порочном круге «нищета — низкий образовательный уровень — нищета». Этот факт подтвердили в конечном счете даже официальные статистические данные. В 60-е годы в США — стране с практически всеобщей грамотностью населения — 14 % взрослых индейцев, не учившихся ни одного года, были полностью неграмотными; 13 % имели лишь начальное образование (1—4 года учебы); 40 % — неполное среднее (5—8 лет учебы) и 33 % — среднее. Количество лиц, сумевших получить высшее образование, исчислялось единицами. Все это говорило о полном крахе попыток правительства страны интегрировать детей индейцев в общеамериканскую систему образования.

Навязанная в 50-е годы индейским народам система обучения не могла не вызывать их недовольство, особенно усилившееся с конца 60-х годов. К примеру, повсеместно распространенной стала критика дискриминации и предрассудков, бытовавших в отношении индейцев в американских школах, осуждение невнимательного отношения к ним персонала учебных заведений и т. п. Но при этом важно подчеркнуть, что даже самые резкие критические высказывания ряда коренных американцев по вопросам образования не ставили под сомнение необходимость просвещения и приобщения

к современным знаниям. Точно так же относились к этому и дети индейцев, что очень хорошо выразила школьница из резервации оглала в беседе с корреспондентом радиостанции штата Южная Дакота: «Мы хотим закончить школу и изменить хоть что-нибудь в своей жизни. Совсем как ваши дети».

Преодолеть издержки существовавшей в тот период системы образования коренного населения, по единодушному убеждению большинства его лидеров, можно было, во-первых, установив контроль общин над обучением индейской молодежи и, во-вторых, изменив содержание образовательного процесса так, чтобы он содействовал сохранению индейской самобытности и культурной специфики. «Индейцы должны обучаться на хорошем уровне, но при этом должно уделяться внимание их традициям и ценностям. В прошлом индейца-школьника насильно вынуждали «влииться в основной поток», оставив побоку свою индивидуальность. Те, кто учит индейцев, должны поменять этот стиль... на бережное отношение к их культурным установкам, которые являются основой существования каждого коренного народа. Гордость, что ты — индеец, должна поощряться. Нужно развивать это чувство», — подчеркивалось в этой связи в детальных предложениях общины апаче уайтмаунтин по реформе системы индейского образования. Данные предложения предусматривали также развитие школьного обучения непосредственно на территориях общин, предоставление индейским детям возможности изучать свои языки, историю, культуру, изменение школьных программ в общеамериканских школах в плане искоренения лжи о коренном населении. Наконец, выдвигалось требование финансовой помощи государства всем этим начинаниям.

Предложения индейцев были настолько справедливы, что в их поддержку выступило немало представителей правящих кругов США, призвавших власти изменить «порочную практику вынуждать коренного жителя поступаться своей самобытностью, принимать через нашу систему образования ценности доминирующего общества». Поэтому в 1972 г. в рамках перехода к политике содействия самоопределению индейского населения был издан закон об образовании индейцев, гарантировавший определенный уровень материальной поддержки их просвещению. Он был достаточно высок и

в период с 1972 г. по середину 80-х годов составлял в среднем около 57 млн долл. ежегодно. В дополнение к этому ряд статей закона о содействии самоопределению общин 1975 г. установил их право контролировать обучение подрастающего поколения.

Индейские сообщества сразу же поспешили воспользоваться предоставленными им возможностями. Прежде всего активизировались строительство новых и реконструкция старых школьных зданий. Причем воодушевленные идеей реформы обучения лидеры отдельных резерваций демонстрировали порой подлинную самоотверженность. Например, совет общины Фландрю (Южная Дакота) с 1972 г. отказался от получения зарплаты за свой труд, перечисляя фонд заработной платы в размере 100 тыс. долл. в год сперва на строительство школы, а затем на другие нужды образования своего народа. Но главным направлением деятельности руководства общин все же стало установление контроля над работой 1,2 тыс. школ и немногочисленных интернатов БДИ. Коренным американцам наконец удалось добиться от Бюро пересмотра учебных программ под углом «индеанизации». Это было достигнуто благодаря введению в обучение специальных курсов истории и культуры индейских народов, которые читались в каждой возрастной группе школьников: в начальных классах — не менее пяти часов в неделю, а в классах средней ступени — не менее десяти часов в неделю. Эти курсы, отмечалось в заявлении консорциума индейских школ Аризоны, «были разработаны, с тем чтобы развивать чувство национального достоинства индейцев... сформировать у них позитивную концепцию самовосприятия и самовыражения, активизировать личные качества».

Эти и подобные им установки реализовывались на практике по-разному. В интернате Уэпетон, перешедшем под контроль общины сиссетон, основной акцент в обучении детей был сделан на рассмотрение вклада коренных народов в американскую цивилизацию. Педагоги интерната, по словам его директора Э. Хорна, переработали курс истории страны, включив в него материалы, подтверждающие существование индейского пласта американской культуры. «Все американское — индейское по происхождению, от нашего демократического государственного устройства (позаимствованного Б. Франклином у конфедерации ирокезов) до ломтиков

сушеного картофеля, которые любой мальчишка жует во время трансляции спортивных программ (кушанье это изобрели мохавки), — пошутил Хорн. — Все это помогает, однако, ученику ощутить чувство гордости и уважения к себе и как к индивиду, и как к представителю коренного населения, и как к гражданину США»²

В школе общины санта-ана основное внимание учебной программы было сконцентрировано на изучении традиционных ремесел и искусства народов пуэбло. Параллельно с этим упор был сделан и на физическое развитие детей. Достаточно сказать, что в этой довольно скромной по величине школе обучение физкультуре осуществлялось и осуществляется по семи дисциплинам — американскому футболу, бейсболу, софтболу, волейболу, баскетболу, легкой атлетике и туризму. Уровень подготовки учащихся этого заведения, согласно результатам многочисленных тестов, выше, чем в среднем по штату Нью-Мексико.

Особые усилия направили индейцы и на совершенствование профессионального образования молодежи. С этой целью при содействии правительства США в начале 70-х годов в окрестностях г. Альбукерке было открыто учебное заведение особого типа — Юго-Западный индейский политехнический институт (ЮЗИПИ). ЮЗИПИ представляет собой летний интернат, где в каникулярное время старшекласники постигают основы среднеспециального технического обучения по таким дисциплинам, как компьютерная техника, радиоэлектроника, точная оптика, лазеры, телекоммуникация. Через ЮЗИПИ ежегодно проходит по 500 слушателей, многие из которых впоследствии углубляют свои знания в колледжах и университетах.

Ряд общин предпринял попытки возродить родные языки путем включения их в школьные программы в качестве отдельной дисциплины. Такое решение, в частности, приняли советы резерваций навахо, хопи, оглала, чокто штата Миссисипи, якима, некоторые группы пуэбло. В школах, контролируемых этими общинами, в начальных классах ведутся обычные и игровые уроки родного языка; в средних классах он постигается более основательно — с подробным изучением грамматики и лексики, немалую пользу этому принесло внедрение в учебный процесс школьных компьютеров и иных технических средств обучения. Впрочем, аналогичные по-

пытки пока не получили массового распространения среди большинства индейских народов. Отчасти это связано с нехваткой, а порой и отсутствием учебных материалов, недостаточным количеством преподавателей индейских языков. Однако более важное препятствие — это утрата родного языка и переход на английский целыми индейскими народами (см. гл. 6).

Если говорить в целом об итогах титанических усилий индейских сообществ по реконструкции системы образования молодежи, то нельзя не увидеть те позитивные сдвиги, которые произошли после принятия законов 70-х годов. И здесь прежде всего стоит указать на общее увеличение посещаемости школ детьми соответствующего возраста. На уровне начальных классов и классов средней ступени она стала практически стопроцентной. Причем важно то, что на этих стадиях обучения заметно повысилось его качество: результаты тестирования школьников-индейцев, посещавших школы в резервациях, показали, что по сравнению с концом 60-х годов к 1985 г. техника чтения у них повысилась в 2 раза, письма — в 3,5, знание элементов математики — в 2,2 раза. Сократился и процент отсева. На уровне неполной средней школы (8 лет обучения) он снизился до 9 %. Правда, на уровне старших классов отсев учащихся, хотя и снизился относительно того, каким он был 20 лет назад, к настоящему времени остается весьма высоким — около 35 %. Все же доля лиц среди коренных американцев, получивших среднее образование в полном объеме, к началу 80-х годов почти достигла общенациональных показателей. Индейцы также почти догнали белое население по среднему числу лет обучения.

Достаточно заметным оказался и сдвиг в области высшего образования. Если в 60-е годы встретить студента-индейца в университетах США было весьма трудно, то к началу 80-х годов в них учились около 26 тыс. представителей коренных народов. (Здесь, однако, нельзя умолчать о том, что в долевого отношении количество индейцев с высшим образованием — около 15 % — почти в 2 раза меньше, чем среди белого населения.) Наконец, поистине новым явлением в американской жизни стали индейцы с учеными степенями. За истекшие 15—20 лет доля представителей коренного населения, получивших степень магистра, увеличилась на 72 %, бакалавра — на 74, доктора — на 90 %. Од-

нако в количественном отношении число их пока невелико и не превышает нескольких сот человек.

К сожалению, перечисленные выше факты — лишь одна сторона нынешнего положения дел с образованием коренного населения США, характеризуемого, как и ранее, рядом острых проблем. Прежде всего необходимо иметь в виду, что позитивные изменения затронули в основном начальную и среднюю ступени школы. Именно на этом уровне и был достигнут, к примеру, полный охват индейских детей всеми видами обучения. Посещаемость на уровне старших классов все же сохранялась и сохраняется до настоящего времени относительно невысокой, а отсев, напротив, значительным. И здесь уместен такой факт. Выборочное обследование уровня образования коренных американцев в ряде районов г. Сан-Франциско (1984 г.) показало, что 12 % мужчин старше 25-летнего возраста имело не более 8 классов образования.

Ограниченными оказались и успехи в области изменения содержания образования школьников-индейцев. Поставить заслон на пути искажения истории коренных народов удалось только в контролируемых общинами индейских школах. Но ведь в них, как известно, обучается $\frac{1}{3}$ детей. Остальные, посещая обычные школы, по-прежнему вынуждены воспринимать там тенденциозно-стереотипные оценки и характеристики индейского населения. В этой связи понятен пессимизм одного из руководителей консорциума индейских школ Аризоны, С. Мальдонадо. Во время слушаний в конгрессе в 1984 г. он подчеркнул, что изменить данную ситуацию коренным образом можно, лишь «уничтожив негативное отношение одних этнических групп страны к другим». Эти и подобные им обстоятельства, как мы видим, изменить в рамках реформы начала 70-х годов не удалось. В настоящее время в дополнение к названным проблемам образования индейцев США на передний план выдвинулась проблема качества обучения.

Обострение в 80-е годы вопросов, связанных с качеством школьной подготовки индейской молодежи, не случайно. Решение проблемы охвата детей школьного возраста учебными заведениями, уменьшение отсева из школы, введение в учебные программы специальных дисциплин, необходимых для сохранения национальной специфики коренных американцев, — все это позволило

лидерам общин наконец сконцентрировать свое внимание на аспекте качества учебы, которое по американским меркам было и остается далеко не идеальным. Изучение оценок старшекласников-индейцев по основным дисциплинам в штатах атлантического побережья в 1983 г. показало, что они в 1,2 раза хуже своих белых сверстников знали математику и в 1,5 раза медленнее читали. Эти факты вызвали обоснованную тревогу общинного руководства, понимавшего, что издержки школьного обучения создадут реальную угрозу будущей конкурентоспособности индейской молодежи на рынке труда. И такие опасения подтвердились. По данным Аризонского центра образования индейцев, в настоящее время 63 % опрошенных коренных американцев, как выяснилось, не обладали достаточными для жизни в современном обществе знаниями в области экономической системы страны, 69 % были не в состоянии адекватно ориентироваться на рынке потребительских товаров и 75 % располагали недостаточной информацией в сфере американского законодательства и правовой культуры. «Мы вновь испытываем сейчас кризис образования наших детей, — прокомментировал данную ситуацию совет общины навахо. — Его нельзя называть кризисом обучения... так как им есть, где учиться. Но наших детей обучают на значительно более низком уровне, чем их белых сверстников. Это и есть современный кризис образования»³. Иными словами, законодательство первой половины 70-х годов так и не смогло к настоящему моменту разрешить некоторые проблемы просвещения коренного населения США.

Американские правящие круги, как явствует из многочисленных заявлений их представителей, прекрасно осведомлены о низком качестве школьной подготовки индейцев. Причину этого они видят, однако, в общинном контроле над учебными заведениями и «индеанизации» содержания школьных программ, якобы осуществленной в ущерб общеобразовательным предметам. По-иному смотрят на это сами коренные американцы. По их мнению, первопричина нынешней кризисной ситуации в школах резерваций — недостаточность финансовых ресурсов общин, которые, несмотря на государственную помощь, гарантированную законом 1972 г., в среднем в состоянии тратить ежегодно на обучение одного школьника всего 3,4 тыс. долл., что без малого в 8 раз

меньше суммы, которая составляет средний показатель по стране. Вследствие этого индейские сообщества постоянно испытывают нехватку современного школьного оборудования, в особенности электронно-вычислительной техники. Со скудностью средств связана и проблема квалифицированных учительских кадров в индейских школах. Безденежье не позволяет, к примеру, решить на приемлемом уровне вопрос жилья и оплаты труда преподавателей в резервациях. Отсюда и сверхвысокая текучесть приезжих квалифицированных педагогов. Заполнить же учительские вакансии представителями коренного населения также не удастся ввиду пока еще недостаточного количества дипломированных специалистов среди индейцев.

Поскольку власти и коренные американцы по-разному смотрят на причины недостаточного уровня обучения в индейских школах, каждая сторона по-своему видит и выход из данного тупика. Правящие круги страны, в особенности в период президентства Р. Рейгана, постоянно выступали с предложениями упразднить школы БДИ как таковые, полностью переведя обучение индейской молодежи в русло обычных общеобразовательных школ. С этой целью были приняты меры по сокращению бюджета индейских учебных заведений, как прямые (на 20 % уменьшилось их субсидирование), так и косвенные (повысились ассигнования на нужды образования иных этнических групп из фондов, предназначенных по закону 1972 г. индейскому населению). Коренные американцы категорически против этого. По справедливому мнению Т. Джексона, вице-президента оклахомского комитета по образованию индейцев, «до тех пор, пока на общенациональном уровне не будет решен вопрос о преподавании курсов индейской истории и культуры, пока сохраняется разница социально-экономического положения неиндейских и индейских семей, дети индейцев во время школьного обучения не смогут удовлетворять специфические запросы коренных жителей. А это пока может быть достигнуто исключительно в рамках индейских школ. Поэтому коренное население настаивает на сохранении их материальной поддержки со стороны федерального правительства столь долго, сколь это будет необходимо»⁴.

Наконец, еще одной новой проблемой, также возникшей в связи с сокращением государственных субсидий

на просвещение американских индейцев, стало будущее немногих оставшихся в резервациях школ-интернатов. К середине 80-х годов в стране сохранилось всего 12 таких заведений, включая ЮЗИПИ. В них теперь учатся не так уж много школьников-индейцев: в 80-е годы ежегодно из интернатов выходило в среднем около 3 тыс. человек, из которых почти половина приходилась на самую крупную школу данного типа — Интермаунтин (Северная Дакота). При этом за истекшие 20 лет годовой выпуск учащихся интернатов постоянно уменьшался, снизившись по сравнению с концом 60-х годов в 3 раза. Но поскольку содержание ученика в интернате в среднем стоит более 10 тыс. долл. в год, т. е. почти в 2,5 раза дороже учебы в дневной индейской школе, американские власти в 1982 г. приступили к осуществлению программы постепенной ликвидации (к началу 90-х годов) школ-интернатов и превращению их в обычные дневные учебные заведения.

Эти планы натолкнулись на сильное сопротивление индейцев, заявивших, что для части их молодежи интернат — единственное средство получить среднее образование, а в будущем — более или менее квалифицированную работу. На первый взгляд подобная позиция выглядит довольно неожиданной: коренные американцы выступили в защиту ненавистных в прошлом учебных заведений. Но объяснение этому довольно простое. Взятые под контроль общин интернаты в современных условиях, которые зачастую негативно влияют на стабильность и моральный климат индейских семей, приобрели очень важную социальную функцию охраны детства. Вот как проиллюстрировал это директор индейского интерната Марти (Южная Дакота) Б. Арэнд: «Мы — заведение, опекающее детей все двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю, заботящееся о нуждах почти ста подростков. Во многих случаях их сюда помещали социальные службы общин. С просьбой принять ребенка обращались к нам и судебные органы. А часто дети сами приходили к нам из-за ужасных домашних условий, вызванных нищетой семьи или алкоголизмом родителей»⁵

Потребность в интернатском обучении подтвердило и обследование семейного положения детей индейцев, учившихся в интернате Кончо (Оклахома) в 1983 г. Подавляющее большинство их оказались выходцами из

неблагополучных семей: 60 % жили ранее в неполной семье, как правило, с матерью, брошенной отцом, 14 % — с опекуном, 2 % были круглыми сиротами. Только 24 % имели обоих родителей. Что же касается причин, вследствие которых дети оказались в Кончо, то первое место среди них занимала нищета родительской семьи; второе — невозможность учебы в обычной общеобразовательной школе (в основном это результат дискриминации); третье — алкоголизм родителей. И только после этих трех причин назывались особенности личного поведения ребенка и плохое состояние здоровья его родных, не имевших вследствие этого возможности следить за учебой подростка. Все это лишний раз говорит о том, что, пока коренное население будет отставать от белых сограждан по показателям уровня и качества жизни, будут сохраняться и социально-экономические предпосылки вынужденного отрыва детей от родственного окружения во имя нормального их воспитания. В этом контексте хотелось бы привести горькое, но искреннее признание одного из учащихся интерната Уэпетон (Южная Дакота): «Я люблю свой интернат. Я живу в нем уже шесть лет, и тут у меня много друзей. ...Когда я узнал, что интернат могут закрыть, я пришел в ужас. Я не хочу, чтобы это произошло. Они (власти.— Авт.) не должны его закрывать — большинству здешних учащихся тогда будет некуда деться»⁶

Итак, в деле просвещения индейского населения США наряду с бесспорными успехами сохранилось достаточно старых и появилось немало новых проблем, разрешить которые можно, лишь нацелив всю систему образования коренных американцев на удовлетворение их специфических потребностей и ценностно-культурных запросов. Сами индейцы убеждены, что это может быть достигнуто при дальнейшем расширении и углублении общинного контроля над учебной молодежи. Но произойдет ли это в ближайшем будущем — пока говорить трудно.

*****
КАНАДА

До европейской колонизации языки канадских аборигенов не имели письменности. Позднее, главным образом усилиями миссионеров и отдельных образованных

индейцев, была разработана на основе латинского алфавита письменность для большинства индейских народов. Наибольший прогресс наблюдался среди алгонкинских языков, носители которых имели самые ранние и интенсивные контакты с европейцами. В 1830-е годы священник Джеймс Эванс изобрел силлабическое письмо, так называемую «крийскую силлабику». Первоначально эта система предназначалась для языка оджибве, но кри был первым языком, на котором силлабику использовали для печатания книг — почти исключительно текстов Библии. Не случайно силлабика равнинных кри служила языком богослужения для северных оджибве англиканского вероисповедания, хотя разговорный язык у этих индейцев был другим. Уже в XIX в. силлабикой пользовались не только церковники. Служащие Компании Гудзонова залива и другие коммерческие фирмы и компании печатали и распространяли среди коренного населения информации о поставляемых товарах (прежде всего списки товаров с ценами), разного рода рекламу. Знавшие грамоту индейцы предпочитали силлабику при переписке. Достоинство этой системы было в простоте заучивания алфавита.

В XX в. силлабика стала использоваться индейцами атабасками, а также эскимосами, а в 60—80-е годы в связи с общим изменением ситуации в области индейского образования значение силлабического письма заметно возросло: оно все шире используется при печатании газет, журналов и образовательных материалов для коренных жителей. Причем силлабике отдается предпочтение теми индейскими народами, чьи аборигенные языки сохраняются наиболее сильно. Там, где языки на грани исчезновения, индейцы пользуются чаще латинским алфавитом. Но к началу 80-х годов не было стандартной латинской орфографии для всех диалектов кри и оджибве. Отсюда возникает сложная проблема создания учебников аборигенных языков. Даже у наиболее многочисленных народов ситуация далека от благополучия. Скажем, у кри имеется достаточно надежный и доступный учебник Д. Эллиса, который он в свое время разработал на основе стандартной латинской орфографии для письменности языка кри. Учебник был опубликован в 1962 г., а в 1983 г. вышел дополненным изданием. Однако следует иметь в виду, что он составлен на основе диалекта кри, живущих у залива

Джеймс. Их наречие сильно отличается от диалекта равнинных кри.

Единственное доступное учебное пособие по языку равнинных кри — это опубликованный в 1954 г. курс интенсивного обучения. Его автор — Мэри Эдвардс. Порочность этого издания заключается не столько в идущей от английского языка идиоматике (обычная слабость многих книг о языке кри), сколько в его содержательной стороне. Предложения и тексты создают обедненную картину жизни народа кри, способствуют сохранению ложных стереотипов об индейцах как о «пьяницах и лентяях». Показательны предложения-примеры, приведенные на одной из страниц учебника Эдвардс: «Он побил свою жену прошлым вечером», «Он был опять пьян», «Он всегда пьян», «Он не может бросить пить»⁷ Причем вышедшие в 1979 и в 1982 гг. новые издания этого учебника сохранили уничижительные для индейцев тексты.

Среди аттикамек (группа кри) в Квебеке распространилась орфография, основанная на французском, так как эти индейцы в большинстве знают французский язык. Для индейцев монтанье также издан франкомонтанье словарь. Различные орфографии используются и среди группы оджибве.

Необходимо отметить, что наличие системы письма еще в XIX в. не означало каких-либо существенных сдвигов в образовании коренных жителей. Формально сначала колониальные власти Англии, а затем, после 1867 г., федеральное правительство Канады несли ответственность за обучение статусных индейцев, но фактически до 1950-х годов все эти вопросы были в ведении церковных организаций. Наиболее распространенным типом школ, где обучались дети индейцев, были миссионерские школы-интернаты, принадлежавшие преимущественно католическим, пресвитерианским и англиканским миссиям и частично финансировавшиеся федеральными властями. Кроме этого министерство по делам индейцев содержало дневные индейские школы в резервациях и сезонные школы в северных районах, организуемые в местах более или менее продолжительного пребывания индейцев, которые вели кочевой образ жизни.

С начала 50-х годов в Канаде был взят курс на обучение детей индейцев в общих школах, чтобы путем совместного обучения с неиндейцами еще более активно

осуществлять политику ассимиляции, а заодно снять с федерального правительства обязательства в отношении образования коренного населения. В принятом в 1951 г. Индейском акте были законодательно закреплены основные направления политики в области обучения индейских детей, в том числе устанавливалось обязательное посещение школы детьми от 6 до 16 лет.

Навязанная евроканадским обществом система образования противоречила коренным интересам индейских народов, вызывала недовольство со стороны родителей и апатию со стороны детей и подростков. Многие индейские дети с огромным трудом адаптировались к существовавшей школьной системе, были вынуждены по нескольку раз начинать обучение в первом классе, без особого желания покидали родные места после окончания начальных школ в резервациях, чтобы продолжить образование в миссионерских интернатах, а чаще всего просто прекращали учиться, несмотря на настояния церкви, особенно римско-католической, о посещении седьмых и восьмых классов в церковных школах.

Внешний контроль за обучением индейских детей, особенно в миссионерских и интернатских школах, имел самые негативные последствия для культуры индейцев. Как было заявлено в 1982 г. во время интервью с индейскими лидерами Саскачевана, «существовал расчет, что, изымая индейскую молодежь из родных домов и помещая их в чуждую среду, можно было уничтожить сердце и душу индейской культуры, осуществить процесс деиндеанизации индейцев. Особенно это касалось школ-интернатов, где индейцам не разрешалось разговаривать на их языке, отправлять свои религиозные культы, они не имели возможности изучать все то, что относилось к их самосознанию. Эти образовательные институты действовали по строго регламентированным программам и учебным планам, чуждым индейским школьникам»⁸

В конце 50-х годов только 63 % индейских детей и молодежи посещали школы, только 6 % индейских детей, поступающих в школы, заканчивали их и получали среднее образование. В стране, где фактически была всеобщая грамотность среди остального населения, большинство коренных жителей были неграмотными. Высшее образование тем более оставалось для них недоступным. В 1963 г. во всех канадских уни-

верситетах обучалось только 57 студентов-индейцев.

В 60-е годы власти взяли еще более решительный курс на обучение детей индейцев в общих провинциальных школах. Количество индейских школьников в провинциальных школах в те годы быстро росло, и в 1968 г. их посещало 50 % индейских детей. Провозглашенная в 1969 г. правительством новая индейская политика также предусматривала дальнейшую и в конечном счете полную интеграцию обучения индейцев в общеканадскую образовательную систему. Это намерение вызвало особую озабоченность индейского населения, ибо обучение в общих провинциальных школах не устраняло проблемы расовых предрассудков, огромного отсева индейских школьников в процессе обучения и низкого качества получаемого образования.

С начала 70-х годов проблема индейского образования выдвинулась на передний план во всем комплексе индейских проблем, отражая тем самым стремление самих индейцев преодолеть культурную отсталость. Наиболее сильные индейские общины и организации выступили с собственными программами и требованиями в этой области. В 1971 г. Ассоциация ирокезов и союзных индейцев, в которой лидерство принадлежало общинам мохавков, представила детальные предложения по улучшению и перестройке системы индейского образования. Они включали требования о повышении квалификации учителей, о привлечении педагогов, «знающих и понимающих культуру аборигенов, осознающих ее отличительность и способных удовлетворять запросы и интересы индейских детей». Выбор учителей должен осуществляться в общинах специальными комиссиями, состоящими прежде всего из родителей, что позволило бы им участвовать в образовательном процессе. Дети до восьмого класса должны обучаться на территории резервации, ибо, по мнению индейцев, «во время этих первых лет обучения по психологическим и социальным причинам ребенок должен находиться в кругу семьи и в родной общине, и попытки десоциализировать ребенка во время этого периода жизни имеют трагические последствия». Что касается средних школ, то желательно, чтобы они также были на территориях резерваций и индейских поселков или вблизи их. В этих школах должны обучаться дети не только индейцев, но и неиндейцев, как учатся дети индейцев в неиндейских школах. «Про-

цесс должен быть двусторонним, чтобы добиться действительно «бикультурного окружения». Учебные программы в таких интегрированных школах должны быть также интегрированными, т. е. включать изучение истории и культуры коренных жителей, чтобы закладывать основы взаимопонимания. Необходимо пересмотреть содержание учебников по канадской истории, ввести в средних школах и университетах преподавание индейских языков, фольклора и современной литературы⁹

В 1972 г. Национальное братство индейцев Канады разработало и представило министерству по делам индейцев и развития Севера собственную программу в этой области под названием «Индийский контроль над индейским образованием». Само название документа говорило за себя: от имени индейских общин общенациональная организация выдвинула требование немедленной реформы существовавшей системы обучения, а также изменения правительственной политики с целью расширения полномочий и участия индейского народа в решении вопросов обучения индейских детей. Программа предусматривала развитие школьного обучения на территории резерваций, предоставление индейским детям возможности изучать свой язык, историю, культуру, принятие мер по подготовке школьных учителей из числа коренных жителей, предоставление индейским общинам и ассоциациям прав на представительство в советах обычных провинциальных школ. Наконец, документ требовал изменений школьных программ в провинциальных школах для устранения ложных стереотипов и мифов о коренных жителях страны. «Индийские дети будут оставаться чужаками в классных комнатах канадских школ до тех пор, пока школьные программы не признают индейские обычаи и ценности, языки и вклад индейских народов в канадскую историю»¹⁰, — говорилось в программе.

В 70-е годы в итоге некоторых правительственных реформ и усилий самих индейских общин сложилась новая система индейского образования, которая характеризуется прежде всего разными уровнями контроля за обучением со стороны властей и местных общин. В настоящее время федеральное правительство полностью финансирует и осуществляет контроль только над некоторыми школами в отдаленных резервациях, где обучаются дети статусных индейцев. Это главным образом

начальные школы. Правительства провинций финансируют и контролируют образование нестатусных индейцев и около 50 % статусных индейцев и несут ответственность за подготовку учителей и учебных программ и материалов. Что касается самих индейских общин, то они получили право создавать в резервациях собственные школы при наличии достаточного количества учащихся и необходимых для этого средств, а также право иметь своих представителей в провинциальных советах школ, где обучаются индейские дети.

В 70—80-е годы по всей Канаде на территории резерваций стали открываться школы, контролируемые индейскими общинами и частично финансируемые властями. Если в 1970 г. в стране не было ни одной такой школы, в 1980 г. их действовало уже 137, и в них обучалось 8 % индейских школьников. В 80-е годы процесс передачи школ под контроль индейских общин шел еще быстрее. Так, например, в 1986 г. в Приморских провинциях осталось всего четыре федеральные школы для индейцев, но и они уже сильно отличались от печально известных школ-интернатов, ютившихся в крохотных помещениях. По мнению специалистов, проживающие в этом регионе микмак и малесит смотрят теперь на новые контролируемые общинами школы как на возможность «впервые в истории создать образовательные институты, в которые народы микмак и малесит глубоко бы поверили и за которые они могли бы испытывать чувство гордости»¹¹

«Без школы нет и общины» — такого подхода придерживались и индейцы тихоокеанского побережья в Британской Колумбии, где небольшие и сильно аккультурированные индейские резервации сделали отчаянную попытку через контролируемое общинами обучение детей восстановить и укрепить исчезающую культурную самобытность. В качестве наиболее наглядного примера специалисты называют попытку общины береговых сэлишей, проживающих на острове Сиберд, организовать собственную школу. В 1984 г. списочный состав общины включал 370 человек, но на острове жили около 235 человек, принадлежащих к диалектной группе халкомелем. Здешние сэлиши во многом утратили свою традиционную культуру, а вместе с этим и родной язык. Основные занятия живущих на острове индейцев — это разведение кур и производство яиц, обслу-

живание рекреационных объектов (футбольных и теннисных полей, спортивных залов), а также игорных заведений. Кроме этого индейцы выращивают овощи, держат небольшие стада рогатого скота. Дети местных жителей ходили в обычную общественную школу, где неизменно большинство их оказывалось в «специальных» классах для отстающих, а многие бросали школу, не проучившись и нескольких лет.

С 1 сентября 1978 г. по решению жителей была открыта контролируемая советом общины школа. В комитет по образованию вошли члены общины. Цели и задачи нового учебного заведения диктовались желанием индейцев дать детям такое образование, которое позволило бы им в равной мере занять должное место как в своей культурной среде, так и в окружающем канадском обществе. Однако главным был определен следующий принцип: «Образование должно способствовать развитию и сохранению нашей культуры, нашего языка и нашего образа жизни». Исходя из него, определялась и программа обучения, включившая помимо обычных академических курсов изучение языка халкомелем, художественных ремесел и других элементов традиционной культуры сэлишей. В преподавательском штате — несколько учителей индейского происхождения, прошедших специальные программы обучения при Университете Британской Колумбии в г. Ванкувере. В образовательном процессе активно участвуют родители и другие члены общины, особенно старшего поколения.

Особые усилия индейцы-сэлиши прилагают, чтобы возродить родной язык: в общине осталось всего несколько человек, способных свободно говорить на языке халкомелем. Сейчас уроки родного языка даются ежедневно с первого по шестой класс, разработаны собственными силами учебные материалы. Язык должны учить и все преподаватели, независимо от предмета. Помимо обычных уроков языка, игровых уроков, пения и чтения родной язык изучается более углубленно в пятых и шестых классах с помощью школьных компьютеров, в память которых заложен весь современный словарь языка халкомелем. Школа, таким образом, стала подлинным центром возрождения языка в этой индейской общине. Однако за пределами школы, в том числе в семьях школьников, это пока не привело к каким-либо

заметным сдвигам в употреблении аборигенного языка: родители знают язык слабо или совсем его утратили и дома разговаривают по-английски.

Большие и в целом позитивные перемены произошли в последние годы в районах Канадского Севера. Сегодня почти все общины, за исключением самых мелких, имеют начальные школы, а во многих школах открыты классы, дающие среднее образование. Это дает возможность детям индейцев и эскимосов не покидать свои дома на период школьного обучения. В тех общинах, где нет средней школы, дети для получения образования переезжают в более крупные центры, такие, как Уайтхорс и Доусон в Юконе или Инувик и Йеллоунайф в Северо-Западных территориях.

В 1986 г. в Северо-Западных территориях (СЗТ) действовало 74 школы, а в Юконе — 26 школ, из которых 10 были в Уайтхорсе. Эти школы находятся под контролем территориальных правительств или школьных советов общин. Система среднего образования в Юконе основана на школьных программах провинции Британская Колумбия, а в СЗТ — на программах провинции Альберта. Однако аборигенные общины все больше стараются приспособить школьное обучение к нуждам и интересам местных групп коренного населения. В Юконе в школьные программы включены курсы по изучению аборигенных языков, а в СЗТ во многих школах первые три года обучение ведется на инуктитуте и атабаскских языках. Имеются также курсы обучения охотничьему промыслу и природоведению с учетом географических особенностей Севера. Все больше учеников-аборигенов проходят курсы, готовящие учителей для аборигенных школ. Они действуют в Фробишер-Бей и в Форт-Смит. На Севере сейчас функционируют два колледжа: Юконский колледж в Уайтхорсе и Тебахаколледж в Форт-Смит (СЗТ). Здесь преподаются курсы механики, автоматизации, электроники, ведется подготовка младшего медперсонала и работников детских учреждений.

За последнее десятилетие общее число учащихся-индейцев увеличилось. Процент детей, посещающих начальную школу, почти достиг общенационального уровня. Почти в 3 раза выросло число учителей из числа коренных жителей: в федеральных школах для индейцев они сейчас составляют 25—30 %. Бесспорно позитивный

сдвиг произошел в области высшего образования: число студентов-индейцев в канадских университетах только в 70-е годы увеличилось в 10 раз и в 1980 г. составило 4200 человек.

Но значительного улучшения положения не наблюдается. Во-первых, с учетом инфляции и роста численности коренного населения никакого увеличения расходов на образование в действительности не произошло. Во-вторых, рост числа обучающихся в начальной школе с 1973 г. сопровождался одновременным падением посещаемости в средней школе. Наконец, за последние 15 лет фактически остается неизменным высокий отсев индейских детей из школы. Только 20 % поступивших в школу индейских детей заканчивает ее (в целом по стране показатель 75 %). Причем такое явление характерно не только для резервационных индейцев.

Наиболее острой в сфере образования остается языковая проблема. Необходимо учитывать, что в настоящее время около 60 % индейских детей при поступлении в школу знают родной язык (из них 37 % знают также английский или французский и 23 % — только индейский). Это обстоятельство создает массу сложных проблем с языком обучения, что сказывается на всем образовательном процессе. В целом говорящие на аборигенных языках школьники получают недостаточную помощь в обучении на английском или французском языках при посещении провинциальных школ. Министерство по делам индейцев приняло кое-какие меры для федеральных школ, посещаемых индейскими детьми, говорящими на разных языках, но это мизерные усилия. Очень немногие учителя детей, говорящих на аборигенных языках, имеют достаточную квалификацию для преподавания английского в качестве второго языка. Необходимые для такого преподавания учебные материалы вообще отсутствуют.

За последние 10—15 лет в провинциальных школах эпизодически вводились программы преподавания аборигенных языков, но главная трудность в их осуществлении — это нехватка учителей, говорящих на индейском языке и способных его преподавать, особенно в средней школе. В некоторых провинциях делались попытки ввести в качестве учебного предмета обучение индейским языкам в средней школе, но эти усилия не имели успеха.

В итоге к настоящему времени в федеральных и провинциальных школах большинство индейцев обучаются на английском или французском языках, не получая никакой особой помощи в изучении самих этих языков. В тех школах, где значительную часть контингента учащихся составляют индейские дети, аборигенные языки преподаются как отдельный предмет обычно лишь в младших классах, и уровень преподавания довольно низкий.

В Канаде только начинают разрабатывать программы, по которым первые несколько лет обучение будет вестись на аборигенных языках, а английский и французский будут преподаваться в качестве отдельных предметов. Сначала чтение и письмо будут вестись на родном языке, и постепенно к третьему и четвертому классам по некоторым предметам обучение будет переходить на официальные языки, за исключением, возможно, предмета по искусству аборигенов. Попытки ввести такие программы предприняты в Квебеке, Манитобе, Северо-Западных территориях.

В Онтарио в одной из школ на о. Манитулин по инициативе местной общины была введена программа обучения на оджибве всех предметов в подготовительном и в первом классах с постепенным переходом к четвертому классу на английский. Но через три года обучение по этой программе прекратилось из-за вышеотмеченных трудностей.

Бесспорно, что обучение на родных языках позитивно воздействует на этническое самосознание. Дети чувствуют и убеждаются, что их родной язык не является чем-то постыдным. Не менее существенно, что они видят в роли учителей представителей своего народа. Образование, таким образом, становится одним из важных путей укрепления основ аборигенной культуры. В то же время вполне закономерен вопрос: в каком направлении с точки зрения ассимиляционного процесса действует фактор улучшающегося положения в области индейского образования? С одной стороны, очевидно, что приобретение той или иной специальности, особенно высшей квалификации, создает новые возможности для добровольной ассимиляции определенной и, конечно, очень незначительной части индейцев. В то же время, используя преимущества, которые дает им образование, все большее число индейской молодежи делает выбор в

пользу сохранения своей индейской этнической принадлежности.

К середине 80-х годов, спустя более 10 лет после принятия канадскими властями курса, предусматривавшего передачу индейцам контроля над сферой образования, обнаружилось, что в реальности этот контроль остается очень ограниченным. Сдерживающим фактором служит недостаток квалифицированных педагогов и материальных средств. Начатая работа по внедрению программ изучения индейской культуры сталкивается также с огромными трудностями. Школьные советы и религиозные круги блокируют включение новых предметов или материалов. В некоторых школах на территории резерваций до сих пор учительские должности занимают священники.

Подготовка учительских кадров из числа коренных жителей — это одна из ключевых проблем индейского образования. До тех пор пока в классных комнатах наряду с учениками-индейцами не появятся учителя-индейцы, все усилия поднять престиж образования, сделать его средством сохранения культурной самобытности индейцев и в то же время дать необходимую в современном канадском обществе академическую подготовку, — все эти усилия будут малорезультативными.

«Учитель или его помощник — выходцы из коренных жителей с глубоким пониманием индейских традиций, психологии, образа жизни и языка — лучше всего способны создать необходимую среду обучения, отвечающую привычкам и интересам индейского ребенка», — говорилось в документе «Индейский контроль над индейским образованием»¹² Этот программный документ предусматривал активное участие федеральных и провинциальных властей в сотрудничестве с общинами в организации специальных программ по подготовке учителей-индейцев.

Ответом на эти требования была организация при ряде учебных заведений специальных программ. Около 20 из них действуют в Канаде до сих пор и дали некоторые положительные результаты. До 70-х годов число учителей-индейцев в Канаде было ничтожно малым. К середине 80-х годов ситуация заметно изменилась к лучшему. В 1985 г. в стране было примерно 400 учителей индейцев и эскимосов, получивших полное университетское образование, и еще 546 коренных жителей

имели обычные учительские дипломы. Это только те, кто прошел обучение в рамках специальной программы подготовки учителей из числа индейцев. Всего же в 1985 г. в Канаде было примерно 1200 учителей-индейцев. Это, конечно, большой прогресс, но для реализации поставленных коренными жителями целей в области образования такого количества учителей явно недостаточно.

Новым явлением стало создание собственно индейских школьных советов в ряде мест. В результате Соглашения по заливу Джеймс Большой совет кри Квебека получил право создать самостоятельный школьный совет, контролирующий образование в индейских общинах северного Квебека. Этот совет имеет право решать вопросы языка обучения, определять программу и выбирать учебники, нанимать учителей и контролировать администрацию школ. Провинциальные органы по контролю за образованием были созданы индейцами Манитобы и Саскачевана. Под контролем Федерации индейских наций Саскачевана действует в системе Саскачеванского университета автономный Саскачеванский индейский колледж.

Заглядывая в будущее, племенной совет индейцев кэрриер и секани выдвинул предложение о создании индейского университета. Но все эти сдвиги не меняют существующей бюрократической системы, которая не обеспечивает индейцам подлинной власти в решении проблем образования.

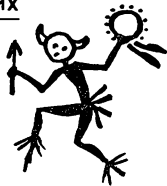

Культура и духовная жизнь

Священные горы были всегда там, где они есть.
Они были такими, какими они были с самого Начала,
Они были такими во всех предыдущих мирах.

Из нижнего мира возвысили их
И взяли обратно туда же.

Раздвинулись горы —
И явилась Земля,
Явилось Небо,
Рассвет наступил.

И говорят нам Люди Утренней Зари:
— Вставайте, внуки наши!
Поднимайтесь! Принимайтесь за дело!
Свершите все, что вам предначертано!..

*Из легенды индейцев навахо
о сотворении мира*

США

Традиции в общественном сознании

Коренное население США сильно различается по своим историко-культурным традициям и образу жизни. Большинство народов атлантического побережья, в том числе наррагансет, вампаноаги, массачусет, нантикок, живущие в других районах страны делавар, манси, оттава, катауба, ламби, туника сохранили очень немногое или даже вовсе ничего не сохранили из индейских традиций в области материальной и духовной

культуры, практически полностью перешли на английский язык. Преобладающая же часть индейских народов все еще имеет достаточно выраженную культурную самобытность.

Материальная культура коренных американцев трансформируется в целом быстрее, чем духовная. Это и понятно — материальная культура напрямую связана с хозяйством, уровнем благосостояния и потребления товаров и услуг. Духовная же культура, отражая материальные условия жизни опосредованно, зависит от многих факторов, формирующих общественное сознание. Здесь играют роль и относительная консервативность самого сознания, и возрождение культурных традиций на основе роста этнического самосознания индейцев, и совокупность социально-психологических особенностей адаптации индейцев к окружающему миру.

Современная культура индейцев испытывает влияние и социально-классового расслоения индейских обществ. Так называемые «прогрессисты», выступающие за американизацию культуры и приобщение к американскому образу жизни, выражают интересы прежде всего имущих слоев коренного населения страны — общинной бюрократии, крупных частных собственников, рантье, менеджеров. За «традиционалистами», отстаивающими самобытность индейских культур, стоят беднейшие и наиболее угнетенные слои, а также часть интеллигенции, не связанная с интересами американского «истэблшмента» и формирующая идеологию «индейского возрождения». И все же ведущую роль играют те, кто осознает объективную необходимость и прогрессивность оптимального сочетания достижений евроамериканской и индейских культур.

Говоря о различиях в характере и динамике развития материальной и духовной культуры коренного населения США, следует также учитывать их взаимосвязь. Известно, что материальное начало не только обуславливает духовное начало, но и испытывает его обратное воздействие. Для индейской современности эта закономерность имеет особое значение, поскольку по мере трансформации экономической основы индейских обществ ведущую роль в сохранении культурных ценностей приобретают нематериальные факторы. Кроме того, некоторые элементы материальной культуры, утрачивая свои утилитарные функции, не исчезают, а пере-

носятся сознанием в категорию духовных ценностей.

Около тридцати лет назад научный сотрудник Орегонского университета Б. Тоулкен проводил этнографические исследования среди навахо. Вернувшись домой после длительного пребывания в резервации, он, по его собственному признанию, испытал своего рода «культурный шок» — настолько несовместимыми показались ученому мировоззрение и духовные ценности индейцев и нормы воспитавшего его евроамериканского общества¹. Известный индейский литератор В. Делориа утверждает, что духовный мир коренных американцев в корне отличается от духовного мира белых, поскольку они совершенно по-разному воспринимают действительность. С концепцией этого автора об особом типе мышления индейцев, который, по его мнению, представляет собой своеобразный синтез религии и философии, можно поспорить. Однако нельзя не признать, что у значительной части индейского населения США сохраняются определенные особенности в сознании и психологии.

Наиболее общие взгляды традиционно-ориентированных американских индейцев о своем месте в мире восходят к первобытной эпохе. Мировоззрение их предков представляло собой нерасчлененный комплекс мифов и религиозных верований, а его ядром были представления о всеобщей одухотворенности природы, о единстве человека и природы. Ирокезы, например, верят, что духи природы — Солнце, Луна, озера, реки — состоят с ними в родственных отношениях. Солнце они почитают как «старшего брата», Луну — как «бабку», Громовников (духов грозы) — как «дедов», Землю — как «мать», а культурные растения (кукурузу, бобы, тыкву) — как «сестер». Аналогичные представления имеются у пуэбло на противоположном конце страны и у многих других индейских народов.

Сообразно с современными условиями жизни индейская натурфилософия распространяется на новые виды отношений. «Мы не разделяем бога и человека, религию и политику, — писали в 1977 г. лидеры общины хопи президенту Дж. Картеру. — Все аспекты наших отношений к земле и жизни переплетены между собой»²

Достижения науки в познании и обуздании сил природы не поколебали представлений определенной части индейского населения о природе как одухотворенной, всемогущей, всеобъемлющей и гармонично организо-

ванной субстанции. По мнению тех же хопи, «все основывается на равновесии, которое необходимо поддерживать. Подпочвенные воды действуют как магнит, притягивающий из облаков дождь, а дождь в облаках также действует наподобие магнита, поднимающего уровень воды к корням диких растений и посевов». Разработка, например, угольных месторождений может нарушить эту гармонию, и если это произойдет, то «земля затрясется, словно трещотка; земля осядет, земля высохнет. Неведомые силы прекратят выпадение дождей, потому что мы, хопи, не смогли защитить, как нам было завещано, дарованную нам землю. Растения не будут расти, животные умрут... Мать-Природа, ответит таким образом, что почти все люди погибнут...»³

Подобные взгляды по форме очень близки взглядам современной экологической науки на проблемы взаимоотношений цивилизации и природной среды, но порождены они иной эпохой, иным уровнем мышления.

Вера в животворную силу природы остается наиболее универсальной основой религиозно-мифологического мировоззрения коренного населения США. Продолжают также существовать возникшие в прошлом на этой основе некоторые религиозные концепции и культы. Сохраняются, например, представления о борьбе духов верхнего и нижнего миров как механизме происходящих в природе процессов, о радуге как символе небесного света, мифы о происхождении жизни и о культурных героях, поверья, связанные с личными духами-покровителями, и др. Несмотря на широкое распространение христианства среди индейских народов, у них еще пользуются популярностью образы языческих божественных персонажей — Великого Духа хопи, Миде Манито чиппева, Йусена апаче, зоантропоморфных Качина пуэбло.

Заметное место в культуре различных индейских народов занимает шаманство. Шаманство — это нечто большее, нежели «прикладное» колдовство. Будучи особой формой религии, оно содержит целый комплекс первобытных представлений о строении мира и действующих в нем силах. В таком виде шаманство, включая перечисленные и многие другие элементы религиозного мировоззрения индейцев, сформировавшиеся в доевропейскую эпоху, сохраняется у целого ряда коренных народов США.

Весьма архаические черты присущи образу самого шамана. Так, индейцы малесит считают, что шаман действует с помощью особых духов, выступающих под видом различных животных. У меномини зафиксированы поверья о том, что колдун может изменять свой облик, превращаясь в огненный шар, в сову, медведя, лисицу или индюка, и обладает способностью передвигаться с огромной скоростью. Индейский шаман придерживается традиционных приемов камлания и использует в нем разнообразные атрибуты своего ремесла — ударные инструменты, погремушки, амулеты, магические растения и т. д. Правда, характерное одеяние и убранство шамана сегодня можно увидеть только в музейных коллекциях или в костюмированных танцах индейцев. У калифорнийских индейцев кахуилла еще в 1970 г. практиковал шаман, владевший древним искусством «поедания углей».

Функции шаманов не ограничиваются врачеванием, а распространяются и на другие сферы жизни коренного населения США. У меномини, например, старики, пользующиеся репутацией колдунов, играют немаловажную роль в контролировании общественного порядка: считается, что они могут обратить гнев духов против нарушителей установленных норм поведения. Журналист Ч. Брилл однажды присутствовал на церемонии освящения шаманом Дэном Дождевая Туча новой пожарной станции и здания общинного офиса в резервации чиппева Ред-Лейк (Миннесота).

У ряда индейских народов продолжают существовать так называемые «медицинские ложи» или «медицинские общества», представляющие собой что-то вроде шаманских корпораций. Например, у ирокезов штата Нью-Йорк имеется не менее десяти таких обществ, каждое из которых имеет собственные мифы и ритуалы. Каждое общество устраивает периодические собрания и ежегодные обрядовые церемонии, оказывает посильную помощь нуждающимся.

Особенно большую роль играют «медицинские ложи» у пуэбло. Эти объединения, организующими центрами которых служат культовые святилища кива, и сегодня выполняют важные функции в регулировании общественной жизни индейских общин. Они воздействуют на людей непосредственно, предписывая им определенный кодекс поведения, и опосредованно — участвуя

в формировании органов общинного управления.

Несмотря на многообразие социальных функций индейского шаманства, его главным предназначением остается борьба с телесными и душевными недугами, обеспечение благополучия в повседневной жизни. Наиболее полное представление об этой области шаманской практики дают этнографические материалы о навахо. Система их шаманских обрядов включает целый комплекс специальных ритуализированных «псалмопений». «Псалмопение жизни» применяется при лечении травм, а «псалмопение духов», как и «псалмопение против врагов», в прошлом оберегавшее от внезапных военных нападений соседних племен, теперь служит для защиты от вредоносных духов. Всего же у навахо еще существует более десятка «псалмопений».

В отличие от названной категории обрядов ритуалы «благословения» предназначены не для лечения или противодействия вредоносной магии, а для обеспечения благополучия в делах. К ним обращаются в тех случаях, когда надо отвратить какое-то несчастье, оградить скот от болезней и падежа, помочь родам, освятить новый дом или бракосочетание, ввести в должность общинного предводителя, благословить уходящего на военную службу и гарантировать его возвращение домой и т. д.

Обряды обеих категорий сводятся преимущественно к распеванию магических гимнов и заклинаний и могут продолжаться несколько дней кряду. Соответственно различаются и размеры вознаграждения шаману — от нескольких десятков до нескольких сот долларов или натурой.

Если у навахо, апаче, пуэбло и еще некоторых народов, преимущественно на Юго-Западе страны и в тихоокеанских штатах, шаманство сохраняется в виде более или менее целостной системы религиозных воззрений и обрядов, то у других групп индейского населения США оно, утрачивая мировоззренческую основу, все больше сводится к знахарству. Но и знахарство постепенно уступает позиции научной медицине, удерживая монополию в исцелении лишь таких недугов, как «потеря души» или «пленение личного духа-покровителя». Иногда индейские народы пытаются противостоять процессу угасания шаманства. Так, у навахо подготовка кадров уже более 10 лет осуществляется централизованно в специальной школе, создана общенавахская ассоциа-

ция шаманов и знахарей. Племенной совет навахо, разрабатывая программы развития здравоохранения, стремится использовать опыт народной медицины, шаманской психотерапии.

У ряда индейских народов традиционная религиозная практика уже ограничивается похоронными обрядами и поминовением предков, не выходя при этом за рамки семьи. У других народов сохраняется общинная, коллективная обрядность — в виде ритуальных мистерий, связанных с почитанием сил природы и хозяйственными культами: «солнечная пляска», «змеиная пляска», «танец Орла», «медвежья пляска», «пляска с притоптыванием», «пляска сновидений», «танец бабочек» и многие другие. Их роль состоит в том, чтобы обеспечить нормальные взаимоотношения данного коллектива с природными силами и сплотить сам коллектив. Вторая из этих функций приобретает в современный период особенно большое значение. Возрождение подобных обрядов у некоторых индейских народов, отмеченное исследователями в 60—70-е годы, вызвано реакцией индейских этносов на усиливающееся проникновение евроамериканской культуры и разложение коллективистских начал, на которых строится традиционный общественный уклад коренных американцев.

У некоторых групп коренного населения США еще существует календарный обрядовый цикл, отражающий круглогодичный цикл хозяйственной деятельности и общественной жизни. Последний в большинстве случаев уже нарушен, поскольку изменились социально-экономические условия жизни, но сами обряды еще продолжают соблюдаться.

Примером календарного обрядового цикла может служить система общинных празднеств у ирокезов штата Нью-Йорк. Она включает 16 главных комплексов коллективных обрядов: празднование Нового года, главных хозяйственных работ, игравших очень важную роль в жизни их предков (посев кукурузы, ее созревание и уборка урожая, сбор бобов и земляники), торжества в честь Солнца, Громовников и других божественных патронов, в память умерших.

Происходящие изменения выражаются как в сужении обрядового комплекса, так и в трансформации содержания и форм сохраняющихся религиозных ритуалов. Интересное видоизменение претерпела «пляска

сновидений» у потаватоми. В прошлом этот обряд, характерный для многих аборигенных народов Востока США, представлял собой символическую материализацию ниспосланных духами сновидений. Теперь потаватоми рассматривают «пляску сновидений» в качестве залога собственного существования — пока она будет исполняться, не исчезнет народ потаватоми со своей особой культурой и самосознанием. Подобное отношение к традиционным религиозным верованиям и обрядам проявляют и другие индейские народы, мобилизующие духовные ценности на борьбу с утратой культурных традиций и ассимиляцией.

Современное конфессиональное состояние коренного населения США определяется взаимодействием языческих и христианских верований. Христианство получило в индейской среде настолько широкое распространение, что сегодня нельзя назвать ни одного полностью «языческого» народа. В настоящее время в целом сохраняется исторически сложившееся разделение сфер влияния между основными течениями западного христианства. В бывших районах испанской колонизации (Калифорния, Юго-Запад) индейцы исповедуют преимущественно католицизм, сохранивший популярность также у тех народов, которые в свое время были охвачены миссионерской деятельностью французских иезуитов (меномини и др.). В прочих же районах страны доминируют различные протестантские церкви и секты.

Несмотря на то что христианство стало неотъемлемой частью духовной жизни коренных американцев, его взаимоотношения с традиционными религиозными верованиями носят сложный и противоречивый характер. Религиозная практика у американских индейцев имеет ту особенность, что язычество не только зачастую составляет скрытую подоплеку христианства, но и открыто сосуществует с ним. Характерный пример тому дают пуэбло, которые уже давно поголовно приняли католицизм, но сохраняют древние религиозные традиции лучше, чем большинство других индейских народов. Зачастую индеец и считает себя христианином, ходит в церковь и соблюдает христианские предписания, но в то же время открыто участвует в отправлении языческих культов и не ставит под сомнение существование всевозможных духов и языческих божеств.

В других случаях возникли целые синкретические

(смешанные) религиозные системы. В настоящее время у индейцев США продолжает существовать большинство наиболее известных синкретических религиозных культов, возникших в период с конца XVIII до первых десятилетий XX в. К ним относятся шейкеризм (в штатах Вашингтон, Орегон, Калифорния), культ Боул-Мару и «культ землянок», распространенные в западных штатах, культ Прекрасного Озера у ирокезов, «религия Сайласа Джона» у апаче и некоторых соседних с ними народов и, конечно, пейотизм, который приобрел популярность далеко за пределами Юго-Запада США — зоны произрастания кактуса пейотля *

Безусловный приоритет среди перечисленных синкретических религий имеет пейотизм, существующий ныне в виде Туземной американской церкви (ТАЦ). Только среди навахо к началу 70-х годов насчитывалось от 60 до 80 тыс. последователей этой церкви, а в конце 70-х годов, по оценкам некоторых специалистов, в США имелось до 250 тыс. пейотистов. Пейотизм является также наиболее разработанной с точки зрения догматики синкретической религией коренного населения страны. Он вбирает элементы большинства идеологических концепций индейского религиозного синкретизма.

Согласно пейотистскому учению, миром управляет единый верховный бог, а средством общения с ним и символом веры является пейотль, обладающий также, как считают приверженцы ТАЦ, универсальными свойствами для лечения телесных и душевных заболеваний. Хотя бог пейотистов един для всего человечества, он вручил свой дар, пейотль, только индейцам, поскольку они слиты с природой, в то время как белые люди порвали с ней. Пейотисты признают Христа, Богородицу, небесных ангелов и в своих богослужениях используют Библию.

Под воздействием христианства сформировались идеология и этика пейотизма. ТАЦ призывает своих адептов к смирению и нравственному самосовершен-

* Кактус этого вида содержит алкалоидные вещества, вызывающие зрительные галлюцинации. Пейотль применялся индейцами Северной Америки в религиозных обрядах еще в доколумбову эпоху. Чтобы вызвать галлюцинации, пейотль — свежий или высушенный — разжевывают. Несмотря на свои галлюциногенные свойства, пейотль относится к числу слабых наркотиков. Его употребление не приводит к клинической наркомании.

ствованию, что рассматривается в качестве неперенных условий загробного воздаяния. Чтобы понять причины возникновения подобной концепции, следует иметь в виду, что пейотизм сложился в прошлом столетии под воздействием поражения индейских народов в борьбе с евроамериканскими колонизаторами, когда острый кризис индейских обществ побудил многих коренных американцев искать спасения от жестокой действительности в мире религиозной мистики. Но в то же время пейотизм стал скрытой формой протеста индейцев против угнетения и объективно выполнял функцию идеологической защиты этнокультурной самобытности коренного населения страны. Именно эта двойственность идеологии пейотизма послужила причиной его широкого распространения в индейской среде.

Подобно традиционным религиозным культам индейцев, пейотизм пронизывает буквально все стороны жизни его последователей. Пейотистские обряды устраиваются для лечения больных и обеспечения материального благополучия, в связи с поминовением предков и со свадебными торжествами (в дополнение к христианской или гражданской церемониям), по поводу отправления детей в школу-интернат и в благодарность богу за их благополучное возвращение. Пейотистские обряды составляют также неперенную часть племенных и межплеменных торжеств, христианских и общенациональных праздников.

Общее, что объединяет синкретические религии американских индейцев,— это перенесение социальных проблем в сферу религии, критика языческих обрядов, призыв к нравственному очищению, подчеркивание особого места индейцев в американском обществе.

Различия касаются соотношения христианских и языческих мотивов, акцентирования на тех или иных идеях обрядовой практики. Так, в «культе землянок» по сравнению с пейотизмом более отчетливо выражено противопоставление индейцев прочему населению страны. В «религии Сайласа Джона» влияние христианства проявляется в основном в этике, осуждающей такие пороки, как колдовство, пьянство, раздоры между общинниками, драки и т. д. Последователи этой религии, отвергнув традиционную технику знахарства, заменили ее собственными приемами, столь же, впрочем, далеки от христианской обрядности.

Перемены в образе жизни

Материальная культура коренных народов США в значительной степени, а у некоторых из них и полностью вытеснена евроамериканской культурой. Однако было бы неверно говорить о полном исчезновении традиций материальной культуры индейского населения. В действительности происходит размывание комплексов материальной культуры, а отдельные ее элементы сохраняются у большинства индейских народов.

До сих пор имеют довольно широкое распространение традиционные типы жилища. Переносное жилище — вигвам и типи — используется теперь почти исключительно как жилище сезонное — охотниками, рыбаками, собирателями диких плодов и кленового сока, лесозаготовителями. Конструкция этих жилищ не претерпела изменений, но для их покрытия теперь используются иные материалы, чем прежде. За неимением бизоньих шкур типи, например, покрывают шкурами других животных, а еще чаще — парусиной, палаточной тканью. Тканые материалы используют и для покрытия вигвама. Легкие шалашеобразные укрытия до недавнего времени сооружали индейцы Калифорнии и Юго-Запада, Большого Бассейна.

У различных индейских народов продолжает бытовать традиционное стационарное жилище. У юроков Калифорнии сохранилась практика строительства традиционных дощатых домов, а у пима Аризоны — жилищ из сырцового кирпича и так называемых «домов-сандвичей», главным конструктивным элементом которых служит двойной каркас стен, заполненный слоями уплотненной глины с соломой. До наших дней дожило характерное жилище индейцев пуэбло — четырехугольное в плане саманное или сложенное из камня жилище с плоской или двускатной крышей. В некоторых поселениях такие жилища еще образуют двух-трехъярусные комплексы, где крыша нижних домов одновременно служит полом для домов, расположенных в верхних ярусах. Изменения здесь касаются второстепенных деталей — в окна теперь вставляют стекла, а входные проемы снабжают деревянными дверьми. Характерным элементом культуры навахо остается хоган, но его конструкция со временем претерпела некоторые изменения. Еще встречается старый тип этого жилища — углублен-

ное в землю, куполообразное и круглое в плане строение с бревенчатыми стенами и крышей, засыпанными слоем земли. Но более распространенными стали другие варианты — четырехугольный или шестиугольный сруб, а также кирпичный хоган с кровлей, засыпанной землей.

Традиционное жилище в той или иной степени сохраняется у многих групп индейского населения. Однако у большинства из них преобладает все же европейское жилище, которое уже само зачастую становится традиционным для коренных американцев. Нередко единственное отличие индейских поселений от сельских и рабочих поселков неиндейцев — бедность и неблагоустроенность.

Соотношение нового и традиционного в жилище коренных американцев обусловлено не только материальным благосостоянием индейских семей или силой привычки. В значительной степени это соотношение определяют социальные факторы. Зависимость типа жилища от характера социальных связей особенно наглядно проявляется у пуэбло. Их своеобразные дома-поселения, именуемые в литературе тоже «пуэбло», как бы олицетворяют общинную структуру. До тех пор пока сохраняется эта структура, сохраняется и само «пуэбло», иная конструкция дома попросту невозможна. Поэтому европейское жилище утверждается у народов пуэбло не раньше, чем начинается распад их общинных структур.

Сохранение традиционных типов жилища связано отчасти с религиозными культами коренных американцев. У понка и делаваров Оклахомы, как и у ряда других индейских народов, типично служит местом проведения пейотистских собраний. Обряды культов Боул-Мару и «землянок» также проводятся в традиционных жилищах, причем в «культе землянок» жилище вообще — важнейшее звено вероучения. До сего времени сохраняются поверья навахо, связанные с хоганом. По представлениям навахо, хоган был первым жилищем, которое они получили от «святых людей» — духов-творцов их земли. Поэтому хоган как бы связывает людей с этими духами и с природой в целом. Он как бы находится в центре Вселенной, символизирует гармонию мира и служит его миниатюрной моделью. Крыша хогана — это небо, стены — это горы, холмы, леса,

пол — это мать-земля, а очаг в центре хогана — это солнце. Сама форма традиционного хогана — круглого в плане — символизирует мировую сферу, отсюда и религиозно-мифологические воззрения навахо на хоган. Только в нем можно проводить, например, «горное псалмопение», обряд вступления девушек в пору совершеннолетия и другие обрядовые церемонии. Устойчивость подобных представлений поддерживает длительное сохранение хогана у навахо и порождает порой довольно причудливое сочетание традиций и новаций в навахской архитектуре. Так, зал заседаний общинного совета навахо представляет собой стилизованное под восьмигранный хоган помещение с характерными конструктивными элементами. В студенческом городке навахского колледжа в Тсайле (Аризона) рядом с суперсовременным корпусом, в котором размещены административные службы, вычислительный и исследовательский центры, выстроен хоган, служащий для отправления студентами и персоналом колледжа традиционных индейских религиозных обрядов.

У коренного населения США сохраняются также некоторые собственно культовые постройки. Таково, например, святилище у пуэбло — кива: полуземляночное куполообразное сооружение из сырцового кирпича с входным отверстием в крыше. Хавасупаи, явапаи и ряд других индейских народов продолжают пользоваться парной баней как в гигиенических целях, так и для ритуального очищения перед совершением религиозных обрядов. Существует два вида индейской парной — в виде землянки и в виде шалаша. Печь в таких банях не устраивают, а воду льют на раскаленные в костре камни.

Мало что можно сказать о традиционных транспортных средствах индейцев, которые почти полностью вытеснены из их быта. Привычным транспортным средством в резервациях стал автомобиль. Почти половина индейских семей владеет ими. Эта цифра выглядит довольно впечатляюще. Однако следует иметь в виду, что автомобиль в резервациях, зачастую удаленных от магистральных коммуникаций и не имеющих достаточно развитого общественного транспорта, — предмет первой необходимости. Индейцы часто не могут позволить себе, например, сносное жилье, едва сводят концы с концами, но автомобиль им держать приходится.

Изменения в экономике индейских народов, истощение природных ресурсов и распространение в индейской среде новых продуктов питания привели к полному исчезновению традиционной пищевой культуры у одних индейских народов и резкому ее сокращению у многих других. Правда, такой переход не прошел для коренного населения США гладко. В XIX в. индейцы часто уже не могли прокормить себя собственным хозяйством, находившимся в глубоком упадке, а выделявшихся американскими властями пайков далеко не всегда хватало. Теперь голодные времена ушли в прошлое, но остается проблема качества питания. В рационе индейцев упала доля натуральных продуктов и соответственно возросла доля консервов. Это связано не только с изменениями в занятиях индейцев, но и с материальными трудностями, которые испытывают многие индейские семьи. В ряде районов США у индейского населения существует серьезная проблема детского авитаминоза.

Вместе с тем у многих индейских народов элементы традиционной пищевой культуры в той или иной степени продолжают существовать. Так, на земледельческом Юго-Западе индейцы, как и раньше, употребляют в пищу много кукурузы, бобовых, тыквы, а помо, йокутс, кахуилла и другие группы аборигенного населения Калифорнии — желуди. Практически повсеместно, где это возможно, заготавливают ягоды, кленовый сок, из которого получают сироп и сахар. Индейцы, живущие в районе Великих озер, во Флориде, на Северо-Западе страны, по традиции вводят в свой рацион довольно много рыбы. В местах, где еще можно охотиться, добывают дичь.

Традиционная пищевая культура, даже там, где она утратила существенное значение в повседневном питании, сохраняется благодаря тому, что она занимает определенное место в праздничных церемониях и даже стала одним из символов индейской самобытности. Блюда из желудей, кукурузы, бобов обязательно готовятся по случаю американских календарных праздников и других общественных торжеств. Ритуальный смысл имеет раздача табака участникам празднеств — индейцы издавна наделяли табак, как и многие другие культурные растения, магическими свойствами.

Быстро изменяется характер одежды коренных американцев. В восточных штатах, как и у ряда западных

Индийский квартал г. Йеллоунайф

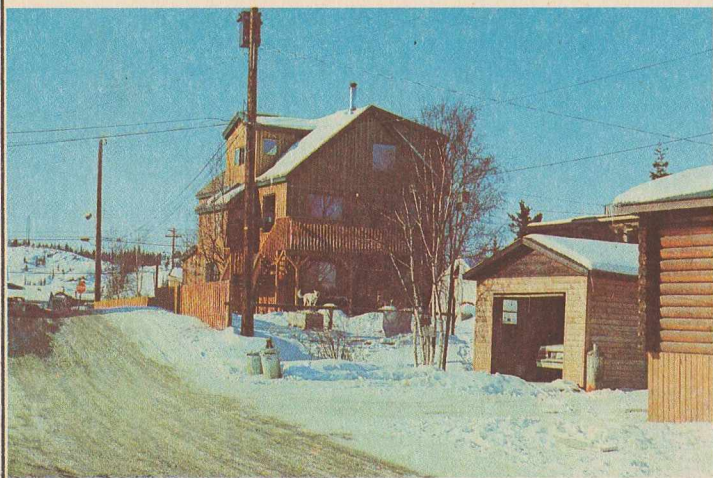
Жилища аборигенов Канадского Севера

За истекшие 20 лет во многих городах США и Канады появились «индейские» кварталы. Как правило, это бедные и малопrestiжные районы

Дом индейского лидера...

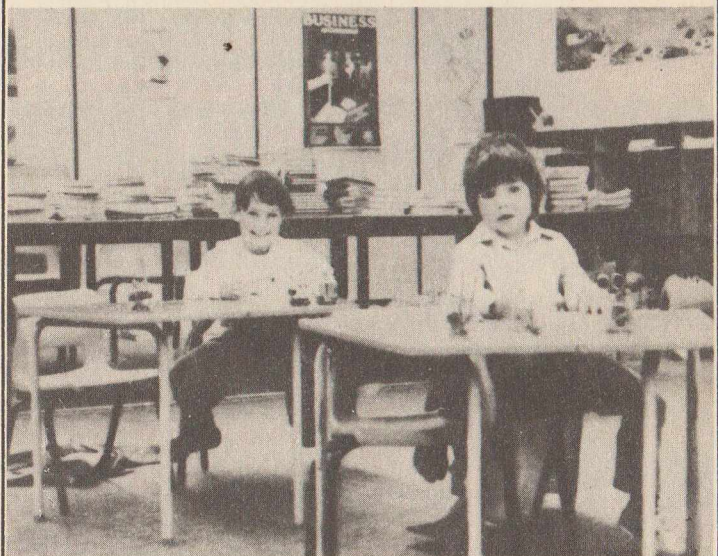
и рядового индейца

Имущественная дифференциация городских индейцев Северо-Западных территорий Канады ярко проявляется в качестве их жилищ

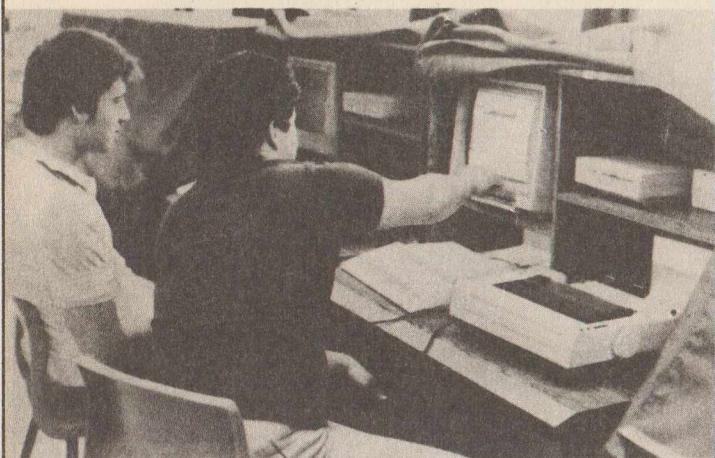

В подготовительном классе школы индейской общины

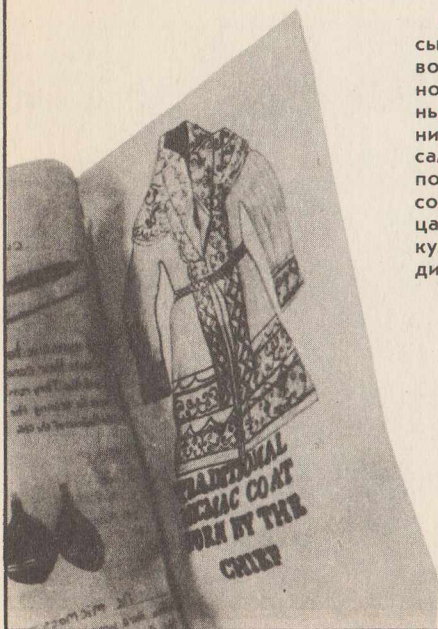

Дети индейцев на занятиях в средней школе

Школьники нарисовали традиционное зимнее одеяние
вождя микмаков

Школы резерваций сыграли важную роль в возрождении национального достоинства коренных народов, в преодолении ими заниженной самооценки. Они также положили начало массовому изучению индейцами своей истории, культуры, религии, традиции.

Перед стартом гонок на собачьих упряжках

Уикэнд на льду Большого Невольничьего озера

Олений карнавал в конце зимы — любимый праздник коренных жителей Канадского Севера. Гонки на собачьих упряжках — его важнейший компонент

Современные паувау — не только фольклорные праздники с демонстрацией традиционных костюмов, игр, музыки, ритуальных танцев. Для многих их участников паувау — один из способов церемониального подтверждения своей принадлежности к тому или иному индейскому народу.

На снимках — паувау индейцев американских прерий

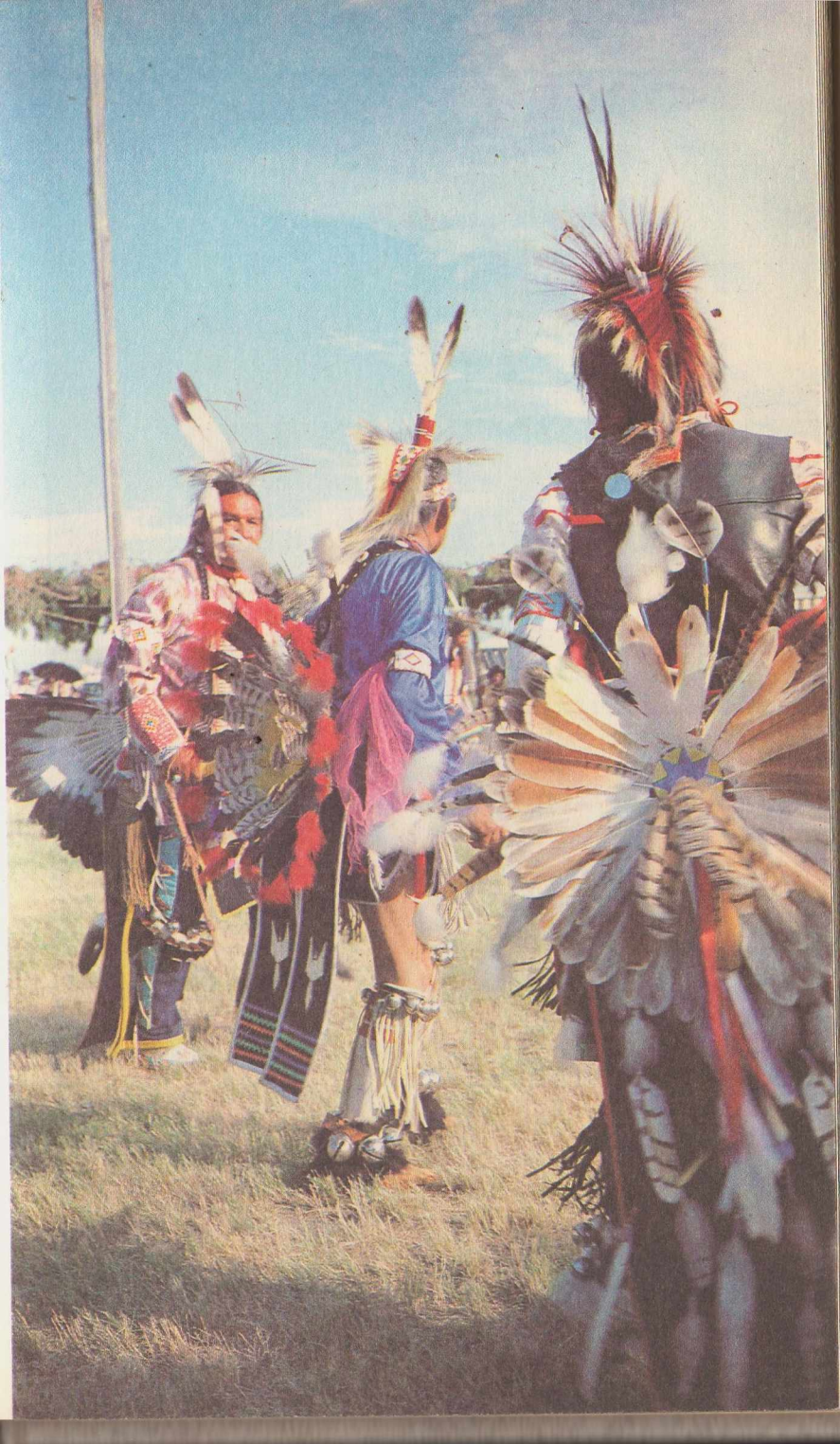

Участники и гости паувау степных потаватоми (Оклахома)

Фольклорный фестиваль в общине Пайн-Ридж

Традиционный плащ-накидка, украшенный бисерными вышивками и бахромой, в прошлом был характерен для индейцев американских прерий (сиу, чейены, хидатса и др.). Теперь такой костюм как церемониальное одеяние, символизирующее принадлежность к коренным народам, распространен практически среди всего индейского населения США

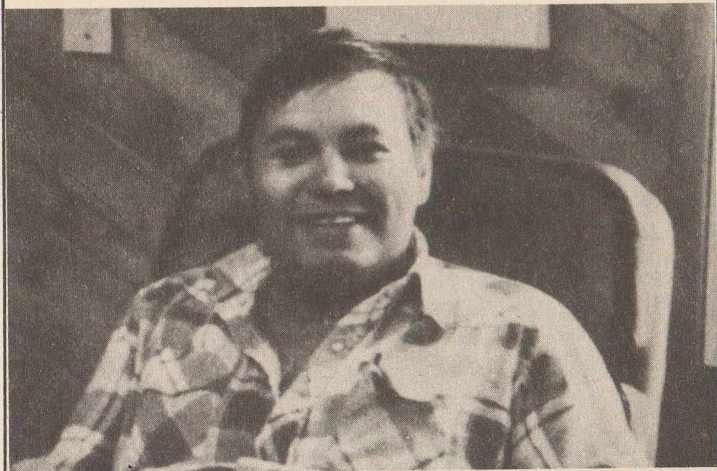
Президент федерации индейцев Ньюфаундленда

По костюму и образу жизни индейские лидеры теперь мало отличаются от белых американцев или канадцев. Однако они остаются выразителями специфических национальных интересов своих народов

Л. Пелтиер

Леонард Пелтиер³ (род. в 1944 г.) — представитель народа чиппева. Он — один из активистов правозащитной радикально-демократической организации Движение американских индейцев. По сфабрикованному обвинению в убийстве двух агентов ФБР в 1975 г. был приговорен к двойному (не подлежащему амнистии) пожизненному заключению. Борьбу за отмену этого судебного решения ведут не только американские поборники прав человека, но и представители мировой общественности, и в их числе советский Комитет в защиту Л. Пелтиера

Демонстрация индейцев в Оттаве (март 1987 г.)

Считавшиеся в недавнем прошлом молчаливым меньшинством индейцы США и Канады со второй половины 1970-х годов стали активными участниками политической борьбы.

На транспарантах индейцев: «Наши земли не продаются», «Геноцид по отношению к индейцам 1492—1987 гг.», «Суверенитет — право каждого народа»

индейских народов, традиционную одежду повседневно уже не носят. Сохраняются разве что некоторые элементы отделки и декора — всякого рода опушка, бахрома, ювелирные украшения. Некоторое своеобразие имеет, пожалуй, лишь повседневная одежда коренного населения юго-западных районов США: одеяла-накидки, мокасины, которые в сочетании с европейским платьем составляют довольно своеобразные комплексы.

Что касается праздничной и ритуальной одежды, как женской, так и мужской, то она стойко сохраняется у многих индейских народов. Отчасти этому способствует коммерциализация народных традиций индейской культуры: организация показательных костюмированных представлений индейцев для туристов, посещающих резервации, гастроли выездных трупп индейских артистов в различных городах страны. При этом неизбежно происходит некоторая, порой весьма существенная стилизация индейского костюма в расчете на больший эффект и в соответствии с обыденными представлениями и запросами публики. Индеец во время этих «шоу» предстает максимально оперенным и раскрашенным, в пределах «этнографических» одеяний.

У некоторых западных индейских народов — у навахо, пуэбло, апаче, сиу и других — сохраняется мода на традиционные прически. Например, мужчины, преимущественно старших поколений, носят длинные зачесанные назад или разделенные пробором посередине волосы, а то и заплетают их в две косички. У пуэбло женские прически до сих пор имеют возрастные различия: прическа, например, замужней женщины отличается от прически девушки, недавно прошедшей обряд посвящения в совершеннолетие.

Сохраняющаяся материальная культура коренных американцев включает разнообразные предметы домашнего обихода — корзины, керамическую посуду, ступы для толчения желудей и пр. Иногда еще используются архаичного типа колыбели. Ребенка привязывают к такой колыбели и, если нужно, носят за спиной в вертикальном положении. Соответственно продолжают существовать и домашние промыслы, обеспечивающие индейское хозяйство предметами обихода. Правда, эти промыслы все больше приобретают характер мелкотоварного производства, что объясняется устойчивым рыночным спросом на продукцию индейского ремесла.

Крупными центрами распространения изделий индейского ремесла являются ярмарки в Санта-Фе, Альбукерке, Галлапе (Нью-Мексико), Флагстаффе (Аризона).

У некоторых индейских народов, как на Западе, так и на Востоке США, происходит даже возрождение народных промыслов. Важная роль в этом деле принадлежит руководящим органам индейских общин — советам, которые осуществляют целенаправленные программы профессионального обучения детей и юношества в общеобразовательных школах и колледжах, на специальных курсах прикладного искусства.

Духовная культура коренных американцев в ее традиционных формах не сводится к религии, хотя именно в рамках религиозных культов и благодаря традиционной обрядности сохраняются многие элементы духовной культуры индейских народов. Фольклор, музыка, танцы, как правило, связаны с отправлением этих культов.

Вместе с тем сами религиозные формы духовной культуры индейцев шире их идеологического содержания. В концентрированном виде они отражают весь спектр традиционного уклада жизни индейских обществ и выступают именно как формы организации социально значимых общественных мероприятий, как средство удовлетворения духовных, творческих потребностей индейцев. Такую роль, по-видимому, играют многие индейские празднества, включающие религиозные ритуалы: «брачный танец» малеситов, «женский танец» ирокезов, ирокезский «праздник мертвых» — весьма отдаленное подобие древнего религиозного обряда гуронов, «осенний фестиваль» чикахомини — и развлекательный, и способствующий укреплению контактов между различными индейскими народами штата Виргиния. Племенные и межплеменные фестивали паувау получили название, принадлежащее шаманам восточных индейских народов, но элементы культовой обрядности имеют в них чисто символическое значение как признаки культурной самобытности коренного населения США.

К традиционным развлечениям индейцев относятся различные игры и спортивные состязания. У пикерис и других групп пуэбло с давних времен существует обычай устраивать по большим праздникам соревнования по бегу, в которых участвуют как взрослые, так и дети. Кое-где еще сохраняются спортивные игры типа летнего хоккея, в прошлом очень популярные почти у всех ин-

дейских народов. Причем есть игры только для мужчин и только для женщин. Женщины папаго, например, играют в «тока», или «двойной мяч», используя длинные клюшки с сильно загнутым крюком и своеобразной формы деревянный «мяч».

Среди индейцев распространены разнообразные азартные игры, которые в литературе достаточно условно объединяют в категорию игр в кости: «игра в палочки» у хавасупаи, игра «пеон» у кокопа, «игра в шар» у ирокезов, обычно происходящая во время новогоднего празднества и состоящая в том, что участники игры стараются передвинуть сделанные из сланца фишки метанием деревянного шара. Раньше, когда ирокезские племена делились на сегменты — фратрии, это была ритуальная межфратриальная игра, а у потаватоми Оклахомы и сегодня в женской игре «куэсэкэнэк» принимают участие команды, представляющие два подразделения их общины. Новое, однако, проникает и в эту область индейской культуры — все большую популярность приобретают, например, баскетбол и бейсбол, вытесняя народные спортивные игры.

Изобразительное искусство индейцев традиционно имело в основном прикладной характер и служило для украшения предметов материальной культуры и культовых атрибутов. Одним из самых своеобразных видов изобразительного искусства коренных американцев является так называемая «песочная живопись» навахо. Культовые функции «песочной живописи», применяющейся в основном в шаманской терапии, определяют ее тематическую, композиционную и стилистическую стабильность. Изобразительные традиции индейцев проникают и в христианскую атрибутику. Например, при строительстве в резервациях церквей их фасады и внутренние помещения нередко расписывают в характерном индейском стиле с использованием индейских мифологических сюжетов. В таком же стиле декорируются одеяния католических священников, алтарные покровы.

В изобразительном искусстве коренные американцы переходят от традиционных схематизированных форм с использованием растительных красок, цветного песка, бисера, птичьих перьев, раковин моллюсков к классическим формам живописи и скульптуры. Все чаще американские музеи экспонируют работы профессиональ-

ных индейских художников и скульпторов. Зачастую эти произведения обнаруживают сильное влияние традиционного искусства индейцев: для живописных полотен, например, характерны не только сюжеты из жизни коренного населения страны, но и своеобразная, подчас несколько нарочито упрощенная графика, условность манеры письма, преобладание чистых колеров.

Как и другие виды народного творчества индейцев США, изобразительное искусство испытывает влияние рынка. Коммерциализация вовлекает в свою орбиту даже культовое искусство коренных американцев. Так, навахо ухитряются закреплять традиционную «песочную живопись» при помощи специальных клеев, чтобы продавать ее туристам. Как отмечают специалисты, подобные произведения уже отличаются по стилю от настоящей «песочной живописи» — нарушается строгость композиции, символика изображений.

Во взаимодействии традиций и инноваций развивается музыкальная культура коренного населения. Традиции особенно стойко удерживаются в обрядовых песнях и танцах, исполняемых под аккомпанемент традиционных музыкальных инструментов — всякого рода ударных и духовых, трещоток. Не только музыкальный строй, для которого больше характерна ритмика, чем напевность, но и приемы исполнения зачастую свидетельствуют о древности происхождения традиционных форм музыкальной культуры индейских народов. Например, у сиу и чиппева сохраняется своеобразная манера пения, когда звуки извлекаются при помощи голосовых связок, языка, полости рта и резонируются согнутой ладонью, приложенной к левому уху. Даже в эстрадной музыке, завоевавшей популярность у коренных американцев, современные ритмы дополняются индейскими мотивами в музыкальном оформлении и текстровке. Американские фирмы звукозаписи выпустили уже десятки пластинок с такого рода произведениями музыкального творчества индейцев.

Довольно интенсивно развивается индейская литература, причем художественная литература уже имеет свою, хотя и не очень большую историю. За пределами США известны имена индейских писателей, публицистов, этнографов Н. С. Момадея, В. Делориа-младшего, Д'Арси Макникла, У Мейера, Э. Секакуаптевы и др. Для многих индейских авторов, будь то беллетрис-

ты или ученые, характерны острое чувство причастности к проблемам своих народов, резкая критика существующей в США системы угнетения коренного населения страны, практическая деятельность в защиту его прав и интересов.

Современная культура индейцев США весьма многообразна. Она развивается на основе взаимодействия индейских и евроамериканских традиций. Результат этого взаимодействия у различных индейских народов получается разным: в одних случаях индейские традиции уступают место инновациям, а в других — образуют с ними своеобразные культурные комплексы. При этом индейские традиции не всегда представляют собой нечто застывшее и отжившее свой век. Многие из них наполняются новым содержанием, приобретают новые функции и формы. Общим в этом процессе у всех индейских народов страны является повышение символической роли доевропейских культурных традиций при одновременном уменьшении их значения в повседневной жизни индейцев.

Одна из принципиальных по своей важности проблем, обсуждаемых сегодня как учеными-индеанистами, так и самими индейцами, — проблема формирования единой культуры коренного населения США. Факты свидетельствуют о том, что межкультурный обмен и складывание общих культурных черт у различных индейских народов — это реальный процесс индейской действительности.

Описывая сложившуюся к середине XX в. «паниндейскую культуру Оклахомы», американский этнограф Дж. Ховард выделял такие ее элементы, как фестивали паувау, «пляску с притоптыванием», «военную пляску», костюмы для этих церемоний, пейотизм и английский язык⁴. Потаватоми Висконсина, в основном молодежь, во время празднеств носят не свои традиционные костюмы, а характерные для народов Великих равнин одеяния и головные уборы, украшенные перьями. Среди индейцев этого штата получили распространение типичные для индейского Юго-Запада США украшения из бирюзы. Степное влияние вообще заметно в праздничной одежде многих индейских народов — навахо, маттапони, меномини и др. У коренного населения Юго-Запада стала популярной живописная «пляска с обручами» индейцев таос, меномини возродили «воен-

ную пляску», переняв ее от чиппева, «солнечная пляска» попала к навахо от тетон-дакота.

Подобные примеры, однако, не позволяют сделать вывод о наличии в США паниндейской культуры или хотя бы о складывании такой тенденции.

Контакты между индейскими народами издавна приводили к заимствованиям отдельных культурных черт и распространению некоторых из них в пределах обширных территорий. Широкое распространение имели, например, «медвежья пляска», «собачья пляска», «бизонья пляска», шаманские обряды, представления, связанные с личными духами-покровителями, почитавшаяся как священная курительная трубка калумет, приготовление пеммикана — знаменитых индейских консервов и многие другие культурные черты. В некоторых случаях степень заимствований была очень велика. Так, навахо переняли у пуэбло приемы орошаемого земледелия, гончарное искусство и ткачество, а у степных народов — коневодство и верховую охоту, в результате чего сложилась сама культура навахо. Подобные процессы не привели, однако, к образованию культурной однородности на территории Северной Америки.

Не следует также преувеличивать степень и значение межкультурных заимствований в современный период. Они не охватывают всей сферы культуры индейских народов, а происходят преимущественно в пределах ограниченных регионов — в Калифорнии, Оклахоме, на Северо-Востоке и др. Что же касается действительно паниндейских черт, то они образуют весьма узкий пласт, включающий, пожалуй, лишь паувау, пейотизм и саму идеологию паниндеанизма. Вывод о том, что в США не сложилась паниндейская культура, не отрицает самого факта сближения индейских народов в культурном плане на основе их непосредственного взаимодействия и неконтантного взаимовлияния (через индейскую прессу, литературу, индейские товары и т. д.). И все же такое сближение происходит прежде всего на основе усвоения индейскими народами евроамериканской культуры.

Нередко взаимодействие евроамериканского и индейского населения США понимают как односторонний процесс аккультурации последнего. Это не совсем так. Во-первых, индейские культуры не исчерпали внутренних ресурсов для развития, а во-вторых, они всегда оказывали и продолжают оказывать обратное воздейст-

вие на культуру неиндейского населения страны, хотя, конечно, и не столь значительное, какое испытывают сами.

Особенно интенсивным было влияние индейских культур на европейцев в период освоения теми территории страны в XVII—XIX вв. Благодаря контактам с туземцами европейцы научились выращивать кукурузу, некоторые виды овощей, табак. В их пищевую культуру вошли также продукты переработки кленового сока и пеммикан, ныне выпускаемый американской промышленностью. Европейские промысловики-трапперы заимствовали элементы индейской одежды, транспортные средства, переносные виды жилища, приемы охоты на пушного зверя и в значительной степени — образ жизни, связанный с промысловым хозяйством. В некоторых районах страны индейцы сыграли существенную роль в становлении и развитии экономики европейского населения. Так, хозяйственное освоение испанцами Калифорнии целиком основывалось на подневольном труде местных аборигенов, а на первом этапе калифорнийской «золотой лихорадки» (конец 40-х — 50-е годы XIX в.) значительная часть изыскательских и старательских работ также выполнялась индейцами.

Ряд элементов военного искусства индейских народов также был воспринят европейскими колонистами, а затем и регулярной американской армией, применявшими их в войнах с Великобританией, в Гражданской войне, против самих индейцев, — рассыпной строй, методы партизанской войны, ведение разведки, различные военные хитрости и пр. Флажковый семафор, применявшийся в вооруженных силах США, был разработан на основе сигнальной системы команче. В известной степени опыт американских индейцев, а точнее говоря — принцип федеративного устройства Лиги ирокезов, был использован при создании самих США.

Индейское влияние проникало в самые разные сферы американской жизни, став ее неотъемлемой частью. Взглянув, например, на карту США, можно обнаружить на ней множество индейских и индеанизированных топонимов: реки Миссури и Иллинойс, озера Эри, Гурон, Онейда, Уиннебейго, горы Аппалачи и Уошито, другие географические объекты, целый ряд штатов носит названия индейских народов. Приблизительно каждый десятый административный округ США содержит в своем

названии индейскую семантику. Сам американский национальный характер начинал формироваться в ходе контактов и под воздействием коренного населения. Благодаря этому воздействию складывались особенности облика и быта пионеров освоения американского Запада, своеобразный уклад жизни в зоне «фронтис» — зоне столкновения евроамериканцев с индейскими племенами.

Индейские культурные традиции сыграли определенную роль и в формировании профессиональной американской культуры, хотя если говорить об американской живописи или музыке, то эта роль обнаруживается только при специальном искусствоведческом анализе. Зато очевидно, что без «индейских» произведений Фенимора Купера и Генри Лонгфелло, без батальных и жанровых полотен художников XIX в., запечатлевших историю покорения индейских племен, американская культура утратила бы часть отличающего ее своеобразия. Что же касается кинематографии США, то быстрый рост ее популярности в 30-е годы был во многом связан именно с индейской тематикой.

Вопрос об индейском влиянии на американскую культуру не сводится к приведенным примерам или, скажем, к периодически усиливающейся моде на длинные прически, мокасинообразную обувь и «индейский» стиль одежды. Часто это влияние оказывается трудноразличимым, поскольку американская культура представляет собой сплав культур многих народов Старого и Нового Света.

*****

КАНАДА

Современный этнокультурный облик канадских аборигенов лишь в малой степени отражает различия некогда существовавших традиционных культур в пределах историко-культурных областей, о которых речь шла в начале нашей книги. Долгая и трудная история контактов с европейцами (сначала в ходе меховой торговли, затем — земледельческой колонизации на значительной части территории Канады), а в XX в. — урбанизация и интенсивное хозяйственное освоение новых, в том числе самых отдаленных, северных районов оказали радикальное воздействие на культуру канад-

ских индейцев. Главным итогом контакта и конфликта двух цивилизаций — европейской и американской — спустя 500 лет после открытия Америки Колумбом стало полное разрушение традиционных укладов жизни и исчезновение или изменение культурного своеобразия многих индейских групп.

Хотя процесс аккультурации, т. е. утраты собственной культуры и заимствования культуры доминирующей евроканадской среды, зашел в Канаде очень далеко, все же канадским аборигенам удается по сегодняшний день сохранять некоторую культурную отличительность. Более того, в 60—80-е годы даже наблюдался процесс своеобразного «культурного возрождения», который связан с ростом самосознания индейцев и их борьбой за свои права. Многие в современном культурном облике канадского индейца представляет собой результат синтеза, а иногда и просто эклектического соединения элементов традиционной и общеканадской культур. Есть инновации, которые появились в итоге длительного их взаимодействия или собственного развития традиционной культуры, в том числе на базе общих для всех индейцев черт культуры и самосознания. И все же культурная отличительность аборигенов Канады по крупным регионам, языковым и племенным группам сохраняется до сих пор, хотя в этом определяющую роль играют уже не только окружающая природная среда и сформировавшийся на ее основе тот или иной историко-культурный тип, но и современная хозяйственная жизнь, влияние конкретного окружения и частота контактов с неаборигенным населением, исторические и политические факторы.

Если рассматривать существующее положение по этнокультурным регионам, то на Северо-Востоке (Вудленд) до сих пор можно выделить две области. Первая — это так называемый Лаврентийский массив, охватывающий северное Онтарио, Квебек и примыкающие к ним географически Приморские провинции, где, как известно, в прошлом жили кочевые группы индейцев-охотников, рыболовов и собирателей. Вторая — это плодородная низменность района Великих озер, включающая восточную часть долины р. Св. Лаврентия, где жили оседлые земледельцы — ирокезы.

Среди индейцев Приморских провинций наибольшей аккультурации и ассимиляции подверглись микмак и

малесит, а в провинциях Онтарио и Квебек — алгонкинские долины р. Оттава и оджибве в окрестностях озер Верхнее и Гурон. В 60—70-е годы индейцы микмак, почти оставив выращивание картофеля и лесозаготовки, перешли к более доходным занятиям в строительстве, специализируясь на сооружении высотных металлических конструкций. Многие женщины, работавшие в качестве прислуги в домах неаборигенов, получив образование и квалификацию, стали учителями, медицинскими сестрами, секретаршами. Некоторые из них приняли активное участие в работе местных общинных советов и политических организаций аборигенов.

Более высокие заработки и правительственная помощь позволили микмакам в последние десятилетия переселиться в дома европейского типа, внешний вид и интерьер которых мало отличается от обычных домов канадских сельских жителей.

В резервациях микмаков имеются, как правило, школьные и церковные здания, магазины, помещения, где заседает общинный совет, центральное водоснабжение и канализация, электричество, но телефон, телевизор для части индейцев остаются недоступной роскошью, а качество дорог к резервационным поселкам и внутри их гораздо ниже общеканадских стандартов.

Жители некоторых деревень почти полностью перешли на специализированные занятия и промыслы: заготовку рождественских елок, добычу омаров, разведение по японской технологии устриц, плетение корзин, организацию отдыха туристов.

Большинство микмаков по вероисповеданию номинально католики, часть — протестанты. Церковь играет важную роль в обучении детей, в организации социальной жизни общин. Но в последние годы ее влияние резко уменьшилось, зато окрепло влияние органов местного самоуправления, традиционных лидеров, чьей целью стало возрождение индейских культурных ценностей, прежде всего родного языка, который в настоящий момент почти утрачен.

В жизни канадских оджибве наиболее радикальные перемены произошли после 50-х годов. Рост численности этой группы и быстрая урбанизация провинции Онтарио привели к миграции многих жителей резерваций в города, но традиционные культурные ценности оджибве сохранялись довольно стойко, несмотря на то, что в по-

следние десятилетия индейцам приходилось овладевать самыми различными профессиями и занятиями, ориентируясь на ситуацию на рынке наемного труда. В резервациях сохранилась традиционная система выборов вождей и членов советов, хотя им неизбежно придавались обычные административные структуры для управления повседневной жизнью общин. Те, кто покинул резервации, сохраняют тесные родственные связи и довольно развитое самосознание. Именно оджибве (из числа образованных горожан) выступили с концепцией, по которой индейские племена — это «первые нации» Канады. От имени «нации оджибве» они наладили выпуск собственных паспортов для зарубежных поездок.

Старейшины в резервациях сделали многое, чтобы возродить у молодежи индейские самосознание, обычаи и образ жизни, особенно через школьное обучение, которое почти полностью когда-то было «канадизировано». Довольно тщательно сохраняются традиционные ритуалы и верования, хотя христианизация в прошлом охватила поголовно все население. Оджибве возродили многие старые обычаи, восстановили утраченные ремесла, в том числе изготовление берестяных каноэ (для спортивных целей), расшитых кожаных поясов, мокасин и т. п.

Среди живущих в южном Онтарио ирокезов отчетливую культурную самобытность и сильное самосознание сохраняют прежде всего индейцы мохавк, которых когда-то называли «стражами восточных ворот» ирокезской конфедерации. Они раньше других племен Лиги ирокезов вступили в контакт с европейцами и, возможно, понесли самые большие потери от войн, эпидемий, правительственных гонений. Но сегодняшние мохавки, живущие по обе стороны американо-канадской границы, представляют собой один из наиболее сильных в социально-культурном и политическом отношении индейских народов. Занятие квалифицированным трудом в строительстве мостов и высотных зданий принесло во второй половине XX в. относительное процветание крупнейшей резервации мохавков в Кахнаваке, которая в настоящее время превратилась в пригород Монреаля. Современные жилые дома со всеми удобствами, здания католической и методистской церквей, культурный центр, средняя школа, собственный полицейский участок и ряд других общественных построек придают этой

резервации на берегу р. Св. Лаврентия достаточно привлекательный внешний вид.

Однако жизнь канадских мохавков в Кахнаваке и в резервации Ока к западу от Монреаля полна серьезных проблем, насыщена упорной борьбой индейцев за культурное выживание. Мохавкам, раньше других аборигенов оказавшимся в орбите индустриального мегаполиса, приходится вот уже более 20 лет отчаянно сопротивляться попыткам канадских властей и крупных компаний урезать территорию проживания индейцев. Еще при строительстве обводного канала через пороги Лашин *, где расположен поселок Кахнаваке, в 50—60-х годах территория резервации была урезана и лишена непосредственного выхода к воде. В 80-х годах власти провинции Квебек задумали строительство дамбы с целью затопить пороги и создать рекреационный центр для монреальцев, что грозило новыми экологическими и территориальными проблемами для индейцев. Только решительный протест коренных жителей, их смелые действия, вплоть до уничтожения шхуны, с которой велись гидрологические изыскания на реке в районе резервации, помогли приостановить осуществление проекта.

Достаточно обеспеченная, хотя и очень опасная работа мохавков в промышленности и строительстве, их активная общественно-политическая деятельность создали основу для сохранения некоторых черт самобытной индейской культуры, несмотря на политику ассимиляции, проводившуюся в течение долгого времени католической церковью и канадскими властями. Во-первых, наряду с обычной североамериканской системой местного управления община восстановила традиционный политический институт наследственных родовых вождей. Они вместе с выборным общинным советом осуществляют управление местными делами. Традиционалисты возродили религиозный культ Длинного дома, у которого становится все больше последователей, хотя католическая церковь продолжает сохранять доминирующее положение. Для большинства жителей Кахнаваке разговорным языком уже давно стал английский или французский, однако в местной школе налажено преподавание родного языка, ирокезской

* Слово «мохавк» означает «люди у порогов».

истории, ведется обучение традиционным навыкам, изучаются обычаи.

В другой крупной ирокезской резервации — Сикс-Нейшн, на р. Гранд-Ривер к юго-западу от Торонто, куда в конце XVIII в. переселились около 2 тыс. индейцев-лоялистов (сохранивших верность английским властям в период войны за независимость североамериканских колоний), социально-культурная ситуация носит еще более сложный характер. Здесь фактически существуют две индейские общины, разделяющиеся по религиозно-политическому принципу. Первая объединяет последователей культа Длинного дома и приверженцев учения сенекского пророка Прекрасное Озеро — синкретического культа, распространившегося среди ирокезов в самом начале XIX в. Вторую общину составляют обращенные индейцы-христиане. Хотя между общинами существуют необходимые контакты, включая брачные связи, все же в социально-культурном отношении различия сохраняются.

Традиционалисты выступают за так называемый индейский путь, или образ жизни, отраженный в знаменитом Кодексе Прекрасного Озера — своде морально-этических правил и политико-правовых воззрений, в основе которых лежит соединение традиционных для ирокезской культуры ценностей с некоторыми элементами христианской веры. В резервации имеется шесть Длинных домов, принадлежащих племенным группам онондага, сенека, нижним и верхним кайюга. В них проводятся традиционные церемонии и календарные праздники: праздник Нового года, праздники клена, земляники, бобов, зеленой кукурузы, праздник урожая и т. д. Ежегодно в октябре или ноябре в одном из Длинных домов проходит общеирокезская церемония чтения Кодекса. Она сопровождается собраниями так называемых знахарских обществ, хотя в свое время основатель религии осуждал шаманство, знахарство и призывал прекратить деятельность тайных обществ.

В резервации Сикс-Нейшн действует восемь обществ: Медведя, Выдры, Орла, Бизона, Лица-оборотня, Фальшивого лица, Карлика, Тряхни-тыкву. Каждое из них имеет свои руководство, миф о происхождении, ритуалы и лечебную практику. Общества проводят церемониальные собрания не только в Длинном доме, но и в частных домах.

Культ Длинного дома — не только религия. В современных условиях он играет роль основного социального института, поддерживающего «индеанизм», традиционные ценности, в том числе матрилинейную систему родства, родовые связи, язык, общеирокезские связи. Из числа его последователей выдвигается большинство вождей и других местных лидеров. Традиционалисты обычно сохраняют способность говорить на одном или нескольких индейских языках. Материальный уровень их жизни обычно ниже, чем у другой части ирокезского населения в этом районе.

Христианизированные ирокезы — это те индейцы, которые живут по нормам и стандартам (если это удается) евроканадского общества. Многие считают себя такими же «белыми» канадцами, как и остальное население страны. Им принадлежит ведущая роль в социальной и политической жизни резервации. Через общинный совет, церковь, добровольные ассоциации, местную прессу они отстаивают свои интересы, которые, конечно, включают и интересы всего населения резервации, особенно когда речь идет о защите особых прав индейцев.

С 1963 г. в общинный совет стали избираться женщины. Совет получает правительственные субсидии и контролирует бюджетные поступления от местных налогов и из других источников. Под его контролем находится служба здравоохранения и социального обеспечения, школьное образование, организация досуга.

Большинство трудоспособного населения работает в ближайших городах — Брантфорде, Гамильтоне, Хагервилле, Нантикоке. Только несколько десятков семей сохранили за собой фермерские участки. Многие ирокезы не имеют постоянной работы, некоторые семьи живут только на пособие.

Современные индейцы канадских прерий (кри, блэкфут, сарси, ассинибойн) в отличие от сильно урбанизированных индейцев центральной части страны живут в многочисленных мелких резервациях Альберты, Саскачевана и западной Манитобы. Традиционный уклад жизни, основанный на охоте на бизонов, давно ушел в прошлое. Их главным хозяйственным занятием сегодня стали фермерство и разведение крупного рогатого скота. Этот тяжелый труд приносит мало дохо-

дов, и резервации в канадских прериях — одни из самых бедных: в поселках часто нет электричества, канализации, центрального водоснабжения, дома построены из дешевых щитовых конструкций и имеют всего две-три комнаты со скромной обстановкой. Исключение составляют несколько резерваций в провинции Альберта, на землях которых крупные компании добывают нефть. Плата за использование невозобновляемых ресурсов резерваций, хотя и составляет ничтожную долю от получаемых компанией прибылей, позволила этим общинам в 70—80-е годы заметно улучшить свое благосостояние.

Поскольку большинство коренных жителей канадских прерий относятся к так называемым статусным, или договорным, индейцам, им полагаются ежемесячные скромные выплаты из федеральной казны, которые часто единственный источник денежных поступлений. Многие, чтобы подработать, вынуждены наниматься к богатым белым фермерам и скотоводам, уезжать на заработки в США.

Общинные связи в этом регионе не очень прочные, влияние выборных советов и вождя, т. е. главы совета, до недавнего времени было слабым. Только в последние годы с созданием провинциальных индейских федераций и общеканадских организаций авторитет лидеров и их полномочия сильно окрепли. Возрождаются некоторые традиционные черты политической организации, в том числе общие собрания с обсуждением важнейших вопросов и принятием решений на основе консенсуса.

Культурная жизнь в резервациях — причудливая смесь традиций, нововведений и заимствований из общеканадской культуры. До сих пор сохраняются предубеждения против современной медицины и широко распространено лечение народными средствами. Обучению детей в школе некоторые семьи не придают особого значения. К тому же средних школ в резервациях очень мало, а обучение в городе с проживанием в интернате стоит дорого и часто вредно влияет на молодого индейца, которому трудно преодолеть отчуждение, языковой барьер, психологический стресс.

Среди индейцев прерий сохранились многие традиционные верования, в частности вера в верховное божество — Маниту. Но самое важное место занимает религиозный культ — Танец Солнца, смысл которого —

в установлении контакта человеческого существа с духами для получения благословения. Танец Солнца обычно проходит во всех общинах в июле. Четырехдневной церемонии предшествуют многомесячные приготовления. Собираются деньги, шьются нарядные костюмы, готовятся подарки, сооружается специальный шатер — место главной церемонии, приобретаются нарядные палатки в стиле традиционных типов.

В последние годы Танец Солнца — это уже не просто религиозный ритуал, а событие, имеющее огромное значение для выражения индейского самосознания и солидарности. На его основе родились летние праздничные фестивали паувау, на которые съезжаются гости со всей провинции, из других районов Канады, из американских соседних штатов. Так, например, в мае 1985 г. на паувау в г. Саскатун (административный центр Саскачевана) съехалось около 5 тыс. индейцев, в том числе 200 профессиональных танцоров из Западной Канады и США.

Паувау сопровождаются конкурсами на лучший костюм, лучшее исполнение традиционных танцев и музыки. Здесь выступают и рок-музыканты: массовая американская культура завладела вкусами современной индейской молодежи.

У индейцев прерий, да и не только прерий, широко распространился игорный бизнес, особенно игра в «бинго» (разновидность лото). Во многих резервациях открылись игорные дома: подобные заведения за пределами резерваций или облагаются высокими налогами, или запрещены вовсе. Сюда съезжаются любители азартных игр из соседних городов. Этот бизнес способствует распространению наркотиков, проституции, злоупотреблению алкоголем.

Индейцы Северо-Западного побережья, живущие в провинции Британская Колумбия, по своему этнокультурному облику, пожалуй, составляют наиболее ассимилированную часть индейского населения страны. Еще в XIX в. они были вовлечены в лесную, рыбоконсервную и другие отрасли канадской капиталистической экономики. И сегодня индейцы этого региона фактически не заняты в аграрном секторе: их крохотные резервационные участки не могут прокормить своих жителей, подавляющее большинство которых работает в городах.

Хотя дискриминация коренного населения в сфере наемного труда еще существует, все же индейцев Британской Колумбии отличает более высокий уровень образования и квалификации, что позволяет им нередко занимать престижные и хорошо оплачиваемые должности в торговле, сервисе, сфере бизнеса.

Как и в давние времена, жизнь многих современных индейцев Северо-Западного побережья Америки связана с рыболовством, и прежде всего с ловлей лосося. Только теперь это высокомеханизированный коммерческий промысел, которым занимаются мужчины, проживающие в резервациях вдоль речных и морских берегов. Владельцы и капитаны судов, хозяева небольших рыбозаводов, как правило, происходят из состоятельных индейских семей, живущих по стандартам среднего класса. Они предпочитают формировать судовые команды и нанимать работников из числа своих соплеменников, тем самым претендуя на лидерство в общинах. Большинство же аборигенов продолжают оставаться на низкооплачиваемых работах.

У тлинкитов, цимшиан, хайда, квакиутлей сохраняет свое значение традиция перераспределения излишка добытых продуктов (особенно рыбы) среди нуждающихся членов общины или жителей резервации. Тем самым удачливые и богатые индейцы укрепляют свой более высокий социальный статус и политическое влияние. Для этой же цели, как и в давние времена, используются праздничные пиры — потлачи с обильным угощением и раздачей подарков.

В 60—80-е годы среди северо-западных индейцев возрождаются традиции древнего изобразительного искусства и ремесел. Их художественный стиль, включая широко известный тлинкитский орнамент, используется при изготовлении ювелирных изделий, одежды, ковров и накидок, в современной живописи, графике, скульптуре. Продажа этих изделий на рынке, обслуживание туристов на специально устраиваемых индейских спортивных праздниках с гонками на «боевых» каноэ приносят дополнительный доход и одновременно способствуют сохранению индейской культуры, хотя часто в модифицированном, коммерчески ориентированном виде.

Традиционные религиозные верования и обряды дошли до наших дней также в измененных или обновленных формах. Когда-то они жестоко преследовались

миссионерами и правительственными чиновниками, особенно практика шаманского врачевания. Еще в начале XX в. среди береговых сэлишей возник индеанизированный вариант христианства — церковь шейкеров. Она до сих пор сосуществует с обычной протестантской церковью и распространилась среди индейцев на север, в Британскую Колумбию. В некоторых индейских поселках, особенно в зимнее время, устраиваются церемониальные «пляски духов» — драматические представления, чей религиозный смысл сейчас уже частично утрачен. Эти церемонии укрепляют в индейцах Британской Колумбии чувства этнокультурного единства и отличительности, которые во многих других сферах (например, в сфере языка) они почерпнуть уже не могут.

Наибольшую культурную специфику сохраняют в Канаде индейцы Субарктики. Большинство их проживает в Северо-Западных территориях, Юконе, северном Квебеке. Некоторые черты традиционной культуры еще присущи социальной организации индейских групп. У монтанье-наскапи, северных кри, атабасков, как и раньше, распространены патрилокальные и матрилокальные браки, т. е. супружеская пара живет с родственниками мужа или жены и лишь очень редко — отдельно от них. Сохраняется обычай отработки за невесту, когда молодой муж должен жить определенное время в семье жены и оставлять в ней весь свой заработок. С ростом благосостояния и образования все большее число молодых людей, вступая в брак, селятся отдельно.

На Севере, как и в других районах Канады, действует система выборного общинного самоуправления, хотя резерваций как таковых здесь нет, а существует обычное политико-административное деление. Выбранные голосованием или консенсусом вождь и советники представляют общины перед правительством, но среди соплеменников они ничем, кроме личного авторитета, не выделяются и никакими особыми правами не обладают. Традиционная внутриобщинная этика северных народов поощряет принцип «каждый человек сам себе хозяин», и даже признанный лидер не имеет права подавлять кого-либо.

Миссионерская деятельность европейских церквей в прошлом имела лишь частичный успех. Многие северные индейцы привержены разного рода племенным

и шаманским культам. Кри и монтанье верят в антропоморфных богов и в пожирающее людей чудовище Виндиго. У них сохраняются ритуалы медвежьего праздника и «качающейся палатки». И все же христианские обряды занимают ныне доминирующее положение. Если в общинах или в охотничьих группах нет возможности посещать воскресную церковную службу, то индейцы молятся самостоятельно, а роль священника берет на себя один из уважаемых людей. Но в жизни северных индейцев нет места для глубокой религиозности: суровая окружающая среда диктует более прагматические нормы социального поведения.

В последние годы в материальную культуру аборигенных народов Севера вошли многие предметы современного быта: в постоянных жилищах есть телевизор, радио, центральное отопление, канализация. И все же в городских поселках, где живут белые канадцы, индейские районы имеют убогий, трущобный облик.

Северяне широко используют зимой разные модели мотонарт, к которым часто прикрепляют традиционные сани — тобогганы. Собачьими упряжками в быту пользуются очень редко, зато на них проходят увлекательные спортивные состязания во время традиционных зимних праздников. Один из них — популярный на Севере Олений карнавал.

Сегодня Канадский Север — это последний крупный регион, где коренное население страны еще сохраняет в целостности свой культурный облик, не отступая перед труднопреодолимой силой воздействия евроканадского мира.

Успехи последних лет в получении образования, в том числе частью молодых людей — университетского, распространение средств массовой коммуникации привели к возникновению небольшого, но все более активного и влиятельного слоя индейской интеллигенции. От нее исходят мощные духовные импульсы, основанные на общеканадских культурных формах и ценностях (клубы и ассоциации по интересам, вечера и дискотеки с танцами и играми, конкурсы красоты, парады и коллективные угощения по случаю рождества, пасхи, Национального дня Канады 1 июля и пр.). Но представители этой же новой аборигенной интеллигенции не менее активно, чем старики и традиционные лидеры общин, выступают инициаторами сохранения и

возрождения утраченных элементов родной культуры.

В крупных индейских резервациях в последние годы созданы культурные центры, музеи, выпускаются собственные многотиражки для членов общины, издаются журналы. При резервационных школах работают кружки и студии по возрождению традиционных навыков ремесла, изготовлению предметов прикладного искусства (украшений, охотничьего инвентаря, предметов туалета и др.). В 1986 г. министерство образования Северо-Западных территорий разработало детальную программу под названием «Изучение традиций» для различных групп коренного населения (метисов, индейцев, эскимосов). Она к настоящему времени успешно внедряется в учебный процесс в качестве обязательных и факультативных курсов. Министр образования Д. Хендли, сам выходец из семьи метисов, проводит эту программу, используя и опыт развития Советского Севера.

Ассимиляция или развитие!

Сегодня преобладающая часть индейских народов — это не более чем отмирающий символ прошлого, но роль североамериканских индейцев в становлении новой великой нации поистине безмерна. Их солнце может закатиться, однако земля все еще хранит тепло их рук...

Уильям У. Ньюкомб,
американский этнограф

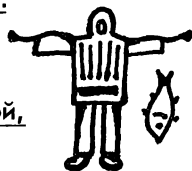
Коренные американцы не образуют единой расовой группы.

Существует несколько сот различных племен, каждое со своей культурой,

историей, религией и языком.

Как и в прошлом, многие из племен

представляют собой суверенные нации...

Из документа Национальной ассоциации
председателей племен

США

Самосознание индейцев

Противоречивость современного общественного развития американских индейцев оказывает противоречивое же воздействие на их сознание. Это влияние особенно наглядно проявляется в мировоззрении коренных американцев, в их религиозном и политическом сознании, в ценностных ориентациях, а также в их этническом, национальном самосознании.

Не вызывает сомнения, что общеамериканское само-

сознание получило широкое распространение в индейской среде. Индейцы признают американское законодательство, юрисдикцию федерального правительства в индейском вопросе, считают себя гражданами США. Американская национальная символика вошла в повседневную жизнь многих индейских народов. Повсеместно, например, празднуются официальные общенациональные праздники: День независимости, День благодарения и День труда. Обычным атрибутом общественных церемоний, от фестивалей паувау до похоронных обрядов, стал американский флаг, не говоря уж о том, что он обязательно развевается над общественными зданиями индейцев — офисами общинных советов, колледжами, музеями и т. д. Об уровне общеамериканского самосознания по крайней мере части индейцев свидетельствуют известные факты их участия в войнах США — первой и второй мировых, в Корее и Вьетнаме. В образованных кругах коренного населения страны растет сознание того, что индейские культуры — это неотъемлемая часть американской культуры.

Некоторые явления в области политического сознания индейцев последних десятилетий также свидетельствуют о сдвигах в осмыслении индейцами своего места в американском обществе. Так, долгое время, вплоть до 60-х годов XX в. и позже, значительная часть индейцев отрицала саму идею борьбы за гражданские права, как и массовые формы протеста, применяемые другими этническими группами США, — демонстрации, пикеты, забастовки и др. По существу первым таким выступлением было участие приблизительно 100 индейских активистов в Марше бедняков, организованном Мартином Лютером Кингом в 1968 г. Отчасти такая позиция была связана с тем, что понятие «гражданские права» ассоциировалось у индейцев с проводившейся правящими кругами США в 50-е годы политикой отмены особых обязательств государства перед коренным населением под лозунгом обеспечения им прав, которыми пользовались прочие американцы. Но идеологическая установка «индейцы не протестуют» существовала и раньше. Она отражала представление индейцев о своей обособленности — обособленности истинных американцев — по отношению к государству пришельцев, которые захватили их земли и диктуют им законы. Таким образом, начало массового движения

индейцев за свои права и развитие у них политических форм борьбы в 60—70-е годы отражали не только рост их политического сознания, но и определенный этап в преодолении национальной ограниченности мышления.

Можно было бы привести и другие примеры проявления общеамериканского сознания индейцев США, но имеется ничуть не меньше примеров и противоположного характера. Так, несмотря на отмеченные изменения в общественном сознании коренных американцев, их борьба и сегодня направлена не столько на обеспечение конституционных прав — прав граждан США, сколько на обеспечение особых прав, вытекающих из юридического статуса индейского населения. Индейцы требуют неприкосновенности резервационных земель, компенсации за некогда отторгнутые государством племенные земли, прав контроля над природными ресурсами резерваций, использования охотничьих и рыбных угодий вне зависимости от федерального природоохранного законодательства, защиты культурных традиций, «святых мест» и т. п. Идеология радикально настроенной части индейской общественности, акции протеста, организованные в конце 60-х — начале 70-х годов Движением американских индейцев (ДАИ) и Национальным советом индейской молодежи (НСИМ), имели не только чисто социальную, но и национальную окраску. Это и естественно, поскольку специфику проблем коренного населения США составляет переплетение социальных и этнических аспектов.

Было бы, видимо, упрощением сводить все подобные акции к пропаганде, хотя данный момент в лозунгах и действиях индейских радикалов также присутствует. Подобные лозунги в некоторой степени, очевидно, отражают действительные настроения, распространенные в индейской среде. «Мы не допустим интервенции США», — писал молодой индеец навахо в газету по поводу решения федеральных властей выселить его соплеменников с части занимаемой ими территории. «Мы всеми способами пытались заставить США прекратить притеснения аборигенных культур...» — говорилось в обращении делегации хопи в ООН. В работе американского автора В. Делориа приводится достаточно показательный случай, происшедший однажды в штаб-квартире Национального конгресса американских индейцев. Когда понадобилось завизировать какой-то

официальный документ этой организации, среди сотрудников вдруг встала проблема: «Чья подпись здесь должна стоять — НАШЕГО президента (президента НКAI) или ИХ президента (президента США)?»¹ Противопоставление индейских народов американскому правительству, американскому государству в целом — характерная черта идеологии части коренных американцев.

Такого рода противопоставление отличается, на наш взгляд, от своеобразного «феномена отчужденности», который заключается в том, что многие американцы, независимо от их этнической принадлежности, испытывают по отношению к государственному аппарату собственной страны недоверие и отчужденность. Это явление вызвано чисто социальными причинами, в то время как антиамериканизм индейцев порожден не только их насущными проблемами, но и историческими традициями, составляющими важную часть их этнического самосознания. Если, например, рассмотреть историю борьбы коренного населения США за свои интересы, то получится довольно любопытная картина.

В 1973 г. руководство ДAI провозгласило независимость городка Вундед-Ни в резервации Пайн-Ридж от США, а затем и оглала-сиу, занимающие эту резервацию, провозгласили независимость своей «нации». Участники «Марша нарушенных договоров» в столицу страны (1972 г.) среди прочих требований выдвинули требование возобновить договорную политику между индейскими общинами и федеральным правительством. Эта политика осуществлялась в те времена, когда индейские племена рассматривались европейцами в качестве суверенных народов, а позднее — в качестве автономных политических организмов. В конце 50-х годов индейские «нации» вопреки официальному курсу Белого дома признали революционное правительство Кубы и обратились к нему с просьбой поставить перед ООН вопрос о признании их собственной независимости. В 1950 г. Лига ирокезов направила в эту организацию жалобу на власти США по поводу чинимых ими притеснений в отношении коренного населения страны. Во время второй мировой войны среди индейцев наряду с теми, кто показал образец американского патриотизма, вступив добровольцами в армию, были и такие, которые решительно отказались

от мобилизации в вооруженные силы, недвусмысленно продемонстрировав свои антиамериканские настроения. В результате немалое число индейцев (папаго, юте, семинолов, ирокезов, хопи) попали в тюрьму. Это были именно антиамериканские, а не пацифистские или какие-либо иные настроения. Достаточно сказать, что в 1942 г. Лига ирокезов демонстративно объявила войну Германии и ее союзникам, хотя США уже находились в состоянии войны. В 30—40-е годы навахо и пайюте, недовольные политикой государства в индейском вопросе, объявили, что они находятся «в состоянии войны» с правительством США. А еще раньше, в XVIII—XIX вв., велись не символические, а самые настоящие войны индейских народов против евроамериканских колонизаторов. Видимо, преимущество форм борьбы отражается и на преимуществах в области сознания современных индейцев.

Этническая окраска индейского антиамериканизма проявляется не только в сфере политической борьбы, но и в том, как индейцы понимают свое место в этнической структуре общества США. Значительная часть индейцев продолжает противопоставлять себя белым американцам. Происходит это не только из-за различий в культуре, в расовых признаках и т. п., но и потому, что индейцы считают белое население носителем соответствующего образа жизни, который по характеру лежащих в его основе духовных и этнических ценностей, общественных отношений чужд индейским традициям.

Индейский этноцентризм проявляется и в отношении афроамериканцев, причем даже более заметно, чем в отношении евроамериканцев. «Наша борьба, — заявлял один из религиозных лидеров криков, Филипп Диез, — в корне отличается от борьбы чернокожих, у них нет здесь ни земли, ни языка. У черных здесь нет культуры, поэтому они борются за гражданские права или за то, что имеют белые»²

Этноцентризм коренного населения США может проявляться в крайне националистических формах. Такой всплеск национализма приходится, в частности, на период подъема общественно-политического движения коренных американцев в конце 60-х — начале 70-х годов текущего столетия. В то время В. Делориа-младший, известный литератор и один из идеологов

индейского радикализма, писал, что «значительная часть индейцев рассматривает белых лишь как эпизод в своей тысячелетней истории»³ Представители националистических группировок толковали лозунг «Власть краснокожим» не только как призыв к борьбе за социальные права и национальную автономию, но и как символ грядущей «индейской Америки», когда из нее будут изгнаны «все европейские, черные и азиатские братья».

Разумеется, к подобным высказываниям нельзя относиться с полным доверием, поскольку их утопичность заведомо ясна и самим их авторам. Кроме того, экстремизм никогда не был доминирующей идеологией индейских движений, а с начала 70-х годов он пошел на убыль, причиной чего были не только репрессии властей, но и его дискредитация в глазах самих индейцев. Большинство индейских активистов считает, что национальное самоопределение должно быть осуществлено в рамках действующей социально-политической системы США. Имеется также немалое число индейцев, которые проповедуют неизбежность и даже желательность ассимиляции. Эти лица представляют интересы в основном наиболее американизированных групп, смыкающихся со «средним классом» господствующего общества США. В целом у коренного населения США не произошло смены индейского этнического самосознания общенациональным американским самосознанием. Преимущественно оба этих вида самосознания сосуществуют, проявляясь у различных этнических и социальных групп индейцев, в различных ситуациях по-разному.

Индейское этническое самосознание проявляется не только у таких крупных этнических общностей, как навахо, чиппева, ирокезы, чироки, сиу, апаче, чокто, блэкфут и другие, но и у малых народов, хотя эти народы, насчитывающие по несколько сот, а то и десятков человек, казалось бы, уже давно должны были раствориться в окружающем евроамериканском или индейском населении. К ним относятся, в частности, мохаве, кокопа, хума, пайюте, хавасупай, явапай, туника, айова, катауба, кайова-апаче, яки.

Процессы межэтнической интеграции, утраты индейских культурных традиций, происходящие в индейской среде, за редким исключением, не привели пока к прео-

долению племенного самосознания. Например, в Оклахоме уже во второй половине XIX в. происходило стирание племенных различий. Однако до сих пор это не привело к явным сдвигам в сознании местного индейского населения. Один из лидеров индейцев пауни так представился в конгрессе США: «Мое имя Уолтер Эхо-Ястреб, и я с гордостью заявляю, что я — представитель индейского народа пауни Оклахомы». Отчетливое этническое самосознание демонстрируют и другие индейские группы, проживающие в этом штате, — чироки, крики, ирокезы, чокто, семинолы, шауни, чикасо и др. Вместе с тем в сознании индейцев происходит формирование чувства общеиндейской солидарности.

Одна из проблем, встающих при исследовании современного этнического развития индейского населения США, вытекает из того факта, что при росте этнического самосознания индейцев происходит сокращение сферы их традиционно-бытовой культуры, размывание этнокультурной специфики индейских народов. Возникает вопрос: если культура, являющаяся, как известно, одним из основных этнических определителей, все более теряет свою этническую окраску, то что лежит в основе роста национального самосознания индейцев? На основании чего вообще происходит этническое развитие коренных народов США?

Следует подчеркнуть, что племенное этническое самосознание индейских народов — это во многих случаях не рудимент. Своими корнями оно уходит в историческое прошлое, но представляет собой продукт современного развития индейских обществ. Важную роль в формировании этнического самосознания коренных американцев играет комплекс этнопсихологических, социальных и идеологических факторов, обусловленных сегрегированным положением индейских народов в обществе США. Однако и собственно культурные аспекты не утратили своего значения: индейские культуры развиваются на основе синтеза усваиваемых евроамериканских культурных традиций и наиболее социально значимых индейских традиций. При этом обнаруживается двусторонняя взаимосвязь между этническим самосознанием индейцев и элементами их традиционных культур. С одной стороны, последние питают этническое самосознание, а с другой — его рост побуждает коренных американцев сохранять и даже возрождать

прежние культурные традиции, которые в этом случае теряют часть социальных функций, но повышают свою идеологическую, этноотличительную значимость.

Говоря о духовных факторах, влияющих на этническое самосознание индейцев, не следует упускать из виду материальные условия жизни, особенности социальных отношений и общественной практики в целом. Их значение особенно наглядно проявляется в местном самосознании индейцев, которое часто совпадает с самосознанием локальных этнических групп, существующих в рамках более крупных индейских этносов. Американский исследователь Л. Бин приводит следующее высказывание индейца моронго: «Когда человек состоит членом резервационной общины, у него кое-что есть. Он не утрачивает свое лицо. Он не таков, как люди в городском гетто, где ваше единственное отличие — работа. Мы не безликие люди. Мы — индейцы моронго»⁴. Местное самосознание характерно для представителей и такого развитого индейского этноса, как навахо. «В нашем традиционном языке, — говорила Паулина Уайтсингер, одна из лидеров общины навахо, — нет слова, обозначающего переселение». А другая представительница этой общины, некоторое время жившая вдали от родных мест, так выразила свои чувства: «Я поняла, что человек умрет, если покинет свою землю. Я пришла к заключению, что та земля, которую я оставила, суждена мне до смерти...»⁵

Часто подобные чувства основываются на мифологических представлениях о духовной близости с данной территорией, с расположенными здесь природными «святыми» объектами, с самой Матерью-Землей. Но исторически они восходят к далекому прошлому индейских народов, когда только в пределах собственной племенной или общинной территории человек пользовался поддержкой своего коллектива и мог чувствовать себя в безопасности. И сегодня связь между социальной практикой и местным самосознанием продолжает существовать. Один из примеров тому дают общины чироков Оклахомы. В рамках этих общин-деревень функционируют традиционные социальные связи, обеспечивающие общинникам разнообразную материальную помощь и моральную поддержку. Осознавая свою принадлежность к народу чироки, каждый из этих коллективов одновременно считает себя особым,

«главным» народом. Иногда материальная основа местного самосознания проявляется у индейцев в чистом, не осложненном идеологическими соображениями виде. Индеец чиппева из резервации Ред-Лейк говорил журналисту: «Мы можем охотиться и ловить рыбу в любое время года. Не все люди имеют такую привилегию. Мы можем это делать потому, что у нас закрытая резервация. Ред-Лейк — закрытая резервация, и я надеюсь, что она и останется таковой».

Исследование индейской современности показывает, что проблема осмысления коренными американцами своего места в окружающем мире достаточно сложна. Характерная особенность самосознания индейцев — его многозначность и иерархичность. Одни и те же индейские народы могут обладать, например, общинным, племенным и общеиндейским самосознанием, а также самосознанием общеамериканским. В целом же их сочетание отражает своеобразие современного этапа этнического развития коренного населения США, которое состоит в переплетении различных тенденций и явлений.

Так существуют ли современные индейские народы!

Европейская колонизация и завершение завоевания страны Соединенными Штатами решительным образом повлияли на ход этнического развития коренного населения. С одной стороны, проникновение в индейские общества товарно-денежных отношений ускорило разложение родового строя и развитие имущественного неравенства, что объективно открывало простор процессам общественного, в том числе и этнического, развития. Но с другой стороны, насильственное переселение одних племен, истребление и вымирание других, повсеместное сокращение контролируемых индейцами территорий, упадок их производительных сил нарушили, а нередко и затормозили естественноисторический ход этого развития. Кроме того, во многих регионах страны — на всей территории к востоку от Миссисипи, в восточных и южных районах Великих равнин — сильно изменилась этническая структура индейского населения. Многие народы оказались искусственно разделенными, были раздроблены межплеменные

объединения и этнографические общности, нарушались веками складывавшиеся межэтнические связи и формировались новые. Важнейшим фактором развития аборигенных народов стала их аккультурация численно преобладающим и политически господствующим евроамериканским населением.

Наиболее существенным следствием всех этих обстоятельств явилось прекращение роста и сокращение численности большинства индейских народов, резкое замедление процесса их консолидации, причем больше других пострадали те из них, которые стояли на пути формирования народностей. Достаточно сказать, что численность зуни к середине XIX в. упала с 20 тыс. в раннеколониальный период до 1 тыс. с небольшим, численность чироки сократилась за этот же период с 22—25 тыс. до 14 тыс. человек, хикарилья-апаче в середине прошлого столетия насчитывалось более 20 тыс. человек, а 50 лет спустя — менее 1 тыс. Численность ирокезов XVII в. восстановилась только на рубеже XIX и XX вв., а семинолов — и того позже, к 1970 г.

Сходясь в том, что в течение колониального периода на территории США исчезло несколько десятков коренных народов, исследователи высказывают весьма разноречивые оценки их количества в настоящее время: от 170 до 300 «групп американских индейцев», «отдельных лингвистических и племенных групп», «общин», «народов» и т. д. В переписи населения США 1970 г. учтены 86 индейских народов и около 700 их подразделений, а в переписи 1980 г. перечислены 152 индейских народа и более 300 их подразделений.

Разнобой в оценках объясняется не только тем, что понятия «индейские народы», «индейские этносы» остаются довольно неопределенными. До некоторой степени он отражает особенности современного этнического развития коренного населения США. Значительная часть индейских народов сегодня вполне соответствует принятому в советской этнографической науке пониманию этноса как исторически сложившейся устойчивой межпоколенной совокупности людей, «обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)». Однако рас-

тет число тех индейских народов, у которых комплекс этноотличительных признаков представлен в неполном виде, т. е. исчезли либо языки, либо социокультурные или духовные традиции. К числу таких народов относятся, например, чирикахуа-апаче, кайова-апаче, нантик-кок, пенобскот, вампаноаги, меномини, некоторые группы пуэбло. Имеются и такие группы индейского населения, у которых, за исключением особого самосознания, практически нет каких-либо иных этнокультурных признаков, выделяющих их в окружающей индейской или евроамериканской среде: липан, ламби, катауба, делавар, манси и др.

Может возникнуть вопрос: не отражают ли подобные различия между индейскими народами различные стадии процесса размывания индейских этносов, их ассимиляции евроамериканцами, справедливо ли вообще в таком случае говорить об этническом развитии коренного населения США?

Думается, дело обстоит иначе. Во-первых, увеличение числа ассимилированных лиц индейского происхождения вовсе не обязательно ведет к ассимиляции целых индейских народов, поскольку растет и численность многих из этих народов. Во-вторых, нельзя недооценивать усилия многих резервационных общин по возрождению культурных традиций и пропаганде истории своих народов. Эти меры сыграли важную роль в отмечавшемся повсеместно в 60—70-е годы росте этнического самосознания коренного населения страны.

Для оценки современного состояния индейских этносов и для прогнозирования перспектив их дальнейшего развития важен и такой момент. При всех различиях между коренными народами США в степени сохранности культурных традиций общей тенденцией их современного развития является сужение сферы традиционно-бытовой культуры и увеличение функциональной значимости евроамериканской культуры и английского языка. Процесс этот необратим и будет продолжать свое действие. Однако было бы ошибочно на основании этого факта предсказывать ассимиляцию всех индейских народов.

Наиболее развитые индейские общества по характеру лежащих в их основе общественных отношений близки евроамериканскому обществу, но в то же время занимают по отношению к нему обособленное положе-

ние, обусловленное существующей в США сегрегацией коренного населения, эксплуатацией и угнетением резерваций евроамериканским капиталом и буржуазным государством. Данная особенность служит объективной социально-экономической основой сохранения индейских этносов.

Не существует жесткой связи также между аккультурацией и ассимиляцией коренных американцев. Даже полная аккультурация, если понимать ее как смену культуры, редко приводит к смене этнического самосознания той или иной индейской резервационной группы. Разумеется, в некоторых случаях надо говорить о том, что процесс ассимиляции просто еще не завершился. Однако имеется, на наш взгляд, и более глубокая причина. Принято считать, что изменение содержания индейских культур в современный период — это следствие аккультурации, и поэтому универсальная тенденция развития индейских народов состоит в утрате ими своей самобытности и ассимиляции евроамериканским населением. Такой взгляд лишь отчасти верен. Он основывается на представлении о том, что индейские этносы могут быть действительно «индейскими», только сохранив свои культурные традиции, сформировавшиеся сотни лет назад. Фактически такой подход ставит коренные народы США вне исторического развития. В действительности же так называемая «аккультурация» — это в значительной степени объективный процесс внутреннего развития индейских народов, который соответствует общей тенденции этнического развития народов высокоразвитых стран, заключающейся в индустриализации и интернационализации их культуры. В этом смысле влияние евроамериканской культуры на индейские народы США в современный период является не столько причиной, сколько катализатором и элементом механизма трансформации их культур. Таким образом, следует говорить не об исчезновении индейских народов как ведущем направлении их «развития», а о восхождении их на новую, более высокую ступень этнического развития.

Этот вывод вовсе не отрицает самого явления ассимиляции индейцев: об ее интенсивности в прошлом говорит, например, тот факт, что от 3 до 15 млн белых американцев ведут происхождение от индейских пред-

ков. Но проблема ассимиляции индейцев распадается в зависимости от конкретных условий на ряд частных случаев. Известно, например, что быстрее происходит ассимиляция тех индейцев, которые живут в крупных городах постоянно, и медленнее тех, кто отправляется сюда лишь на сезонные заработки. Отмечено также, что менее активно происходит ассимиляция индейцев в мелких городах, где они держатся замкнутыми группами. Что же касается резерваций, то здесь процесс ассимиляции сдерживается не только более интенсивным влиянием индейских культур и культурных ценностей, но и действием всей системы традиционных социальных связей в рамках общины и семейно-родственных коллективов, влиянием общественного сознания.

Как было отмечено, ассимиляция индейцев евроамериканским населением осложнена рядом объективных и субъективных факторов социального, экономического и этнопсихологического порядка. Но гораздо слабее происходит слияние индейцев со второй по численности группой населения США — с афроамериканцами. Причин здесь тоже несколько. В широких масштабах контакты между индейцами и неграми могут поддерживаться по существу только в крупных городах, где существуют многочисленные негритянские гетто и концентрируются коренные американцы, покинувшие резервации; значительная же масса индейского населения сосредоточена в сельских районах. Кроме того, для части индейцев афроамериканское население — по его расовой принадлежности, историческим традициям и культуре — представляется еще более чужеродным, нежели население евроамериканское. Наконец, коренные американцы не желают смешиваться с афроамериканцами как с одной из самых дискриминируемых групп американского общества. Не последнюю роль здесь играет также то обстоятельство, что индейцы в отличие от афроамериканцев пользуются определенными привилегиями, вытекающими из их особого юридического статуса, — государственными дотациями, формальной гарантией неприкосновенности их земель, местным самоуправлением и др. Указанные обстоятельства особенно наглядно проявляются, например, в том, что браки между индейцами и афроамериканцами очень редки.

Иные отношения сложились между индейцами и испаноамериканцами (чиканос). Обе эти группы — потомки древнего населения Северной Америки. Они издавна поддерживают между собой довольно интенсивные культурные и брачные связи (в Калифорнии, на Юго-Западе США). Некоторые представители индейской интеллигенции даже считают, что всех лиц мексиканского происхождения, генеалогически связанных с древними аборигенными народами Северной Америки, следует считать индейцами.

Затронутая проблема национально-смешанных браков имеет большое значение для понимания роли межкультурных контактов в этническом развитии американских индейцев.

К настоящему времени в США не осталось почти ни одного генетически не смешанного с неиндейским населением индейского народа. Показателем этого служит, например, принятый в США ценз «индейской крови», необходимый для принадлежности к тому или иному «племени». Официальный его уровень не превышает 25 %, а у сильно смешанных народов Востока страны он значительно ниже. Так, чтобы иметь право считаться членом северокаролинской группы чироки, достаточно иметь индейских предков в четвертом-пятом поколениях.

Изучение национально-смешанных браков может стать дополнительным средством познания механизма этнических процессов у индейцев США, хотя значение таких браков преувеличивать не следует. Материалы по индейским народам показывают, что непосредственной зависимости хода их этнокультурного развития от интенсивности межнациональных браков нет. В конечном счете этническое развитие коренных американцев определяется объективными явлениями общественной жизни, а характер взаимодействия культур в рамках национально-смешанных семей зависит прежде всего от окружающей этнокультурной среды. В противном случае высокая степень метисации индейцев, в том числе и во многих резервациях, привела бы к прогрессирующей их ассимиляции евроамериканским населением, а не к быстрому и устойчивому росту их численности на протяжении XX в.

Сегодня большинство индейских народов представляют собой довольно аморфные этнические общности,

располагающиеся на линии исторического прогресса где-то между племенем и нацией. Лишь в некоторых случаях справедливо будет говорить о завершении в основном перехода тех или иных индейских этносов в качественно новое состояние либо о прекращении развития и необратимости процесса ассимиляции. При этом обнаруживаются два различных пути этнического развития коренного населения США: развитие на базе индейских культурных традиций и развитие на базе евроамериканской культуры.

Народность навахо, или «дене», как они себя называют, сложилась на протяжении XIX—XX вв. на базе племенной этнической общности с тем же самоназванием и на той же территории путем консолидации локальных культур и преодоления местных различий в самосознании. Навахо имеют собственный письменный язык, который употребляется не только в семье, но и в самых различных сферах общественной жизни, сохраняют многие индейские традиции духовной и материальной культуры и обладают ярко выраженным этническим самосознанием. У навахо существует централизованная система самоуправления, посредством которой они регулируют свои отношения с государством, осуществляют программы экономического, социального и культурного строительства. Численность навахо в середине 80-х годов составляла более 170 тыс. человек.

Ламби, живущие в Северной Каролине, сохраняют устную традицию, связывающую их происхождение с чироки — с 1913 по 1953 г. их община даже официально именовалась «Индейцы чироки графства Робсон». Незначительная часть ламби требует от федеральных властей, чтобы их признали в качестве индейцев тускарора (и соответственно распространили на них те преимущества, которыми пользуются тускарора в штате Нью-Йорк). Однако, судя по имеющимся данным, народ ламби изначально формировался как смешанная этническая группа при участии индейских племен Юго-Востока, включая чироки, тускарора, сиу и английских колонистов.

Начало процесса этногенеза ламби относится, видимо, к концу XVI — началу XVII в., а в первой трети XVIII в. по образу жизни они уже мало чем отличались от европейских поселенцев. С переходом во второй половине нынешнего столетия от староанглийского языка

к современному языку ламби утратили последнюю отличающую их от окружающего евроамериканского населения черту культуры. В настоящее время единственный этнический определитель этого народа — самосознание, переходящее в чувство национальной гордости. Численность ламби в начале 70-х годов составляла около 50 тыс. человек.

Особенность современного этнического развития коренных народов США — тесное переплетение самых различных, порой противоположных тенденций. Обусловлено это прежде всего дисперсностью и мозаичностью расселения индейских народов, что, с одной стороны, затрудняет их дальнейшую консолидацию, а с другой — создает условия для интенсивных межэтнических контактов. Достаточно сказать, что менее 200 индейских народов разбросаны по 400 резервациям и мелким анклавам («общины», «деревни», «ранчери», «сеттльменты», «пуэбло», «колонии» и т. п.), расположенным в 34 штатах США. Во многих штатах коренным образом изменилась структура этнических связей между индейскими народами. Так, в Калифорнии к 1970 г. почти треть индейского населения составляли выходцы из других районов страны.

Важным аспектом современного этнического развития коренного населения США является проблема консолидации относительно крупных индейских народов. Этот процесс, в перспективе ведущий к образованию новых индейских народностей, происходит, например, у чиппева, сиу, пима-папаго, чокто, чироки, хопи, блэкфут, криков. Однако в большинстве случаев он протекает в более сложных, чем у навахо или ламби, условиях. Например, если хопи расселены компактно, то прочие названные народы не имеют общей территории, и их этническое развитие происходит в рамках нескольких этносоциальных общностей. Это препятствие нередко оказывается настолько существенным, что о возможности консолидации этноса не приходится говорить, особенно когда дополнительной преградой служит государственная граница. В таком положении находятся ирокезы, чиппева, блэкфут, папаго, ряд других индейских народов США и Канады.

Чиппева США расселены в 17 резервациях 5 штатов — от Мичигана на востоке до Монтаны на западе. Основная часть этого народа сосредоточена в штате

Миннесота, где общины чиппева объединены в так называемое «Племя чиппева Миннесоты» с населением более 30 тыс. человек. По-видимому, именно это образование послужит основой для формирования особой народности, однако нельзя исключать возможности консолидации чиппева и в других штатах, где их численность также довольно значительна, — в Северной Дакоте, Мичигане, Висконсине. Основой тенденции разделения этнической общности чиппева и консолидации ее отдельных частей служат не только их территориальная разобщенность и административная самостоятельность, закрепленные резервационной системой, но и то, что эта разобщенность отражает особенности расселения чиппева в доколониальный и раннеколониальный периоды, исторически сложившиеся культурные связи, различия в самосознании отдельных групп чиппева.

Аналогичные препятствия стоят на пути объединения дакотских народов, расселенных, правда, несколько более компактно, нежели чиппева, — они образуют три крупных массива в штатах Северная и Южная Дакота и на севере Небраски, а также занимают несколько мелких резерваций. Основные подразделения сиу, некогда входившие в союз «Семи племенных костров», — тетон-дакота (лакота), санти-дакота и янтон-дакота — сегодня представляют собой самостоятельные этнические общности. Самая крупная из них, лакота, насчитывает около 30 тыс. человек и имеет собственную письменность. Более того, у тех же лакота и санти нет внутреннего единства, поскольку они распределены по нескольким резервациям, а кроме того, эти народы имеют дробную этническую структуру. Санти включает пять этнических групп, а лакота — десять, и некоторые из этих групп могут стать особыми этносами.

В целом современное этническое развитие сиу представляется следующим образом. Происходит консолидация основных этнических подразделений путем стирания особенностей входящих в них этнических групп. Одновременно сохраняются различия между самими этими подразделениями, и оба выделенных процесса создают условия для образования у сиу надплеменных этнических общностей типа народности. При этом формирующиеся народности могут не совпадать с исходными племенами: на базе общности тетон-

дакота наблюдается складывание не только народности тетон, но и народности оглала, а консолидация янктонов дополняется ассимиляцией ими янктонаи и пабаска. Довольно проблематично будущее народа санти-дакота, который разбит на три территориально удаленные друг от друга части — на крайнем северо-востоке, на крайнем юго-востоке Южной Дакоты и на севере Небраски. Возможно, эти группы не смогут дать начало народности санти, а будут вовлечены в формирование других народностей сиу.

Разделительные процессы определяют основное направление этнического развития апаче. Их история — это история постепенной дифференциации довольно аморфной культурно-языковой общности на протяжении предыдущих столетий. Введение резервационной системы еще больше закрепило обособленность отдельных групп апаче. В настоящее время существуют объективные условия для дальнейшего разделения этих групп, а в некоторых случаях оно практически уже произошло. Так, в Оклахоме находятся две общины кайова-апаче, конституировавшихся в самостоятельные административно-территориальные организмы: «Племя апаче Оклахомы» и «Племя равнинных апаче Оклахомы». Искусственное разделение чирикахуа-апаче в начале XX в. привело к размыванию этой некогда довольно многочисленной группы. Большая часть чирикахуа была поселена в резервации индейцев мескальеро, а затем переведена в резервацию Сан-Карлос, где они в настоящее время близки к растворению в местном, тоже апачеязычном населении. Остальных чирикахуа переселили в Оклахому, где их община в 1981 г. насчитывала менее 300 человек. Раздробленным на части оказался народ липан, в прошлом представлявший собой самостоятельное и сильное племенное образование, занимавшее значительную территорию в среднем течении Рио-Гранде и на плато Колорадо. Ныне липаны близки к ассимиляции народами хикарилья и мескальеро.

Объединительные процессы у апаче не ограничиваются ассимиляцией. Косвенным свидетельством консолидации хикарилья служит рост их численности на протяжении XX в. На пути к смешению находятся, видимо, родственные группы, входящие в общность западных апаче, или койотеро, — кибеку, сан-карлос,

тонто, уайт-маунтин и др. (всего 14 групп).

Неясной выглядит судьба пима-папаго. В прошлом папаго представляли собой скорее территориальное подразделение пима, занимавшее долину р. Папагериа, нежели особый этнос. В настоящее же время разобщенными оказались не только пима и папаго, но и каждая из этих групп: пима занимают две, а папаго — три резервации в штате Аризона. Вместе с тем близость расположения резерваций, культурная и языковая общность и устойчивость этнического самосознания позволяют предполагать, что дальнейшее этническое развитие пима и папаго не приведет к сильной парцелляризации их общности.

Если во всех приведенных выше примерах можно было говорить об объединительных тенденциях этнического развития, то в случае с ирокезами США такие тенденции не играют сколько-нибудь заметной роли. Это — прямое следствие расчленения Лиги ирокезов при создании резерваций. Помимо семи резерваций в штате Нью-Йорк ирокезы живут в Мичигане, Висконсине и Оклахоме. Сама Лига еще формально существует, что символизируется периодически созываемым Большим советом представителей племен, который проводится в резервации онондага, остающихся, как и прежде, «хранителями огня» Лиги. Однако функции этого совета теперь ограничиваются практически лишь вопросами, связанными с координацией деятельности «длинных домов» — религиозных общин культа Прекрасного Озера.

Проблема формирования ирокезской народности в США остается открытой. Не исключено, что такая народность в штате Нью-Йорк когда-нибудь все же сложится — не следует недооценивать духовной общности ирокезов, питаемой историческими связями и единообразием сохраняющихся культурных традиций. Пока же реальным фактом действительности остается разделение ряда ирокезских народов, которое вполне может привести к их этнической дифференциации и даже ассимиляции. Сенека живут в штатах Нью-Йорк, Мичиган, Оклахома, большая часть онейда проживают в Висконсине, нет единой территории у кайюга. Вполне вероятно, что кайюга, которые живут в трех резервациях индейцев сенека и в резервации онондага, в конце концов сольются с этими народами или совместно с

ними сформируют новые этнические группы. В перспективе образование такой этногенетической смешанной группы возможно в резервации онондага, недалеко от Сиракьюз (штат Нью-Йорк), где вместе с ними живут не только кайюга, но и онейда. Правда, пока такого смешения не происходит, что может быть объяснено наличием у каждого из этих народов официального «племенного» статуса, который придает им характер самостоятельных этнополитических организмов. Меньше возможностей для интеграции с другими ирокезскими народами у тускарора и мохавков. Их резервации находятся как бы на периферии ирокезской общности США (на северо-западе и крайнем северо-востоке штата Нью-Йорк соответственно), и население резерваций не столь этнически разнородно, как у сенека и онондага. Относительной обособленности мохавков способствует также то, что к их резервации Сент-Регис примыкает одноименная резервация мохавков на канадском берегу р. Св. Лаврентия. Контакты между обеими общинами, сколь бы ни были они затруднены государственной границей, безусловно, содействуют сохранению культурных традиций и самосознания этого народа.

Существенным образом сказалось разделение на положении немногочисленных индейских народов, таких, как айова, виандот, делавар и др. Община айова в Канзасе в начале 80-х годов насчитывала менее 800 человек, а в Оклахоме — около 30 человек. Разбитыми на две части оказались менее 1,5 тыс. виандотов, а делавары, которых и того меньше, живут в трех штатах: в Висконсине, Канзасе и Оклахоме. Более многочисленный народ шошоны — не в лучшем положении, поскольку они расселены мелкими группами в четырех штатах. И даже на фоне такой дисперсности беспрецедентным выглядит расселение пайюте Невады, менее 1 тыс. которых рассредоточены по 22 крошечным общинам, зачастую совместно с шошонами и вашо.

Трудно ожидать, что разобщенные малые индейские народы смогут развиваться в таких неблагоприятных условиях или хотя бы продолжать свое существование в течение длительного времени. Видимо, большинство из них ожидает поглощение евроамериканским населением или более крупными индейскими народами.

Во многих случаях исследование этнических процессов у коренного населения США в современный пери-

од сводится к анализу условий, определяющих эти процессы, прогнозированию их возможных вариантов. Объясняется это тем, что пока имеется еще слишком мало примеров изменений в области этнического самосознания индейцев. Однако такие примеры все же есть. В научной литературе отмечалось, что особое этническое самосознание уже сегодня характерно для чироки Северной Каролины и чироки Оклахомы, для потаватоми Мичигана и потаватоми Оклахомы. В 60-е годы из состава семинолов Флориды выделилось «Племя индейцев микосуки», претендующее на собственную и «более индейскую», чем у семинолов, культуру. По существу совершенно новыми этническими группами являются обитающие ныне в Висконсине общины Бразертаун и Стокбридж. Первая из этих групп сложилась в результате смешения мохикан, манси и делаваров, а вторая — тех же мохикан, пекотов, наррагансетов, монтауков и других алгонкинских народов. Обе общины не причисляют себя ни к другим индейским народам, ни к евроамериканцам.

Имеются объективные условия и для формирования других «синтетических этносов», особенно в тех случаях, когда различные индейские народы сосуществуют в пределах одной резервации, имея при этом общее местное самоуправление.

Интересное явление представляют собой возникшие в последние десятилетия своеобразные межплеменные объединения индейцев — Межплеменной совет Мичигана (оттава, потаватоми, чиппева), Межплеменное политическое правление Монтаны (северные чейены, кроу, блэкфут, сиу, ассинибойн, флэтхед и др.), Объединенные племена американских индейцев Юго-Востока (чироки, чокто, семинолы, микосуки), Межплеменной совет Невады, объединяющий 14 из 28 индейских общин Невады (павиотсо, пайюте, панаминт, вашо), Организация малых племен Западного Вашингтона и др. Эти объединения основываются на конфедеративных связях и ставят перед собой практические цели улучшения совместными силами условий жизни индейцев и защиты их прав и интересов. Во что разовьются подобные связи, трудно сказать, однако нельзя исключить возможности того, что они послужат катализатором процессов этнической интеграции индейских народов в пределах отдельных регионов.

В связи с выяснением характера этнических процессов у индейского населения США особого внимания заслуживает проблема формирования паниндийской этнической общности, которая активно обсуждается в научной литературе на протяжении уже по меньшей мере 30 лет. Столь длительная дискуссия пока не привела к единодушию среди исследователей, что отчасти объясняется различиями в подходе к этой проблеме, различиями во взглядах на характер современного этнического развития индейского населения страны.

Наш анализ показывает, что у индейского населения США не существует ни культурного, ни языкового единства, ни единства самосознания, т. е. не существует и «паниндийского этноса». Более того, не имеется объективных базисных условий для его формирования в будущем — общей территории, единой экономической системы или хотя бы сколько-нибудь прочных отдельных экономических связей, которые могли бы стать побудительным мотивом к объединению, нет единой политической структуры, которая могла бы стать организующим звеном для формирования такого единства, нет даже единого политического самосознания, которое могло бы превратить паниндеанистские лозунги части индейской интеллигенции во внутреннюю потребность индейских масс к единению. Разумеется, этническое развитие индейских народов не обязательно должно следовать каким-то канонам, поскольку оно проходит в весьма специфических условиях, однако эта специфика не опровергает закономерностей общественного развития. Если же говорить об отдаленных перспективах, то с большим основанием можно предположить формирование межэтнических общностей в пределах таких районов относительно плотной концентрации индейского населения, как Оклахома, Юго-Запад, Вашингтон, Орегон, Средний Запад США.

Современный этап этнического развития индейцев характеризуется, с одной стороны, сохранением этнической пестроты индейского населения, а с другой — постепенным накоплением этнообразующих признаков и формированием на базе переходных этнических общностей однородных и смешанных в этногенетическом смысле народностей при ассимиляции маргинальных групп индейского населения евроамериканцами.

КАНАДА

Этническое развитие индейских народов в Канаде в основных чертах сходно с процессом, идущим в Соединенных Штатах. Здесь стоит та же проблема — ассимиляция индейцев доминирующей социокультурной средой или развитие их на основе собственной культуры. Однако необходимо учитывать, что общеканадское самосознание и идея единой канадской нации выражены не столь сильно, как аналогичные явления в США. Канада — сравнительно молодое государственное образование: обширные районы прерий и северные территории вошли в ее состав только во второй половине XIX в., а Ньюфаундленд — в 1940 г. Национальная консолидация происходила не вокруг англосаксонского протестантского ядра, а на основе двух этнических общностей — франкоканадцев и англоканадцев. В среде англоканадцев до сих пор продолжается ассимиляция иммигрантского населения и сохраняются сильные региональные различия.

Таким образом, сами еще не став в полном смысле единой нацией, канадцы в отличие от американцев обладают гораздо меньшей силой ассимиляционного воздействия на коренных жителей страны. Огромные территории, особенно северные районы, остаются слабо освоенными, около 90 % жителей европейского происхождения сосредоточено в 200-мильной зоне, расположенной вдоль южной американо-канадской границы. Уже по этой причине взаимодействие неиндейцев и индейцев было и остается по сегодняшний день менее интенсивным, чем в США. Но как в США, так и в Канаде сложившееся на основе колонизации буржуазное государство изначально проводило ассимиляционистскую политику в отношении индейцев, хотя по экономическим и политическим причинам было вынуждено признать за коренными народами определенные права и суверенитет, строить с ними отношения на основе разного рода договоров.

Выражением этого стало создание резервационной системы, закрепляющей особые территории и права за отдельными группами и общинами аборигенов. Резервационная система изначально носила противоречивый, аномальный, уродливый характер. Резервации были

образованы преимущественно в южных, освоенных евроканадцами районах и ориентированы на сельскохозяйственный труд индейцев. В прериях власти специально отводили под резервации земли, лежащие вдали от городов и железных дорог. Размеры резерваций сильно различаются. Только в Степных провинциях частично соблюдался порядок — 1 кв. миля на семью из пяти человек. В других провинциях все зависело от воли федеральных или местных властей. В одной резервации могли поселить 10—20 человек, в соседней — несколько крупных племенных общин числом до 10 тыс. Все же в большинстве случаев резервация отводилась для одной индейской общины, хотя в Британской Колумбии есть общины, имеющие несколько десятков резерваций (обычно в местах речной рыбной ловли).

В отличие от США, где индейцам не оставили свободных земель, в Канаде резервационная система не охватила северные районы.

Поселение значительной части канадских индейцев в резервации и установление над ними жесткого контроля федеральных властей нанесли огромный вред этническому развитию индейских народов: они утратили традиционную среду обитания, произошел разрыв многих племенных и межобщинных связей, начались социальная деградация, физическое вымирание.

Резервации, созданные для интеграции индейцев в общеканадскую среду, призванные «цивилизовать» их, на самом деле способствовали социально-экономическому и культурному отчуждению коренного населения. Но вместе с этим во многих случаях они помогли сохранить индейскую культуру, включая язык, обычаи, систему социальных взаимоотношений. Предоставленное индейцам самоуправление на уровне резервационных общин в современных условиях стало основой политической организации и борьбы за национальное самоопределение. Канадский исследователь Д. Сандерс заметил: «Задуманная евроканадцами резервационная система как метод контролируемого изменения культуры стала индейским бастионом для группового выживания»⁶

Резервационный статус определил новую специфику самосознания индейцев. В 60—70-е годы ирокезские лидеры выдвинули идею о «двухрядном поясе вампуме», символизирующем постоянное сосуществование в

Северной Америке индейского и белого обществ, культура которых развивается автономно. В этой идее отразилось стремление индейских общин осознавать себя самостоятельными культурными и социально-политическими общностями.

Наиболее полно идеология индейского «национализма» оформилась тогда, когда в борьбу за самоопределение включились аборигены Канадского Севера. Они, хотя и не побывали в резервациях, в полной мере испытали отрицательное воздействие капиталистической экономики, социальную неудовлетворенность и политическое бесправие. В 1975 г. в Декларации дене (индейцев атабасков) была изложена концепция существования самостоятельных индейских «наций»:

«Мы, народ дене Северо-Западных территорий, настаиваем на праве считать себя и быть признанными во всем мире как нация.

Наша борьба — это борьба за признание нации дене правительством и народом Канады, а также народами и правительствами всего мира».

Эта концепция не отрицает само существование дене в составе Канады, но отрицает право канадского правительства или правительства территорий управлять индейским народом. «К чему мы стремимся, так это к независимости и самоопределению внутри Канады. И именно это имеем в виду, требуя справедливого разрешения вопроса о земле для нации дене»⁷

Осознание индейцами своей принадлежности к «первым нациям» Канады означало отрицание ими господствующей в обществе концепции «культурной мозаики». (По этой концепции в едином канадском народе существует культурное многообразие — результат реализации принципа «равенства возможностей» для всех граждан.) Коренные жители осознают себя не как одно из многочисленных меньшинств, проживающих в стране, а как самостоятельный народ, который обладает особым статусом перво жителей Канады, включающим права на территории и их ресурсы.

С аналогичных позиций выступили в конце 70-х годов канадские метисы и нестатусные индейцы. В программных документах их организации эта часть коренных жителей определяется как «историческое национальное меньшинство», имеющее в отличие от других меньшинств в Канаде особое право на самоопреде-

ление и статус равноправного «партнера в составе конфедерации»⁸

«Национальная» идеология представляет сегодня, пожалуй, главную специфику современного этнического самосознания канадских индейцев. Она гораздо ярче выражена и точнее политически сформулирована, чем у индейцев США. Что же касается самосознания на уровне принадлежности к отдельным общинам и племенным группам, то оно также сохраняется среди большинства коренных жителей. Хотя в последние десятилетия произошла заметная консолидация мелких групп северных атабасков на уровне широкой этно-региональной общности, выраженной понятием «нация дене» Северо-Западных территорий, все же почти все канадские атабаски сохраняют чувство принадлежности к более мелким языковым (в прошлом племенным) группам: слейв, догриб, чиппевайян и др.

Некоторые индейцы, утратив четкое общинное самосознание, ассимилировавшись в языковом отношении, продолжают относить себя к индейским группам более широкого регионального характера («индейцы Северо-Западного побережья», «индейцы прерий», «саскачеванские индейцы» и т. п.).

Общеканадское самосознание среди коренных жителей утверждается очень медленно. Чаще оно ассоциируется с гражданством, а не с культурной принадлежностью. Пожалуй, только небольшая часть индейцев-горожан, добившаяся более или менее надежного социального положения, относит себя просто к «канадцам». Но и среди городских индейцев в последнее время отчетливо проявляются признаки «этнического возрождения».

Будущее индейских народов, пути развития их территорий, общин и культур в сфере самосознания все больше связываются с решением исторической дилеммы: как соединить или хотя бы примирить ценностные ориентации двух контактирующих уже на протяжении нескольких веков и во многом различных цивилизаций? Как соединить ориентированную на индивидуальный успех протестантскую этику капитализма и основанную на широкомасштабной и максимально эффективной производственной деятельности общественную организацию евроканадцев с коллективистско-эгалитарными принципами жизни индейских общин, их традиционным

рационализмом в отношениях с окружающей средой, стремлением сохранить культурную целостность и отличительность? Во многих отношениях эти принципы и ценности несовместимы и в прошлом, как правило, вторые приносились в жертву первым. Но, возможно, на исходе XX века, когда сверхпроизводство и сверхпотребление все меньше спасают современную цивилизацию от социальной дисгармонии, культурной и экологической деградации, общественных конфликтов, перед индейскими народами и культурами открываются принципиально новые перспективы отстаивать свой собственный исторический выбор. На этот вопрос пока, говоря строкой одной из знаменитых песен протеста, «ответ знает только ветер».

В борьбе за права и выживание

Мы считаем, что существует

неотъемлемое право

всех людей сохранять

свои духовные и культурные
ценности.

Свобода распоряжаться

этим наследием — необходимое

условие дальнейшего развития индейских
народов.

Из «Декларации целей индейцев»,
1961 г.

США

Организации индейцев и их политические настроения

Коренное население Соединенных Штатов предприняло немало усилий, чтобы улучшить свое нелегкое положение. И делалось это не только посредством разного рода экономических инициатив или попыток реконструкции резервационного хозяйства, но и путем активного противодействия политике американских властей и борьбы с монополиями, пытавшимися ликвидировать автономный статус общин и эксплуатировать людские ресурсы резерваций.

После второй мировой войны правозащитная актив-

ность индейского населения в различные периоды была неодинакова. Хотя 50—60-е годы и были пронизаны борьбой коренных американцев против терминации и расхищения ресурсов резерваций, ее проявления носили в общем-то слабый, разрозненный и оборонительный характер. В качестве методов борьбы в то время в основном преобладали парламентские формы: составление и подача петиций протеста, судебные иски о восстановлении земельных прав той или иной общины, лоббирование. Такая пассивная тактика и послужила причиной формирования среди общественности страны устойчивого стереотипного представления об индейцах как о якобы «молчаливом, покорном, изолированном меньшинстве», не способном бороться с допущенной в отношении него несправедливостью.

Согласиться с подобной точкой зрения невозможно, ибо ниже мы увидим, насколько разнообразным был протест коренных жителей США в 50—60-е годы. Важнее подчеркнуть другое. Недооценивать эти десятилетия не следует хотя бы потому, что именно тогда и была определена и обнародована основная программная установка индейского национального движения — сохранение этнокультурной самобытности среди остального населения страны, осознание важности вклада индейцев в историю Соединенных Штатов. Это произошло во время встречи представителей более ста общин, собравшихся в г. Чикаго в мае 1961 г. на конференцию. Результатом этого первого общеиндейского форума стала «Декларация целей индейцев». «Мы считаем, что существует неотъемлемое право всех людей сохранять свои духовные и культурные ценности. Свобода распоряжаться этим наследием — необходимое условие дальнейшего развития индейских народов», — подчеркивалось в упомянутом документе¹. Сформулированная на чикагской конференции цель и по сей день разделяется всеми индейцами, ведущими борьбу за свои права.

Ограниченные результаты парламентской борьбы 60-х годов привели многих представителей коренных американцев к осознанию необходимости перехода к массовым, активным формам политического протеста. Начало этому было положено в ноябре 1969 г., когда группа молодых индейцев, отчаявшись каким-либо иным путем привлечь к своим проблемам внимание

общественности страны, переправилась на о. Алякатрас в заливе Сан-Франциско и заняла находившееся там заброшенное здание федеральной тюрьмы. Участники этой акции затем объявили о намерении восстановить над островом индейский суверенитет, превратив его в центр культурного возрождения аборигенных народов США. Невзирая на недостаток пищи и медикаментов, индейцы продержались на Алякатрасе около года и покинули его лишь после того, как власти прекратили подачу на остров пресной воды и электричества.

Данное событие принято считать исходным рубежом нового этапа правозащитных действий коренного населения, который, начавшись в 70-е годы, продолжается и по сей день. От первых послевоенных десятилетий его в первую очередь отличает то, что протест индейцев выплеснулся из кулуаров конгресса, БДИ или legislatur штатов на улицы американских городов и поселков. Диапазон акций расширился за счет массовых выступлений — демонстраций, маршей протеста, митингов и т. п. В отдельных случаях, как это было, например, в поселке Вундед-Ни резервации Пайн-Ридж (Южная Дакота), коренные американцы были вынуждены прибегнуть к вооруженному сопротивлению. Такова в общих чертах периодизация современного индейского движения.

Политическая борьба коренных американцев имеет специфические черты. Наиболее важная из них — исторически сложившийся организованный ее характер. Несмотря на то что ни одна из существовавших в США в послевоенное время партий не выражала и не отстаивала интересы индейцев, они имели сеть собственных политических структур, до определенного предела способных взять на себя защиту прав коренного населения. Базовое звено в этой сети составляли общины. В отличие от Канады, где подобные институты коренного населения вплоть до начала 70-х годов не играли роли в политической жизни страны, общины индейцев Соединенных Штатов начиная с 50-х годов во многих случаях выступали как координаторы и инициаторы различных акций по отстаиванию прав своих членов.

Поскольку разбросанные по огромной территории США общины даже при нынешнем уровне развития коммуникаций достаточно изолированы друг от друга,

их действия на национальной арене имеют разобщенный, фрагментарный характер. Эффективнее интересы коренных американцев могут выражать организации более высокого порядка — общендейские. Число их в современный период довольно велико, и они сильно отличаются друг от друга. Одни из них действуют практически по всей территории Соединенных Штатов, влияние других ограничивается отдельным штатом или регионом. Количество членов некоторых индейских организаций может исчисляться сотнями тысяч человек, тогда как бок о бок с ними действуют группы, состоящие из нескольких десятков. Организации коренных жителей решают самые различные задачи — политические, правовые, социально-экономические, религиозные, культурные. Все это говорит о том, что, как и в движениях других национальных и расовых меньшинств Америки, среди индейцев пока не существует единого направления политической борьбы. Вместе с тем по отношению к американской общественно-политической системе, а также по способам действий этот конгломерат сил сравнительно четко распадается на три потока: консервативный, умеренно-либеральный и радикально-демократический. •

К первому из них относятся организации так называемых крайних традиционалистов. Различные группировки этого течения исходят из того, что индейцы во имя сохранения своей самобытности должны полностью отгородиться от враждебного им «мира белых» и возродить племенные традиции далекого прошлого, включая и религиозные. Примером подобных групп может служить организация «Энишинабе Экинг» (на языке чиппева — «земля людей»), объединяющая в основном отдельных жителей резервации чиппева Уайт-Эрс (Миннесота) и некоторых расположенных поблизости общин. Основная цель этой организации (она — одна из старейших, основана в 1890 г.) заключается в сохранении культурного и духовного наследия народа чиппева. В это понятие ее активисты вкладывают отказ от любых благ современной цивилизации и научно-технического прогресса: жизнеобеспечение за счет хозяйственных занятий, существовавших до прихода европейцев; реставрацию общественных отношений доколониального периода, которые для активистов «Энишинабе Экинг», как, впрочем, и для других традициона-

листов, представляются образцами социальной гармонии. В практическом плане традиционалистские организации обычно выступают против обучения индейской молодежи по американским школьным программам, против признания индейцев гражданами США, против научного изучения археологических памятников коренного населения. Абсурдность подобной позиции не требует комментариев, однако важно подчеркнуть, что существование таких взглядов представляет специфическую форму протеста индейцев против давления американского общества на их традиционную культуру, институты, ценности.

В настоящее время организации столь консервативного толка довольно малочисленны, а их влияние, как правило, не переходит границ отдельных резерваций. И это не случайно, ибо объективно они выражают интересы индейцев, не нашедших, в силу тех или иных причин, своего места в современном обществе. Однако не следует думать, что социальную базу подобных организаций составляют наиболее инертные представители старшего поколения индейцев. По-видимому, рано говорить о том, что они окончательно потеряли опору в массах. Организации традиционалистов навахо и ирокезов, например, оказали довольно большое воздействие на настроения участников марша на Вашингтон 1978 г. — наиболее грандиозной и массовой демонстрации коренного населения в защиту своих статусных льгот и общинного суверенитета. В основных документах этой акции — «Утвердить суверенитет коренного населения западного полушария» и «Заявление народам США и всего мира» — содержалось немало чисто традиционалистских оценок современного положения индейцев, в особенности касательно их гражданства и состояния образования, а в качестве решения многочисленных социальных, политических, экологических и культурных проблем предлагалось вернуться «к жизни на этой земле по заповедям, которые оставил Великий Дух»²

Второе направление правозащитной борьбы коренных жителей Соединенных Штатов представлено организациями умеренно-либерального толка. Это весьма активные в политическом отношении группы, выражающие в первую очередь интересы формирующихся в общинах буржуазных слоев, функционеров органов

самоуправления, технократов, верхушки служащих. Однако социальная база либералов значительно шире перечисленных социальных слоев. Она складывается главным образом за счет многих представителей индейской интеллигенции и не искушенной в политике части трудящихся, которые стремятся приспособиться к американскому образу жизни. Подобная массовая основа определяет специфику деятельности либеральных индейских организаций. Понятие «индейская самобытность» их представители распространяют исключительно на область культуры, параллельно ратуя за полную социально-экономическую интеграцию в доминирующее общество. Наиболее мощная и представительная организация этого крыла — Национальный конгресс американских индейцев, или НКАИ. Он был создан в 1944 г., и в настоящее время его отделения находятся практически во всех крупных индейских резервациях и ряде американских городов. НКАИ имеет как индивидуальное, так и коллективное членство: в него входят без малого 200 общин с населением в 600 тыс. человек. Главные задачи организации наиболее четко были сформулированы на ее 19-й ежегодной конвенции в 1962 г.: «Наша политика заключается в поддержке любых инициатив законодательной и исполнительной власти по улучшению экономического и социального положения американских индейцев; в защите конституционных и гражданских прав индейцев»³. Основные формы практической деятельности НКАИ — лоббирование «за» или «против» принятия решений, касающихся индейского населения. Обладая определенными денежными средствами, складывающимися в основном из взносов входящих в НКАИ зажиточных общин, организация также оказывает коренным американцам отдельные виды социальной помощи, субсидирует исследовательские части экономических начинаний общин и пр.

В идейном и практическом плане с НКАИ тесно связана Национальная ассоциация председателей общинных советов, сокращенно НТКА* Эта организация действует с 1975 г. Она не имеет массовой базы и формально выступает лишь как консультативно-координационный центр для выборного руководства

* National Tribal Chaimen Association.

общин по проблемам укрепления их автономии и связи с правительственными органами страны. Однако по сути дела НТКА занимается разработкой общих направлений правозащитного движения коренного населения, и во многих случаях ее рекомендации определяют политику НКАИ. НТКА считается одной из наиболее авторитетных индейских организаций.

Заслуживает упоминания еще одно индейское объединение — Фонд прав коренных американцев, или НАРФ *, которая возникла в 1971 г. Это объединение адвокатов-индейцев, занимающихся консультативной и отчасти финансовой помощью тем общинам, которые ведут в американских судах процессы по восстановлению своих земельных прав. Бюджет НАРФ невелик — в среднем 1,5—2 млн долл. ежегодно — и складывается за счет пожертвований частных лиц и организаций. Однако, несмотря на скромные финансовые возможности, НАРФ очень активен политически и участвовал практически во всех индейских земельных исках, число которых перевалило за 200.

Характерная черта деятельности вышеупомянутых и остальных либеральных индейских организаций — их нежелание участвовать в массовых выступлениях, а также стремление отвернуться от «непарламентских» форм борьбы из-за боязни обвинения в радикализме.

Наиболее решительная сила в современном движении индейцев — радикально-демократические организации. Это течение отделилось от либерального во второй половине 60-х годов и первоначально отличалось от него лишь своими тактическими установками. Индейская молодежь, глубоко разочарованная пассивной позицией НКАИ и общинного руководства, стала требовать перехода к решительным акциям. К середине 70-х годов демократические организации коренного населения взяли на вооружение концепцию коренной перестройки отношений индейцев и американского общества на подлинно справедливой основе, что окончательно разделило их с умеренными либералами. Теперь водораздел между этими течениями уже не проходит по возрастной линии. Рассматриваемое политическое течение объективно защищает интересы наиболее широких слоев трудящихся-индейцев, и в настоящее время

* Native American Rights Fund.

массовую его базу составляет не только молодежь, но и лица среднего и старшего возраста.

Из организаций подобного направления наиболее влиятельным и авторитетным является Движение американских индейцев, или ДАИ, основанное в 1968 г. Его задачи, по словам основателей этой организации, состоят в том, чтобы «она стала оружием индейских народов в борьбе с несправедливостью, причиняемой им американским обществом». ДАИ имеет особую структуру, отличающуюся от других индейских правозащитных организаций. Его основу составляют несколько тысяч активистов, чьи действия объединяет национальный координационный центр. Последний имеет свои отделения в местах массового проживания индейцев. Деятельность местных отделений опирается на энтузиазм широких масс коренных американцев, формально не состоящих в этой организации. По некоторым данным, число лиц, сочувствовавших ДАИ и принимавших участие в его акциях, в отдельные годы превышало 90 тыс. человек.

ДАИ являлось инициатором и основным участником самых боевых выступлений индейского населения за истекшие 10—15 лет, не останавливавшимся перед использованием насильственных действий. Дважды, в сентябре 1971 г. и в ноябре 1972 г., его активисты осуществляли захват здания БДИ в Вашингтоне в знак протеста против игнорирования федеральными властями требований индейцев. Кульминацией действий этой организации стал захват и вооруженная оборона поселка Вундед-Ни, продолжавшаяся с 28 февраля по 8 мая 1973 г. К столь отчаянному шагу организация прибегла с целью привлечь внимание правящих кругов страны и широких слоев американской и мировой общественности к тяжелому положению коренного населения США. На этот демонстративный акт горстки слабовооруженных индейцев власти ответили посылкой полицейских частей, подкрепленных армейскими бронетранспортерами. Тем не менее индейцы удерживали поселок почти 70 дней и покинули его, лишь получив заверение, что их требования будут рассмотрены.

Решительные действия ДАИ не означают, однако, что тактика его сводится исключительно к конфронтации. Руководство этой организации неоднократно подчеркивало, что насилие никогда не было для них само-

целью и лишь нежелание правящих кругов Соединенных Штатов прислушаться к голосу коренного населения толкало их, да и то не всегда, на крайние меры. Напротив, в своей деятельности ДАИ широко практикует и обычные формы массового протеста — демонстрации, митинги, публичные дискуссии; используются и методы парламентской борьбы — защита прав индейцев в судах, отстаивание их интересов в конгрессе и пр. В частности, в октябре 1972 г. организация выступила инициатором первого в истории США общенационального индейского марша протеста из г. Сэн-Пол в столицу, названного «Марш нарушенных договоров». В 1978 г. под руководством ДАИ было осуществлено наиболее массовое выступление коренного населения — марш протеста через всю территорию страны — из Сан-Франциско в Вашингтон, продолжавшийся четыре месяца, с февраля по июнь. Эта акция впоследствии получила название «Самого длинного индейского перехода». Летом 1984 г. аналогичный марш был проведен в обратном направлении — из Вашингтона в Лос-Анджелес, столицу Олимпиады-84, с тем чтобы многочисленные гости этого спортивного форума узнали правду о положении индейцев США.

Со второй половины 70-х годов руководство ДАИ стало осуществлять попытки использовать трибуну ООН и других международных организаций для обличения политики правительства США в отношении индейского населения. Для координации этих усилий был создан Международный совет по индейским договорам (МСИД). С 1975 г. МСИД получил статус неправительственной организации при ООН, открыв там свое представительство. В настоящее время как член МСИД ДАИ активно участвует во многих дискуссиях по правам человека, информирует международную общественность о дискриминации коренного населения Америки.

Последовательное отстаивание прав индейцев, осуществляемое ДАИ, объективно наносит удар по всей общественно-политической системе Соединенных Штатов, или, говоря словами его лидеров, «способствует демонтажу изнутри всей современной американской империи»⁴. В силу этого не удивительно, что ДАИ — единственное политическое объединение индейского населения, которое подвергается в стране судебным

преследованиям, полицейским репрессиям, а ряд его активистов, и в их числе Л. Пелтиер, по сфабрикованным обвинениям были упрятаны за решетку.

За административную автономию

В мощном, но одновременно разрозненном и потому на первый взгляд весьма хаотичном потоке многочисленных правозащитных акций индейцев между тем просматриваются своего рода сгустки узловых проблем, вокруг которых и происходит на практике политическая борьба коренного населения. Одним из самых наиболее болезненных вопросов такого рода в современный период был вопрос об уровне автономии индейских сообществ, который и стал краеугольным камнем борьбы коренных американцев за свои права.

В первое послевоенное десятилетие ее острее было нацелено на отмену терминации. Основную тяжесть противодействия этой политике в то время взяли на себя отдельные общины, причем не только те, кому непосредственно грозила ликвидация статусного положения. С резким осуждением курса федерального правительства выступил, к примеру, в 1955 г. совет резервации кламатов, уже испытавших на себе действие терминаторных законов. Параллельно с этим лидер общины зуньи Д. Аблета от имени многочисленных народов пуэбло также направил в Вашингтон послание, в котором он публично поставил под сомнение право администрации Эйзенхауэра в одностороннем порядке аннулировать индейское законодательство Нового курса, хотя тогда правительство страны вовсе не планировало свернуть свои обязательства относительно пуэбло. Увы, эти и подобные им акции не были скоординированы. Более того, как отмечалось ранее, руководство ряда общин поддержало политику федерального правительства.

Печальные результаты терминации, ставшие очевидными уже в начале 60-х годов, послужили основной причиной пересмотра общинным руководством своей позиции в отношении политики правящих кругов. Окончательно утратив иллюзии, лидеры индейских сообществ начали единодушно выступать против любых попыток урезать суверенные права общин. Эту борьбу возглавил НКАИ. В программном заявлении 1961 г.

его тогдашний президент К. Уэсли провозгласил следующее: «Индейцы... убеждены в своем праве на местную автономию... которая должна существовать, пока они считают это нужным. Все, что хотят коренные жители, — чтобы им было позволено сохранить общинное самоуправление и... обладать той степенью суверенности, какая соответствовала бы их потребностям»⁵ Данная установка находила отражение в резолюциях всех ежегодных конвенций НКАИ, начиная с 1962 г.

Положительное значение принятия подобных деклараций заключалось в переходе борьбы за общинную автономию на более высокий, общенациональный уровень. К сожалению, аналогичным образом нельзя оценить характер выдвинутых НКАИ требований, которые свелись по сути дела к восстановлению общинного суверенитета на уровне установок Нового курса. Это означало в действительности, что лидеры НКАИ намеревались вести борьбу не против политики угнетения коренных граждан США, а лишь за изменение ее крайностей путем частичных реформ. Объективно такой курс удовлетворял интересы буржуазных и средних слоев индейского населения.

Не менее наглядное отражение соглашательская позиция НКАИ нашла и в предпринятых им конкретных акциях. НКАИ регулярно направлял в конгресс резолюции, призывавшие американских законодателей отказаться от осуществления терминатии. Широко практиковалась и официальная переписка с высшими должностными лицами, включая президента страны. Немалые усилия затратило руководство НКАИ и в плане установления неформальных контактов с представителями администрации США.

Избранная НКАИ тактика вряд ли могла привести к успеху, но конкретно-исторические условия на рубеже 60—70-х годов сложились в пользу либеральных индейских группировок. В обстановке радикализации политической борьбы коренных американцев, проходившей на фоне общедемократического подъема, правящие круги США перешли в индейском вопросе к социальному маневрированию, пойдя на удовлетворение ряда умеренных требований граждан-индейцев. В специальном президентском послании от 6 августа 1970 г., как известно, был провозглашен переход от терминатии к со-

действию самоопределению общин. Провозглашение новой индейской политики было воспринято руководством НКАИ с нескрываемым удовлетворением, поскольку для него это означало завершение борьбы за суверенный статус индейских сообществ. На массовом форуме коренных американцев по проблемам самоопределения в г. Канзас-Сити в марте 1971 г. представители либеральных индейских группировок выразили свою полную поддержку политике самоопределения, так как, по их мнению, она предоставляла индейцам необходимый уровень автономии. Более того, они обрушились с резкими нападками не только на радикальные организации коренных жителей, чьи решительные акции в действительности и были причиной, побудившей власти пересмотреть свой курс, но и даже на тех лидеров общин, которые настаивали на осторожной оценке заявлений Р. Никсона. Строго говоря, с начала 70-х годов НКАИ и примыкающие к нему группировки сняли с повестки дня вопрос о самоуправлении общин.

Рамки автономии, удобные для буржуазных и средних слоев населения резерваций, были объективно неприемлемыми для широких кругов трудящихся-индейцев. Поэтому изменение политики федерального правительства не могло привести к окончанию борьбы за автономию. В 70-е годы тон в ней стали задавать новые, радикально настроенные индейские лидеры, группировавшиеся вокруг ДАИ. В противовес «умиротворенным» либералам эта организация выдвинула в специальном документе — «Декларации о сохранении независимости» 1974 г. — концепцию подлинного самоопределения индейцев. В нем, в частности, говорилось: «Коренным народам и группам населения предоставляется такая степень независимости, какую они могли бы пожелать в соответствии с международным правом», вплоть до «провозглашения общин независимыми нациями». При этом гарантией использования ими права на автономию должны были бы стать договоры XIX в. между правительством и независимыми тогда племенами, а не американские законы, принятые в ту пору, когда переселенные в резервации индейцы лишились возможности самим определять свое место в политической структуре страны⁶ Тезис о подлинном самоопределении многократно подвергался нападкам со стороны американских средств массовой информации, обвинявших ДАИ в се-

паратизме. Но это обвинение нельзя считать справедливым, так как приведенные выше формулировки не содержат призывов к отделению от США. Они лишь подчеркивают неотъемлемое право коренных жителей самостоятельно решать вопрос о широте рамок своего автономного статуса, а не отдавать его на откуп правящим кругам страны.

Практические шаги ДАИ в указанном направлении в отличие от акций НКАИ в 60-е годы также имели конкретную ориентацию. В 1978 г. движение стало одним из организаторов и участников наиболее массовой демонстрации за истекшие 10—15 лет — «Самого длинного индейского перехода», важнейшей целью которого было, в частности, заставить конгресс отказаться от рассмотрения антиобщинного законопроекта Д. Каннингхема. Этот билль был отвергнут, что позволяет говорить в данном случае о полном успехе ДАИ.

Очередной раунд борьбы за автономию индейских сообществ начался после прихода к власти в 1980 г. президента Р. Рейгана. Его администрация, урезая гарантированную общинам помощь, по сути дела начала осуществлять политику финансового удушения органов индейского самоуправления. С целью остановить это новое наступление на автономию индейцев ДАИ в сентябре 1982 г. провело в г. Дейвис (Калифорния) Международный индейский трибунал. На этом форуме была подчеркнута связь между урезанием помощи коренным жителям и ущемлением их политической свободы, так как функционирование индейской автономии без соответствующей финансовой основы — чистейшая фикция. Участники трибунала обратились с призывом ко всем американцам требовать отставки президента Рейгана, но эта инициатива ДАИ не встретила поддержки других организаций индейцев. Вопрос о суверенитете общин остается открытым.

В попытках отстаивать земли

Другой важный компонент борьбы коренных жителей США — борьба за свои земли. В современный период она велась по двум основным направлениям. Первое из них связано с сохранением и укреплением земельной собственности индейцев как таковой, а второе преимущественно касается предотвращения раз-

личного рода экологического ущерба, наносимого индейским территориям в результате экономической активности горнодобывающих и энергетических корпораций.

К сложнейшему комплексу земельных проблем коренного населения, охватываемых первым направлением, относится прежде всего восстановление собственности индейцев на ряд территорий, отторгнутых у них вопреки договорам XIX в. Специфика ситуации в США в этом вопросе заключается в следующем. В отличие от Канады, где вплоть до 70-х годов так называемое аборигенное право на владение землей не признавалось как таковое, американские власти с 40-х годов официально признают исторические претензии индейцев на определенные территории. Собственно говоря, создание в 1946 г. Комиссии по индейским искам (КИИ) означало формальное подтверждение этого права. Однако основной принцип правительственной политики в данной области, как явствует из текста закона о создании КИИ, заключается не в том, чтобы вернуть коренным американцам незаконно отторгнутые у них земли, а в том, чтобы окончательно ликвидировать их, земельные претензии путем выплаты общинам денежной компенсации за так называемую историческую несправедливость. Весь процедурный механизм решения таких претензий также был нацелен на лишение общин каких-либо иных путей удовлетворить свои законные требования: КИИ, наделенное статусом независимого агентства, самостоятельно решало, законен или нет иск, который община предъявляла американским властям. В случае положительного заключения она же определяла величину денежной компенсации, после чего данный иск передавался в конгресс, решавший этот вопрос окончательно путем издания соответствующего закона.

Недостаточно осознавая непоследовательность правительственного курса в вопросе о земельных исках и процедурные сложности, связанные с ними, индейские общины по всей территории США в 50—60-е годы были поистине захвачены движением за составление формальных территориальных претензий американским властям. Достаточно сказать, что к середине 70-х годов в КИИ скопилось 295 исков на сумму свыше 657 млн долл. Величина компенсации отдельных пре-

тензий колебалась от 2,5 тыс. долл. (община понка) до 32 млн долл. (общины флоридских семинолов). В территориальном отношении наиболее крупные иски предъявили общины северо-западных и атлантических штатов.

Большая активность общинного руководства в данной области объяснялась прежде всего тем, что первоначально их умеренных лидеров весьма привлекла идея решения земельных проблем посредством исков. И эти надежды получили было мощный стимул после достижения положительного решения по иску общин пассамакуоди и пенобскот. В 1980 г. конгресс после длительных дебатов удовлетворил их претензии, приняв закон о выплате индейцам компенсации на сумму 26 млн долл. Кроме того, правительство обязалось содействовать этим народам в покупке дополнительных земельных угодий.

Однако перечень успешно завершившихся переговоров по территориальным претензиям коренных американцев на этом фактически закончился. Эйфория, вызванная решением по иску общин штата Мэн, быстро исчезла. Чаяния индейцев разбились о неприкрытое стремление правящих кругов Соединенных Штатов превратить их земельные претензии в многолетний, изнурительный, дорогостоящий для общин процесс переговоров, юридических разбирательств, легальных проволочек, с тем чтобы в конечном итоге на «законной» основе свести справедливые требования коренного населения на нет. Ярким примером подобной практики может служить иск катауба.

В 1976 г. руководство этой общины обратилось в КИИ с иском о компенсации отнятой у нее в прошлом столетии властями Южной Каролины территории площадью около 140 тыс. акров. При этом Д. Блу, президент совета катауба, заявил о твердом намерении «вести переговоры по наилучшему решению земельного спора» путем конструктивного судебного разбирательства. Он откровенно противопоставил свою тактику «беззаконию действий воинственных радикалов», подчеркнув стремление осуществить запланированную акцию в «наиболее дружелюбной форме».

Лидерам катауба, однако, не помогла их верно-подданническая риторика. В октябре 1978 г. община получила первый удар. КИИ заморозил иск на том

основании, что власти штата, без участия которых в переговорах нельзя было осуществить разбирательство, отказались вступать в прямые контакты с представителями индейцев. Лишь благодаря консультативной помощи НАРФ Блу, оспоривший данное решение в апелляционном суде, сумел протолкнуть иск катауба в конгресс. Это произошло в начале 80-х годов, и на этом уровне претензии индейцев остались и по сей день. Только после этого вера лидеров катауба в справедливое решение их территориальных претензий наконец пошатнулась. «Это — попытки общества посредством политических механизмов навязать индейским общинам несправедливое решение, не учитывающее их прав и нужд», — с возмущением отметил Блу в ходе одного из недавних слушаний конгресса по поводу иска индейцев Южной Каролины⁷

Судьба усилий катауба добиться осуществления своих требований законным порядком типична для подавляющего большинства индейских земельных исков. Однако в арсенале американских властей помимо бюрократических проволочек имеется немало более жестких средств борьбы с попытками коренного населения утвердить земельные права. Такая тенденция стала особо характерной в период администрации Рейгана. Сам президент, в частности, в апреле 1983 г. вмешался в обсуждение конгрессом иска пекотов, остановив начатые еще в 1976 г. прения наложением вето на законопроект о компенсации. Одновременно с этим по инициативе администрации началось рассмотрение законопроекта о лишении индейских общин права предъявлять правительству земельные иски. Эти шаги привели в негодование даже умеренное общинное руководство и либеральные индейские группировки, упорно стремившиеся сотрудничать с властями. Все они обвинили правительство в нарушении 5-й поправки конституции страны, касающейся запрета изъятия собственности без справедливой компенсации.

Что же касается представителей радикально-демократического течения в политической борьбе коренных американцев, то их отношение к решению земельной проблемы общим путем выплаты им денежной компенсации за фактический отказ от прав на землю носило и носит принципиально иной характер. Для руководства ДАИ, к примеру, обмен исторических земельных

прав индейцев на деньги полностью неприемлем. «Основной вопрос — это земля, а не купюры. Удовлетворившись компенсацией, мы становимся пособниками правящих кругов, которые эксплуатируют богатства и ресурсы индейских народов», — подчеркивалось в одном из заявлений лидеров этой организации⁸ Свою основную задачу в данной области активисты ДАИ видят прежде всего в том, чтобы убедить население резерваций и, главное, их руководство не следовать примеру общин пассамакуоди и пенобскот. С этой целью они неоднократно организовывали в различных общинах открытые слушания по земельному вопросу, на которых объясняли, что речь идет не о каких-либо денежных суммах, пусть даже и крупных, а о материальной основе существования индейских народов. Подобные акции в ряде случаев имели успех. Например, оглала в начале 80-х годов не согласились принять компенсацию в 105 млн долл. за отказ от права на земли в районе Блэк-Хиллс, отторгнутые у них в 70-х годах прошлого столетия. В свою очередь чиппева резервации Уайт-Эрс в 1983 г. предъявили правительству страны земельный иск, в котором, однако, сразу же оговорились, что «единственным честным решением проблемы, с точки зрения индейцев», явилась бы не денежная компенсация, а «возврат им исконных земель, ценнейшего экономического ресурса всей общины»⁹

В ситуации, когда руководство резервации продолжает упорно вести свою линию, ДАИ прибегает к более решительным действиям. Так, с целью прекратить бесполезный территориальный спор между общинами хопи и навахо, рассмотрением которого с середины 70-х годов занимается конгресс, а также чтобы предотвратить выселение индейцев из спорного района Биг-Маунтин, предпринятое властями под предлогом справедливого решения встречных исков обоих народов, ДАИ весной 1985 г. организовало там «лагерь выживания». Цель этой акции — привлечь внимание общественности к творимому в отношении коренных американцев произволу.

С деятельностью ДАИ, наконец, связано и второе основное направление борьбы индейцев за свои земли — экологическое, ставшее особо актуальным с середины прошлого десятилетия вследствие резкого увеличения добычи ископаемых на территориях резерва-

ций. «Нас окружают люди, которые своей деятельностью уничтожают любые формы жизни. Транснациональные корпорации губят жизнь в воде, в воздухе и на земле. Возникшая в последнее время гонка за использование ядерной энергии создает опасность уничтожить за одно поколение жизнь как таковую... Существование индейских общин прекратится, если принадлежащие им земли станут радиоактивной пустыней», — отмечалось в документе участников марша на Вашингтон 1978 г.¹⁰ Не ограничиваясь подобными декларациями, активисты движения предприняли конкретные действия против ряда горнодобывающих и энергетических фирм, чья деятельность наносила экологический ущерб территориям коренного населения. Так, например, дважды, в 1980 и 1981 гг., ДАИ организовало захваты зданий правления корпораций «Консолидейшн коул» и «Тексако», осуществлявших добычу угля и нефти в резервации навахо. Целью этих акций было заставить монополии прекратить загрязнение окружающей среды в землях индейцев и провести там работы по восстановлению пастбищных угодий. В итоге компаниям пришлось удовлетворить основные требования индейцев, хотя говорить о коренном переломе позиции монополий в данном вопросе пока преждевременно.

Поскольку многочисленные группы населения резерваций, общинное руководство и, наконец, СЭРТ выступают за продолжение разработки недр индейских территорий, ДАИ предпринимает большие усилия, чтобы убедить коренных американцев бережнее относиться к своему главному достоянию — земле. Организация апеллирует к вековым индейским традициям мировосприятия и одухотворения природы. «Я не признаю самого термина „американская цивилизация“, — убежденно заявил один из лидеров ДАИ, Д. Бэнкс, в интервью французской газете „Либерасьон“ — Задолго до появления на этом континенте белых нам уже были известны все основные жизненные циклы матери-земли, и мы пребывали в гармонии с ней. Это и есть подлинная цивилизация»¹¹ Подобные призывы находят все больший отклик среди различных групп коренного населения, представителей индейских организаций любых направлений. На почве борьбы за предотвращение экологической катастрофы, к примеру, произошло сбли-

жение ДАИ с организациями традиционалистов, принявших весьма активное участие в «Самом длинном индейском переходе». Имеются также свидетельства, что и среди руководства общин, интенсивно сотрудничающих с частным сектором в разработке принадлежащих им месторождений природного сырья, намечается тенденция к пересмотру стратегии экономического развития территорий во имя сохранения для будущих поколений резервационных земель.

Можно предположить, что основная борьба индейцев за земли еще впереди.

За право распоряжаться своими ресурсами

С кругом проблем, затрагивающих земельную базу резерваций, во многом тесно связан еще один острый для индейского населения вопрос — о сохранении так называемых особых прерогатив общин. К наиболее важным из них относится исключительное право индейских сообществ на использование национальных водных ресурсов в количестве, определяемом практическими потребностями резервационного хозяйства. Это право восходит к соответствующему вердикту Верховного суда, принятому еще в 1908 г. Данное решение также обязывает американские власти, когда это необходимо, оказывать содействие в ирригации индейских земель и поддерживать инициативы их жителей в этой области. В послевоенный период администрация многих штатов, однако, начала систематически нарушать рассматриваемую прерогативу общин.

В начале 70-х годов особо сложная ситуация с использованием индейцами водных ресурсов сложилась в штате Монтана, чьи власти пошли на прямое противодействие потреблению коренными жителями воды на хозяйственные нужды. В ответ на произвол администрации штата представители ряда крупных общин Монтаны в феврале 1974 г. провели встречу, в ходе которой была выработана договоренность о начале совместной борьбы за право индейцев на водопользование. Спустя два месяца коренные жители штата обнародовали меморандум. В нем подчеркивалась правомерность «претензий на воду рек, протекающих через их земли». Этот документ также «доводил до сведения властей Монтаны и всех прочих потребителей воды, что коренное население

ние предпримет все усилия по защите своих неотъемлемых прав».

В соответствии с достигнутой договоренностью индейцы через федеральный суд предъявили своему штату иск по поводу нарушения их исключительного права на водопользование, обвинив легислатуру Монтаны в нарушении предписания Верховного суда от 1908 г. Первоначально слушания проходили для коренных американцев довольно благоприятно. При содействии адвокатов из НАРФ им удалось отвести важный аргумент ответчиков о якобы неконституционном характере иска. Адвокаты индейцев сумели разыскать прецеденты в судебной практике штатов Айдахо, Вайоминга и самой Монтаны, когда подобные иски, предъявленные округами с белым населением, признавались вполне правомочными. Но в июле 1984 г. индейцы Монтаны неожиданно получили удар от федеральных властей. Министр внутренних дел страны У. Кларк уведомил в письме губернатора штата Т. Шуайндена, что администрация президента Рейгана выступает принципиальным противником тяжб о водных ресурсах. В то же время президент считает целесообразным выработку штатной легислатурой процедурного механизма для решения подобных споров в интересах всего населения региона. Получив такую поддержку, власти Монтаны остановили слушания по иску индейцев.

Заявление Кларка крайне негативно отразилось на отношении к правам коренных жителей на водопользование не только в северо-западных, но и в других районах страны. Воспользовавшись антииндейской позицией министра внутренних дел, власти Аризоны и Колорадо поспешили исключить расположенные на их территории резервации из зон ирригационного строительства. В связи с этим община южных юте направила в конгресс протест против подобных действий властей штата, поставивших сельскохозяйственные угодья индейцев под угрозу постоянной засухи. С аналогичным заявлением выступили общины папаго. В кампанию по защите прерогатив коренных жителей подключился и НТКА. В заявлении 1984 г. эта организация потребовала от властей прекратить практику превращения индейских земель в засушливые районы. В качестве путей решения набравшей проблемы использования водных ресурсов НТКА предложил такие меры: а) подтверждение вер-

дикта 1908 г.; б) законодательная поддержка конгрессом США прав индейцев на воду в случае конфликтов со штатами; в) финансовая и техническая поддержка индейских ирригационных проектов. Американские власти пока не приняли никаких решений по поводу этих весьма умеренных требований.

Еще более скромными успехами увенчались попытки индейских народов северо-западных районов США отстоять свои привилегии в ловле речной рыбы ценной лососевой породы. Такое право, гарантированное им договорами, категорически отрицалось и продолжает отрицаться властями штатов. Особенно усердствовала в этом легислатура штата Вашингтон. Под надуманным предлогом охраны лососевых от истребления индейцами, якобы практиковавшими хищнические методы лова *, она ввела в начале 60-х годов особые правила, которые запрещали коренным жителям ловить рыбу не только на территории штата, но и в их резервациях.

В ответ на произвол администрации штата индейские общины начали кампанию действий за отмену ограничений на рыболовство. Советы резерваций выступили с заявлениями, подчеркивавшими важность добычи рыбы для повседневного существования индейских народов. Ярким образцом таких заявлений стал протест общины Никуэлли, в котором говорилось: «И в силу традиции, и вследствие насущных нужд сегодняшнего дня лососевые — основа нашего жизнеобеспечения. Это прежде всего постоянная пища, главный источник протеина в зимний период... Это, наконец, фундамент общинной экономики, ибо рыба — первейшая статья нашей торговли»¹²

Вслед за тем по резервациям стихийно прокатилась волна так называемых «фишингов» — демонстративных актов рыболовства с целью привлечь к правовой проблеме внимание демократической общественности страны. Наиболее крупным мероприятием такого рода стал «фишинг» на р. Никуэлли в сентябре 1965 г., в котором приняло участие большинство индейских сообществ Вашингтона. Своего апогея акции самочинного рыболовства достигли к январю 1970 г., когда между индей-

* О лживости подобных заявлений говорит следующее. По официальным данным, доля вылавливаемой индейцами Вашингтона рыбы в общем объеме добычи лососевых в этом штате в 60-е годы не превышала 20 %.

цами и полицией и группами расистски настроенных белых произошли весьма острые стычки, окончившиеся избиванием участников «фишингов».

Размах стихийной борьбы жителей резерваций между тем напугал умеренных индейских лидеров. Они в который раз постарались придать борьбе мирные рамки и направить ее в русло парламентского протеста. С этой целью в 1974 г. общинное руководство штата образовало Комиссию по индейскому рыболовству на Северо-Западе, сокращенно НИФК *, которая взяла на себя инициативу представления интересов коренных жителей в этой области. НИФК организовала в федеральных судах разного уровня разбирательство вопроса о праве индейцев на ловлю рыбы, завершившееся в 1979 г. подтверждением Верховным судом США приоритета индейских договоров над законами штатов о рыболовстве.

На первый взгляд это решение можно было бы считать победой коренных американцев. Но во-первых, власти штатов игнорировали его на практике. Во-вторых, ультраконсервативный сенатор от штата Вашингтон С. Гортон в 1981 г. внес на рассмотрение конгресса проект закона об охране лососевых рыб, который ставил штатные регуляции по ловле рыбы над договорными правами индейцев. Подобный шаг вызвал гнев индейского населения Вашингтона. Резкое несогласие с проектом закона выразили общины якима, мака, хох и другие, направив в конгресс соответствующие петиции. В поддержку требований индейцев Северо-Запада со специальной резолюцией выступил НТКА. В этих условиях законодатели сочли за лучшее на время прекратить обсуждение упомянутого законопроекта.

Но в апреле 1985 г. сенатор Гортон, внося в свой проект косметическую поправку о выплате общинам денежной компенсации за отказ от права на ловлю рыбы, вновь поставил его на рассмотрение. Увидев тождество данного законопроекта с предыдущим, индейцы Вашингтона организовали новую кампанию протеста. НИФК в этой связи выступила с заявлением: «Мы отвергаем его, как отвергали в 1981 г. прежнее предложение Гортон. ...Дополнительные меры по охране лососевых направлены вовсе не на то, чтобы рыбные богатства

* National Indian Fishing Commission.

сохранялись. Их цель — сократить добычу рыбы рыбаками-индейцами, действующими в соответствии со своими договорными правами, и одновременно расширить возможности рыболовства белым спортсменам». Прения по законопроекту в третьей его редакции 1988 г. идут и по сей день. Однако практика соглашательства либерального руководства индейцев может привести к утрате коренными американцами одной из своих исторических прерогатив.

В 70-е годы на первый план политической активности коренных жителей США выдвинулся также вопрос об их гражданском равноправии. Начало борьбы индейцев по этому кругу проблем — заслуга исключительно радикально-демократических организаций, и прежде всего ДАИ. При внимательном анализе подобная ситуация не кажется случайной. Резкая активизация действий в защиту гражданских свобод на втором этапе национального движения индейских народов произошла отнюдь не потому, что в первые послевоенные десятилетия их права в данной области не ущемлялись. Суть дела заключается в ином. Признавая незыблемыми капиталистические общественные отношения, либеральные группировки, которые в то время доминировали в политической жизни индейцев, объективно соглашались с буржуазным правопорядком и намеренно избегали вопросов нарушения гражданских прав коренных американцев.

В первую очередь ДАИ выступило в роли защитника интересов индейцев, работавших по найму. В феврале 1975 г., в частности, его активисты вмешались в трудовой конфликт, происходивший на заводе электронного приборостроения компании «Фэйрчайлд», расположенном в резервации навахо. Они заявили резкий протест руководству фирмы по поводу начавшегося увольнения рабочих-индейцев и потребовали от ее правления неукоснительного соблюдения законов о труде. В ответ на отказ директора «Фэйрчайлд» удовлетворить эти справедливые требования активисты организации захватили здание завода и удерживали его в течение недели. Напуганная администрация закрыла предприятие. Год спустя аналогичная акция была проведена в общине янтон, где ДАИ удалось добиться от руководства расположенного там рыбоконсервного предприятия выполнения всех условий трудового соглашения.

Немало усилий движение предприняло и с целью пресечения судебного и полицейского произвола в отношении индейцев. Например, в 1977 г. оно организовало сбор подписей под письмом тогдашнему министру юстиции Г. Беллу, в котором выражался протест против политики массовых репрессий. Год спустя участники «Самого длинного перехода» передали в конгресс специальное послание с требованием освободить политических заключенных, томящихся в американских тюрьмах, и прежде всего активных участников событий в Вундед-Ни — Л. Пелтиера, Р. Робидо и Л. Кроу Дога. В результате этой кампании Робидо и Кроу Дог были выпущены на свободу. В настоящее время организация ведет активную борьбу за пересмотр приговора и освобождение Л. Пелтиера, создав специальный комитет (его делегация в 1986 г. посетила СССР).

С выходом ДАИ на международную арену борьба за гражданские права индейцев вступила в новую, более высокую фазу. Через свое представительство в Организации Объединенных Наций — МСИД движение приняло участие в ряде представительных международных форумов. Его члены активно работали на заседаниях Международной ассамблеи защитников мира в мае 1977 г. в Варшаве, где на секции прав человека были сделаны доклады об истинном положении индейцев США. В сентябре того же года МСИД подготовил и провел в Женеве Конференцию неправительственных организаций против дискриминации коренного населения Америки. В июле 1981 г. в Миннеаполисе была организована Конференция представителей индейских народов США, Канады и Латинской Америки, выработавшая «Великий международный договор дружбы и сотрудничества». Цель этого договора — поставить индейцев, угнетаемых в своих странах, под защиту международного права. Наконец, в марте 1986 г. делегация ДАИ посетила в Нью-Йорке представителей центра ООН по правам человека и вручила им протест против политики ущемления гражданских свобод коренных американцев, проводимой властями Соединенных Штатов.

Итак, тяжесть и безвыходность современного положения индейцев США вкупе с бременем исторических несправедливостей служит питательной средой их активного протеста. Политическая борьба коренных

американцев в период после второй мировой войны с большим или меньшим успехом велась по самым разнообразным направлениям. Но, несмотря на весьма высокую организацию на двух уровнях — местном и общенациональном, внутренние противоречия и разобщенность индейского правозащитного движения ослабляли и продолжают ослаблять его монолитность и в конечном счете эффективность политических действий коренных жителей страны.

*****

КАНАДА

Начало политической борьбы

До начала 60-х годов проявления политической деятельности канадских индейцев носили чрезвычайно слабый, эпизодический характер на всех уровнях: местном, провинциально-региональном и общенациональном.

Несмотря на то что Индейским актом 1951 г. федеральное правительство Канады предоставило коренным жителям страны некоторые возможности местного самоуправления через так называемые советы общин, однако всеми делами в индейских резервациях и поселениях управляли специальные служащие федерального правительства — «индейские агенты». Общинные советы не имели для этого ни средств, ни штатов, ни организационной структуры. Изолированные друг от друга и от остального общества, индейские общины не были вовлечены в политическую жизнь окружающего их мира, у них отсутствовала собственная политическая структура в виде общеканадских партий или организаций, которые могли бы эффективно выражать и отстаивать интересы коренного населения. Вплоть до 1960 г. индейцы были ограничены в правах на участие в федеральных выборах, и только в 1969 г. последняя канадская провинция сняла запреты на участие индейцев и в провинциальных выборах.

В 60—70-е годы произошел коренной перелом в политическом сознании и деятельности канадских индейцев, который сопровождался, как мы уже знаем, серьезными изменениями в социально-экономических и культурных условиях их существования, а также в политике правящих кругов по отношению к коренным жителям.

Следует отметить, что коренные жители Канады имеют довольно давнюю традицию политической организации. Еще в XIX в. предпринимались попытки создать региональные и национальные объединения индейцев с целью борьбы против зависимого положения, обнищания, притеснений со стороны властей. Лидерами в этом деле выступили индейцы Британской Колумбии, уровень социально-экономического развития которых и степень вовлеченности в рыночную капиталистическую экономику были выше в сравнении с другими группами аборигенов. В 1887 г. народ нишга создал специальный земельный комитет для отстаивания своих прав на исконные территории. В 1906 г. индейцы скуомиш направили делегацию в Англию для изложения содержания своих земельных исков. Наконец, в 1915 г. для поддержки аборигенных прав на землю была создана провинциальная коалиция Объединенные индейские племена Британской Колумбии.

Ядро этой организации составляли представители общин индейцев хайда и цимшиан. Круг ее деятельности был ограничен, не выходил за рамки отстаивания интересов локальных общин по какому-либо вопросу, тем более что принятый в 1927 г. федеральный закон запретил индейским организациям собирать и использовать какие-либо средства для борьбы за собственные права.

В 1931 г. коалиция оформилась в Братство аборигенов Британской Колумбии. В 1942 г. с ним слилась созданная в 1936 г. Ассоциация рыбаков — аборигенов тихоокеанского побережья, в которой ведущие позиции занимали индейцы квакиутль. В Братство входили главным образом коренные жители протестантского вероисповедания. Они мало контактировали и сотрудничали с представителями конкурирующей католической организации — Братством индейцев Северной Америки, которая имела свое отделение и в провинции Британская Колумбия. Федеральное и провинциальное правительства, используя тактику «разделяй и властвуй», фактически блокировали деятельность индейских организаций, и те не смогли добиться ощутимых успехов.

Обе организации позднее вступили в контакт с объединениями индейцев центральных и восточных провинций и достигли соглашения о создании новой общенациональной организации — Братство канадских индейцев. Эта организация не носила религиозного характера

и состояла целиком из так называемых нестатусных индейцев. В 1946 г. Братство пыталось создать коалицию с организациями статусных индейцев в провинциях, но это не удалось из-за противодействия властей, прежде всего правительства провинции Саскачеван. Последующие попытки были более успешными, но в целом по стране продолжали существовать раздельно организации нестатусных и статусных индейцев, а также метисов. Метисы в 30-е годы создали собственные ассоциации в провинциях Альберта и Саскачеван.

Индейцы других регионов начали активную политическую деятельность позднее. В 1944 г. в Саскачеване была создана Ассоциация индейцев Саскачевана, которая в 1946 г. дала начало Союзу индейцев Саскачевана. Возникшая как оппозиция Союзу другая организация коренных жителей спустя 10 лет слилась с ним, и была образована Федерация индейцев Саскачевана, действующая по сегодняшний день.

В 1939 г. после ряда организационных изменений была создана Индейская ассоциация Альберты, которая остается ведущей провинциальной организацией до сих пор. В Манитобе индейское Братство появилось в 1946 г.

В центральных провинциях индейские организации не были столь активны и многочисленны до последнего времени, хотя и у них есть своя история. Еще в 1840 г. миссионеры помогли оджибве в Онтарио образовать Общий совет индейцев наций оджибве, который в 1946 г. был переименован в Общий совет индейских вождей, а в 1982 г. — в Общий совет Онтарио. Просуществовав до 1983 г., совет положил начало ныне действующему Союзу индейцев Онтарио. Нужно отметить, что тон в индейских организациях этой провинции всегда задавали многочисленные и сплоченные ирокезские общины, особенно общины резерваций «шести наций». Членами этих организаций могли быть главным образом статусные индейцы.

Всего к началу 70-х годов в стране возникло и существовало более 100 индейских организаций, в том числе 15 общенациональных, причем основная масса организаций (74) возникла в 60-х — начале 70-х годов. Многие из них довольно быстро распались.

Общенациональные организации

Первая серьезная попытка создания общенациональной организации была сделана в 1944 г., когда возникло Братство индейцев Северной Америки, распавшееся из-за внутренних разногласий в 1950 г. В 1954 г. был создан Национальный индейский совет, который с 1961 г. стал своего рода официальной организацией статусных и нестатусных индейцев, хотя ведущую роль в нем играли городские индейцы — представители средних слоев, а также метисы. Руководителем организации был адвокат из г. Калгари Уильям Вутуни, выходец из кри. Деятельность совета сводилась к культурно-просветительной работе, например, к организации передвижных выставок индейского искусства, в том числе отдельного павильона на ЭКСПО-67 в Монреале. Индейское население в целом неодобрительно относилось к этой элитарной и замкнутой ассоциации.

В 1968 г. из Совета выделились две организации: Национальное братство индейцев (НБИ), объединившее статусных аборигенов, и Общество канадских метисов, представлявшее нестатусных коренных жителей. В 1970 г. общество метисов было преобразовано в Аборигенный совет Канады (АСК), а Национальный индейский совет объявил о своем формальном роспуске. И наконец, в 1971 г. возникла общеканадская организация эскимосов — Общество иннуитов Канады. Так сложились три общенациональные организации, представляющие основные группы коренного населения: а) статусных индейцев, б) нестатусных индейцев и метисов, в) эскимосов.

С этого момента, особенно после обнародования в 1969 г. платформы федерального правительства по индейскому вопросу, НБИ быстро превращается в самую крупную и влиятельную организацию, к которой присоединились почти все союзы и ассоциации статусных индейцев.

В 1970 г. НБИ было официально признано канадскими властями в качестве официальной общенациональной организации коренного населения. НБИ представляло собой федерацию провинциальных и территориальных организаций на основе коллективного членства. Высшим органом была Генеральная ассамблея, на которую выбирались или назначались делегации от

провинций, а в Исполнительный совет входили президент братства и руководители десяти провинциальных организаций. Своей главной целью НБИ ставило объединение и координацию усилий индейских организаций в борьбе за права индейцев.

На протяжении 14 лет (НБИ прекратило свое существование в июне 1982 г.) эта общеканадская индейская организация действовала довольно успешно, обеспечив выработку единой позиции по многим вопросам и добившись внесения существенных коррективов в политику федерального правительства. НБИ подготовило контр-программу по вопросам экономического развития резерваций, жилищной проблемы индейцев, индейского образования, выступило инициатором и координатором ряда крупных паниндейских кампаний, в том числе за пересмотр канадской конституции с учетом интересов коренных жителей страны. На ежегодной Генеральной ассамблее НБИ летом 1980 г. была принята программа индейского движения, состоящая из 14 пунктов, в которой, в частности, говорилось: «Мы являемся нациями. Мы всегда были нациями. Мы имеем право определять наших собственных граждан. Мы имеем право на самоопределение».

Штаб-квартира НБИ в Оттаве располагала довольно сильным аппаратом (54 человека), который не только обеспечивал подготовку материалов о положении индейцев и позиции их организаций, но и осуществлял связь с федеральным министерством по делам индейцев, с правительствами провинций, а также с международными организациями. Руководство организации предпочитало мирные, ненасильственные действия и в целом отличалось реформистским характером.

С 1980 г. НБИ начало утрачивать руководящую роль, передавая часть власти в руки крепнущих региональных организаций и местных общин. Братство все больше превращалось в лоббистскую организацию, действующую от имени других аборигенных организаций и общин. В 1981—1982 гг. НБИ направило усилия на расширение и закрепление прав коренного населения в новой канадской конституции. Как известно, большого успеха в этом общенациональная организация не добилась, но зато ее позиция по конституционному вопросу вызвала большие разногласия в индейской среде.

Однако самым уязвимым местом НБИ была полная

финансовая зависимость от правительства, которое обеспечивало около 98 % всех средств организации. Это лишало НБИ необходимой самостоятельности. В ходе кампании за пересмотр канадской конституции правительство ограничило свои субсидии НБИ, и его лоббистская деятельность обернулась долгом в 700 тыс. долл. Организация была вынуждена на 40 % сократить свой штат и отказаться от ряда намеченных программ.

Другое слабое звено НБИ было в том, что организации не удалось обеспечить прочные связи и необходимый авторитет среди индейских общин. Согласно конституции НБИ, только одна индейская ассоциация от каждой провинции или территории могла направить представителей в общенациональную организацию. В результате многие из вождей не были членами НБИ. В провинции Квебек, например, только 3 из 35 индейских общин являлись членами НБИ. В Британской Колумбии провинциальная организация, избиравшая или назначавшая представителей в НБИ, объединяла всего $\frac{1}{3}$ коренных жителей провинции.

Ряд входивших в НБИ организаций были не согласны с ее позицией по некоторым вопросам. Ассоциация индейцев Альберты, например, объявила о своем полном несогласии с действиями НБИ в отношении предлагаемых правительством конституционных поправок по вопросу о договорных и аборигенных правах.

Решение о реорганизации НБИ было выработано в декабре 1980 г., когда вожди всех индейских общин собрались в Оттаве на Ассамблею первых наций. Это решение было поддержано и руководством НБИ. Ее тогдашний президент Дең Рили, однако, предупредил вождей, что попытки осуществить реформу не должны вести к разногласиям. «Один из самых важных принципов, за который мы должны бороться, — это единство, — сказал он в приветствии участникам очередной ежегодной ассамблеи, состоявшейся в мае 1981 г. в Квебеке. — Сейчас наступил важнейший момент в нашем политическом развитии как индейских наций. То, что будет здесь предпринято, продемонстрирует Канаде и международному сообществу нашу способность признать собственные слабости и двигаться конструктивно к достижению нами полной автономии в качестве индейских наций»¹³

На ассамблее в Квебеке были высказаны два существенных положения относительно принципов индейского

самоуправления. Это принцип представительства не от провинциальных организаций, а от местных общин, а также принятие всех решений не большинством голов, а путем консенсуса, что больше соответствовало индейским политическим традициям. Однако реализация этих принципов оказалась непростым делом. На ассамблее присутствовало всего 177 из 573 вождей индейских общин, и некоторые ее участники считали, что такое собрание неправомочно решать за всех коренных жителей. Но даже присутствовавшие вожди разошлись во мнении относительно того, какая новая структура индейского управления должна быть создана вместо существующего НБИ. Некоторые представители из Онтарио опасались, что упразднение НБИ может привести к упразднению министерства по делам индейцев, системы резерваций и финансирования властями части осуществляемых в общинах программ. Они считали, что их общины еще не были готовы взять на себя весь контроль за собственными делами. Представители западных провинций были настроены более решительно в отношении создания новой общенациональной структуры индейского движения, в центре которой были бы вожди общин. Достигнутое соглашение содержало поручение совету вождей и совету старейшин вместе с исполкомом НБИ выработать приемлемые для всех предложения по индейскому самоуправлению. Окончательное решение о роспуске НБИ и создании Ассамблеи первых наций (АПН) было объявлено на следующей встрече в апреле 1982 г. в Пентиктоне (Британская Колумбия).

По своей структуре ассамблея представляет собой своеобразный общеиндейский парламент, объединяющий вождей всех официально зарегистрированных индейских общин. АПН состоит из Совета первых наций и Совета старейшин.

Новая общенациональная организация индейцев носит более массовый и демократический характер, ибо в ней представлены все индейские общины без посредничества провинциальных организаций. Это стало возможным благодаря укреплению позиций общинных вождей. Более радикальный характер носит и программа организации, выступающей за признание индейских ценностей общественной жизни, за гармонию в отношениях с окружающей средой. АПН также отвергает уродливые проявления западной цивилизации: техно-

кратизм, милитаризм, погоню за прибылью и материальными благами. Для достижения своей цели — полного контроля индейцев над своей сегодняшней жизнью и будущим развитием — ее руководители считают возможным использовать любые действия вплоть до открытого сопротивления с применением силы.

Наиболее полное воплощение эта платформа получила в деятельности созданной в конце 60-х годов в США организации Движение американских индейцев. В 1973 г. национальная ассоциация ДАИ была образована в Канаде. Ее основу составили молодые индейцы, главным образом горожане. Не имея официальной структуры и членства, ДАИ в Канаде получило довольно широкую поддержку в массах и организовало ряд решительных акций, в том числе общеканадский поход индейцев в 1978 г., который вынудил правительство сесть за стол переговоров по вопросу об обеспечении прав коренных жителей.

Региональные организации

Помимо общенациональных в Канаде продолжают существовать и активно действовать провинциально-региональные организации. В провинциях прерий (Саскачеван, Альберта, Манитоба) — это индейские братства, в состав которых входят не только вожди общин, но и другие активисты, а в штате преобладают городские индейцы. В других провинциях действуют союзы — большие региональные ассамблеи, представленные лидерами индейских общин.

В организационном плане провинциальные и региональные союзы более или менее схожи с общенациональными ассоциациями. Во главе их, как и в общенациональных организациях, стоят президент и вице-президент, имеется небольшой аппарат. Президент, вице-президент и казначей получают заработную плату. Руководство индейских союзов выборное, срок его полномочий обычно не превышает трех лет. Выборы проходят на ежегодных ассамблеях или съездах.

Интересно отметить, что в НБИ и Аборигенном совете Канады (АСК) почти все президенты были выходцами из Западной Канады, и наиболее активные индейские лидеры чаще всего принадлежат к народу кри или народам северо-западного побережья.

Провинциальные организации входят в общенациональные в качестве добровольно примкнувших и могут в любое время выйти из них. Это облегчается тем, что каждая провинциальная организация получает деньги прямо от федерального правительства, независимо от ее членства в общенациональной организации. Так, например, в начале 80-х годов три провинциальные ассоциации (Британской Колумбии, Саскачевана и Манитобы) вышли из АСК из-за разногласий с национальной штаб-квартирой, но власти продолжали финансировать их как независимые организации. Примечательно в этом отношении заключение канадских специалистов: «Власть кошелька находится у федерального правительства, и только одно оно решает, какую организацию признать достойной финансирования, какие суммы предоставлять и как долго»¹⁴

Рассмотрим в качестве примера деятельность провинциального Союза индейцев Саскачевана. В создании этой организации в 40-е годы приняли участие лидеры общин индейцев кри, сиу, оджибве (сото), ассинибойн и атабасков, проживающих в этой провинции. Ее первым президентом был внук знаменитого индейского вождя Паундмейкера Джон Тутусис, который еще в конце 20-х годов участвовал в создании Индейской лиги Канады — предшественницы Национального братства индейцев. Были определены цели организации: «защита договоров и договорных прав, достижение прогресса в экономическом, образовательном и социальном развитии индейцев, сотрудничество с гражданскими властями и религиозными организациями, конструктивная критика и глубокое обсуждение всех проблем, приверженность демократии, развитие уважения и терпимости ко всем людям»¹⁵

Переименование союза в 1958 г. в Федерацию не изменило его конституции. Формально по провинциальным законам это была общественная благотворительная организация без каких-либо особых прав. Радикальные сдвиги в политическом развитии местного коренного населения и его ассоциаций потребовали в конце 70-х — начале 80-х годов перемен в организационных основах индейского движения. Федерация и ее руководящий орган — исполком стояли до этого как бы над местными общинами, имевшими недостаточное представительство и мало прав для осуществления

политики провинциальных отделений. Кроме этого цели и программа федерации никак не учитывали такие выдвинувшиеся на передний план требования индейцев, как достижение самоуправления и выполнение условий договоров, заключенных в свое время с индейскими народами как суверенными политическими образованиями.

В апреле 1982 г. был созван съезд представителей всех проживающих в провинции «первых наций», на котором были сформулированы новые организационные и политические принципы Федерации индейцев Саскачевана. Важнейшими из этих принципов стали: признание политической автономии и верховенства общин, чьи права и обязанности определяются только общим собранием лидеров; децентрализация власти, аппарата и программ с провинциального на уровень общин и округов; подотчетность перед местными общинами, представители которых на законодательной ассамблее определяют структуру и полномочия федерации. Такая законодательная ассамблея Федерации индейцев Саскачевана в апреле 1982 г. приняла специальный акт — своего рода конституцию нового образования.

Нетрудно заметить, что в современных провинциальных организациях наряду с расширением прав индейских общин и групп наблюдается стремление придать организациям сходство с государственным механизмом, превратить их в инструмент самоуправления. Аналогичные по характеру изменения произошли в 80-е годы во многих провинциальных ассоциациях.

Платформы и лидеры

Несмотря на ограничения и трудности, с которыми приходится сталкиваться политическим организациям коренных жителей, эти организации достигли многого в последние два десятилетия, особенно в сфере занятости, образования, решении жилищной проблемы. Но в ключевых вопросах прав и статуса аборигенов организованное индейское движение не добилось такого успеха. И причина здесь не только в нежелании правящих кругов пойти на серьезные уступки требованиям коренных жителей страны, но и в отсутствии должного единства между тремя основными организациями, действующими абсолютно раздельно. По ряду коренных

вопросов позиции трех основных групп сильно расходятся, в частности по вопросу об отношении к Индейскому акту, к новой конституции страны и о признании правомочности канадских законов вообще.

Статусные индейцы выступают против включения метисов и нестатусных индейцев в существующую на основе некогда заключенных договоров систему индейских резерваций и общин. Это грозит статусным индейцам размыванием некоторых хотя и скудных формальных прав и привилегий. Что касается эскимосов, то они остаются в стороне от обеих групп индейцев и предпочитают укреплять организационные и другие связи с эскимосами Аляски и Гренландии. Даже по такому общему делу, как земельные иски, аборигены с трудом достигают соглашений. В Северо-Западных территориях в ходе переговоров с правительством об условиях разрешения земельных исков индейцы, метисы и эскимосы действовали раздельно, чем воспользовались власти, и удовлетворение требований аборигенов затянулось на многие годы. К участию в переговорах, посвященных району залива Джеймс, метисы и нестатусные индейцы не были приглашены, хотя власти признали за последними право на предъявление иска. В итоге общины статусных индейцев получили право определять, кто из местных нестатусных индейцев может подпадать под действие достигнутого соглашения.

Разногласия и фракции существуют в индейских организациях и в связи с различием интересов отдельных групп аборигенного населения. В 70-е годы женские фракции аборигенов выступили против позиции руководства НБИ в отношении дискриминации индеанок. НБИ и общинные организации, где доминируют мужчины, не желали менять когда-то установленное колониальными властями право патрилинейности, хотя оно явно дискриминировало вступающих в смешанные браки индейских женщин, так как лишало их официального статуса. Но эта позиция НБИ не была продиктована каким-либо особым мужским шовинизмом ее лидеров, а вызвана тем, что изменение права патрилинейности могло привести к увеличению формального числа членов общин, в то время как территории резерваций правительство не собирается увеличивать.

Наоборот, в АСК лидеры нестатусных индейцев и метисов активно поддерживают права женщин. В этой

организации в последние годы женщины даже занимали посты президентов на национальном и провинциальном уровнях, а в восточных провинциях женщины составляют большинство членов АСК.

Политические организации, бесспорно укрепляя этническое самосознание индейцев и эскимосов, в то же время нивелируют в ходе общих действий и борьбы культурные и языковые различия между отдельными аборигенными народами. Английский язык (и французский в Квебеке) становится языком повседневного общения, интересы и культурные ориентации все меньше носят традиционные этнические черты. Но в отдаленных районах культурно-языковые различия внутри аборигенного населения еще сохраняются настолько, что оказывают влияние и на политическую организацию. Прежде всего это касается атабасков Северо-Западных территорий, которые в политическом плане все более отчетливо в последние годы выступают за создание самостоятельной культурно-государственной общности — «нации дене», которая может включать и метисов, если они примут их программы в области культуры и политики.

Новый этап в деятельности индейских организаций породил и современное поколение индейских лидеров. Многие из них получили университетское образование и широко известны своими публицистическими выступлениями. Во главе провинциальных союзов в 70-е годы стояли такие одаренные молодые лидеры, как Г. Кардинал — автор книг о положении индейцев Канады, Д. Рили — индеец чиппева из резервации Темз в Южном Онтарио, выпускник университета, работавший в автомобильной промышленности Детройта и в аэрокосмической промышленности в Лос-Анджелесе. В 1977 г. Д. Рили был избран президентом Союза индейцев Онтарио, а в 1980 г. — президентом НБИ.

По политическим взглядам индейских лидеров можно разделить на несколько категорий. Среди них есть так называемые «националисты» — сторонники создания самостоятельных экономических и политических институтов индейского народа и полной политической независимости «индейских наций», своеобразных «государств в государстве». В отличие от них «автономисты» выступают за оформление в пределах существующей в Канаде политико-государственной структуры аборигенных автономий, обладающих особым статусом. Сто-

ронники этих взглядов стремятся к обеспечению законными средствами политических и культурных прав аборигенного населения в канадском обществе. Есть также так называемые «интеграционисты», выступающие за упразднение особого статуса индейцев и соответствующих политических структур, как, например, министерства по делам индейцев. Они — сторонники ассимиляции аборигенов в евроканадском обществе.

Национальные индейские лидеры очень часто связаны в своих действиях, вынуждены учитывать интересы местных и провинциальных активистов и групп. Так, например, президент национальной АСК публично объявил о поддержке организацией рекомендаций комиссии Бергера, не зная, что в тот же день президент АСК Северо-Западных территорий осудил эти рекомендации.

Играет роль и стремление выборных лидеров сохранить за собой хорошо оплачиваемые посты. Заработная плата президентов национальных организаций в конце 70-х годов составляла 30—40 тыс. долл. в год, а вице-президентов — 20—30 тыс. долл. Многие после ухода стараются перейти на работу в систему федеральных или провинциальных государственных учреждений. Происходит процесс инкорпорации индейских лидеров в бюрократическую систему правящей элиты страны, да и сами индейские организации все больше используются в качестве звена в правительственном механизме урегулирования конфликтов в делах аборигенов.

Ясно, что для противодействия политике властей организованное индейское движение не располагает необходимыми собственными средствами и ресурсами. В 60—70-е годы индейское движение получало мощную поддержку от студенческих групп, но в 80-е годы общественное мнение во многом изменилось. Здесь проявилось несходство интересов и взглядов коренных жителей и значительной части остального населения на развитие труднодоступных территорий и разработку их природных ресурсов.

Наиболее важным моментом в процессах политической организации коренного населения в последнее десятилетие было становление в районах компактного и преимущественного расселения аборигенов местных органов власти. Благодаря обучению поселковых секретарей (старост), образовательной подготовке изби-

раемых членов поселковых (или общинных) советов, включающей семинары по принципам и практике местного самоуправления, по вопросам планирования развития общин, социальной политики и т. п., в самые последние годы в стране сложилась гораздо более самостоятельная и активная система местного аборигенного самоуправления. Активисты и рядовые граждане уже не так зависят от патернализма и равнодушия белых чиновников или амбиций аборигенных лидеров более высоких уровней. Они возлагают на себя все больше полномочий и требуют прав. На этом пути у коренных жителей есть реальные перспективы самоуправления.

Литература

Глава первая

- Whinthrop J.* History of New England from 1630 to 1649. Boston, 1853. Vol. 2. P. 120. (1st ed.—1690).
- ² American State Papers: Documents Legislative and Executive. Class 2: Indian Affairs. Wash., 1832. Vol. 1. P. 13, 53.
- ³ Writings of T. Jefferson / Lipscomb A., ed. Wash., 1903. Vol. 10. P. 370.
- ⁴ Congressional Globe, 38 cong., 2 sess. Appendix. P. 62—64.
- ⁵ Annual Report of the Commissioner of Indian Affairs, 1905. Wash., 1905. P. 5—7.
- ⁶ Congressional Record (CR), 49 cong., 2 sess. Vol. 18. P. 190.
- ⁷ Documents relating to the constitutional history of Canada. 1759—1791. Ottawa, 1914.

Глава вторая

- Этнический состав индейских общин США рассчитан по: U. S. Census of Population. 1980. Subject Report PC (2)—1 D: American Indians on Identified Reservations. Wash., 1985; *Spicer E.* American Indians. Cambridge (Mass.). 1982.
- ² National Congress of American Indians. Statement. 1981 // Fiscal Year 1984 Budget. Hearing before Select Committee on Indian Affairs. 98 cong., 1 sess., 23-25. 2. 1983. Wash., 1983. P. 248.
- ³ Численность народов, если не указан год, рассчитана на основе прогностических данных по: Population Projections of Registered Indians, 1982 to 1996. Department of Indian and Northern Affairs. Ottawa, 1985.
- ⁴ 1981 Census Highlights on Registered Indians. Annotated Tables. Department of Indian and Northern Affairs. Ottawa, 1985. P. 5.
- ⁵ Population Projections of Registered Indians, 1982 to 1996... P. 3.

Глава третья

- ¹ The New York Times. 1952. 19. X.
- ² Statement of George F., executive director, NCAI. 17. 7. 1953// Congressional Record (CR). Vol. 99. P. 9173.
- ³ The New York Times. 1954. 24. II; 4. IV; 1. VIII.
- ⁴ CR, 85 cong., 2 sess., 7. 8. 1958. Vol. 103. P. 13958—13959.
- ⁵ The New York Times. 1957. 29. XII.
- ⁶ Knoxville Journal. 1962. 8. IX.
- ⁷ CR, 87 cong., 1 sess., 9. 5. 1961. Vol. 107. P. 2660—2667; 2 sess., 4. 9. 1962. Vol. 108. P. 20300.
- ⁸ The New York Times. 1969. 7. XII.
- ⁹ *Nixon R.* Brighter Future for American Indians. 27. 9. 1968//CR. Vol. 114. P. 30330.
- ¹⁰ Weekly Compilation of Presidential Documents. 1968. N 10. P. 438—447.
- ¹¹ Текст послания см.: CR. Vol. 116. P. 23131—23136.

- ¹² CR, 92 cong., 1 sess., 22. 4. 1971. Vol. 117. P. 11496.
¹³ Tribal-state compact act of 1979. Hearing before Select Committee on Indian Affairs (SCIA). 96 cong., 1 sess., 1. 9. 1979. Wash., 1979. P. 26—27.
¹⁴ *Talbot S.* Roots of Oppression. N. Y., 1981. P. 18.
¹⁵ The Wall Street Journal. 1977. 23. VIII.
¹⁶ Daily World. 1981. 16. V; 6. VI.
¹⁷ The Nation. 1983. 12. II. P. 178.
¹⁸ Newsday. 1984. 8. VII.
¹⁹ *Cumming P., Mickenberg N.* Native Rights in Canada. Toronto, 1972. P. 331.
²⁰ DIAND. In all Fairness: A Native Claims Policy. Ottawa, 1981. P. 19.

Глава четвертая

- Fontana B.* Papago Indians and Economic development//American Indian Economic Development (AIED). P. 532.
² Congressional Record (CR), 95 cong., 2 sess. Vol. 124. P. 23137.
³ Land authority... for Rama band of Navaio tribe. Hearing before SCIA. 96 cong., 1 sess., 20. 11. 1979. Wash., P. 169.
⁴ CR, 95 cong., 2 sess. Vol. 124. P. 23138.
⁵ The Wall Street Journal. 1979. 20. IX.
⁶ U.S. News and World Report. 1974. 3. VI. P. 53.
⁷ Daily World. 1980. 16. VI.
⁸ Journal of Commerce. 1980. 29. VIII.
⁹ Indian economic development programs (IEDP). Wash., 1980. Pt. 2. P. 37, 79, 81, etc.
¹⁰ Oversight of economic development on Indian reservations/Hearing before SCIA. 97 cong., 2 sess., 29. 4. 1982. Wash., 1982. P. 13.
¹¹ U. S. News and World Report. 1983. 23. V. P. 72.
¹² A bill to make Small business owned by American Indians eligible for SBA a programm. Hearing before SCIA. 98 cong., 1 sess., 11. 5. 1983. Wash., 1983. P. 51.
¹³ NCAI position paper. 1979//IEDP. Pt. 2. P. 14.
¹⁴ L'Express. 1977. 3. X. P. 75.
¹⁵ Ramparts. 1970. N 9. P. 40.
¹⁶ DIAND. 1981 Census Highlights on Registered Indians: Annotated Tables. Ottawa, 1985. P. 32.
¹⁷ *Агранат Г. А.* Использование ресурсов и освоение территории зарубежного Севера. М., 1984. С. 120—121.
¹⁸ DIAND. Task Force on Indian Economic Development. Ottawa, 1986. P. 11.
¹⁹ *Berger T. R.* Northern Frontier, Northern Homeland: The Report of the Mackenzie Valley Pipeline Inquiry. Vol. 2. Ottawa, 1977. P. 31—38.
²⁰ DIAND. Indian Economic Development Program. Ottawa, 1972. P. 1.
²¹ National Indian Brotherhood. Indian Economic Development. A Whiteman's Whitewash. Ottawa, 1972. P. 5.

Глава пятая

Ruffing L. Navajo economic development//American Indian Economic Development (AIED). P., 1978. P. 57.

² Statement of R. Azzoliny // Fiscal Year 1984 budget. Hearing before Select Committee on Indian Affairs (SCIA). 98 cong., 1 sess., 23—25. 2. 1983. Wash., 1983. P. 818.

³ *Embry C.* America's Concentration Camps. N. Y. 1956. P. 71—72.

⁴ Народ против власти монополий. Новая программа коммунистической партии США//США: экономика, политика, идеология. 1983. № 2. С. 120—126.

⁵ The New York Times. 1975. 21fi. XII.

⁶ Federal minority business development programm. Hearing before Committee on Small Business. 98 cong., 1 sess., 24. 3. 1983. Wash., 1983. P. 124.

⁷ National American Indian Cattlemen Association. D. Frederix, director // Indian Economic development programs (IEDP). Pt. 2. P. 228—230.

⁸ Disbursement of BIA funds for study of Blackfeet reservation. Hearing before SCIA. 98 cong., 1 sess., 12. 4. 1983. Wash., 1983. P. 138; Fiscal Year 1984 budget. P. 475.

⁹ Newsday. 1984. 8. VII.

¹⁰ Great Falls Leader. 1956. 2. I.

¹¹ The New York Times. 1967. 15. X.

¹² Testimony of Native American Rights Fund. 1980 // Federal Indian Housing Programs (FIHP). Hearing before SCIA. 96 cong., 2 sess., 19. 8. 80. Wash., 1980. P. 99.

¹³ U. S. News and World Report. 1966. 25. IV. R. 104.

¹⁴ Los Angeles American Indian Council on Aging. Testimony, 1981 // Federal aging programs oversight. Wash., 1982. P. 93.

¹⁵ Dialogue. 1973. XII. Vol. 1. P. 3.

¹⁶ An Act Respecting Indians, 1951. Ottawa, 1970. P. 1.

¹⁷ Indian Conditions. A Survey. Ottawa, 1980. P. 59.

¹⁸ Government of Northwestern Territories. Social Assistance Program, April 1980 — March 1985. Yellowknife, 1985. Addendum.

¹⁹ Indian Conditions. A Survey. Ottawa, 1980. P. 3.

Глава шестая

¹ Development of Native American culture and art. Hearings before the Select Committee on Indian Affairs. US Congress. Senate. Wash., 1980. P. 29—36.

² The Indian education amendments of 1984. Hearing before the Subcommittee on elementary, secondary, and vocational education of the Committee on education and Labor. US Congress. House. Wash., 1984. P. 49.

³ Census of Canada, 1981. Aboriginal Languages in Canada. Ottawa, 1985.

⁴ Handbook of North American Indians. Vol. 6. Subarctic. Wash., 1981. P. 680.

⁵ *Краусс М.* Языки коренного населения Аляски: прошлое, настоящее и будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 150, 175.

⁶ *Berger Th. R.* Northern Frontier, Northern Homeland: The Report of the Mackenzie Valley Pipeline Inquiry. Vol. 1. Ottawa, 1977. P. 184.

Глава седьмая

¹ Oversight hearings on Indian education (OHIE). Hearing before Subcommittee on elementary, secondary and vocational education (SESVE). 98 cong., 1 sess., 21—24. 6. 1983. Wash., 1984. P. 13.

² Closing of off-reservation boarding schools. Hearing before Select committee on Indian Affairs (SCIA). 97 cong., 2 sess., 24. 2. 1982. Wash., 1982. P. 89.

³ Oversight of Indian education act. Hearing before SCIA. 98 cong., 2 sess., 6. 12. 1984. Wash., 1985. P. 106.

⁴ Indian education amendments of 1984. Hearing before SESVE. 98 cong., 2 sess., 9. 4. 1984. Wash., 1984. P. 86.

⁵ OHIE. P. 8.

⁶ Closing... P. 78.

⁷ *Edwards M. Cree: An Intensive Language Course*. Saskatchewan. 1954. P. 82.

⁸ Indian Selfgovernment in Canada: Report of the Special Committee. Ottawa, 1983. P. 27—28.

⁹ The Association of Iroquois and Allied Indians: Position Paper. 1971. 27. XI. P. 40—57.

¹⁰ National Indian Brotherhood. Indian Control of Indian Education: Policy Paper. 1972. P. 26.

¹¹ *Hamilton W. D.* Historical Sketch of Indian Education in the Indian Control of Indian Education: Policy Paper. 1972. P. 18.

¹² Indian Control of Indian Education: Policy Paper. 1972. P. 18.

Глава восьмая

Toelken B. Seeing with a Native eye: How many sheep will it hold? // *Seeing with a native eye* / Capps W. H., ed. N. Y., 1976. P. 10.

² Big Mountain News. Fall 1985. P. 7.

³ Ibid. P. 10.

Глава девятая

¹ *Deloria V.* Behind the trail of broken treaties. N. Y., 1974. P. 1.

² Treaty Council News. 1985. XII. Vol. 6. N 2. P. 6.

³ Indian religious freedom issues. Hearing before the Subcommittee on civil and constitutional rights of the Committee on the judiciary. US Congress. House. Wash., 1982. P. 49.

⁴ *Bean L. J.* Morongo Indian reservation: A century of adaptive strategy // *American Indian economic development*; Stanley S., ed. The Hague; Paris, 1978. P. 195.

⁵ Big Mountain News. Fall 5. P. 4.

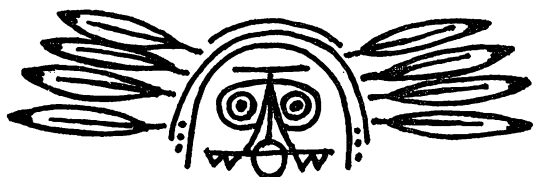
⁶ *Sanders D.* Prior Claims: An Aboriginal People in the Constitution of Canada.— *Canada and the New Constitution. The Unfinished Agenda* / Ed. by S. M. Beck and J. Bernier. Vol. 1. Montreal, 1983. P. 263.

⁷ Dene Nation — The Colony Within / Ed. by M. Watkins. Toronto, 1977. P. 3—4.

⁸ «Towards Co-equality: Integration vs. Assimilation» // H. W. Daniels. *We are the New Nation: The Metis and National Native Policy*. Ottawa, 1979. P. 47—48.

Глава десятая

- ¹ См.: The Time. 1970. 9. II. P. 16.
- ² Congressional Record. Vol. 124. P. 23134.
- ³ NCAI. 19 th Annual Convention. Resolution 1: Statement on Policy. 1962 // Congressional Record. Vol. 108. P. 20297.
- ⁴ Covert Action. 1985. Fall. N 24.
- ⁵ Statement of C. Wesley, president, NCAI. 2. 6. 1961 // Congressional Record. Vol. 107. P. 13527.
- ⁶ Текст документа см.: Congressional Record. Vol. 124. P. 21135.
- ⁷ Antient Indian Land Claims. Hearing before SCIA. 97 cong., 2 sess., 23. 6. 1982. Wash., 1983. P. 148.
- ⁸ The New York Times. 1981. 31. V.
- ⁹ Unresolved claims on White Earth Indian reservation. Hearing before SCIA. 98 cong., 1 sess., 17. 11. 1983. Wash., 1984. P. 61.
- ¹⁰ Congressional Record. Vol. 124. P. 21134.
- ¹¹ Liberation. 1985. 27. XII.
- ¹² Steelhead-trout Protection Act. Hearing before SCIA. 97 cong., 1 sess., 28. 9. 1981. Wash., 1982. P. 148.
- ¹³ Ontario Indian. Vol. 4. N 6. 1981. VI. P. 8.
- ¹⁴ *Breton R., Reitz J. G., Valentine V* Cultural Boundaries and the Cohesion of Canada. Institute for Research on Public Policy. Montreal, 1980. P. 96.
- ¹⁵ Saskatchewan Indian. 1985. VI. P. 7.

Введение	3
----------------	---

Глава первая

Индейцы и европейская колонизация

США	6
Колониальная эра	6
Договорный период (1778—1871 гг.)	10
Под опекой конгресса	15
КАНАДА	20
От Королевской прокламации до Индейского акта	20

Глава вторая

Современные племена, резервации и общины

США	25
Исторические ареалы расселения	25
Расселение в современный период	36
Демографическая ситуация	41
КАНАДА	47
Ареалы и численность	47
Демографические процессы	52

Глава третья

Статус аборигенов и индейская политика

США	59
Атака на индейский статус	59
К «новым рубежам»	64
Правительственный вариант самоопределения	70
«Новый федерализм» — новые проблемы	77
КАНАДА	82
«Белая книга» Пьера Трюдо	82
Индейские права и канадская конституция	85

Тропюю слез и надежд

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава четвертая

Земля и труд индейцев в мире капитала

США	90
Сельское хозяйство в жизни коренных американцев	90
Монополии и энергоресурсы резерваций	97
Индийское предпринимательство	101
Индийское население и рыночная экономика	106
КАНАДА	113
Работа по найму	113
«Смешанная» экономика	116
Пути решения проблем	123

Глава пятая

Социальные условия существования

США	129
Современная община и ее функции	129
Слои и классы индийского общества	133
Условия жизни в общинах	138
Проблемы здравоохранения	141
Ситуация в семье, положение престарелых и детей	145
КАНАДА	149
Индийская община	149
Последние — при найме, первые — при увольнении	153
Жилье и состояние здоровья	156
Проблемы индийской семьи	158

Глава шестая

Судьба индийских языков

США	162
Вымирают ли индийские языки?	162
Перспективы: тенденция и прогнозы	170
КАНАДА	174
Язык детства и общения	174
Есть ли будущее у индийских языков?	182

Тропой слез и надежд

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава седьмая

Плоды просвещения: горький опыт и новые надежды

США	184
КАНАДА	198

Глава восьмая

Культура и духовная жизнь

США	211
Традиции в общественном сознании	211
Перемены в образе жизни	221
КАНАДА	232

Глава девятая

Ассимиляция или развитие?

США	245
Самосознание индейцев	245
Так существуют ли современные индейские народы?	253
КАНАДА	267

Глава десятая

В борьбе за права и выживание

США	272
Организации индейцев и их политические настроения	272
За административную автономию	281
В попытках отстоять земли	284
За право распоряжаться своими ресурсами	290
КАНАДА	296
Начало политической борьбы	296
Общенациональные организации	299
Региональные организации	303
Платформы и лидеры	305
ЛИТЕРАТУРА	310

Научная

Владислав Геннадьевич Стельмах
Валерий Александрович Тишков
Сергей Викторович Чешко

ТРОПОЮ СЛЕЗ И НАДЕЖД

Книга
о современных индейцах
США и КАНАДЫ

Редактор **Е. А. Варшавская**

Редактор карт **Л. Я. Строкина**

Младший редактор **Е. И. Потапова**

Оформление художника **А. А. Кузнецова**

Художественный редактор **Е. М. Омеляновская**

Технический редактор **Ж. М. Голубева**

Корректор **И. В. Шаховцева**

ИБ № 3571

Сдано в набор 12.01.89. Подписано в печать 10.10.89. А10190. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журн. имп. Печать высокая. Гарнитура «Литературная». Усл. печатных листов 18,48 (с вкл.). Усл. кр.-отт. 24,36. Учетно-издательских листов 19,12 (с вкл.). Тираж 60 000 экз. Заказ № 9. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15
Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР. 197136. Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

**Магазин № 1 «Дом книги», г. Ленинград,
предлагает следующие книги
издательства «Мысль»:**

Алексеев В. П. Географические очаги формирования человеческих рас. М.: Мысль, 1985. 1 р. 90 к.

Антонов А. И., Медков В. М. Второй ребенок. М.: Мысль, 1987. (Народонаселение). 75 к.

Волков А. М. Страны Северной Европы: Экономико-статистический справочник. М.: Мысль, 1986. 1 р.

Гольман Л. И. Энгельс — историк. М.: Мысль, 1984. 1 р. 90 к.

Городская и сельская семья. М.: Мысль, 1987. (Народонаселение). 75 к.

Глобальная энергетическая проблема. М.: Мысль, 1985. 1 р. 60 к.

Дзарасов С. С. Каждому — об управлении. М.: Мысль, 1986. 30 к.

Зотиков И. А. За разгадкой тайн Ледяного континента. М.: Мысль, 1984. 1 р. 40 к.

К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви. Изд. 2-е, доп. М.: Мысль, 1986. 2 р. 60 к.

Д. И. Писарев об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1984. 1 р. 80 к.

Радищев и декабристы. Из атеистического наследия первых русских революционеров / Сост. Л. В. Поляков. М.: Мысль, 1986. 1 р. 20 к.

Салуцкий А. С. На апрельских ветрах. М.: Мысль, 1986. 85 к.

Заказы просим направлять по адресу: 191186, г. Ленинград, Невский пр., 28. Магазин № 1 «Дом книги» (01). Отдел «Книга — почтой».

Уважаемые читатели!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, публицистике, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

